

1910.

Годъ 18.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

—*—

АСТА

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1910.

1910.

Годъ 18.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 6.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1910.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 15 мая 1910 г.

Ректоръ В. Алексѣевъ.

№ 1337.

СОДЕРЖАНИЕ.

Официальный отдѣлъ.

Стр.

- А. Миклашевскій. Отзывъ о сочиненіи: П. И. Лященко. Очерки аграрной эволюціи Россіи. Т. I. Разложеніе натурального строя и условія образованія сельско-хозяйственного рынка. Спб. 1908 г. 1— 48

Научный отдѣлъ.

- И. В. Георгіевскій. Къ морфологіи и топографіи поверхностной ладонной дуги 1— 48

Приложенія.

- П. А. Поляковъ. Основы гистологіи съ элементами эмбриологіи человѣка и позвоночныхъ 1521—1552
- А. С. Невзоровъ. Краткое изложеніе курса Мѣстнаго права Прибалтійскихъ губерній. Часть I 161—240
- J. Frey. Aus der Geschichte der Universitäts-Kirche zu Dorpat. 1860—1910. 1— 63
-

Отзывъ о сочиненіи: П. И. Лященко. Очерки аграрной эволюціи Россіи. Т. I. Разложеніе натуральнаго строя и условія образованія сельско-хозяйственнаго рынка. Спб. 1908 г.

Книга г. Лященко посвящена чрезвычайно важному и до сихъ поръ мало обследованному вопросу исторіи развитія сельскаго-хозяйства въ Россіи. Нельзя не поставить въ заслугу автора, что онъ принялся за изученіе этого вопроса. Труды проф. И. Н. Миклашевскаго, Н. Рожкова, В. И. Семевскаго, Игнатовича, статьи П. Б. Струве и цѣлаго ряда другихъ писателей показали, какое громадное количество матеріала еще не использовано экономистами, какъ плохо до сихъ поръ мы знакомы даже съ литературной исторіей экономіи въ Россіи, какъ много сторонъ нашего хозяйственнаго быта ждетъ со стороны опытныхъ экономистовъ разработки и освѣщенія. Въ частности, экономическая исторія крѣпостнаго хозяйства съ конца 18-го вѣка и до момента его паденія еще почти совсѣмъ не выяснена. Автору надлежало идти по пути уже отчасти проложенному вышеуказанными писателями, воспользовавшись въ тоже время трудами Шторха, Семенова, Небольсина, Заблоцкаго-Десятовскаго и друг., которые положили начало разработки статистическаго изученія народнаго хозяйства нашей страны съ начала 19-го вѣка. Само собою разумѣется, что авторъ долженъ былъ внимательно отнестись и къ трудамъ

историковъ Россіи вообще, а также и къ тѣмъ писателямъ, которые занимались не только исторіей сельскаго хозяйства, но и исторіей обрабатывающей промышленности. При внимательномъ изученіи хотя бы отмѣченныхъ писателей, авторъ научился бы осторожной постановкѣ проблемъ и ясно созналъ бы, что всякое тщательное изученіе должно быть связано по возможности съ ограниченнымъ пространствомъ и временемъ, поскольку это соотвѣтствуетъ единичнымъ силамъ изслѣдователя.

Къ сожалѣнію авторъ пошелъ другой дорогою и, какъ это будетъ показано ниже, отсюда и вытекли самые существенные недостатки его труда. Хотя авторъ и называетъ свой трудъ лишь „Очерками аграрной эволюціи“, но онъ поставилъ своей задачей обзорѣть всю исторію развитія сельскаго хозяйства Россіи съ древнѣйшихъ временъ и до нашего времени т. е. такую задачу, которая даже при значительномъ количествѣ подготовительныхъ работъ, — чего въ дѣйствительности нѣтъ, — была бы совершенно не по силамъ опытному экономисту. Для начинающаго свою научную дѣятельность писателя такая сложная работа едва ли могла увѣнчаться успѣхомъ.

Въ торопливой погонѣ за начертаніемъ эволюціи г. Лященко пришлось прибѣгнуть къ приему, который придалъ его работѣ не столько характеръ изслѣдованія, сколько довольно искусственного подбора фактовъ для заранѣ принятой точки зрѣнія безъ достаточнаго углубленія въ изученіе тѣхъ многочисленныхъ писателей, къ помощи которыхъ авторъ прибѣгаетъ.

Уже внѣшнее обозрѣніе книги показываетъ, что авторъ не стремится тщательно разобрать изслѣдуемые имъ вопросы.

Книга г. Лященко состоитъ изъ чрезмѣрно длиннаго и растянутаго введенія (107 страницъ), въ которомъ авторъ заранѣ устанавливаетъ свой взглядъ на исторію аграрной эволюціи Россіи и увѣряетъ читателя, что она была вполне аналогична съ исторіей Западной Европы.

Двѣ первыя главы посвящены первоначальной дифференціаціи сельскаго населенія, сельскому хозяйству съ древнѣйшихъ временъ и до Петра I. (стр. 111—149 т. е. 38 стр.).

3-я глава посвящена торговому капиталу и торговой политикѣ въ 18-мъ вѣкѣ (150—172 т. е. 22 стр.).

4-я, 5-я и 6-я главы посвящены исторіи крѣпостнаго хозяйства съ начала 19-го вѣка (173—235 т. е. 62 стр.).

7-я и 8-я главы сельско-хозяйственному рынку, желѣзно-дорожному строительству и тарифной политикѣ послѣ освобожденія крестьянъ (236—274 т. е. 41 стр.).

9-я и самая обширная глава даетъ опытъ изученія сельско-хозяйственнаго рынка въ новѣйшее время (278—387 т. е. 109 стр.) и, наконецъ, 10-я и послѣдняя даетъ характеристику отношенія крестьянскаго хозяйства къ рынку; въ ней авторъ приходитъ къ выводу, распространяемому на всю Россію, будто крестьянское хозяйство есть просто особый видъ производства на скупщика.

Введеніе занимаетъ не безъ причинъ столь чрезмѣрное мѣсто въ книгѣ г. Ляшенко. Оно по существу не представляетъ собою простаго указанія на постановку вопроса и способы его разрѣшенія, а стремится совершенно догматически установить положенія, которыя авторъ во что бы то ни стало стремится провести въ своей книгѣ. Отъ Карла Маркса авторъ заимствуетъ положеніе, что производительному капиталу въ общей экономической эволюціи къ капиталистическому хозяйству предшествуетъ процессъ образованія торговаго капитала. Отъ Вернера Зомбарта онъ беретъ совершенно еще недоказанное утвержденіе, будто „первоначальное накопленіе“ капитала создано чрезъ накопленіе земельныхъ рентъ.

Послѣднее положеніе кажется ему столь незыблемымъ и общимъ для всѣхъ періодовъ исторіи, что онъ распространяетъ его на самыя отдаленныя эпохи, совершенно забывая, что и самъ Зомбартъ относитъ свою теорію происхожденія торговаго и производительнаго капитала изъ накопленныхъ рентъ только къ 12 и 13 вѣку т. е. къ моменту возникновенія и роста городовъ¹⁾. Забываетъ онъ также и о томъ,

1) См. W. Sombart. Der Moderne Kapitalismus, т. I, изд. 1902 г., стр. 282—299.

что Карль Маркс¹⁾, говоря о такъ называемомъ первоначальномъ накопленіи, имѣлъ въ виду процессъ отнятія земли у сельскаго населенія и образованіе пролетаріата въ послѣднюю треть 15-го вѣка и въ первыя десятилѣтія 16-го вѣка, при чемъ, какъ извѣстно, онъ придавалъ этому процессу необычайно бурный, скорый и насильственный характеръ, что далеко но подтверждается новѣйшими изслѣдованіи даже для одной той страны, которую онъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду (Англія).

Зомбартъ и самъ сознаетъ всю шаткость своей гипотезы; онъ говоритъ, что „желаетъ лишь проложить путь, вступивъ на который профессиональные знатоки источниковъ могутъ достигнуть болѣе глубокаго поминанія историческаго процесса“ (ib. 299 стр.)²⁾.

1) Капиталь, т. I, глава 24. Въ русской литературѣ имѣется любопытная попытка разобраться въ точкѣ зрѣнія Маркса въ книгѣ г. Граната: Къ вопросу объ обезземеленіи крестьянства въ Англіи (М. 1908 г.). Авторъ этого труда думаетъ, что процессъ обезземеленія началъ совершаться гораздо ранѣе, чѣмъ предполагалъ Марксъ, шель болѣе медленнымъ, экономическимъ путемъ и далеко не столь насильственнымъ; по мнѣнію автора уже въ концѣ XI вѣка было чуть ли около трети (даже около 45%) малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ, которые могли жить, лишь рассчитывая на сторонніе заработки. Особенность англійскаго общиннаго, наслѣдственнаго права, требовавшего перехода нераздѣльнаго участка лишь къ младшему сыну, недостатокъ скота для обработки земли и необходимость передачи и его остающемуся на землѣ, уже съ этого времени стали создавать пролетаріатъ, искавшій земли со скотомъ у вотчинника, готовый во всякій моментъ порвать свою слабую связь съ землей и переселиться въ городъ.

2) Критикуя теорію Зомбарта одинъ изслѣдователь и не плохой знатокъ матеріала Dr. J. Strieder. Zur Genesis des modernen Kapitalismus. Forschungen zur Entstehung der grossen bürgerlichen Kapitalvermögen am Ausgange des Mittelalters und zu Beginn der Neuzeit, zunächst in Augsburg, L. 1904 г. пишетъ въ заключеніе (стр. 229): „по взгляду Зомбарта современный капитализмъ возникъ съ того момента, когда торговль удалась вовлечь въ свою среду богатыхъ городскихъ земельныхъ собственниковъ и воспользоваться ихъ громадными капиталами, произшедшими изъ накопленія *городскихъ* земельныхъ рентъ“. „По моему взгляду, продолжаетъ авторъ, современный капитализмъ возникъ въ долгій, долгій періодъ времени, изъ соединенія стараго ремесла съ старой торговлей (если хотите ремесленной торговлей)“. г. Лященко можетъ сказать, что точка

Мѣткое и полезное обобщеніе Маркса, что развитіе торгового капитала предшествуетъ капитализаціи производства, также, конечно, связывается съ опредѣленнымъ и болѣе позднимъ временемъ.

Если бы авторъ поставилъ своей задачей прослѣдить хотя бы вліяніе возникшаго торгового капитала Московской Руси, начиная съ царя Алексѣя, на весь строй хозяйства, то выполненіе даже такой задачи составило бы очень крупную заслугу автора и, пожалуй, едва ли было ему по силамъ. Ослѣпленный неправильно понятой точкой зрѣнія Зомбарта авторъ вообразилъ, что можетъ подвести на 38 страницахъ всю древнѣйшую русскую исторію до 18-го вѣка къ одному знаменателю. Онъ потерялъ изъ виду всякую перспективу во времени, упустилъ изъ виду все многообразіе условій въ предѣлахъ пространства и, что особенно печально, какъ экономистъ забылъ, что современными экономическими терминами въ приложеніи къ предшествовавшему времени надлежитъ пользоваться съ большою осторожностью. Временами напр. на стр. 112 авторъ и самъ сознаетъ всю шаткость подобранаго имъ матеріала и всю неясность своихъ теоретическихъ конструкцій, но въ общемъ это не мѣшаетъ ему думать, что истина имъ открыта, что такъ называемое „первоначальное накопленіе“ возникло, слѣдовательно и въ Руси путемъ совершенно аналогичнымъ, какъ и въ Западной Европѣ т. е. путемъ накопленія рентъ (стр. 127) и „что экспроприація населенія совершилась въ до историческія времена (стр. 120)“.

Уже во введеніи авторъ колеблется между двумя противорѣчивыми стремленіями; съ одной стороны онъ хочетъ прослѣдить просто вліяніе денежно-торгового капитала на народное хозяйство, съ другой стороны, дать исторію возникновенія этого капитала изъ накопленныхъ рентъ. Для послѣдней точки зрѣнія онъ не только не собралъ никакого матеріала, а ско-

зрѣнія этого автора его не убѣждаетъ, но тогда онъ долженъ былъ на почвѣ Россіи собрать матеріаль для подтвержденія своей точки зрѣнія, а онъ этого не сдѣлалъ.

рѣе даже перепуталъ наличные факты. Для первой же точки зрѣнія онъ кое что сдѣлалъ и въ этомъ, какъ мнѣ представляется, можно признать за нимъ нѣкоторую заслугу. Для изученія народнаго хозяйства Россіи съ этой болѣе ограниченной точки зрѣнія не было автору нисколько надобности проникать въ плохо ему извѣстную экономическую исторію древней Россіи, а надо было заняться тщательнымъ изученіемъ торговаго обмѣна съ начала 19-го вѣка. Само введеніе уже показываетъ, что ненужный балластъ хаотически собранныхъ данныхъ первыхъ двухъ главъ остался и для самаго автора безплоднымъ покушеніемъ на исторію.

На стр. 90-й своего труда, позабывъ о своемъ утвержденіи, что сельское населеніе древней Руси было уже экспроприровано въ доисторическое время, авторъ даетъ нижеслѣдующую схему развитія современныхъ формъ земледѣльческихъ хозяйствъ изъ стараго натуральнаго строя. Въ началѣ онъ ставитъ первобытное родовое и семейное хозяйство; затѣмъ эти формы хозяйства, по его мнѣнію, раздѣляются на формы крупнаго и мелкаго хозяйства, причемъ каждое изъ нихъ имѣетъ свою исторію. Крупное помѣстное хозяйство, натуральное, съ крѣпостнымъ трудомъ послѣдовательно превращается въ крупное хозяйство съ отработочной и исполной арендой свободнаго труда, въ хозяйство съ капиталистической арендой и, наконецъ, въ капиталистическое хозяйство въ собственномъ смыслѣ съ наемнымъ трудомъ. Мелкое деревенское хозяйство, въ свою очередь, послѣдовательно превращается въ хозяйство ремесленнаго типа, въ хозяйство на скупщика и въ мелкое капиталистическое хозяйство.

Эта классификація не даетъ ничего новаго; она оригинальна развѣ только тѣмъ, что переноситъ обыкновенно намѣчаемыя стадіи развитія отъ ремесла къ фабрикѣ въ обрабатывающей промышленности и на исторію развитія мелкаго крестьянскаго хозяйства. Схема эта, однако, совершенно противорѣчитъ самой исходной точкѣ зрѣнія автора, будто денежно-торговый капиталъ, которымъ обусловлены эти стадіи развитія, образо-

ывається изъ накопленнихъ рентъ только для того, чтобы эксплуатировать того же землевладѣльца, который далъ основу для его возникновенія. Рѣзкое подраздѣленіе схемы на двѣ части: на исторію крупнаго и мелкаго хозяйства не даетъ еще автору права распространять единую схему обрабатывающей промышленности на исторію сельскаго хозяйства. Остается совершенно невыясненнымъ, переживало ли крупное и мелкое сельское хозяйство тоже стадію ремесленнаго производства, когда и какъ оно превратилось въ хозяйство на скупщика и въ чемъ отличіе этого процесса для крупнаго и мелкаго хозяйства. Какъ увидимъ еще ниже, самъ авторъ примѣнительно къ крестьянскому хозяйству и самъ отрицаетъ существованіе первыхъ двухъ стадій развитія. Но особенно характерно, что въ самомъ текстѣ введенія, чтобы спасти свою точку зрѣнія о происхожденіи капитала изъ накоплен- ныхъ рентъ, авторъ устанавливаетъ еще особую стадію развитія, которая совершенно не попадаетъ въ схему. На стр. 51 онъ утверждаетъ, что „всюду сопровождавшіе реформу (т. е. освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости) выкупные платежи, уплачиваемые помѣщикамъ, должны были имъ принести громадную выгоду“. На стр. 52 онъ пишетъ, что съ освобожденіемъ крестьянъ, „для организаціи земледѣлія на капиталистическихъ началахъ требовались большія денежныя средства. Отчасти они, какъ сказано, были получены помѣщичьимъ классомъ въ большинствѣ европейскихъ странъ(?) при освобожденіи крестьянъ. Но эти суммы были вообще невелики (?) и скоро исчерпаны, а для развитія производительности и интенсификаціи земледѣлія при капиталистическомъ производствѣ требовался большой капиталъ“. Землевладѣльцамъ пришлось прибѣгнуть къ кредиту. На стр. 53 авторъ полагаетъ, будто Родбертусомъ доказано, что ипотечная задолженность не связана съ употребленіемъ полученнаго капитала на производительныя цѣли и ипотечный кредитъ не производительный кредитъ. Чаще всего онъ связанъ съ наследственными раздѣлами и идетъ на совершенно постороннія и

непроизводительныя цѣли. На стр. 61 къ еще большому своему удивленію читатель узнаетъ, что, „въ процессѣ мобилизаціи земли, въ ея гипотечной задолженности происходитъ лишь продажа ренты, а такъ какъ рента всегда возрастаетъ (?) и, превращенная въ капиталъ, вновь возрождается, то мобилизація земли и ея задолженность въ то же время для современнаго землевладѣльческаго класса являются средствами накопленія капитала. Какъ первоначальное накопленіе, продолжаетъ авторъ, создано путемъ накопленія ренты, такъ и теперь сходный процессъ совершается въ современномъ землевладѣніи.“

Достаточно прочесть эти выписки, чтобы убѣдиться, что теорія накопленія капитала составляетъ для автора какую то фантазморію. Положенія Родбертуса искажены до неузнаваемости; становится совершенно неизвѣстнымъ, относится ли утвержденіе автора только къ крупному или также къ мелкому хозяйству. Родбертусъ никогда не отрицалъ значенія ипотечнаго кредита; онъ старался отмѣтить только его современную неправильную организацію и притомъ разоряющую современнаго землевладѣльца, а отнюдь не дающую ему возможность чрезъ продажу ренты накоплять капиталъ. Ипотечный кредитъ, совершаемый ради раздѣловъ, по его мнѣнію, разоряетъ сельское хозяйство и особенно мелкое, превращаетъ землю въ капиталъ, отдаетъ землевладѣльца въ руки ростовщиковъ, уничтожаетъ всякую возможность полученія ренты, а авторъ превращаетъ его глубокую скорбь въ какое то радостное явленіе накопленія капитала изъ всегда возрастающей ренты, что Родбертусъ также отрицалъ. Авторъ не задумывается надъ вопросомъ, почему накопленіе капитала изъ ренты привело землевладѣльцевъ къ тому обстоятельству, что къ моменту освобожденія крестьянъ у нихъ не оказалось уже никакого капитала; онъ куда то исчезъ и имъ ради раздѣловъ, будто бы пришлось вновь накоплять капиталъ продажей земли. Не повѣрятъ автору и землевладѣльцы, которымъ послѣ освобожденія крестьянъ пришлось продавать землю,

будто они дѣлали это для новаго накопленія капитала. Не будучи въ состояніи приспособиться къ новымъ условіямъ производства и рынка, они продавали свою землю или ее продавали съ публичнаго торга не для накопленія капитала, а для спасенія послѣднихъ крохъ достоянія.

Авторъ совершенно забылъ, что его попытка прослѣдить аграрную эволюцію Россіи внѣ всякой связи со всѣми другими сторонами народнаго хозяйства, исходя изъ принятой имъ схемы, должна была вызвать естественное недоумѣніе читателя, для котораго процессъ накопленія рентъ представляется какимъ то бессмысленнымъ процессомъ самоуничтоженія самаго землевладѣльца. Написать даже „Очерки эволюціи сельскаго хозяйства“ совершенно невозможно, игнорируя совокупность всѣхъ условій экономической жизни и экономической политики въ разныя эпохи. Обособивъ эволюцію сельскаго хозяйства, своей схемой накопленія рентъ авторъ поставилъ себя самаго въ совершенно невозможное положеніе. Эта непродуманность введенія съ особою силою отразилась на двухъ первыхъ главахъ автора, разбирать которыя въ деталяхъ — это просто значило бы напрасно тратить время. Они не представляютъ собою какого либо изслѣдованія, а просто несистематичный, внѣ времени и пространства, механически скомпонованный наборъ непровѣренныхъ и непродуманныхъ цитатъ. Только съ третьей главы, когда авторъ забрасываетъ свою теорію происхожденія торговаго капитала изъ накопленныхъ рентъ и начинаетъ слѣдить за воздѣйствіемъ рынка на сельское хозяйство, его работа, несмотря на всѣ ея существенныя недочеты, начинаетъ приобрѣтать интересъ. Для подтвержденія вышеуказаннаго мнѣнія, въ связи съ общей характеристикой введенія, объ этихъ двухъ главахъ надлежитъ сказать нѣсколько словъ, чтобы показать и автору, какъ ему слѣдовало бы вести свою работу, если бы онъ пожелалъ не утверждать, а доказывать свои положенія.

Прежде всего слѣдовало бы ему поставить себѣ вопросъ, можно ли на 38 страницахъ первыхъ двухъ главъ нарисо-

вать картину аграрной аволюціи Россіи съ доисторическихъ времянь и до Петра Перваго. Конечно нѣтъ. Правда, авторъ утверждаетъ, что экономическая исторія Россіи даже чисто описательная, разработана настолько же бѣднѣ западно-европейской насколько менѣе разработана и ея общая исторія (стр. 112), но здѣсь приходится протестовать. За послѣднее время историками брошено уже не мало свѣта въ экономическую исторію Россіи; авторъ же просто игнорируетъ ихъ труды, а самъ надъ этой исторіей никогда не работалъ самостоятельно.

На стр. 120 г. Лященко пишетъ: „Всѣ ли крестьяне въ древней Руси были лишены земельной собственности, снимая ее у частныхъ владѣльцевъ, или лишь болѣе или менѣе значительная часть, это обстоятельство, сколько оно ни важно, не можетъ измѣнить понятія о первоначальномъ положеніи крестьянина, какъ простаго съемщика-арендатора, а не какъ собственника земли. Когда произошло это обезземеленіе кореннаго (?) земледѣльческаго населенія едва ли можно опредѣлить. Можно предполагать, что оно должно было идти вмѣстѣ съ разложениемъ первобытнаго родового быта, а такъ какъ этотъ родовой бытъ былъ утраченъ славянствомъ, повидимому, уже до занятія русской территоріи, то поэтому уже съ первыхъ страницъ русской исторіи мы встрѣчаемъ отмѣченное обезземеленіе населенія. Экспроприація его совершилась слѣдовательно въ до историческія времена (?)“ На слѣдующей страницѣ авторъ столь же смѣло утверждаетъ, что древне-русскій крестьянинъ соотвѣтствуетъ понятію „докапиталистическаго фермера“ (?), а не самостоятельнаго производителя. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ пестрѣютъ имена Бѣляева, Соколовскаго, Сергѣевича, Ключевскаго, Хлѣбникова и другихъ; читатель можетъ думать, что эти невозможныя утверженія хоть малою своею частью содержатся въ ихъ трудахъ. Ничего подобнаго никто изъ нихъ говорить не могъ и достаточно двухъ трехъ примѣровъ, чтобы опорочить всю теорію автора и показать, что если бы теорія накопленія капитала изъ рентъ и имѣла нѣкоторое значеніе, то для устанслвленія ея надобно было

еще много поработать надъ матеріаломъ въ разныя историческія эпохи.

Стоитъ открыть Курсъ русской исторіи проф. Ключевского и заглянуть хотя бы въ главы 10 и 15-ю перваго тома, чтобы поразиться, какъ могъ авторъ говорить о доисторической экспроприаціи крестьянъ и называть ихъ „докапиталистическими фермерами“, какъ могъ онъ изобразить князя и его дружину просто въ видѣ лицъ накапливающихъ ренты, какъ рѣшился онъ, какъ экономистъ, современное представленіе о рентѣ и фермерѣ относить къ этому отдаленному времени, однимъ почеркомъ пера отождествляя въ дальнѣйшемъ изложеніи Кіевскую и Московскую Русь, выбрасывая такъ легко за бортъ всѣ споры о задругѣ, родовомъ бытѣ, о тягостномъ, медленномъ и постепенно расширяющемся процессѣ закрѣпощенія населенія, о самыхъ формахъ пользованія землею въ разныя эпохи историческаго развитія. Трудно представить себѣ, какъ экономистъ могъ рѣшиться сказать, что вопросъ о томъ, всѣ ли крестьяне были обезземелены, не можетъ измѣнить нашего представленія о первоначальномъ положеніи крестьянина, какъ простаго „съемщика-арендатора“. Затрудняюсь понять также, какъ могъ авторъ одновременно утверждать, что экспроприація совершилась въ доисторическія времена и въ то-же время сообщать читателю, что „этотъ натуральный самоудовлетворяющійся строй, эта возможность смѣны занятій и придавали безсословный характеръ древнему обществу, не позволяя говорить собственно о промышленномъ или земледѣльческомъ населеніи, о крестьянствѣ или о другихъ его группахъ“ (стр. 114). Къ какому же времени относится такая характеристика?

Возьмемъ на удачу два примѣра: одинъ изъ Ключевского другой изъ Никитскаго, на которыхъ ссылается авторъ, и посмотримъ, имѣлъ ли право г. Лященко считать землевладѣльца единственнымъ создателемъ торговаго капитала изъ накопленныхъ рентъ и пользоваться употребляемыми имъ терминами по отношенію къ тогдашней дѣйствительности.

По мнѣнію Ключевскаго русское общество 11 и 12 вѣка дѣлилось на свободныхъ людей, служившихъ лично князю, на свободныхъ, не служившихъ князю и наконецъ на несвободныхъ, служившихъ частнымъ лицамъ. Среди свободного, неслужилаго населенія, простонародья онъ различаетъ два класса. Одинъ изъ нихъ смерды жили и работали на государственной землѣ, другой классъ составляли сельскіе рабочіе-наймиты, обрабатывавшіе полученные отъ хозяевъ участки хозяйскимъ инвентаремъ, бравшіе у землевладѣльца въ ссуду сѣмена, орудія и рабочій скотъ. Тотъ же Ключевскій полагаетъ, что почти весь десятый вѣкъ ушелъ на покореніе славянскихъ и иныхъ племенъ изъ Кіева, покореніе, сопровождавшееся обращеніемъ массы побѣжденныхъ въ „рабство“. Онъ рискуетъ даже утверждать, что первоначальнымъ основаніемъ для сословнаго дѣленія русскаго общества того времени по видимому послужило рабовладѣніе. По его же мнѣнію слѣды служилаго землевладѣнія появляются въ памятникахъ не ранѣе 11 вѣка и оно только впоследствии провело грань между дружиной и городскимъ купечествомъ, которое первоначально владѣло землею, торговало всѣмъ, а въ частности весьма успѣшно и рабами. Самъ князь этого времени зимою правилъ, ходилъ по людямъ, побирался, а лѣтомъ торговалъ тѣмъ, что собралъ въ теченіи зимы. Эта собранная натурой дань состояла изъ произведеній лѣсныхъ промысловъ, мѣха, воска, меда. Къ этимъ товарамъ присоединялась челядь, добыча завоевательной дружины. Всѣ данныя говорятъ за то, что ростъ, процентъ на ссудный капиталъ былъ въ это время очень высокъ¹⁾.

На стр. 130—131 г. Лященко пишетъ: „известно, что даже настоящіе купцы-профессіоналисты, крупные капиталомъ, окруженные почетомъ гости, встрѣчающіеся съ первыхъ страницъ русской исторіи, какъ особый и организованный классъ,

1) См. Ключевскій Курсъ русской исторіи, часть I, изд. 1904 г., стр. 180, 181, 299 и др.

не только не были представителями исключительно капитала, лишенными земельной собственности, но наоборотъ какъ и всѣ другіе члены городской и сельской общины . . . являлись землевладельцами. Такимъ образомъ, функціи даже профессиональнаго торговца были далеко не строго отдѣлены отъ землевладельца или вѣрнѣе этотъ послѣдній былъ почти всегда и торговцемъ. Тѣмъ болѣе, конечно, это необходимо сказать про тѣхъ представителей торговли и торговаго капитала, которые занимали совершенно иное общественное положеніе бояръ, намѣстниковъ, митрополитовъ, самаго царя. Всѣ они съ давнихъ поръ вели самую разнообразную и наиболѣе крупную торговлю, но они являлись въ тоже время наиболѣе типичными представителями класса крупныхъ землевладельцевъ.“ Въ подстрочномъ примѣчаніи сдѣлана ссылка на сочиненіе Никитскаго: *Исторія Великаго Новгорода*.

Посмотримъ же, что мы находимъ у Никитскаго. На стр. 94, изд. 1893 г. указаннаго труда Никитскій пишетъ: въ Великомъ Новгородѣ не было собственно говоря никакихъ ограниченій права торговли. Торговать могъ каждый, начиная отъ князя и кончая послѣднимъ простолюдиномъ. Изъ договоровъ съ князьями, какъ съ восточными, такъ и западными-литовскими, ясно видно, что какъ тѣ, такъ и другіе вели въ Новгородѣ на свой страхъ торговлю; только въ сношеніяхъ съ иноземцами они должны были прибѣгать къ посредству Новгородцевъ. Точно также и духовенство, какъ черное, такъ и бѣлое, никогда не брезгало увеличивать свои средства путемъ торговли. Что же касается до класса бояръ, то источники не представляютъ *прямыхъ указаній* на совершеніе ими торговыхъ операцій. Однако, кажется, должно допустить, что они пользовались своими излишками и пускали ихъ въ оборотъ для приобрѣтенія себѣ предметовъ роскоши Западной Европы. Какъ бы то ни было, въ великомъ Новгородѣ существовалъ и *особенный* классъ купцовъ, ставившій торговлю главнымъ, если не исключительнымъ занятіемъ. На стр. 41, говоря о сосредоточеніи земли въ рукахъ класса

бояръ, Никитскій замѣчаетъ, что же касается до земледѣльцевъ собственно, то всѣ данныя говорятъ въ пользу того заключенія, что они совсѣмъ не знали никакой земельной собственности. Смерды образовали классъ, прямо противоположный земцамъ, а такъ какъ отличительною чертою земцевъ служило обладаніе отчиною, то ясно, что подъ смердами въ древности понимались люди, не имѣвшіе собственной земли и принужденные жить на чужой; но смерды не становились чрезъ это въ *подданигескія* отношенія къ своимъ патронамъ¹⁾.

Достаточно и этихъ изъ выписокъ изъ Ключевского и Никитскаго, чтобы показать, какъ опасны, дѣлаемая авторомъ обобщенія и какіе вопросы онъ долженъ былъ себѣ поставить для предварительнаго разрѣшенія, дабы пріобрѣсти право думать о справедливости своей теоріи. Въ сущности, съ самаго начала нашей исторіи мы замѣчаемъ какое то разчлененіе общества, которое съ ходомъ жизни все болѣе и болѣе рѣзко опредѣляется. Кіевскій князь править, собираетъ дань натурой, торгуетъ и мечемъ добываетъ себѣ своихъ рабовъ. Но развѣ дань можетъ быть экономически отождествлена съ понятіемъ ренты? Конечно нѣтъ; это особый видъ обложенія. Князь добываетъ рабовъ и торгуетъ ими, а впослѣдствіи и сажаетъ за работу. При продажѣ рабовъ, развѣ онъ реализируетъ свою ренту, а заставляя раба работать, получаетъ ли онъ только ренту? Князь пріобрѣтаетъ торговлей съ иноземцами большія выгоды, развѣ это тоже реализація ренты? Торгуютъ и землевладѣльцы-торговцы. Ростъ на капиталъ очень высокъ. Какъ устанавливается взаимоотношеніе между

1) Курсивъ сдѣланъ мною. А. М.

2) Ключевскій, I. с. стр. 299 обращаетъ вниманіе, что уже Русская Правда довольно отчетливо отличаетъ нѣсколько видовъ кредитнаго оборота. Гости, иногородные или иноземные купцы, „запускали товаръ“ за купцовъ туземныхъ, продавали имъ въ долгъ. Купецъ давалъ своему гостю, купцу земляку, торговавшему съ другими городами или землями, „куны въ куплю“, на комиссію, для закупки ему товара на сторонѣ; капиталистъ ввѣрялъ купцу „куны въ гостыю“, для оборота изъ барыша. Существованіе этого „обособленнаго“ класса торговцевъ должно было бы

классомъ мужей князя и торговцами? По словамъ Никитскаго напр. бояре непосредственно не много занимаются торговлей, но не могутъ ли они, какъ и полагаетъ въ своей гипотезѣ Зомбартъ, пускать свои избытки въ дѣло чрезъ посредство торговаго класса, давая ему за высокій ростъ ссуды²). Голая схема, утверждающая, что рента идетъ на образованіе торговаго капитала ничего не стоитъ, если не дано тѣхъ промежуточныхъ звеньевъ, при посредствѣ которыхъ продуктъ, находящійся въ рукахъ того или другого класса, отчуждается на рынкѣ для пріобрѣтенія дохода. Авторъ долженъ былъ знать хотя бы изъ Родбертуса, что процессъ обособленія ренты и прибыли, какъ особыхъ источниковъ дохода, — это длительный историческій процессъ. Если же теории накопленія ренты придать значеніе ученія, какъ это и сдѣлано авторомъ, гласящаго, что при земледѣльческомъ бытѣ основнымъ источникомъ *экономическаго избытка* является земля, то такая теорія не даетъ ровно ничего; тѣмъ болѣе, что собственно говоря никогда не было такого періода исторіи, когда на ряду съ добывающей промышленностью не были бы развиты и обрабатывающая промышленность, и торговля, когда эти послѣдніе не имѣли бы значенія въ дѣлѣ образованія экономическаго избытка. Г. Лященко совершенно не задумался надъ этими вопросами. Его же учитель К. Марксъ ясно сознавалъ, что иноземный оборотъ торговли въ первыя періоды исторіи доставлялъ немалые доходы и реализація земледѣльческаго продукта вовсе не была простою эксплуатаціею мѣстнаго населенія для накопленія изъ ренты капитала. Чтобы рѣшить вопросъ о томъ, какъ созданъ торговый капиталъ, автору надлежало бы сначала внимательно прослѣдить, какъ вообще созданъ тотъ капиталъ землевладѣльца, который далъ

привлечь, казалось бы, особое вниманіе автора. Даже новѣйшая исторія купечества еще ждетъ своихъ изслѣдователей. По почину Н. А. Найденова было приступлено къ напечатанію архивныхъ документовъ, касающихся московскаго купечества, изъ которыхъ мнѣ, къ сожалѣнію, извѣстны только: „Матеріалы для исторіи московскаго купечества т. I и II, дающія переписныя книги 1, 2 и 3-й ревизіи (М. 1883; 1885 г.).

ему возможность первоначально имѣть раба, а потомъ и свободного человѣка поставить въ зависимое отъ себя положеніе, какую роль здѣсь играли чисто экономическія и политико-соціальныя причины, то „насиліе“, о которомъ такъ много говорилъ Марксъ даже для болѣе близкаго къ намъ періода.

Экономическое понятіе земельной ренты установлено при точно опредѣленныхъ условіяхъ образованія цѣнъ въ хозяйствѣ съ свободно борющимися классовыми интересами. Въ каждую историческую эпоху надо придать этому понятію своеобразное истолкованіе, а не оперировать имъ въ духъ Рикардо и въ тоже время отождествлять его вообще съ экономическимъ избыткомъ, не зная сколько нибудь ясно объ условіяхъ его образованія въ древнѣйшія эпохи. Точно также наличность разнообразныхъ классовъ землевладѣльцевъ, наличность рабовъ, смердовъ и другихъ имѣющихъ мало земли, и совѣмъ не имѣющихъ ея, не можетъ дать намъ основаніе утверждать, что какая то „экспропріація“ совершилась надъ какимъ то извѣстнымъ только автору „кореннымъ“ (?) населеніемъ уже въ до историческое время, когда не существовало даже, быть можетъ, представленія о земельной собственности. Самый терминъ экспропріація, которымъ авторъ такъ неосторожно пользуется, что даже на стр. 135 рѣшается говорить: „юридическимъ основаніемъ, права полученія и присвоенія ренты была экспропріація сельскаго населенія“ (?) имѣетъ строго опредѣленный юридическій смыслъ; употребляя же его, какъ это дѣлается въ социалистической литературѣ, примѣнительно къ длительному экономическому процессу, подъ вліяніемъ котораго чрезъ продолжительный періодъ времени сложились извѣстныя правовыя учрежденія, авторъ совершенно забылъ, что онъ считаетъ себя ученикомъ Маркса.

Г. Лященко вообще въ этихъ двухъ главахъ безъ труда дѣлаетъ обобщенія. Они выливаются иногда у него въ такую форму. Говоря о Московской Руси 16 и 17 вѣка, послѣ бѣглаго обзора данныхъ онъ пишетъ: „особой изолированности и замкнутости внутреннихъ рынковъ и тѣмъ болѣе полного

натуральнаго хозяйства и тогда внутри Россіи не существовало. Торговый обмѣнъ былъ вполне — конечно, сообразно условіямъ эпохи — организованъ, находился большей частью въ *опредѣленныхъ* (?) рукахъ и хотя обстановка и условія его были малоподвижны и затруднительны, однако торговый механизмъ дѣйствовалъ все же довольно *правильно*“ (141); въ этомъ вопросѣ онъ самъ себѣ противорѣчитъ (см. стр. 138 и 144 стр. 141 и 143) и на стр. 143 пишетъ: „такимъ образомъ, хотя и можно сказать, что въ глубинѣ страны народное хозяйство характеризовалось, какъ „натуральное“, это должно быть понимаемо лишь въ абстракціи (??) и притомъ съ теченіемъ времени все съ большимъ ограниченіемъ“. Своеобразная поправка къ схемамъ Гильдебранда, Бюхера и Родбертуса! Самъ авторъ показываетъ далѣе, какъ увидимъ ниже, какъ неправильно организованъ былъ обмѣнъ въ началѣ 19-го вѣка и какъ много нарушеній онъ испытываетъ и наши дни. Да и что онъ понимаетъ подъ словомъ дѣйствовалъ правильно? Конечно, торговый бытъ соответствовалъ условіямъ времени и былъ таковъ, какимъ могъ быть. Но тогда въ жизни все правильно и можно такъ говорить, совершенно игнорируя всѣ тѣ кризисы, которыя переживала Московская Русь, всѣ тѣ разнообразныя условія, которыя однимъ несли бѣды, другимъ обогащеніе. Такія обобщенія также безплодны, какъ и гипотеза о накопленіи рентъ, если они не основаны на точномъ анализѣ фактовъ дѣйствительной жизни, въ ея многообразіи.

Въ заключеніе этой затянувшейся первой части отзыва добавлю только еще нѣсколько словъ. Я провѣрилъ много цитатъ автора и въ нихъ сказывается стремленіе автора не доказать, а только процитировать, и притомъ не точно. Уже съ первой цитаты на стр. 113 обнаруживается эта небрежность. Авторъ цитируетъ Струве и дѣлаетъ это потому не разъ и относитъ его статью къ 1901 г. между тѣмъ она напечатана въ трехъ книжкахъ Мира Божьяго 10, 11 и 12 за 1899 г. На стр. 124 онъ цитируетъ Акты Историко-Юрид.,

такихъ нѣтъ¹⁾, на стр. 129 онъ ссылается на III томъ труда Шторха, между тѣмъ Шторхъ трактуетъ объ этомъ предметѣ въ томъ четвертомъ, но говорить совершенно иное; на стр. 139 онъ ссылается на номеръ 286 Полнаго Собранія Законовъ и утверждаетъ, что на совѣщаніи московскихъ бояръ было принято опредѣленное рѣшеніе, между тѣмъ какъ этотъ номеръ говоритъ лишь о томъ, что боярамъ было предписано истребовать мнѣніе торговыхъ людей, каковое они и высказали; на стр. 142 онъ цитируетъ книгу Рожкова Сельское хозяйство и т. д. и отмѣчаетъ стр. 170 и слѣд., между тѣмъ это конецъ главы; интересующая его глава начинается съ 171 стр. страницы и читатель въ ней и на слѣдующихъ не можетъ найти подтвержденія того, что говоритъ авторъ. Вообще и въ другихъ мѣстахъ книги авторъ любитъ цитировать лишь начало главъ писателей, которыми онъ пользуется, добавляя и слѣд. страницы. Нерѣдко на нихъ не приходится находить подтвержденія словамъ автора.

II.

Только съ третьей главы читатель вступаетъ въ ту часть изслѣдованія, которая, несмотря на всѣ ея недочеты и неполноту, представляетъ интересъ, какъ попытка взглянуть въ прошлое русской экономической дѣйствительности. Можно сказать, что, если бы авторъ не увлекся желаніемъ прослѣдить аграрную эволюцію Россіи съ древнѣйшихъ временъ, изъ главъ 3-й и по 8-ю могла бы выйдти очень интересная и

1) Подъ редакціей Калачева издавался Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній и Акты относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Если принять, что это томъ III актовъ, то вся ссылка невѣрна. Такихъ случаевъ цитатъ не мало; иногда даже трудно разобрать, откуда авторъ ихъ заимствовалъ, одно можно утвердительно сказать не изъ первоисточника. Приходится въ такихъ случаяхъ только удивляться небрежности автора.

полезная работа. Авторъ долженъ былъ бы для этого не только съ исчерпывающей полнотой использовать наличный книжный и литературный матеріалъ, но и собрать новыя данныя, которыхъ еще такъ много лежитъ въ необработанномъ видѣ. Авторъ используетъ однако только наличный матеріалъ разныхъ книгъ и статей, что при широтѣ его задачи, пожалуй, и не слѣдовало бы ставить ему въ вину, если бы онъ отнесся къ этому матеріалу съ большей тщательностью и критикой.

Глава 3. касается переходной и весьма любопытной эпохи нашего экономического развитія. Эта третья глава, озаглавленная: возникновеніе производительнаго капитала и торгово-промышленная политика въ 18-мъ вѣкѣ, фактически касается лишь второй половины этого вѣка. Какъ въ этой, такъ и въ слѣдующихъ главахъ г. Лященко, къ счастью, совершенно забываетъ о своей теоріи накопленія рентъ и слѣдитъ, главнымъ образомъ, за цѣнами, рынкомъ и отчасти за системами хозяйства.

Многіе изслѣдователи и до г. Лященко обратили вниманіе на то обстоятельство, что этотъ періодъ экономической жизни Россіи характеризуется начинающимся развитіемъ городской жизни, обрабатывающей промышленности, со второй трети 18-го вѣка необычайнымъ подъемомъ хлѣбныхъ цѣнъ. Это видоизмѣненіе условій хлѣбнаго рынка, казалось бы, должно было привлечь особенное вниманіе автора, тѣмъ болѣе, что ему въ слѣдующей главѣ приходится констатировать и другой фактъ, что съ 1819 г. и, какъ нѣкоторые думаютъ, почти на тридцать лѣтъ впередъ хлѣбныя цѣны испытали періодъ значительнаго пониженія, и будто вообще темпъ экономической жизни понизился. Авторъ долженъ былъ знать, что въ литературѣ существуетъ довольно категорическій, но не вполне обоснованный взглядъ, что этотъ подъемъ цѣнъ слѣдуетъ объяснять „помимо случайныхъ причинъ (неурожаевъ, войнъ и т. п.)“ чрезвычайно быстрымъ развитіемъ внутренняго рынка для сельскаго хозяйства, успѣхами на-

ціонального розділення труда ¹⁾, прогрессомъ неземледѣльческаго производства.

Авторъ склоненъ признавать, опираясь на Щербатова, [котораго отмѣтимъ между прочимъ онъ цитируетъ (на стр. 155—156) съ существенными пропусками и не извѣстно зачѣмъ видоизмѣняя своеобразный языкъ этого писателя], что въ нечерноземной области произошло паденіе земледѣльческой культуры, а въ городахъ ²⁾ этой области сильно скопилось населеніе съ большими средствами, значительно развившее потребленіе, какъ съѣстныхъ припасовъ, такъ и производившее громадныя траты на всяческія предметы роскоши.

Въ тоже время на стр. 158 авторъ утверждаетъ, что хлѣбное производство вообще не отставало и на стр. 157 полагаетъ, что, главнымъ образомъ, затруднительностью снабженія и обмѣна слѣдуетъ объяснять тотъ ростъ цѣнъ, который обнаруживается не только въ концѣ 18-го вѣка, но уже начинается съ 17-го вѣка. Это объясненіе, расширяющее проблему, нисколько не объясняетъ даннаго явленія. Авторъ самъ констатируетъ на стр. 157 и 158, что это повышеніе цѣнъ особенно интенсивно чувствуется именно во вторую треть 18-го вѣка и цитируетъ Щербатова, согласно которому четверть ржи въ 1760 г. продавалась за 86 коп., въ 1763—95,

1) См. Основные моменты въ развитіи крѣпостнаго хозяйства въ Россіи въ 19-мъ вѣкѣ, Миръ Божій, ноябрь, 1899 г., стр. 284. Въ „Очеркахъ аграрной эволюціи“ г. Тищенко слѣдовало оцѣнить вліяніе и неурожаевъ, обративъ вниманіе на любопытную работу свящ. Словцова „Историческое и статистическое обозрѣніе неурожаевъ въ Россіи“, напечатанное въ III кн. Сборника статист. свѣдѣній о Россіи (1858) и получившее половину назначенной преміи. Эта была первая работа по данному вопросу. Авторъ вычислилъ, что въ Россіи къ 1024 по 1854 г. было 130 неурожаевъ всякаго рода; всеобщихъ же не болѣе десяти, въ томъ числѣ неурожай 1716, 1722, 1839 и 1850 г.

2) Въ примѣчаніи на стр. 152 авторъ ссылаясь на Миллюкова пишетъ: До Петра городское населеніе Россіи насчитывало 292 тыс., послѣ Петра уже 802 тыс. Ссылка невѣрна; тамъ стоитъ въ городское населеніе въ 1724 г. было 328 г., въ 1782 г., а не послѣ Петра 802 г. Какъ извѣстно населеніе по первой ревизіи исчислялось въ 14 мил. по 4-й—1782 г. 28 милліоновъ т. е. по даннымъ ревизій удвоилось!

въ 1773 уже 2 р. 19 коп., а нынѣ уже и до семи рублей дошла ¹⁾).

Авторъ и не могъ дать правильнаго рѣшенія этого вопроса; онъ поступилъ методологически неправильно, не выяснивъ первоначально точно, насколько обнаружился подъемъ цѣнъ, въ какихъ мѣстахъ и въ какое время. Только послѣ такой работы онъ могъ уже трактовать о причинахъ этого явленія. Тогда бы онъ убѣдился, что его мнѣніе только отчасти правильно.

Я не имѣю возможности останавливаться подробно на изученіи состоянія цѣнъ въ это время, не долженъ всетаки сдѣлать нѣкоторыя указанія, которыя авторъ безъ труда могъ найти. Прежде всего авторъ долженъ былъ принять во вниманіе, что въ самомъ движеніи русскихъ цѣнъ за это время были два разныхъ періода. Щербатовъ говорилъ о цѣнахъ въ Московск. губерніи, на Гжатскихъ пристаняхъ до 1787 г. Но уже въ другомъ своемъ сочиненіи „Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба въ началѣ 1788 года“ ²⁾ обращаетъ вниманіе на чрезмѣрность въ выпускѣ ассигнацій, что вызвало исчезновеніе благороднаго металла изъ обращенія и повышеніе цѣнъ. Щербатовъ любопытный нашъ представитель количественной теоріи денегъ. „Монета, пишетъ онъ, нѣсть товаръ, но знакъ вещей, а потому уменьшить настоящую цѣну монеты, се есть возвысить цѣну на вещи“ . . . На возвышеніе цѣнъ подѣ влияніемъ выпусковъ ассигнацій послѣ

1) Авторъ неточно цитируетъ къ 1790; эта работа Щербатова относится къ 1787 г. Въ изданіи сочиненій Щербатова грубая опечатка 1878 г.

2) см. Сочиненія князя М. М. Щербатова, т. 1, Спб. 1896 г., 683—720, также стр. 691, 688. Говоря о голодѣ онъ старается доказать, что его можно было предвидѣть по слѣдующимъ явленіямъ, а именно: 1. По запустѣнію великаго числа монастырскихъ лучшихъ земель. 2. По *выпавшій землѣ въ плодороднѣйшихъ областяхъ*. 3. По *умноженію населенія* и по недостатку по числу народа земли. 4. По пустотѣ многихъ областей, гдѣ наплодороднѣйшая земля находится. 5. По раздачѣ безразсуднаго множества такихъ пустыхъ земель безъ обязательства учинить на нихъ селенія. 6. По великому числу работниковъ, оставшихъ отъ

1787 г. обращаетъ вниманіе и другой писатель той же эпохи Болотовъ ¹⁾, который въ своихъ запискахъ пишетъ: „богатство всего государства обратилось въ бумажное и состояло въ однихъ ассигнаціяхъ, послѣдствіемъ было то, что цѣна на всѣ вещи поднялась и все вздорожало“. Такимъ образомъ автору надлежало прежде всего разбить исторію цѣнъ этого періода на двѣ группы и оцѣнить, какое значеніе въ обмѣнѣ товаровъ играло это обезцѣненіе, и это тѣмъ болѣе, что въ послѣдствіи этотъ вопросъ очень правильно трактовалъ Шторхъ. Мало того, автору должно было быть извѣстно изъ статьи Заблоцкаго - Десятовскаго ²⁾, что цѣны ржи и пшеницы испытывали поразительныя колебанія по мѣстамъ. Вотъ маленькое извлеченіе изъ таблички Заблоцкаго.

	Ц Ѣ Н А	
	пшеницы	ржи
Въ Каширскомъ уѣздѣ (1766 г.)	1 р. 50 к.	— р. 80 к.
Москва (1766 г.)	1 „ 80 „	1 „ — „
Ингерманландія (1765 г.)	3 „ — „	2 „ — „
Кашинскій уѣздъ (1774 г.)	2 „ 40 „	1 „ 60 „
Рыбинскъ (1780 г.)	3 „ 80 „	1 „ — „
Владимірска. губ. 1769 г.	1 „ 80 „	— „ 90 „

Если бы авторъ заглянулъ въ Курсъ Шторха (т. II, стр. 219), онъ нашелъ бы, что, основываясь на сообщеніяхъ Палласа и Фалька, этотъ писатель сообщаетъ о такихъ коле-

пашни и отшедшихъ въ города для работъ. 7. По вкрадшемуся отъ сего сластолюбію и лѣности во крестьянахъ. 8. *По недостатку у помѣщиковъ людей, чтобы имѣть смотрѣніе, за пахотными деревнями.* 9. По умноженію винной курки и корчемства. 10. *По выпуску хлѣба въ чужіе края.* 11. По незаведенію вездѣ магазиновъ. 12. По сегодному возвышенію цѣнъ на хлѣбъ. Автору слѣдовало внимательно отнестись къ жалобамъ тогдашняго аграрія, особенно къ подчеркнутымъ мною курсивомъ.

1) см. Русскій Архивъ 1864 г., стр. 702. Цитовано въ моихъ: Деньги, Москва, 1895 стр. 576. Тамъ же изложены мнѣнія Шторха.

2) см. А. Заблоцкій. Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи, статья напечатанная въ Отечеств. Запискахъ за 1847 г., цитую по отдѣльному оттиску, стр. 7.

баніяхъ цѣнъ того времени. Ржаная мука въ Красноярскѣ въ 1772 г. продавалась по три копѣйки за пудъ, пшеничная по 5, въ Тобольскѣ первая по 11, вторая по 23. Съ 1797 г. но 1803 г. рожь въ Кіевѣ продавалась за 23 коп. пудъ, въ Тамбовѣ 27, въ Астрахани 46, въ Москвѣ 62, въ Петербургѣ 90 коп. на ассигнаціи. По даннымъ того же Шторха, въ приложеніи къ шестому тому, пшеница при вывозѣ изъ С.-Петербурга въ 1803 г. продавалась за четверть на ассигнаціи за 10 руб., въ 1811 г. за 20 руб., въ 1814 за 28 р., а на серебро въ то же время 8 р., 5 р. и 7 р. т. е. въ 1811 г. она понизилась въ цѣнѣ на серебро на $37\frac{1}{2}$, а въ 1814 на $12\frac{1}{2}\%$. Изъ того же курса Шторха авторъ могъ бы узнать, что во всей Европѣ вторая половина 18 вѣка и начало 19 вѣка были періодомъ высокихъ цѣнъ вообще. По словамъ Шторха цѣна пшеницы въ Англии и на наши деньги за четверть въ первую половину вѣка была 5 руб. 82 коп., во вторую 8 руб. 17 коп. Взявъ хотя бы общеизвѣстный индексъ цѣнъ Джевонса для 40 классифицированныхъ товаровъ, авторъ могъ бы получить нижеслѣдующую таблицу, которая могла бы быть полезной для его соображеній, какъ въ этой, такъ и въ послѣдующихъ главахъ. Вотъ эта таблица:

Цѣны 1782 = 100.						
годы	металлы	мясные прод.	хлѣба	Колоніальн. тов.	общая средняя	
1782	100	100	100	100	100	
1783—90	95	102	109	88	91	
1791—1800	116	119	135	86	112	
1801—1810	150	157	170	81	133	
1811—1820	124	134	166	72	115	
1821—1830	102	97	135	56	88	
1832—40	91	96	134	53	83	
1841—50	88	76	127	42	73	
1851—60	97	84	132	39	79	
1861—69	93	105	128	40	77	

Приведенныхъ данныхъ конечно недостаточно, чтобы характеризировать движеніе цѣнъ того времени. Онѣ нуждаются въ кардинальной провѣркѣ, но историкъ аграрной эволюціи долженъ былъ произвести эту работу, чтобы сдѣлать сколько нибудь правильныя заключенія. Въ это время и въ Европѣ происходили громадныя видоизмѣненія, какъ въ условіяхъ производства, такъ и товаро-обмѣна. Достаточно указать, что въ это время мы начинаемъ терять въ Англіи желѣзный рынокъ. Еще въ 1793—95 гг. мы вывозили въ Англію 2965 пудовъ желѣза, въ 1801—4 гг. уже только 1578, до 1840 г. вывозъ колебался не ниже 1052, а къ 1842—46 спустился до 779.

Авторъ не оцѣнилъ совершенно вліяній видоизмѣненія въ международномъ обмѣнѣ и въ строѣ хозяйствъ тогдашняго времени.

Не отнесся авторъ внимательно даже и къ мѣропріятіямъ Екатерины Второй въ дѣлѣ установленія свободнаго торговаго хлѣба, какъ внутри, такъ и внѣ государства. На стр. 166 авторъ пишетъ: „Екатерина еще рѣшительнѣе провозглашаетъ право безусловной свободы торговли. Послѣ предоставленія въ жалованной грамотѣ дворянству оптомъ торговать, что въ деревняхъ родится, въ особомъ манифестѣ подтверждается право свободной торговли. Авторъ дѣлаетъ ссылку на № 16576. Если бы онъ заглянулъ въ этотъ номеръ, то увидѣлъ бы, что онъ говоритъ объ употребленіи денегъ на дрова и свѣчи для содержащихся подъ стражей. Ему надо было сослаться на № 16578 и если бы прочелъ его, то не назвалъ бы его торжественнымъ манифестомъ. Конечно, пунктами 32 акта о правахъ и вольностяхъ дворянства и 24 акта о выгодахъ городовъ устанавливается свобода внутренняго обмѣна, а для дворянъ и отпуска хлѣба за границу. Это разрѣшеніе вывоза хлѣба за границу было, однако, далеко не безусловнымъ¹⁾;

1) Самъ авторъ пересматривая къ сожалѣнію слишкомъ бѣгло всѣ ограниченія въ вывозѣ и ввозѣ хлѣбовъ, на стр. 169 пишетъ: „и такъ свобода торговаго оборота и полное открытіе внѣшняго рынка, на бумагахъ

Екатерина II отнюдь не сразу вступила на этот путь. Тотчасъ по вступленіи на престолъ актомъ 1 іюля 1762 г. она оставляетъ за собой, на ряду съ провозглашеніемъ свободы обмѣна, весьма широкія полномочія по регулированію хлѣбной торговли въ интересахъ народнаго продовольствія и арміи. Этимъ указомъ разрѣшается вывозить рожь и пшеницу ото всѣхъ портовъ съ половиной пошлины противъ той, которая собирается въ Рижскомъ, Ревельскомъ и Черновскомъ портахъ, а также на островѣ Эзелѣ, однакожь при всѣхъ изъ Россіи отпускахъ хлѣба требуетъ соблюденіе указа Петра I отъ 1713 г. Вывозъ изъ Архангельска дозволяется только въ такое время, когда оный будетъ покупной цѣной въ Московской губерніи и окружныхъ городахъ ниже рубля или рубль за четверть ржи, а отъ Сиб. только тогда, когда здѣсь по сложности пяти лѣтъ подрядныхъ и покупныхъ цѣнъ будетъ ржаная мука въ 9 пудъ куль 1 р. 56 к., крупа въ 8 пуд. 16 ф. 1 р. 96 коп., пшеничная мука 2 р. 56 к. четверть. Въ Остзейскихъ губерніяхъ требуется принять во вниманіе среднюю за десять предшествовавшихъ лѣтъ, и только свободный вывозъ польскаго хлѣба разрѣшенъ. Только съ 1770 г. на 15 лѣтъ, въ поощреніе посѣва пшеницы разрѣшенъ беспошлинный ея вывозъ изъ всѣхъ портовъ, исключая Лифляндскихъ и Финляндскихъ, и дозволено не оставлять одной пятой общаго ея вывоза запасомъ въ Архангельскомъ портѣ. Только съ 1782 г. допущена свобода вывоза не только пшеницы и ржи, но гороха, овса, ячменя, крупы, солода, гречи съ платежемъ пошлины по тарифу и съ соблюденіемъ предосторожностей, кои предписаны для оскуднѣнія хлѣба гдѣ либо внутри государства. Въ періодъ съ 1778 г. вывозъ хлѣбовъ особенно оживился, какъ показываетъ и самъ авторъ на стр. 170, и ему слѣдовало бы оцѣнить внимательнѣе и зна-

провозглашенные еще въ срединѣ (?) 18 вѣка, лишь къ наступленію 19 столѣтія могутъ считаться дѣйствительнымъ фактомъ“. Надо было внимательно прочесть П. С. З. № 15, 123, 15, 517, 16, 201, 16, 578, 16, 144.

ченіе этого вывоза, и вліяніе обезцѣненія валюты. Слѣдуетъ поэтому признать, что вопросъ о причинахъ и предѣлахъ видоизмѣненія цѣнъ, о послѣдовательномъ развитіи свободы внутренняго и внѣшняго торго хлѣбами г. Ляценко только намѣченъ, но не объясненъ и не обслѣдованъ. Какъ отразилась эта благопріятная конъюнктура на интересахъ землевладѣльцевъ и на всемъ государствѣ г. Ляценко не указываетъ.

Въ главѣ четвертой авторъ переходитъ къ 19 вѣку. Эта глава начинается довольно неожиданнымъ заявленіемъ автора, что тѣже *политическія* событія, которыя произвели крупныя видоизмѣненія въ западно европейскомъ сельскомъ хозяйствѣ, не остались безъ вліянія и на положеніи русскаго земледѣлія (?) По мнѣнію автора, эти событія, подорвавшія благосостояніе помѣщичьяго класса, жившаго доселѣ въ городахъ (?), заставили его вернуться въ деревню и обратить вниманіе на сельское хозяйство. Началось увлеченіе раціональнымъ сельскимъ хозяйствомъ, поднялись вопросы о формахъ барщины и оброка, но, въ конечномъ результатѣ, все увлеченіе раціональнымъ сельскимъ хозяйствомъ оказалось убыточнымъ и привело лишь къ экстенсивному расширенію зерноваго хозяйства, посѣвной площади подъ зерновыми хлѣбами. Фактъ увлеченія раціональнымъ хозяйствомъ и экстенсивное расширеніе земельной площади подъ обработкой подмѣченъ авторомъ на основаніи работъ тогдашнихъ авторитетовъ, по видимому, правильно, но его объясненія внушаютъ множество сомнѣній. Какъ показываетъ и самъ авторъ въ слѣдующей главѣ чисто экономическія, а не политическія причины видоизмѣнили ту конъюнктуру, которая такъ благопріятствовала, быть можетъ, сельскому хозяйству и приблизительно до 1819 г. вызывала ростъ хлѣбныхъ цѣнъ¹⁾.

1) Надлежитъ отмѣтить еще одну любопытную особенность изложенія автора при изслѣдованіи вопроса объ эволюціи сельскаго хозяйства; вліяніе таможенныхъ тарифовъ 1757, 1782, 1797, 1819, 1822, 1850 и 1857 и слѣд. годовъ онъ совершенно игнорируетъ.

Къ сожалѣнію, и въ этой сравнительно болѣе удавшейся автору главѣ встрѣчаются иногда странные недосмотры. Такъ на стр. 178, основываясь на исчисленіяхъ Арсеньева и Тенгоборскаго, авторъ говоритъ о совершившемся въ эту эпоху вытѣсненіи луговъ пашней. По своему частому и неправильному обыкновенію онъ не отмѣчаетъ страницъ сочиненій этихъ авторовъ, у которыхъ заимствуетъ данныя. Стоитъ, однако, заглянуть въ часть первую и на страницу 81 труда Тенгоборскаго, чтобы убѣдиться, что дополнительная таблица № 3, дающая числительное отношеніе пространства луговъ къ пахатной землѣ переписана имъ совершенно невѣрно или взята у кого либо другого, кто ее перепуталъ. Цифры, приведенныя авторомъ невѣрны и должны читаться въ порядкѣ послѣдовательности губерній, взятыхъ у автора, такимъ образомъ: 65,2, 26,5, 81,5, 59,3, 25, 15,8, 23,8, 77,0, 185,4 т. е. изъ всѣхъ взятыхъ цифръ переписаны правильно только двѣ. Данныхъ приведенныхъ по Арсеньеву, такъ какъ у него нѣтъ одной сводной таблицы и приходится провѣрять по разнымъ мѣстамъ, я за недостаткомъ времени не провѣрялъ. Мало того, что эта табличка не даетъ истиннаго представленія о совершившихся видоизмѣненіяхъ, но она въ то же время и не полна, потому что взяты не всѣ губерніи; Тенгоборскій даетъ данныя для 51 губерніи. Ссылки на другихъ писателей во второмъ примѣчаніи также даны безъ отмѣтки страницъ и за отсутствіемъ означенныхъ книгъ въ нашей библіотекѣ я ихъ не провѣрялъ¹⁾.

Въ главѣ пятой авторъ стремится подвести итоги крѣпостнаго хозяйства въ Россіи. Въ этой весьма интересной главѣ авторъ, пользуясь трудами Тенгоборскаго, Протопопова, Вилькенса, Веселовскаго, Заблоцкаго и друг., опредѣляетъ размѣры хлѣбнаго производства и объясняетъ причины паденія цѣнъ, которое началось по мнѣнію Фомина съ 1819 г. Фоминъ, работа котораго была издана въ 1824 г. и получила

1) Имѣются въ этой главѣ и другія неточности и небрежности.

премію академіи наукъ по отзыву Шторха и Германа, констатировалъ пониженіе цѣнъ „во всѣхъ портахъ и во всѣхъ мѣстахъ, которыя продовольствуются не мѣстнымъ производеніемъ, но хлѣбомъ производимымъ въ другихъ губерніяхъ и гдѣ ходячая цѣна есть сложная изъ урожаевъ нѣсколькихъ губерній“. Авторъ останавливается на взглядахъ Швиткова, Фомина, Муравьева, Веселовскаго, Вилькенса, Заблоцкаго, Мальцева и нѣкоторыхъ другихъ. Слѣдуетъ одобрить автора, что онъ ознакомилъ читателей съ взглядами этихъ русскихъ экономистовъ; но прежде чѣмъ указать, сдѣлалъ ли онъ правильное заключеніе о пережитомъ въ Россіи видоизмѣненіи цѣнъ необходимо отмѣтить, что взгляды этихъ авторовъ не всегда излагаются имъ полно и точно. Относительно Фомина надлежало бы отмѣтить, что будучи защитникомъ устраненія крѣпостнаго права онъ былъ противникомъ всякаго вмѣшательства въ структуру цѣнъ и полагалъ, что „терпящіе убытки отъ низкихъ цѣнъ сами при первой возможности послѣдуютъ указаніямъ опыта и переменятъ направленіе производительныхъ силъ, памятуя, что предразсудки и привычки у нѣкоторыхъ народовъ удерживаютъ методы дорогіе и трудныя, тогда какъ у другихъ введены простыя и дешевыя“¹⁾. Эта мысль, какъ увидимъ ниже заслуживала вниманіе, ибо обращала вниманіе на значеніе производительности труда и у Заблоцкаго получила характерное для Россіи, но неправильное истолкованіе.

На стр. 197 авторъ, приводя таблицу Протопопова, къ тому же съ тремя опечатками и не раздѣляя ее, какъ сдѣлано у автора по губерніямъ съ недостаточнымъ и избыточнымъ количествомъ хлѣба, стремится только показать тѣ колебанія, которыя существовали въ цѣнахъ по мѣстамъ. Приводя только немногія изъ отмѣченныхъ Протопоповымъ губерній онъ въ тоже время совершенно оставляетъ въ сторонѣ ту цѣль, ради которой была, отчасти, составлена эта таблица. Въ это время

1) см. Спб. 1829 г., стр. 25.

шелъ любопытный споръ, отчего въ мѣстахъ съ недостаточнымъ количествомъ хлѣба цѣны болѣе устойчивы.

На стр. 198 авторъ цитируетъ мнѣніе Веселовскаго и отмѣчаетъ лишь его соображенія о необычайно колеблемости цѣнъ, о которой говорится уже и на основаніи приведенной таблицы Протопопова, между тѣмъ тотъ же Веселовскій говоритъ и еще объ одной причинѣ, а именно „о несоразмѣрности продажныхъ цѣнъ на земледѣльческія произведенія съ тою стоимостью, во что они обошлись производителю“. Тотъ же Веселовскій въ своихъ статьяхъ доказываетъ, что жалобы на постоянное пониженіе цѣнъ не основательны и что съ 1824 г. они постоянно повышались ¹⁾).

На стр. 198—199 авторъ утверждаетъ, будто Мальцевъ создалъ проэктъ монополизаци хлѣбной торговли. Между тѣмъ его проэктъ, разобранный подробно въ извѣстной автору статьѣ Заблоцкаго ²⁾), сводился къ слѣдующему. Для того, чтобы удержать умѣренныя цѣны, полагалъ Мальцевъ, необходимо дать возможность хлѣбонашцу при общемъ изобиліи получить деньги, необходимыя для уплаты податей, оставляя часть хлѣба въ селеніи до того времени, когда онъ потребуется въ другія мѣста и когда отдаленнымъ извозамъ будутъ благопріятствовать дороги и цѣнность хлѣба. Для этого онъ рекомендовалъ выдавать изъ приказовъ общественнаго призрѣнія подъ обмолоченную и высушенную рожь, ссыпаемую въ магазины, устроенныя при селеніяхъ, ссуды, по установленной для каждой мѣстности цѣнѣ. Эти ссуды не должны были превышать 8 рублей на ревизскую душу и выдаваться помѣщикамъ изъ 4%. Ни о какой монополизаци хлѣбной торговли, такимъ образомъ, Мальцевъ не говоритъ, а хочетъ организовать лишь кредитъ подъ готовый хлѣбъ ³⁾).

1) Журналъ Мин. Госуд. Имущ., часть 15, стр. 76. Вообще авторъ почти не воспользовался этой интересной работой и ссылка только вывѣчена изъ конца главы.

2) См. Заблоцкой, I. с., стр. 16—17.

3) Неточно излагаетъ авторъ и Швиткова, говоря, что онъ „нена-

Непонятно также, почему авторъ не воспользовался сочиненіями Тенгоборскаго и особенно трудомъ Небольсина, сочиненіе котораго „Статистическое Обзорѣніе виѣшней торговли Россіи“, удостоенное полной преміи Жуковскаго, представляетъ одно изъ самыхъ капитальныхъ изслѣдованій этого времени.

Это недостаточно вдумчивое изученіе даже книжныхъ матеріаловъ вызвало то, что и самый взглядъ автора на явленіе видоизмѣненія цѣнъ и на кризисъ крѣпостнаго хозяйства оказался неяснымъ и неубѣдительнымъ.

На стр. 201 авторъ категорически утверждаетъ, что въ существовавшемъ перепроизводствѣ хлѣба, въ превышеніи предложенія надъ спросомъ, было повинно почти (?) исключительно помѣщичье производство. Оно же по его мнѣнію было виною и пониженія цѣнъ и ихъ неустойчивости. На стр. 196 авторъ пишетъ, что „если внимательнѣе посмотрѣть ходъ хлѣбныхъ цѣнъ за цѣлый рядъ лѣтъ, начиная 19-го вѣка, то окажется, что онъ обнаруживаетъ не столько общую тенденцію *къ пониженію* (?), сколько крайнюю неравномѣрность и неустойчивость.

Я вполне сочувствую замѣчанію автора, что ему слѣдовало бы внимательно заглянуть въ самый ходъ движенія хлѣбныхъ цѣнъ и въ портахъ, и на мѣстныхъ, русскихъ рынкахъ. Онъ повторилъ здѣсь ту же свою ошибку, что и въ предшествовавшей главѣ. Онъ не ознакомилъ читателя предвари- тельно обсужденія причинъ пониженія цѣнъ съ характеромъ общаго ихъ движенія, а, кромѣ того, отнесся съ слишкомъ

ходить лучше, какъ рекомендовать „торговыхъ людей въ городахъ убавить“. Авторъ могъ бы отчасти считать Шватковъ своимъ предшественникомъ. Онъ врагъ денежно-торговаго капитала и его эксплуатарскаго значенія, стачекъ торговцевъ, откуповъ. Онъ соглашается, что тамъ, гдѣ имѣется свободная конкуренція при множествѣ торговцевъ и цѣны сходные, но „это дѣльно относить на тѣ края, въ которыхъ даже на торгахъ и ярмаркахъ у торговцевъ нѣтъ торговой компаніи, а слѣдовательно и вмѣстѣ стачки (стр. 131). Онъ обвиняетъ даже правительственныхъ чиновниковъ въ стачкѣ съ торговцами въ портахъ, изъ которыхъ будто бы въдесятеро или всотеро больше вывозится сравнительно съ тѣмъ, что разрѣшено (стр. 127).

большимъ довѣріемъ къ исчисленіямъ самаго перепроизводства хлѣбовъ въ это время. Онъ поступилъ бы методологически гораздо правильнѣе, если бы далъ читателю предварительно общій обзоръ движенія цѣнъ хотя бы съ 1819 по 1850 г. Въ трудахъ Заблоцкаго, Тенгоборскаго и Небольсина онъ могъ бы найти цѣлый рядъ готовыхъ и интересныхъ таблицъ¹⁾. Ему прежде всего пришлось бы убѣдиться, что и въ Западной Европѣ послѣ 1818 г. произошло крупное видоизмѣненіе цѣнъ, отчасти не безъ вліянія обостренія англійской хлѣбной политики. По даннымъ приведеннымъ въ таблицахъ Фомина онъ нашелъ бы, что цѣны въ іюнѣ на Гамбургскомъ рынкѣ съ 1818 по 1827 годъ колебались, какъ ниже слѣдуетъ:

годы	Въ талер. кур. за ластъ	
	пшеница	рожь
1818 . . .	отъ 135 до 223	отъ 104 до 132
1819 . . .	„ 117—145	„ 112—128
1820 . . .	„ 86—125	„ 79— 81
1821 . . .	„ 42—120	„ 36— 48
1822 . . .	„ 50—110	„ 42— 52
1823 . . .	„ 60—116	„ 60— 69
1824 . . .	„ 34— 90	„ 34— 43
1825 . . .	„ 60— 75	„ 53— 58
1826 . . .	„ 44— 77	„ 40— 46
1827 . . .	„ 65—100	„ 65— 73

1) Не обратилъ никакого вниманія авторъ и на любопытную работу Ф. А. Тернера. Движеніе вѣшной торговли Россіи съ 1853 по 1856 г., въ которомъ, дополняя изслѣдованія Тенгоборскаго, авторъ стремится оцѣнить вліяніе на состояніе нашей торговли таможенной реформы Р. Пиля, кризисовъ 1847 и 1853 г., 1855 г. и, наконецъ, севастопольской компаніи, которая, по его мнѣнію, „должна была оставить глубокіе слѣды въ условіяхъ существованія и въ движеніи нашей вѣшной торговли“. Это изслѣдованіе напечатано въ книжкѣ III „Сборника Статистическихъ свѣдѣній о Россіи, Спб., 1858 г.; тамъ же въ книгѣ I и „трудъ Заблоцкаго“ Сравнительное Обзорѣніе о вѣшной торговлѣ Россіи съ 1824 по 1848 г.“

Насколько позволяют мнѣ судить наличныя у меня данныя, самый рѣзкій періодъ пониженія цѣнъ продолжался повсемѣстно не далѣе 1813—1830 г. Уже съ 1827 г. цѣны пошли на повышеніе. Это повышеніе было колеблющимся, но неукоснительно двигавшемся впередъ ¹⁾).

Споры о пониженіи цѣнъ у насъ шли вплоть до приступа къ освободительной реформѣ. Въ 1847 г. въ Отечественныхъ Запискахъ появилась работа А. Заблоцкаго: Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи. Того же вопроса авторъ этой статьи коснулся и въ запискѣ своей о крѣпостномъ правѣ, которая была написана въ 1841 г. и впоследствии отпечатана въ приложеніи къ четвертому тому труда Заблоцкаго: Графъ Киселевъ и его время, Спб. 1882 г. Эта работа въ свое время обратила на себя большое вниманіе. Она была написана типичнымъ представителемъ идей экономическаго либерализма на народнической подкладкѣ. Обсуждая исчисленія Протопопова, который полагалъ, что при среднемъ производствѣ хлѣба въ 250 милліоновъ четвертей остатокъ ежегоднаго урожая долженъ составлять 12¹/₂ мил. четв., Заблоцкій пишетъ ²⁾): „Остатокъ 12¹/₂ мил. четвертей составляетъ только одну тринадцатую часть количества нужнаго на годовое продовольствіе и на винокурение т. е. менѣе чѣмъ сколько потребно для внутренняго потребленія въ одинъ мѣсяцъ. Этотъ излишекъ самъ по себѣ весьма незначителенъ для государства исключительно земледѣльческаго. Въ самомъ дѣлѣ, Франція, покупающая у насъ хлѣбъ ежегодно, въ средніе годы, имѣетъ значительнѣйшіе остатки, такъ въ 1844 году,

1) Изъ исторіи цѣнъ авторъ долженъ былъ бы знать, что недостаточное возвышеніе цѣнъ и колебательное положеніе рынка часто истолковывается производителями, какъ глубокій упадокъ цѣнъ, въ особенности при видоизмѣненіи издержекъ производства и слабomъ ростѣ производительности труда. Онъ позабылъ также, что послѣ перваго необычайнаго раздвѣта капиталистическаго хозяйства во всей Европѣ къ среднимъ тридцатымъ годовъ неизбѣжно должно было временно произойти пониженіе темпа капиталистическаго развитія.

2) I. с., статья 2-я. стр. 9.

который не принадлежалъ къ урожайнымъ, по свѣдѣніямъ, обнаруженнымъ правительствомъ, остатокъ простирался до 15 мил. гектолитровъ зерноваго хлѣба, которые представляютъ двухъ мѣсячное продовольствіе страны. Этотъ остатокъ, однако, не произвелъ большаго колебанія въ цѣнахъ; напротивъ цѣны оставались въ обыкновенномъ размѣрѣ. Положимъ даже, что наши избытки могутъ простираться гораздо выше приведеннаго, все же мы скажемъ, что **РОССІЯ ПРОИЗВОДИТЪ ИМЕННО ТО КОЛИЧЕСТВО ХЛѢБА, КОТОРОЕ ДОЛЖНО ПРОИЗВОДИТЬСЯ ПРИ НАШИХЪ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.** Это объясняется тѣмъ, что мы выше сказали объ обязательной рентѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ случаѣ, когда рента уплачивается работою, то куда же иначе эта работа можетъ быть употреблена, какъ не на земледѣліе, слѣдовательно на производство хлѣба? Ибо опытъ показываетъ, что для земледѣльца такой способъ употребленія **ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ** есть самый выгодный, каковы бы ни были цѣны на хлѣбъ. Этотъ хлѣбъ, составляющій произведеніе обязательной ренты служитъ одною изъ начальныхъ причинъ страшнаго колебанія цѣнъ. Для соблюденія выгоды всякаго производства, необходимо соображать размѣръ его съ потребностями рынка, но при обязательной рентѣ это соображеніе не можетъ имѣть мѣста, ибо землевладѣлецъ прежде всего долженъ имѣть въ виду употребить обязательную работу, во что бы то ни стало, а выгодноѣ онъ не можетъ употребить ее иначе, какъ на землю. Примѣры обращенія обязательныхъ работниковъ на фабричное дѣло рѣдки, да и тѣ удавались только тамъ, гдѣ изъ такихъ работниковъ образовался особый классъ людей, отвыкшихъ отъ земледѣлія и постановленныхъ совершенно въ положеніе вольнонаемныхъ. Правильная соразмѣрность между производствомъ и спросомъ хлѣба на рынкахъ можетъ установиться только тогда, когда рента пріиметъ естественный экономическій характеръ. Тогда землевладѣльцы не будутъ принуждены огромные запасы хлѣба, произведеніе обязательной ренты, вывозить на рынокъ, часто

весьма отдаленный, и продавать их за предлагаемую цѣну въ подрывъ себѣ и другимъ, но зато каждое селеніе сдѣлается небольшимъ рынкомъ, ибо первымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей будетъ раздѣленіе труда, а вслѣдъ за тѣмъ появленіе постоянного класса потребителей, нуждающихся въ покупномъ хлѣбѣ. Работникъ, трудясь изъ найма, на полѣ или въ мастерской, станетъ получать заработную плату и издерживать ее на свои потребности; и вотъ неизсякаемый источникъ внутренняго обращенія капиталовъ и появленія на сцену денегъ, недостатокъ которыхъ ничѣмъ другимъ не можетъ быть восполненъ, хотя бы мы свезли всѣ богатства рудниковъ Сибири и Америки“.

Въ указанной выше запискѣ о крѣпостномъ правѣ онъ пишетъ: „Помѣщики продаютъ свой хлѣбъ безъ расчета всѣхъ трудовъ и издержекъ на его производство, и потому уничтожаютъ усилія крестьянъ, хотя бы послѣдніе старались назначить цѣну, слѣдующую за ихъ труды и за всѣ издержки. Цѣны упадаютъ, крестьянинъ еще болѣе принужденъ продавать, уничтожая даже запасы, необходимыя для продовольствія“. Мы имѣемъ предъ собою, такимъ образомъ, только дальнѣйшее развитіе взглядовъ Оомина, одобренные двумя академиками. Въ послѣдствіи народническая доктрина, послѣ освобожденія крестьянъ, доказывала, что невозможность реализаціи прибавочнаго продукта должна погубить капиталистическое хозяйство и привести къ необходимости націонализаціи земли.

Уже П. Б. Струве ¹⁾, разбирая соображенія Заблоцкаго, замѣтилъ, что въ это время развитіе помѣщичьяго хозяйства обогнало спросъ, а при этихъ условіяхъ послѣдній строилъ цѣны, вопреки мнѣнію Заблоцкаго, полагающаго, что наоборотъ предложеніе, въ основѣ котораго лежало производство хлѣба крѣпостнымъ трудомъ, само роняло цѣны. По мнѣнію этого писателя теорія Заблоцкаго „можетъ быть сведена къ несообразному положенію, что низкія издержки неизбѣжно роняютъ

1) *И. с. Миръ Божій*, № 12, 1899, стр. 280—282.

цѣны товара ниже своего уровня; — эта теорія была слабымъ и плохимъ аргументомъ въ пользу хорошаго и сильнаго дѣла освобожденія крестьянъ“. Заблоцкій, какъ мы видѣли, нѣсколько иначе формулируетъ свои взгляды, чѣмъ утверждаетъ Струве.

Г. Лященко оставляетъ эти соображенія Струве безъ вниманія. Признавая всю неточность исчисленія тогдашняго избытка хлѣба (стр. 192—193)¹⁾, г. Лященко въ тоже время категорически склоняется къ мнѣнью, что производство обогнало рынокъ и на стр. 201, повидимому поддерживая и раздѣляя отчасти мнѣнне Заблоцкаго пишетъ: „помѣщики „не знали цѣны“ произведеннаго даровымъ трудомъ хлѣба, не знали, какъ дорого обходится имъ этотъ же даровой трудъ по доставкѣ ихъ произведеній на рынокъ и рѣшались идти на всевозможныя спуску (вѣр. уступки?) торговцамъ, чтобы хоть что либо выручить за привезенный хлѣбъ на рынокъ. Въ сущности это не было, конечно, незнаніе (въ примѣч. крѣпостная бухгалтерія очень хорошо рассчитывала всѣ хозяйственные расходы и доходы), а просто экономическая необходимость реализовать прибавочный продуктъ на рынкѣ и возможность реализовать его дешево въ виду большаго валоваго (?) количества этого продукта.“

Если бы авторъ болѣе внимательно пересмотрѣлъ движеніе цѣнъ за это время, болѣе вдумался въ статью Заблоцкаго и возраженія Струве, то, быть можетъ, и его собственныя взгляды прояснились, были болѣе соответственны дѣйствительности и болѣе оригинальны.

Какъ я уже сказалъ, авторъ не только могъ, но и дол-

1) Мнѣ представляется, что эти исчисленія никуда негодны. Въ журналѣ академика Шторха (Russland unter Alexander I, 1804 г. 3-й В.) тоже даны исчисленія урожая и избытка для 1802 г. по даннымъ губернаторовъ. Исчисляется урожай въ 155,7 мил. четвертей, а за вычетомъ на потребленія по двѣ четверти на каждую душу мужескаго и женскаго пола избытокъ опредѣляется въ 43 мил. четвертей. Въ Спб. авторъ безъ труда могъ найти эти отчеты и критически сравнить исчисленіе избытковъ начала, середины и конца 19-го вѣка.

женъ былъ предварительно дать свѣдѣнія объ общемъ движеніи цѣнъ. У Небольсина эти данныя болѣе разработаны, но достаточно взять изъ сочиненія Тенгоборскаго болѣе сжатая таблицы, чтобы ознакомиться съ движеніемъ цѣнъ и съ условіями вывоза. Тенгоборскій беретъ данныя Веселовскаго о цѣнахъ въ приморскихъ портахъ и добавляетъ къ нимъ еще данныя за четыре десятилѣтія. Вотъ эти данныя ¹⁾:

годы	пшеницы		ржи	
1824—1833	4 руб.	34 коп. четверть	3 руб.	3 коп.
1825—1834	4	„ 60 „ „	3	„ 17 „
1826—1835	4	„ 60 „ „	3	„ 27 „
1827—1836	4	„ 80 „ „	3	„ 13 „
1828—1837	4	„ 94 „ „	3	„ 12 „
1829—1838	5	„ 1 „ „	3	„ 21 „
1830—1839	5	„ 21 „ „	3	„ 31 „
1831—1840	5	„ 29 „ „	3	„ 41 „
1832—1841	5	„ 23 „ „	3	„ 72 „
1833—1842	5	„ 31 „ „	3	„ 73 „
1834—1843	5	„ 29 „ „	3	„ 71 „
1835—1844	5	„ 10 „ „	3	„ 37 „
1836—1845	5	„ 14 „ „	3	„ 32 „
1837—1846	5	„ 26 „ „	3	„ 58 „
1838—1847	5	„ 49 „ „	3	„ 94 „
1839—1848	6	„ 87 „ „	4	„ 46 „
1840—1849	6	„ 77 „ „	4	„ 58 „
1841—1850	6	„ 62 „ „	4	„ 46 „
1842—1850	6	„ 62 „ „	4	„ 46 „
1842—1851	6	„ 52 „ „	4	„ 33 „
Средняя цѣна	5 руб.	4 коп. четверть	3 руб.	44 коп.

Тенгоборскій замѣчаетъ: „итакъ въ нашихъ портовыхъ городахъ, въ продолженіи 27 лѣтъ, съ 1824 по 1851 г.

1) См. Л. В. Тенгоборскій О производительныхъ силахъ Россіи, ч. II, стр. 43 и слѣд., М 1854 г.

средняя цѣна пшеницы увеличилась на 2 руб. 18 коп. или на 50%, а ржи на 1 руб. 30 коп. или на 42%.

Разсматривая болѣе внимательно погодныя движенія цѣнъ Набольсинъ въ вышеуказанномъ сочиненіи замѣчаетъ¹⁾: „отпускъ хлѣбовъ изъ сѣверныхъ портовъ, случавшійся только въ неурожайные годы, не могъ у насъ имѣть вліянія на внутреннія цѣны: временное требованіе на хлѣбъ производило только значительныя колебанія въ нашихъ портовыхъ цѣнахъ; онѣ то возвышались, то падали болѣе или менѣе по видамъ на заграничный сбытъ. Постепенное *возвышеніе* цѣнъ, которое оказывается по 10-лѣтнимъ сложностямъ съ 1822 по 1846 г. включительно слѣдуетъ приписать успѣхамъ промышленности въ многолюднѣйшихъ центральныхъ губерніяхъ. Это обстоятельство должно было необходимо подѣйствовать на состояніе цѣнъ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, продовольствующихъ тотъ край и не могло не отразиться на цѣны хлѣба при покупкахъ его для заграничнаго отпуска изъ сѣверныхъ портовъ. Напротивъ того, въ южныхъ портахъ, отпускающихъ преимущественно пшеницу, которая воздѣлывается въ южной Россіи почти исключительно для сбыта въ иностранныя земли, цѣны могли возвышаться единственно отъ усилившихся требованій на этотъ хлѣбъ для заграничнаго отпуска, но измѣнчивость ихъ причиною, что портовые цѣны, по десятилѣтнимъ сложностямъ не представляютъ значительнаго *возвышенія*. Движеніе портовыхъ цѣнъ на хлѣбъ въ 25-лѣтній періодъ, съ 1822 по 1846 годъ, обнаруживаетъ, что въ новѣйшее время онѣ постепенно *возвышались*, но въ самомъ возвышеніи ихъ происходили изъ года въ годъ чрезвычайныя колебанія. Въ этой колеблемости хлѣбныхъ цѣнъ заключается главный источникъ жалобъ сельскихъ хозяевъ на разстройство доходовъ, зависящихъ отъ хлѣбопашества.“ У того же Тенгоборскаго авторъ могъ найти нижеслѣдующую таблицу хлѣбнаго вывоза и его цѣнности:

1) л. с. стр. 64—65.

годы	Средній трехгодичный вывозъ пшеницы, ржи и овса.	Цѣнность вывоза всѣхъ видовъ хлѣбовъ (вмѣстѣ съ мукой.)
1824—26 . . .	1.136.022 четвер.	3.971.700 р. с.
1827—29 . . .	2.451.611 ”	8.240.600 ” ”
1830—32 . . .	3.749.531 ”	16.622.400 ” ”
1833—35 . . .	761.600 ”	3.689.000 ” ”
1836—38 . . .	2.532.531 ”	10.521.000 ” ”
1839—41 . . .	2.966.467 ”	16.521.000 ” ”
1842—44 . . .	2.913.731 ”	13.810.500 ” ”
1845—47 . . .	6.397.000 ”	38.127.400 ” ”
1848—50 . . .	3.764.984 ”	19.908.000 ” ”
1851 . . .	4.409.471 ”	20.963.000 ” ”

„Изъ этихъ данныхъ видно, замѣчаетъ Тенгоборскій, что (даже оставляя наиболѣе блестящій періодъ нашей хлѣбной торговли 1845—1847 г., представляющій исключительный случай, по причинѣ неурожая во Франціи и въ Англіи въ 1846 г.) вывозъ четырехъ главныхъ хлѣбовъ, взятыхъ вмѣстѣ, болѣе нежели учетверился, а цѣнность вывоза всѣхъ родовъ хлѣба, съ мукой включительно, почти упятилась.“ Россія дѣлала, слѣдовательно, громадныя усилія для развитія внѣшняго рынка, но этого было недостаточно, чтобы поднять цѣны до нормы тогдашнихъ упованій хозяевъ.

Мнѣ кажется, что данныя Веселовскаго, Небольсина и Тенгоборскаго заслуживаютъ наибольшаго довѣрія. На основаніи этихъ данныхъ авторъ могъ бы съ большимъ основаніемъ отмѣтить, что приблизительно съ 1827 года начинается *подъемъ цѣнъ, а не ихъ упадокъ*. Этотъ подъемъ цѣнъ былъ очень колеблющимся и движеніе цѣнъ на пшеницу уже и въ это время сильно зависитъ отъ иностраннаго рынка. Очевидно, возрастаніе цѣнъ было недостаточно значительно для тогдашней системы хозяйства. Но развѣ и въ самое послѣднее время, въ особенности лѣтъ десять — пятнадцать назадъ и нынѣ наши сельскіе хозяева не продолжали жаловаться на то же явленіе?

Въ самой работѣ Заблоцкаго авторъ могъ найти указаніе, что и въ его время, и чуть ли не 80 лѣтъ назадъ, слышатся однѣ и тѣ же жалобы: на полную техническую отсталость, какъ помѣщичьяго, такъ и крестьянскаго хозяйства, на чрезполосицу, на бѣдность въ капиталѣ, скотѣ и удобреніи, на малоземелье. Заблоцкій цитируетъ А. Болотова, который, отмѣтимъ между прочимъ, указываетъ слѣдующія причины бѣдности крестьянъ: „Во многихъ мѣстахъ *малоземелье*, чего многимъ помѣщикамъ и отвратить невозможно за неимѣніемъ денегъ для покупки въ другихъ мѣстахъ, а особливо по дорогой цѣнѣ оныхъ; 2) худоба земли, и проистекающее отъ того худое плодоносіе оной и частые неурожаи; крестьянинъ довольно не получаетъ хлѣба, не только на продажу, но и для себя. Часто случается, что онъ послѣдній хлѣбъ *съ осени* на нужду продаетъ, а потомъ весь годъ по большей части нужду и голодъ претерпѣваетъ. А исправить землю свою сколько нибудь силъ недостаетъ; 3) неимѣніе скота, котораго за недостаткомъ довольноаго количества сѣна и соломы и для другихъ причинъ крестьянинъ много держать не можетъ, къ тому же во многихъ мѣстахъ онъ и не ведется; 4) въ такихъ мѣстахъ, гдѣ земли не по мѣрѣ людей, а больше отягощается онъ излишнею работою. Однако сіе не во многихъ мѣстахъ, а болѣе пахнетъ онъ столько же десятинъ на помѣщика, сколько на себя. А больше всего утруждаютъ и приводятъ въ изнеможеніе мужика многія и частыя поѣздки въ дальнія степныя мѣста, куда онъ сколько за господскимъ, а паче за своимъ хлѣбомъ ѣхать принужденъ, и отъ того великіе убытки претерпѣваетъ ¹⁾.“

1) Авторъ не обратилъ вниманіе на Болотова, ни на тѣхъ любопытныхъ писателей, на которыхъ указалъ П. Б. Струве въ своей статьѣ: „Къ литературно-общественной исторіи крестьянскаго вопроса.“ Для лицъ интересующихся мнѣніями разныхъ дѣятелей тогдашней эпохи я считаю необходимымъ отмѣтить книгу, изданную подъ редакціей Степана Маслова „Историческое обозрѣніе дѣйствій и трудовъ Московскаго Общества сельскаго хозяйства“, Москва, 1846 года, гдѣ дана бібліографія трудовъ членовъ общества, помѣщенныхъ въ журналахъ

Но довольно. Эта общность жалобъ давно пережитой старины и современности, только въ нѣсколько преобразованномъ видѣ, должна была побудить автора усумниться въ правильности точки зрѣнія Заблоцкаго, будто обязательная рента была причиной кризиса крѣпостнаго хозяйства, будто помещикъ былъ виновенъ въ упадкѣ цѣнъ, ибо производилъ слишкомъ много и, не имѣя возможности ограничить трату труда и производства, поэтому продавалъ, ниже издержекъ своего производства. Въ 30—50-хъ годахъ прошло вѣка крѣпостное право для многихъ странъ Европы и система рабскаго труда въ Соединенныхъ Штатахъ, которые уже съ 20-хъ годовъ прошло вѣка стали конкурировать съ нами на хлѣбномъ рынкѣ, создавали условія, которыя были аналогичны съ нашими, русскими. Эта система имѣла свои особыя издержки производства и не могли же всѣ страны такого рода продавать ниже своихъ издержекъ. Наконецъ, развѣ устраненіе крѣпостнаго права должно было лишить землевладѣльцевъ этого прибавочнаго продукта? Все капиталистическое хозяйство должно было бы тогда вѣчно продавать ниже своихъ издержекъ производства при наличности значительнаго прибавочнаго продукта и невозможности ограничить производство (что и въ этомъ хозяйствѣ не такъ просто), а это, конечно, экономическій абсурдъ. Очевидно, кризисъ крѣпостнаго хозяйства лежалъ гораздо глубже, чѣмъ въ затруднительности продажи излишне произведеннаго прибавочнаго продукта обязательной ренты. Автору надлежало болѣе глубоко изслѣдовать всѣ факторы національнаго раздѣленія труда, условія развитія обрабатывающей промышленности, экономической политики тогдашняго времени вообще, въ Россіи и въ Европѣ, всѣ условія международнаго обмѣна и въ особенности *самой производительности труда*. Конкуренція на рынкѣ, во особенности на мѣстномъ, между крестьянскимъ и владѣльческимъ

земледѣльческомъ, овцеводства и въ запискахъ комитета сахароваровъ съ 1827 г. по 1846 г.

хлѣбомъ существовала уже и тогда, а условія производительности труда были очень низки и многообразны . . .

Расширеніе площади обрабатываемыхъ земель и развитіе зерноваго хозяйства, быть можетъ, не представилось ему, какъ и Заблоцкому, простымъ результатомъ существованія какого то вынужденнаго крѣпостнымъ бытомъ перепроизводства, даже существованіе котораго мнѣ кажется сомнительнымъ¹⁾. Расширеніе площади обрабатываемыхъ земель и развитія зерноваго хозяйства, кромѣ того, по моему мнѣнію, еще не доказываютъ выгоды хозяйства, значительности валоваго продукта и прибавочной цѣнности при данныхъ условіяхъ національнаго раздѣленія труда, международнаго рынка и производительности труда. Если бы авторъ не оставилъ безъ вниманія весьма цѣннаго замѣчанія Веселовскаго о несоотвѣтствіи между продажными цѣнами и той стоимостью „во что они обошлись производителю“, тогда быть можетъ, онъ далъ бы болѣе глубокое объясненіе причинъ, почему крѣпостное хозяйство должно было пасть и былъ бы болѣе близокъ по духу къ ученіямъ Маркса, который отлично понималъ, что въ извѣстныя эпохи извѣстныя производственныя отношенія служатъ оковами, для *развитія производительныхъ силъ*²⁾. Тогда,

1) Условія отчужденія продукта только отчасти могутъ опредѣляться размѣрами прибавочнаго продукта; условія отчужденія тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ самими потребностями производителя; послѣдніе же были такъ велики и настоятельны, что борются за размѣръ цѣны ему также приходилось и при обязательной рентѣ, какъ и теперь при свободномъ трудѣ. Замѣчаніе Заблоцкаго, что Россія производила столько хлѣба, сколько должна была производить приложимо ко всѣмъ системамъ хозяйства; только въ наше время замѣтны попытки на широкихъ началахъ регулировать производство, но и при крѣпостномъ правѣ существованія этихъ попытокъ отрицать нельзя. Въ самомъ процессѣ увеличенія дворовой челяди нерѣдко скрывался секретъ отвлеченія силъ отъ земледѣльческой пахоты. Выясненіе вопроса о значеніи продажъ крестьянскаго хлѣба, о которомъ говорятъ уже и въ это время, о конкуренціи хлѣбовъ разныхъ производителей, могло бы составить очень полезную работу автора, но онъ категорически винитъ только помѣщиковъ.

2) Впрочемъ надлежитъ сказать, что указаніе на непроизводительность крѣпостнаго труда не составляетъ, конечно, особой заслуги г. Веселовскаго. Я подчеркнулъ его мнѣніе только потому, что авторъ читалъ его

быть можетъ, онъ сказалъ бы, что *никакая производительность* крѣпостнаго труда съ одной стороны, съ другой невозможность развитія въ соответствующемъ темпѣ обрабатывающей промышленности, вызывавшая необходимость значительныхъ переплатъ за ея продукты, самыя требованія все

статьи, но недочиталъ до конца. Съ самаго начала вѣка сознание это мало по малу укореняется. Уже въ отвѣтъ на задачу Вольнаго Экономическаго Общества въ 1803 г. „какія надлежитъ принять мѣры, чтобы духъ дѣятельности, ревности и прилежанія . . . въ нижнихъ состояніяхъ людей такъ возбудить можно было, чтобы оной содѣлался на послѣдокъ необходимою для нихъ привычкою“, пишетъ сочиненіе г. С. С. Джунковскій и получаетъ золотую медаль. (См. Труды Вольнаго Экон. Общества 1804 г., часть 64). Джунковскій пишетъ здѣсь: Величайшее затрудненіе состоятъ въ приведеніи къ порядку и къ совершенному трудолюбію тѣхъ крестьянъ, которые оброкъ платятъ натурою или вмѣсто онаго отправляютъ работу для господина. Платить натурою, какъ то холстомъ, орѣхами, грибами, ягодами, курами, яйцами и прочее, для женъ и дѣтей есть больше поводъ къ праздности и отчаянію, нежели къ надлежащему труду. Ибо здѣсь есть принужденное и ни малѣйшей награды, ниже отрады въ виду не представляеть. Не можно ли бы такія прихоти оставить, получая за то извѣстное число денегъ, подъ однимъ наименованіемъ obroka, не раздражая чувствительности многоразличными наименованіями почти бесполезныхъ тягостей и оставляя на произволъ крестьянъ способы пріобрѣтенія? Что касается до господской работы, называемой просто барщиной, то она въ иныхъ мѣстахъ не соответсвуетъ ни крестьянской, ни помѣщицкѣй пользѣ, ибо крестьянинъ, попеременно то у себя, то у господина работая, и различными дѣлами черезъ день или чрезъ недѣлю занимаясь, ни во томъ, ни въ другомъ мѣстѣ надлежащимъ образомъ не успѣваетъ. Но если крестьяне чрезъ долгое время, или отдѣльная часть семейства, всегда на господина работаютъ, то хотя, по видимому, господская прибыль велика, но крестьяне, всегда работая по принужденію и подъ присмотромъ, все то, что невольною прилежностью для другого производить, у себя съ явнымъ небреженіемъ оставляютъ. Порокъ сей въ самомъ существѣ дѣла находится, а не въ людяхъ. Исправить оный кажется трудно; но если бы при теперешнемъ лучшемъ понятіи о вещахъ, помѣщики взяли на себя трудъ разсчитать нѣсколько по купечески: 1) Чего стоитъ въ день работникъ и лошадь, 2) сколько работникъ, для своего барина дѣлая выработать можетъ, 3) сколько изъ выработаннаго заплатить можетъ за землю и за покровительство, 4) сколько работникъ принужденно для другого вырабатываетъ или испортить и наконецъ 5) сколько стоитъ содержаніе и поправленіе разореннаго работника: то легко могли бы усмотрѣть, „что со всѣми видимыми поправленіями, ихъ хозяйства, если не они, то потомки ихъ въ величайшей остаются потерѣ“.

болѣе усложняющагося механизма государственнаго строенія страны заставляли землевладѣльца расширять зерновое хозяйство, должать, выколачивать наибольшее количество прибавочнаго труда, жаловаться на невозможность удовлетворенія своихъ расширяющихся классовыхъ потребностей и все же идти вѣрными шагами къ разоренію. И вплоть до настоящаго времени мечта Заблоцкаго о томъ, что „каждое селеніе сдѣлается небольшимъ рынкомъ, ибо первымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей будетъ раздѣленіе труда, а вслѣдъ за тѣмъ появленіе постояннаго класса потребителей, нуждающихся въ покупномъ хлѣбѣ“, еще далеко не осуществилось.

Эта же глава, въ которой авторъ показываетъ какую роль даже въ 19-мъ вѣкѣ играло несовершенство путей сообщенія, невольно заставляетъ вспомнить отмѣченное выше наивное утвержденіе автора, будто торговля въ древней Руси протекала при какихъ то нормальныхъ условіяхъ. Какъ показываетъ и самъ авторъ въ слѣдующихъ главахъ самая перестройка нашего народнаго хозяйства началась съ видоизмѣненія путей сообщенія.

Глава 6-я, озаглавленная условія и послѣдствія ликвидаціи крѣпостнаго права, въ общемъ, правильно знакомитъ читателя съ общеизвѣстными результатами освободительной эпохи: уменьшеніемъ надѣловъ въ мѣстностяхъ, гдѣ обработка земли была при всѣхъ предшествовавшихъ жалобахъ все таки выгодна, и съ развитіемъ денежныхъ отношеній. Въ этой же главѣ авторъ констатируетъ тотъ фактъ, что опасенія дореформенныхъ экономистовъ (какихъ?), что произойдетъ сокращеніе хлѣбнаго торговаго производства не сбылись. Значительная доля помѣщичьихъ земель стала обрабатываться за отработки и исполу, крестьянскимъ инвентаремъ и скотомъ. Такимъ образомъ самъ авторъ долженъ былъ замѣтить, что не въ обязательной рентѣ лежала причина кризиса крѣпостнаго хозяйства и его устраненія. Особенно интересно, какъ въ этой главѣ, такъ и въ слѣдующей, подмѣченное авторомъ на основаній изслѣдованій Вольно Экономическаго Общества явле-

ніе децентрализаціи и демократизаціи хлѣбнаго рынка: продажа хлѣба сравнительно мелкими партіями и на мѣстныхъ рынкахъ. На рынокъ сталъ поступать хлѣбъ, произведенный свободными крестьянскими руками. Приходится только сожалѣть, что онъ не посвятилъ этому явленію большаго вниманія.

III.

Главы съ седьмой по десятую вообще представляютъ собою относительно лучшую часть книги.

Авторъ показываетъ въ этихъ главахъ, какъ наша страна была неизбежна вовлечена въ постройку желѣзныхъ дорогъ, которыя дали ей возможность реализовать все усиливавшееся хлѣбное производство, совершенно видоизмѣнили и уравнили процессъ образованія цѣнъ. Правда, усиленная стройка желѣзныхъ дорогъ породила новое распредѣленіе рынковъ, соперничество самыхъ отдаленныхъ рынковъ, всю сложную путаницу дифференціальныхъ тарифовъ; стройка эта совершалась не только въ цѣляхъ экономическаго развитія, но и по стратегическимъ соображеніямъ, но и того, что сдѣлалъ авторъ достаточно, чтобы убѣдить всякаго, что, вступивъ на этотъ путь, наша бюрократія — дорого или дешево, съ большими злоупотребленіями, умѣло или не умѣло, не только не совершила исторической ошибки, но выполнила только то, что ей диктовали неотложные потребности и интересы. Безъ упраздненія крѣпостнаго права и безъ желѣзныхъ дорогъ Россія не могла бы удовлетворить ни потребностямъ государственнаго механизма, бюрократіи и владѣльческихъ классовъ, ни дать возможности крестьянству, экстенсивно расширивъ площадь обрабатываемой земли, покрыть нужды сильно возросшаго своего личнаго состава. Авторъ умѣло показываетъ, какъ желѣзныя дороги, возникшіе и выстроенныя, какъ онъ выражается, за счетъ крестьянской ржи и овса (?), все болѣе и болѣе стали пробуждать къ жизни чисто промышленное производство на пшеничныхъ поляхъ юга и юго востока. Авторъ собралъ любопытныя данныя о

состояніи ежегодныхъ запасовъ хлѣба, о поступленіи хлѣбовъ на рынокъ, о движеніи хлѣбныхъ цѣнъ по разнымъ періодамъ года. Правда и въ этихъ главахъ, возвращаясь къ своимъ излюбленнымъ идеямъ, онъ иногда дѣлаетъ слишкомъ опасныя обобщенія. Такъ на стр. 275 онъ утверждаетъ, что въ противоположность дореформенной и дожелѣзнодорожной Россіи, съ ея медленнымъ и неподвижнымъ товарнымъ обращеніемъ и неразвившимся рынкомъ, — въ настоящее время, благодаря чрезвычайно быстрому пульсу товарнаго обращенія, ростъ рынка обгоняетъ самое производство и на стр. 274 онъ полагаетъ, что и въ настоящее время, какъ и двадцать лѣтъ назадъ, мы присутствуемъ при гораздо болѣе быстромъ развитіи торговаго капитализма, чѣмъ производительнаго. Какъ первый, такъ и второй выводъ весьма сомнительны. Авторъ упустилъ изъ виду, что еще въ 1894—1897 г. мы пережили острый кризисъ отъ паденія цѣнъ, объясненіе котораго вызвало большія разногласія въ литературѣ, да и теперь ростъ цѣнъ не принялъ еще вполне устойчиваго характера и, быть можетъ, это объясняется не только быстрымъ переростаніемъ рынка сравнительно съ производствомъ, но и существенными видѣизмѣненіями въ самомъ строѣ хозяйства Россіи и въ условіяхъ международной конъюнктуры. Что же касается до втораго вывода, то автору совсѣмъ его дѣлать не слѣдовало, ибо сколько нибудь обследованнаго рѣшенія о капитализаціи промысловъ и сельскаго хозяйства онъ совершенно не даетъ.

При характеристикѣ внутренняго сельскохозяйственнаго рынка авторъ справедливо показываетъ, всю недостаточность нашихъ свѣдѣній объ урожаяхъ (стр. 279—301). Конечно ими приходится пользоваться, но, сознавая ихъ неточность, автору слѣдовало и пользоваться ими съ большею осторожностью.

Болѣе полно и интересно, конечно, можно прослѣдить движеніе хлѣбныхъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ и изъ портовъ. Въ этомъ отношеніи г. Лященко имѣлъ молодого предшественника, нынѣ проф. г. Билимовича, работой котораго, написанной еще въ качествѣ стипендіата подъ заглавіемъ:

„Товарное движение по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ“, г. Ляшенко и воспользовался, но не всегда **внимательно и не** всегда обращая вниманія на тѣ ограниченія, съ которыми авторъ работы даетъ данныя. На стр. 315 авторъ беретъ таблицу Билимовича, пропускаетъ крупу и пшеницу и тѣмъ не менѣе считаетъ восемь хлѣбныхъ грузовъ; на стр. 321 онъ часть таблицы заимствуетъ у Билимовича, не дѣлая на него даже ссылки. Тоже повторяется и на страницахъ 321 и 333. Во многихъ мѣстахъ авторъ дѣлаетъ слишкомъ глухія ссылки: по даннымъ Вѣстника Финансовъ за соотвѣтствующіе годы, по даннымъ статистики департамента желѣз. дорогъ и т. п., (напр. на стр. 306, 369, 376 и т. д.). Такого рода ссылки недопустимы, не даютъ возможности читателю, ни провѣрить данныхъ, ни узнать насколько *самостоятельно* произведены эти исчисленія.

Я не буду особенно подробно останавливаться на массѣ вопросовъ, поднимаемыхъ здѣсь авторомъ въ надеждѣ, что второй оппонентъ отнесется со вниманіемъ къ этой части работы; я обращаю вниманіе лишь еще на одинъ заключительный выводъ автора.

Придя къ выводу, послѣ краткаго и бѣлаго обзора данныхъ бюджетной статистики, что наибольшая часть увеличенія внутренняго потребленія внутренняго рынка обусловливается ростомъ городского и промышленнаго населенія, въ особенности въ районахъ съ недостаточнымъ собственнымъ хлѣбнымъ производствомъ, и, что среди собственно же сельскаго населенія увеличеніе потребленія наблюдается лишь въ очень небольшомъ размѣрѣ (ст. 415—416), указавъ, что крестьянину приходится продавать осенью дешево только для того, чтобы покупать зимою дорого, мѣняя при этомъ пшеницу на рожь, авторъ приходитъ къ весьма тяжеловѣсному выводу, который къ тому же огульно распространяетъ на всю Россію.

Обративъ вниманіе также на то, что около половины крестьянскаго хлѣба при этомъ поступаетъ на рынокъ, онъ рѣшается утверждать, что „все современное крестьянское хозяйство есть производство на скупщика.“

Съ этимъ выводомъ врядъ ли можно согласиться. Мнѣ думается, что выводъ этотъ запоздалъ приблизительно лѣтъ на тридцать, когда такъ широко и почти исключительно процвѣтала у насъ исполная система. Теперь условія эти уже значительно видоизмѣнились, какъ для крестьянскаго, такъ и для владѣльческаго хозяйства въ сторону ихъ капитализаціи во многихъ районахъ Россіи, которая — и этого никогда не должно забывать — бесконечно разнообразна по своимъ экономическимъ условіямъ и всякій *осторожный* экономистъ долженъ, поѣтому, воздерживаться отъ *огульныхъ* выводовъ. Общіе выводы относительно такой громадной территоріи приводятъ только къ самообману. Выводъ автора, можетъ имѣть, однако, болѣе скромное, но не менѣе серьезное значеніе. Если рынокъ поступаетъ громадная масса крестьянскаго хлѣба, то, слѣдовательно, уровень цѣнъ и для него имѣетъ громадное значеніе, оказываетъ на него сильное экономическое вліяніе. Наше крестьянское хозяйство силою историческаго процесса втянуто въ условія міроваго обмѣна. Постепенное возвышеніе цѣнъ на хлѣба, которое замѣчается въ послѣдніе годы, не можетъ не отразиться на крестьянскомъ хозяйствѣ и потому мнѣ думается авторъ правъ, утверждая, что никакого другого пути для дальнѣйшаго прогресса земледѣльческаго хозяйства и для разрѣшенія замѣчающагося въ немъ противорѣчія между капиталомъ и трудомъ, кромѣ общаго пути развитія хозяйства въ сторону его капитализаціи и здѣсь не имѣется (стр. 386).

Подводя общій итогъ всего отзыва, я прихожу къ заключенію, что какъ ни велики недостатки означеннаго сочиненія, но факультетъ не сдѣлаетъ ошибки, поощривъ автора присужденіемъ ему степени магистра. Не будучи еще вполне опытнымъ изслѣдователемъ, авторъ совершенно безъ нужды увлекся теоретической схемой, не продумавъ ее достаточно. Широта задачи заставила его спѣшить, схватывая только существенныя стороны вопроса, какъ ему представляется. Въ этой погонѣ за данными, иногда мелочи занимаютъ мѣсто существеннаго, а важное отбрасывается въ сторону. Заслуга

автора, однако, заключается въ томъ, что онъ занялся вопросомъ, касающимся Россіи, пересмотрѣлъ труды многихъ забытыхъ нашихъ экономистовъ и показалъ, какъ много поучительнаго намъ можетъ дать изученіе нашего экономического быта. Совершенно небрежно отнесясь къ исторіи до 18-го вѣка, онъ все же собралъ нѣкоторыя любопытныя данныя относительно 19-го вѣка и насколько сумѣлъ попытался освѣтить ихъ съ своей точки зрѣнія. Хотя выводы автора о томъ, будто крестьянское хозяйство представляетъ производство на скупщика и оказались недостаточными, но все же громадную роль обмѣна во всемъ строѣ нашего хозяйства ему показать удалось. Хотя изученіе эволюцію сельскаго хозяйства и обособлено имъ ошибочно отъ всѣхъ другихъ сторонъ народной жизни, хотя изображеніе эволюціи хозяйства и сводится авторомъ почти исключительно къ условіямъ торга хлѣбами, но и въ этой области онъ все таки попытался нарисовать, хотя и не новую, но все же любопытно скомпанованную картину; можно надѣется, что, когда авторъ примется за другія работы, онъ станетъ серьезнѣе, вдумчивѣе и точнѣе относиться къ тому матеріалу, которымъ онъ пользуется, памятуя, что задача изслѣдователя заключается не въ томъ, чтобы рабски идти за какой либо схемой, а изображать реальную дѣйствительность такъ, какъ она есть. Для этого автору придется разучиться отъ многихъ непріятныхъ особенностей своего перваго изслѣдованія, и въ особенности отъ неправильнаго и небрежнаго пользованія источниками¹⁾.

28 ф. 1910 г.
Юрьевъ, Лифл. губ.

Ординарный профессоръ
политической экономіи и статистики
А. Миклашевскій.

1) Надлежитъ принять въ соображеніе и то обстоятельства, что г. Лященко опубликовалъ и нѣкоторые другіе работы, среди которыхъ особенно заслуживаютъ вниманія: Мукомольная промышленность Россіи и иностранные хлѣбные рынки, Спб., 2-е изд. 1910 г. Кооперативный кредитъ и его значеніе въ реализаціи урожая, Спб. 1910 г. Мобилизаціи землевладѣнія Россіи и его статистика, статья въ Русской Мысли.

Прив.-доц. И. В. Георгіевскій.

Къ морфологіи и топографіи поверхностной ладонной дуги.

Съ пятью таблицами и 6 рис. въ текстѣ.

Изъ Института оперативной хирургіи и топографической анатоміи Императорскаго Юрьевскаго Университета.

I.

Для опредѣленія положенія поверхностной ладонной дуги хирурги обыкновенно пользуются отношеніемъ ея къ кожнымъ складкамъ ладони. Какъ извѣстно, на ладони различаютъ три главныхъ складки, отличающихся наибольшимъ постоянствомъ. Нижняя складка или т. н. *linea mensalis*, начавшись у локтевого края ладони, идетъ соотвѣтственно линіи пястно-фаланговыхъ суставовъ 5, 4 и 3 пальцевъ, затѣмъ дѣлаетъ дугообразный поворотъ книзу — къ промежутку между указательнымъ и среднимъ пальцемъ и, не доходя его, постепенно исчезаетъ. Средняя складка или т. н. *linea naturalis* начинается у лучевого края ладони на уровнѣ пястно-фаланговаго сустава указательнаго пальца и идетъ почти параллельно предыдущей складкѣ на 1 сантим. выше ея; локтевой конецъ ея нѣсколько загибается кверху и постепенно теряется, не доходя до локтевого края ладони на 2-3 сантим. Верхняя складка или т. н. *linea vitalis*, начавшись также у лучевого края ладони, при чемъ ея лучевой конецъ б. ч. сливается съ началомъ средней кожной складки, идетъ дугообразно кверху, огибая ладонное возвышеніе большого пальца и оканчиваясь вблизи нижней луче-запястной складки.

Кромѣ этихъ трехъ постоянныхъ складокъ часто выражена бываетъ также четвертая складка, которая, начавшись нѣсколько ниже нижней лучезапястной складки, идетъ внизъ почти по средней линіи ладони и оканчивается на уровнѣ нижней или средней ладонной складки, при чемъ вмѣстѣ съ тремя вышеописанными складками образуетъ фигуру, напоминающую букву М или W; это т. н. *linea saturnina* хиромантовъ. Встрѣчаются также и другія складки: т. н. *linea hepatica*,

ограничивающая ладонное возвышеніе мизинца; *linea honoris*, идущая отъ *linea mensalis* къ четвертому пальцу¹⁾ и т. д.

Знаніе топографіи поверхностной ладонной дуги имѣть довольно важное значеніе въ практической хирургіи, такъ какъ отъ мѣста расположенія дуги зависитъ выборъ мѣста для тѣхъ или другихъ разрѣзовъ въ области ладони. Между тѣмъ при описаніи топографіи поверхностной ладонной дуги различные хирурги и анатомы даютъ разнорѣчивыя указанія. Въ наиболѣе распространенныхъ и пользующихся заслуженной извѣстностью русскихъ руководствахъ по топографической анатоміи и оперативной хирургіи — профф. Боброва и Дьяконова утверждается, что поверхностная ладонная дуга своей выпуклостью доходитъ до второй или средней кожной складки ладони. „Верхунка поверхностной ладонной дуги, говоритъ профф. Бобровъ, можетъ быть обозначена въ средней части ладони соотвѣтственно той складкѣ, которая, начавшись между указательнымъ и большимъ пальцемъ, идетъ косвенно къ локтевому краю; здѣсь верхунка дуги приходится какъ разъ на высотъ второй ладонной складки“²⁾.

„Важно помнить, говоритъ профф. Рейнь, что поверхностная ладонная дуга своей наиболѣе низкой частью выпуклости лежитъ въ мѣстѣ пересѣченія средней кожной складки со средней линіей ладони; поэтому въ этомъ мѣстѣ не слѣдуетъ проводить глубокихъ разрѣзовъ изъ опасенія поранить дугу и, наоборотъ, можно безнаказанно рѣзать ниже средней складки и въ стороны отъ средней линіи ладони“³⁾.

Изъ переводныхъ иностранныхъ руководствъ по топографической анатоміи укажу на руководство Tillaux⁴⁾, гдѣ авторъ говоритъ, что раненіе ладонныхъ дугъ составляетъ всегда серьезное поврежденіе; поэтому желательнo щадить

1) Merkel, F. Handbuch d. topographischen Anatomie. Bd. III. S. 603 Braunschweig. 1907.

2) Бобровъ. А. Руководство къ хирургической анатоміи, Москва. 1908 г. стр. 421.

3) Дьяконовъ, Рейнь, Лысенковъ, Напалковъ. Лекціи оперативной хирургіи. Вып. III. Москва. 1903 г. Стр. 651.

4) Tillaux, P. Руководство къ топографической анатоміи. Петербургъ. 1896 г. Стр. 578.

ихъ. „Поверхностная ладонная дуга (*arcus volaris superfic.*) соответствует промежутку между верхней складкой и второй; если провести поперечную линію отъ межпальцевой складки большого пальца къ локтевому краю ручной кисти, то линія эта пройдетъ черезъ вершину артеріальной дуги“. А потому при разрѣзахъ въ области ладони нужно мысленно провести указанную линію и вонзить ножъ выше или ниже этого мѣста. Нужно однако замѣтить, что, если провести эту линію согласно указанію автора, то она пройдетъ выше средней кожной складки ладони; между тѣмъ на приложенномъ рисункѣ¹⁾ видно, что дуга доходитъ какъ разъ до этой складки.

Итакъ, всё указанное авторами наиболѣе распространенныхъ въ Россіи руководствъ по оперативной хирургіи и топографической анатоміи одинаково признаютъ важное хирургическое значеніе поверхностной ладонной дуги и одинаково согласно отмѣчаютъ ея топографію.

Далѣе, въ капитальномъ руководствѣ по частной хирургіи Bergman'a, Bruns'a и Mikulicz'a²⁾, въ отдѣлѣ о поврежденіяхъ и заболѣваніяхъ кисти, составленномъ проф. Friedrich'омъ, мы читаемъ, что ходъ *a. ulnaris* и вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе поверхностной ладонной дуги приблизительно можно опредѣлить линіей, которая проводится отъ гороховидной косточки къ межпальцевой складкѣ между указательнымъ и среднимъ пальцемъ; „средняя треть этой линіи обозначаетъ упомянутую часть сосуда“ (т. е. *arcus volaris sublimis*?). Изъ приложеннаго рисунка³⁾ видно, что дуга какъ разъ доходитъ до средней кожной складки. Такимъ образомъ и здѣсь положеніе ладонной дуги опредѣляется согласно съ вышеуказанными авторами — проф. Рейномъ, Бобровымъ и Tillaux.

Если я буду дальше приводить мнѣнія различныхъ хирурговъ и анатомовъ относительно положенія поверхностной ладонной дуги, то будетъ ясно видно, что они значительно расходятся какъ между собою, такъ и съ вышеприведеннымъ опредѣленіемъ.

1) I. с. рис. 178. стр. 579.

2) Bergmann, Bruns, Mikulicz. Руководство практической хирургіи. Т. IV ч. I. стр. 340. Москва. 1903. г.

3) I. с. фиг. 163.

Такъ, напр., Лежаръ¹⁾, авторъ весьма популярной книги „Хирургическая помощь въ неотложныхъ случаяхъ,“ говоря о разрывахъ при флегмонахъ въ области ладони, замѣчаетъ, что здѣсь нужно остерегаться раненія срединнаго нерва и поверхностной ладонной дуги. „Помните, что нервъ занимаетъ какъ разъ середину ладонной поверхности запястья и лежитъ вдоль внутренняго края сухожилия большого ладоннаго мускула, а артеріальная дуга соотвѣтствуетъ на ладони промежутку между средней и нижней кожными складками. Итакъ, разрывайте толстую растягивающую ладонь припухлость вертикально надъ средней ладонной складкой; разсѣките кожу, . . . подкожную клѣтчатку, апоневрозъ и, если глубокой опухоли не видно, проникайте дальше уже не ножомъ, а жолобоватымъ зондомъ, . . . чтобы не ранить развѣтвленій срединнаго нерва.“ Объ опасности раненія здѣсь поверхностной ладонной дуги авторъ уже не говоритъ, такъ какъ, по его мнѣнію, она лежитъ ниже, между средней и нижней кожными складками.²⁾

По другимъ авторамъ, наоборотъ, поверхностная ладонная дуга лежитъ выше средней кожной складки. Такого мнѣнія придерживается Richet³⁾, Treves⁴⁾ Пироговъ⁵⁾ и др.

Проф. Бергманъ⁶⁾ для опредѣленія положенія поверхностной ладонной дуги совѣтуетъ поступать слѣдующимъ образомъ. „При отведенномъ большомъ пальцѣ удлиняютъ локтевой его край до нижняго конца *os pisiformis*. Эта линія идетъ параллельно средней бороздѣ, начинающейся у локте-

1) Лежаръ, Ф. Хирургическая помощь въ неотложныхъ случаяхъ. Москва. 1903 г. Т. II. стр. 829—830.

2) Къ сожалѣнію, за нимѣніемъ подъ руками французскаго оригинала я не могъ провѣрить правильность перевода; въ послѣднемъ же нѣмецкомъ изданіи книги Лежара приведенъ рисунокъ, гдѣ поверхностная ладонная дуга изображена между верхней и средней ладонными складками, при чемъ дуга своей выпуклостью касается средней складки. (Lejar, F. Dringliche Operationen. Jena. 1909. Fig. 994. S. 1160.)

3) Richet. Traité pratique d'anatomie medico-chirurgicale. Paris. 1866. p. 941.

4) Treves, F. Surgical Applied Anatomy. London. 1883 p. 232.

5) Пироговъ, Н. Хирургическая анатомія артеріальныхъ стволовъ и фасцій. СПб. 1881 г. Стр. 102.

6) Бергманъ и Рохсъ. Курсъ операцій на трупѣ. Москва. 1892 г. Стр. 34.

вого края ладони. Средина между этими линиями обозначает положеніе *arcus*.“

Поверхностная ладонная дуга въ топографическомъ и морфологическомъ отношеніяхъ была подробно изслѣдована Яцинскимъ¹⁾. По его опредѣленію, „положеніе ладонныхъ дугъ какъ поверхностной, такъ и глубокой, независимо отъ той или иной формы, соотвѣтствуетъ пространству, ограниченному двумя параллельными линиями, одна изъ которыхъ идетъ отъ середины кожной складки большого пальца къ срединѣ локтевого края ладони; другая, ей параллельная, идетъ отъ пястно-фалангового сочлененія большого пальца также къ локтевому краю ладони, въ обоихъ случаяхъ при сильно отведенномъ пальцѣ.“ Изъ этихъ словъ видно, что, по Яцинскому, поверхностная ладонная дуга лежитъ выше средней кожной складки, хотя онъ точно и не указываетъ ея разстоянія отъ этой складки.

Болѣе точныя указанія въ этомъ отношеніи даютъ Bardeleben²⁾ и Soulié³⁾.

По Bardeleben'у, поверхностная ладонная дуга лежитъ на 1 смт, по Soulié — на 17 мм. выше средней кожной складки ладони.

Изслѣдованія Soulié интересны въ томъ отношеніи что здѣсь примѣнялся методъ радиографированія. Изслѣдованія произведены на 14 взрослыхъ трупахъ и одномъ трупѣ ребенка. „Поверхностная ладонная дуга, говоритъ Soulié, подверженная многочисленнымъ индивидуальнымъ измѣненіямъ, находится въ общемъ на 17 мм. выше средней ладонной складки, на 46,5 мм. ниже луче-запястной. Она въ среднемъ лежитъ на 9—10 мм. ниже глубокой ладонной дуги⁴⁾).

Приведенныя мной справки изъ литературы въ достаточной степени показываютъ, какъ разнорѣчивы представленія хирурговъ и анатомовъ о положеніи поверхностной ладонной

1) Jaschtschinski, S. Morphologie und Topographie des Arcus volaris sublimis und profundus des Menschen. Anat. Hefte, Bd. VII. 1897. S. 184—185.

2) Bardeleben u. Haeckel. Atlas der topographischen Anatomie der Menschen. Jena. 1904. 95.

3) Soulié, A. Sur les rapports des plis cutanés. Journal de l'anatomie et de la physiologie. 1901 p. 601—624.

4) l. c. p. 623.

дуги. Подобныя же разногласія существуютъ и по вопросу о морфологіи этой дуги.

Въ большинствѣ руководствъ по анатоміи описывается, что поверхностная ладонная дуга образуется соединеніемъ поверхностной вѣтви локтевой артеріи съ поверхностной ладонной вѣтвью лучевой и лишь сравнительно рѣже одной только локтевой артеріей (Tillaux¹), Бобровъ²) и др.) По мнѣнію другихъ анатомовъ³), наоборотъ, поверхностная ладонная дуга главнымъ образомъ и чаще всего образуется локтевой артеріей и лишь сравнительно рѣже въ образованіи ея принимаетъ участіе поверхностная вѣтвь лучевой артеріи.

Въ морфологическомъ отношеніи поверхностная ладонная дуга подробно изслѣдована Ящинскимъ⁴). Онъ различаетъ слѣдующія формы *arcus volaris sublimis*: *arcus radio-ulnaris*, *arcus ulnaris*, *arcus medio-ulnaris*, *arcus radio-medio-ulnaris* и, кромѣ того, отсутствіе ладонной дуги. Первая форма образуется поверхностными вѣтвями лучевой и локтевой артерій; вторая — только поверхностной вѣтвью локтевой артеріи; третья образуется поверхностной вѣтвью локтевой артеріи и ненормально сильно развитой срединной артеріей (*a. mediana*). Въ четвертой формѣ въ образованіи ладонной дуги помимо локтевой и срединной артеріи принимаетъ участіе также и поверхностная вѣтвь лучевой артеріи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ поверхностная ладонная дуга отсутствуетъ; лучевая и локтевая или локтевая и срединная артеріи не сливаются между собой въ общую дугу, а идутъ изолированно или соединяются лишь очень тоненькимъ анастомозомъ, посылая самостоятельно общія пальцевыя артеріи. Ящинскому наичаще встрѣчалась вторая форма — *arcus ulnaris*: 76 разъ на 200 кистей (38%), тогда какъ первая, принимаемая большинствомъ анатомовъ за норму, встрѣчалась всего 54 раза (27%). Наоборотъ, Тихомирову⁵)

1) l. c.

2) l. c.

3) Langer, C. Lehrbuch der systematischen und topographischen Anatomie. Wien u. Leipzig. 1907. S. 518.

4) l. c.

5) Тихомировъ, М. Варьянты артерій и венъ человѣческаго тѣла въ связи съ морфологіей кровеносной сосудистой системы. Кіевъ. 1900 г. Стр. 165, 167.

на 250 кистей луче-локтевая поверхностная ладонная дуга встрѣтилась 174 раза $\{(69,6\%)$, тогда какъ локтевая дуга встрѣтилась только 63 раза $(25,2\%)$.

Такимъ образомъ и здѣсь — въ области морфологии, какъ и въ области топографіи поверхностной ладонной дуги наблюдаются среди анатомовъ большія разногласія. Въ виду этого и принимая во вниманіе немаловажное значеніе ладонной дуги въ практической хирургіи, я задался цѣлью опредѣлить путемъ измѣренія на цѣломъ рядѣ препаратовъ разстояніе поверхностной ладонной дуги отъ средней кожной складки ладони, а также выяснитъ вопросъ, не существуетъ ли связи между топографіей и морфологіей этой дуги. Въ этомъ направленіи мною изслѣдовано 212 кистей, при чемъ въ 55 случаяхъ произведено только измѣреніе разстоянія поверхностной ладонной дуги отъ средней кожной складки, во всѣхъ же остальныхъ 157 случаяхъ дуга была подробно изслѣдована, какъ въ топографическомъ, такъ и въ морфологическомъ отношеніяхъ. Почти всѣ трупы, за исключеніемъ 10 свѣжихъ, были консервированы 5% растворомъ карболовой кислоты + глицеринъ или 5% растворомъ карболовой кислоты + 2% растворъ формалина + глицеринъ. Для измѣренія разстоянія ладонной дуги отъ средней кожной складки производился послойный разрѣзъ по средней линіи ладони черезъ кожу и апоневрозъ. Сосуды были налиты оплотнѣвающей массой.

II. Кожныя складки ладони.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ мною наблюдалось 3 постоянныхъ складки — верхняя, средняя и нижняя. Средняя складка занимаетъ довольно постоянное мѣсто, а именно — по средней линіи ладони она лежитъ на границѣ средней и нижней трети длины ладони; отъ третьяго межпальцевого промежутка она отстоитъ въ среднемъ около 3,8 сант. Колебанія послѣдней цифры зависятъ главнымъ образомъ отъ длины ладони (9—11 сант.). Довольно часто кромѣ трехъ вышеупомянутыхъ складокъ встрѣчалась также четвертая складка, которая, начавшись нѣсколько ниже нижней лучезапястной складки, идетъ приблизительно по

средней линии ладони и вмѣстѣ съ тремя другими постоянными складками образуетъ фигуру М или W. Сравнительно рѣдко встрѣчалась складка, ограничивающая ладонное возвышеніе мизинца (рис. 1, таб. I случаи: №№ 69, 75, 78, 79, 192, 193).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ кожныя складки ладони представляютъ довольно своеобразную картину. Такъ, напр., въ случаяхъ №№ 78 и 79 (рис. 2, таб. I) нижняя складка выражена не вся, а только лучевая ея половина — отъ второго межпальцевого промежутка до средней линии ладони, гдѣ она исчезаетъ, тогда какъ въ нормѣ она доходитъ до локтевого края ладони. Средняя складка идетъ почти поперечно черезъ ладонь и оканчивается вблизи или у самаго локтевого края ладони. Въ болѣе рѣзкой формѣ подобный варьянтъ кожныхъ складокъ выраженъ въ случаяхъ №№ 75, 192 и 193 (рис. 3, таб. I), гдѣ нижняя складка отсутствуетъ, средняя же складка такъ же, какъ и въ случаѣ № 79, начавшись у лучевого края ладони, не уклоняется постепенно къверху, какъ это бываетъ въ нормѣ, а идетъ поперечно черезъ ладонь и достигаетъ локтевого края ея. Въ случаѣ № 75 (рис. 4, таб. I) въ лучевой ея трети наблюдается небольшой изгибъ книзу, при чемъ на мѣстѣ изгиба отъ средней складки отходитъ слабо выраженная и коротенькая складочка, уклоняющаяся нѣсколько къверху. Подобный варьянтъ средней складки производитъ впечатлѣніе, какъ будто-бы эта аномальная складка есть результатъ сліянія лучевого отрѣзка нормальной средней складки съ локтевымъ отрѣзкомъ нормальной нижней складки. Локтевой-же отрѣзокъ первой и лучевой отрѣзокъ послѣдней въ данныхъ случаяхъ совершенно отсутствуютъ или выражены только отчасти.

Во всѣхъ упомянутыхъ трехъ случаяхъ (№№ 75, 192 и 193) кромѣ верхней складки выражена очень рѣзко также складка, ограничивающая ладонное возвышеніе мизинца и сливающая своимъ нижнимъ концомъ съ аномальной средней складкой. Благодаря такому расположенію складокъ на ладони образуется рѣзко выраженная фигура треугольника, основаніемъ котораго служитъ средняя складка, а боковыми сторонами служатъ складки, ограничивающія ладонныя возвышенія большого пальца и мизинца.

Въ случаяхъ №№ 126 и 127 (рис. 5, таб. I) нижняя кожная складка носитъ такой-же характеръ недоразвитія, какъ и въ

случаяхъ №№ 78 и 79. Средняя складка въ локтевой ея половинѣ дѣлится на двѣ вѣтви, одна изъ которыхъ достигаетъ локтевого края ладони, другая-же косвенно направляется вверхъ въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ нормальнымъ ходомъ локтевого отрѣзка средней складки.

Довольно своеобразная картина кожныхъ складокъ представляется въ случаѣ № 35 (рис. 14, таб. II). Средняя складка здѣсь, какъ и во всѣхъ предыдущихъ случаяхъ, идетъ поперечно черезъ ладонь, начинаясь у лучевого и оканчиваясь у локтевого края ея. На 1 сант. выше ея идетъ довольно короткая складка, своимъ лучевымъ концомъ сливающаяся съ верхней складкой. Нижняя складка отсутствуетъ. Общая картина производитъ впечатлѣніе, какъ будто-бы средняя складка образовалась изъ сліянія лучевого отрѣзка средней складки съ локтевымъ отрѣзкомъ нижней; локтевая-же половина средней складки какъ-бы отодвинута кверху. Разстояніе послѣдней отъ 3-го межпальцевого промежутка равно 4.5 сантиметр. т. е. эта своеобразная складка стоитъ выше нормы на 7 мм.

III. Луче-локтевая поверхностная ладонная дуга (*arcus volaris superficialis radio-ulnaris*).

Луче-локтевая поверхностная ладонная дуга встрѣчается въ трехъ главныхъ модификаціяхъ: 1) въ видѣ сильно развитой дуги, когда отъ нея отходитъ четыре хорошо развитыхъ общихъ пальцевыхъ артерій, 2) въ видѣ слабо развитой, когда отъ нея отходятъ общія пальцевыя артеріи въ меньшемъ количествѣ (три, двѣ) или когда отходящія общія пальцевыя артеріи, хотя-бы и въ числѣ четырехъ, настолько тонки, что онѣ являются лишь анастомозами къ соотвѣствующимъ болѣе крупнымъ пястно-ладоннымъ артеріямъ, происходящимъ изъ глубокой ладонной дуги; 3) въ видѣ дуги съ слабо развитымъ среднимъ отрѣзкомъ, когда поверхностныя вѣтви лучевой и локтевой артеріи соединены между собой очень тонкимъ анастомозомъ, не играющимъ никакой существенной роли въ кровоснабженіи кисти. Эта разновидность является переходной формой къ полному отсутствію ладонной дуги.

Во всѣхъ этихъ трехъ модификаціяхъ принимающія участіе въ образованіи поверхностной ладонной дуги лучевая и локтевая артеріи могутъ быть развиты равномерно или неравномерно; чаще всего поверхностная вѣтвь лучевой артеріи бываетъ менѣе развита, чѣмъ поверхностная вѣтвь локтевой артеріи. Луче-локтевая поверхностная ладонная дуга встрѣтилась мнѣ 44 раза на 157 препаратовъ, т. е. въ 28%. Эта цифра близко стоитъ къ цифрѣ Яцинскаго¹⁾ (23%). Напротивъ, Тихомировъ²⁾ наблюдалъ подобную дугу въ 69,6%.

Въ типическихъ случаяхъ сильно развитая *arcus volaris superficialis radio-ulnaris* описываетъ дугу, выпуклостью своею обращенную книзу (рис. 6, таб. I). Самый низкій пунктъ этой выпуклости отстоитъ проксимально отъ средней кожной складки, по моимъ наблюденіямъ, въ среднемъ на 1, 9 сант., maximum — 3 сант., minimum — 1 сант.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ форма луче-локтевой поверхностной ладонной дуги представляетъ нѣсколько иную картину. Такъ, напр., въ случаѣ № 63 (рис. 7, таб. I) поверхностныя вѣтви лучевой и локтевой артеріи на мѣстѣ соединенія образуютъ уголъ, вершина котораго находится въ области 3-го межпальцевого промежутка и лежитъ проксимально отъ средней кожной складки на 1.3 сант. Изъ вершины этого угла беретъ свое начало третья общая ладонно-пальцевая артерія. Равнымъ образомъ на рис. 8, таб. I (случ. № 99) изображена картина, гдѣ поверхностныя вѣтви лучевой и локтевой артеріи, соединяясь между собой, образуютъ не дугу, а уголъ, открытый кверху. Послѣ слиянія эти вѣтви идутъ на протяженіи 1 сант. въ видѣ общаго ствола, который затѣмъ уже распадается на вторую и третью общія пальцевыя артеріи. Вершина угла или самый низкій пунктъ этой дуги лежитъ проксимально отъ средней кожной складки ладони на 2 сант. Въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ образующія ладонную дугу поверхностныя вѣтви лучевой и локтевой артеріи развиты болѣе или менѣе равномерно. Въ случ. № 20 (рис. 9, таб. I) поверхностная ладонная дуга также представляетъ собой уголъ, открытый кверху; только здѣсь поверхностная вѣтвь

1) l. c.

2) l. c.

лучевой артерій и исходящая отъ нея первая общая пальцевая артерій развиты значительно слабѣе поверхностной вѣтви локтевой артерій и отходящихъ отъ нея общихъ пальцевыхъ артерій.

Сильно развитая луче-локтевая поверхностная ладонная дуга встрѣтилась мнѣ 21 разъ. Въ остальныхъ 23 случ. ладонная дуга представляла большую или меньшую степень недоразвитія. Такъ, напр., въ случ. №№ 107 и 115 (рис. 24, таб. II и 10, таб. I) хорошо развитая поверхностная вѣтвь локтевой артерій, отдавъ на своемъ пути пальцевую артерію для локтевой стороны мизинца, исходитъ въ 3-ю общую ладонно-пальцевую артерію. Поверхностная ладонная вѣтвь лучевой артерій въ 2—3 раза тоньше поверхностной вѣтви локтевой артерій, а отходящая отъ нея I-я и 2-я общія ладонно-пальцевыя артеріи представляютъ собою лишь тонкіе анастомозы къ *a. metac. volar. I+II*. Ладонная дуга на рис. 24 представляетъ ту особенность, что здѣсь образуется небольшое артеріальное кольцо (*arc. vol. superf. duplex*). И въ томъ и въ другомъ случаѣ ладонная дуга лежитъ довольно высоко надъ средней кожной складкой ладони — на 2 и 2,5 сант.

Что касается третьей модификаціи луче-локтевой поверхностной ладонной дуги, то она встрѣтилась мнѣ 5 разъ. Въ двухъ изъ нихъ ладонная дуга представляется въ формѣ угла, открытаго кверху. Такъ, напр., въ случаѣ № 82 (рис. 47, таб. IV) хорошо развитая поверхностная вѣтвь локтевой артерій непосредственно исходитъ во 2-ю общую ладонно-пальцевую артерію. Довольно крупная поверхностная вѣтвь лучевой артерій поверхъ мышечнаго возвышенія большого пальца направляется въ I-ый межпальцевой промежутокъ, исходя въ I-ю общую пальцевую артерію; связь между поверхностными вѣтвями локтевой и лучевой артерій выражается въ видѣ тонкаго анастомоза, идущаго отъ лучевой артерій къ локтевой, при чемъ образуется уголь, вершина котораго отстоитъ отъ средней кожной складки ладони на 2 сант. Анастомозъ здѣсь настолько тонокъ, что онъ не можетъ играть существенной роли въ кровоснабженіи кисти и потому этотъ случай скорѣе долженъ трактоваться какъ случай отсутствія поверхностной ладонной дуги. Сходная съ предыдущей картина наблюдается также въ случаѣ № 39 (рис. 49, таб. V) съ той лишь разницей, что здѣсь поверхностная ладонная вѣтвь

лучевой артерій даетъ двѣ общія пальцевыя артеріи (I+II). Вершина угла отстоитъ отъ средней кожной складки ладони на I сант. кверху. Въ виду того, что здѣсь анастомозъ развитъ довольно слабо, данный случай также долженъ разсматриваться какъ случай отсутствія поверхностной ладонной дуги.

Въ другихъ случаяхъ переходныхъ формъ *arcus radio-ulnaris* анастомозъ идетъ или въ видѣ дуги или въ видѣ прямой линіи, направляющейся поперечно черезъ ладонь (рис. 50, таб. V, случ. №№ 78 и 79). Въ первомъ случаѣ анастомозъ лежитъ чрезвычайно высоко — на 3.4 сант. выше средней кожной складки ладони, во второмъ — на 2.8 сант. Поверхностныя вѣтви локтевой и лучевой артерій въ обоихъ случаяхъ развиты очень хорошо, при чемъ первая по своему калибру немного уступаетъ второй. Въ виду того, что анастомозъ здѣсь очень тонокъ, данный случай можно трактовать скорѣе какъ случай отсутствія поверхностной ладонной дуги. Подобная же анатомическая картина наблюдалась въ случ. № 96 (рис. 48, таб. V). Разстояніе анастомозовъ отъ средней кожной складки ладони въ среднемъ = 2.5 сант.; maximum = 3.5 сант.; minimum = 1 сант.

IV. Локтевая поверхностная ладонная дуга (*arcus volaris superficialis ulnaris*).

Локтевая поверхностная ладонная дуга образуется одной поверхностной вѣтвью локтевой артеріи безъ участія поверхностной вѣтви лучевой. Какъ и луче - локтевая ладонная дуга, она по своему развитію и положенію представляетъ различные варианты. Можно различать сильныя и слабыя степени развитія локтевой ладонной дуги. Къ первымъ я отношу всѣ тѣ случаи, когда отъ дуги отходятъ четыре общихъ пальцевыхъ артерій и кромѣ того, большею частью, собственная пальцевая артерія къ локтевой сторонѣ мизинца, при чемъ первая общая пальцевая артерія по своему калибру мало отличается отъ другихъ общихъ пальцевыхъ артерій. Къ болѣе слабымъ формамъ развитія локтевой дуги относятся мной всѣ тѣ случаи, въ которыхъ какая либо общая пальцевая артерія совершенно выпадаетъ

или настолько слабо развита, что представляет собой лишь тоненькій анастомозъ къ соответствующей болѣе мощной пястной артеріи, происходящей изъ глубокой ладонной дуги.

Въ типическихъ случаяхъ (рис. 11, таб. I) при сильныхъ степеняхъ развитія локтевой ладонной дуги, локтевая артерія отъ гороховидной косточки идетъ внизъ къ четвертому межпястному промежутку, откуда на 3—4 сант. ниже *os pisiformis* поворачиваетъ въ лучевую сторону и идетъ почти поперечно черезъ ладонь по дугообразной линіи, выпуклостью своей обращенной книзу; дойдя до мышечнаго возвышенія большого пальца локтевая артерія дѣлаетъ новый поворотъ книзу и направляется въ первый межпальцевой промежутокъ, исходя въ первую общую пальцевую артерію, снабжающую своими вѣточками лучевую сторону указательнаго пальца и обѣ стороны большого пальца. Хорошо развитая 2-я, 3-я и 4-я общія пальцевыя артеріи направляются внизъ соответственно межпястнымъ промежуткамъ.

Нерѣдко однако наблюдаются отклоненія отъ описаннаго типа сильно развитой локтевой ладонной дуги. Эти варіаціи чаще всего касаются кровоснабженія первыхъ двухъ пальцевъ. Такъ, напр. на рис. 12, таб. I и 25, таб. III (сл. №№ 47 и 118), рис. 27, таб. III (случ. № 22) можно видѣть, что первая общая пальцевая артерія посылаетъ только двѣ вѣточки для лучевыхъ сторонъ большого и указательнаго пальцевъ или для лучевой стороны указательнаго и локтевой стороны большого пальца; другая же, недостающая пальцевая артерія большого пальца происходитъ или изъ глубокой ладонной дуги или представляетъ собою концевую вѣточку поверхностной ладонной вѣтви лучевой артеріи (рис. 25).

На вышеуказанныхъ рисункахъ можно видѣть также и другія особенности изображенныхъ на нихъ анатомическихъ картинъ локтевой ладонной дуги. Такъ на рис. 12 эта особенность выражена въ томъ, что поверхностная вѣтвь локтевой артеріи, отдавъ предварительно на своихъ обычныхъ мѣстахъ пальцевую артерію для локтевой стороны мизинца и 4-ю общую пальцевую артерію и достигнувъ 2-го межпястнаго промежутка, вѣрообразно распадается на 3 общихъ пальцевыхъ артерій (1-ю, 2-ю и 3-ю), при чемъ положеніе 3-й общей пальцевой артеріи въ верхней ея половинѣ совер-

шенно не соответствует 3-му межпястному промежутку, какъ это бываетъ въ нормѣ. На рис. 25 и 27 изображены добавочныя отходящія отъ верхней периферіи дуги вѣточки, образующія различной величины артеріальныя островки. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ переходными формами къ *arcus volaris duplex*; болѣе подробно на этихъ вариантахъ поверхностной ладонной дуги я останавлиюсь нѣсколько ниже.

Кромѣ указанныхъ вариантовъ мы встрѣчаемъ также другія модификаціи сильно развитой локтевой ладонной дуги. Такъ на рис. 13, таб. II (случ. № 120) прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что 2-я и 3-я общія пальцевыя артеріи отходятъ общимъ стволомъ въ области 3-го межпястного промежутка, при чемъ 2-я общая пальцевая артерія отъ мѣста своего происхожденія направляется въ лучевую сторону параллельно первой общей пальцевой артеріи, являющейся непосредственнымъ продолженіемъ локтевой ладонной дуги. Дойдя до 2-го межпястного промежутка, 2-я общая пальцевая артерія круто поворачиваетъ внизъ и занимаетъ свое нормальное положеніе. Такимъ образомъ, если сдѣлать разрѣзъ черезъ кожу и апоневрозъ въ области 3-й пястной кости, то передъ глазами откроется своеобразная анатомическая картина: поперечно черезъ ладонь идутъ двѣ параллельныхъ, почти одинаково хорошо развитыхъ артеріи, отстоящія одна отъ другой на 1 сант.

Рис. 13 представляетъ также и другія достойныя вниманія особенности. Въ типическихъ случаяхъ локтевой ладонной дуги, послѣдняя, приближаясь къ мышечному возвышенію большого пальца, дѣлаетъ дугообразный изгибъ кверху; здѣсь же подобнаго изгиба нѣтъ; дуга почти на всемъ протяженіи ладони идетъ параллельно средней кожной складкѣ. Кромѣ того, здѣсь довольно крупная первая общая пальцевая артерія незамѣтно переходитъ въ совершенно одинаково развитую первую тыльную пястную артерію (*a. metacarpea dorsalis I*), при чемъ изъ мѣста сліянія ихъ симметрично одна противъ другой выходятъ собственныя пальцевыя артеріи для локтевой стороны большого и лучевой стороны указательнаго пальца. Подобная же картина сліянія хорошо развитой первой общей пальцевой артеріи съ первой тыльной пястной артеріей наблюдается на рис. 33, таб. III (сл. № 111).

Что касается положенія типической сильно развитой локтевой ладонной дуги относительно средней кожной складки ладони, то самый низкій пунктъ ея выпуклости, въ большинствѣ случаевъ, соответствуетъ 3-му межпястному промежутку и отстоитъ отъ этой складки въ среднемъ на 1,7 сант., maximum = 2,8 сант., minimum = 0,5 сант. Въ области второго межпястного промежутка дуга лежитъ на 2—3 милл. выше сравнительно съ 3-мъ межпястнымъ промежуткомъ.

При нѣкоторыхъ вариантахъ локтевой ладонной дуги, какъ я уже упоминалъ выше, послѣдняя идетъ, почти на всемъ протяженіи ладони, параллельно средней кожной складкѣ.

Сильно развитая локтевая ладонная дуга встрѣтилась мнѣ 48 разъ изъ 85 т. е. въ 57, 7⁰/₁₀ — болѣе, чѣмъ въ половинѣ всѣхъ случаевъ локтевой ладонной дуги. Въ остальныхъ 37 случаяхъ локтевая дуга представляла различныя степени недоразвитія.

Слабое развитіе первой общей пальцевой артеріи встрѣтилось мнѣ 27 разъ. Подобную картину локтевой ладонной дуги можно видѣть, напр., на рис. 14, таб. II (случ. № 35), гдѣ первая общая пальцевая артерія исходитъ въ тоненькую вѣточку для лучевой стороны большого пальца. Въ сл. № 132 (рис. 15, таб. II) недоразвитіе первой общей пальцевой артеріи идетъ еще дальше. Здѣсь поверхностная вѣтвь локтевой артеріи исходитъ во 2-ю общую пальцевую артерію; первая же общая артерія настолько слабо развита, что представляетъ собой лишь анастомозъ къ болѣе мощной I-й пястной артеріи. Общая картина положенія данной ладонной дуги такая же, какъ и при типической формѣ сильно развитой локтевой ладонной дуги. Помимо недоразвитія первой общей ладонно-пальцевой артеріи случай № 132 представляетъ еще ту особенность, что здѣсь четвертая общая пальцевая артерія подходитъ подъ сухожилія сгибателей мизинца. На рис. 16, таб. II (случ. № 136) картина локтевой ладонной дуги представляетъ уже нѣкоторыя другія особенности. Здѣсь локтевая артерія отъ гороховидной косточки идетъ почти по прямой линіи во второй межпальцевой промежутокъ, пересѣкая среднюю кожную складку ладони въ области 3-й пястной

кости. Слабо развитая первая общая пальцевая артерія отходит *vis-a-vis* съ 3-й общей пальцевой артеріей и направляется вверхъ къ мышечному возвышенію большого пальца, образуя т. о. съ локтевой артеріей острый уголъ, открытый кверху. Достигнувъ мышечнаго возвышенія, *a. digit. comm. I* дугообразно поворачиваетъ внизъ — къ первому межпальцевому промежутку и здѣсь сливается съ болѣе мощной *a. metac. vol. I*.

Я не останавливаюсь здѣсь на тѣхъ случаяхъ, гдѣ слабо развитая первая общая пальцевая артерія отходитъ ненормально высоко отъ проксимальной периферіи локтевой дуги. Всѣ эти случаи отнесены мной въ особую группу, на которой я болѣе подробно останавлиюсь нѣсколько ниже, когда будетъ итти рѣчь о двойной ладонной дугѣ.

Слабое развитіе второй общей пальцевой артеріи можно видѣть на рис. 17, таб. II (сл. № 2); подобный случай встрѣтился мнѣ 1 разъ.

Недоразвитіе первой и второй общихъ пальцевыхъ артерій встрѣтилось мнѣ три раза (случ. №№ 28, 30, 65). Эта картина изображена на рис. 18, таб. II (случ. № 65). Здѣсь лучевая половина ладонной дуги значительно слабѣе развита сравнительно съ локтевой; локтевая артерія какъ бы исходитъ въ 3-ю общую пальцевую артерію. Первая и вторая общія пальцевыя артеріи являются лишь анастомозами къ болѣе мощнымъ соответствующимъ пястнымъ артеріямъ. Положеніе локтевой дуги не представляетъ какихъ либо отклоненій отъ нормальнаго типа сильно развитой локтевой дуги. Подобная же картина недоразвитія первой и второй общихъ ладонно-пальцевыхъ артерій наблюдается на рис. 26, таб. III (сл. № 28). Особенность даннаго случая заключается лишь въ томъ, что здѣсь есть артеріальное кольцо; въ виду того, что оно выражено здѣсь сравнительно слабо, этотъ случай можно считать за переходную форму къ двойной ладонной дугѣ. Болѣе подробно я останавлиюсь на немъ въ главѣ объ *arcus volaris duplex*.

Совершенное выпаденіе второй общей пальцевой артеріи при наличности первой встрѣтилось мнѣ два раза (случ. №№ 52, 53, рис. 35, таб. III). Этотъ случай болѣе подробно описанъ мною въ главѣ о двойной ладонной дугѣ.

Совершенное выпаденіе 2-й и 4-й общихъ пальцевыхъ артерій съ замѣщеніемъ ихъ соответственными пястными артеріями встрѣтилось мнѣ 1 разъ (сл. № 31 рис. 37, таб. IV).

Слабое развитіе первой, второй и третьей общихъ пальцевыхъ артерій я наблюдалъ одинъ разъ: рис. 19, таб. II (сл. № 116). Здѣсь довольно хорошо развитая поверхностная вѣтвь локтевой артеріи идетъ почти по прямой линіи въ четвертый межпальцевой промежутокъ, исходя въ четвертую общую пальцевую артерію.

Недоразвитіе четвертой общей пальцевой артеріи я наблюдалъ 1 разъ (сл. № 74). Подобную картину можно видѣть на рис. 36, таб. III.

Недоразвитіе 1-й и 2-й общихъ пальцевыхъ артерій и совершенное выпаденіе 4-й общей пальцевой артеріи встрѣтилось мнѣ 1 разъ. Эта картина изображена на рис. 20 (сл. № 32). Здѣсь локтевая артерія исходитъ какъ бы въ 3-ю общую пальцевую артерію. Хотя лучевая половина дуги недоразвита, положеніе ея такое же, какъ и при типической формѣ хорошо развитой ладонной дуги.

Какъ я упоминалъ уже выше, локтевая форма ладонной дуги встрѣчалась Яцинскому¹⁾ значительно чаще, чѣмъ луче-локтевая — въ 37%; при этомъ *arc. ulnaris* встрѣчалась чаще у взрослыхъ (42%), чѣмъ у дѣтей и чаще на правой сторонѣ, чѣмъ на лѣвой. Эти обстоятельства заставляютъ Яцинскаго предполагать, что локтевая ладонная дуга частью врожденнаго, частью приобрѣтеннаго характера. Въ послѣднемъ случаѣ локтевая ладонная дуга можетъ происходить изъ луче-локтевой. Такое превращеніе, по предположенію Яцинскаго, вѣроятно, происходитъ подъ влияніемъ сокращенія *m. abductoris pollicis brevis*, такъ какъ проходящая черезъ эту мышцу поверхностная вѣтвь лучевой артеріи сдавливается, вслѣдствіе чего кровь будетъ направляться на ладонь главнымъ образомъ черезъ локтевую артерію; а это обстоятельство, въ свою очередь, должно вести къ постепенной атрофіи поверхностной вѣтви лучевой артеріи и компенсаторному расширенію локтевой. Въ пользу этого

1) l. c.

взгляда, по мнѣнію Ящинскаго, говорить также и то обстоятельство, что локтевая ладонная дуга чаще встрѣчается на правой, чѣмъ на лѣвой рукѣ.

Результаты изслѣдованій Тихомирова до нѣкоторой степени стоятъ въ противорѣчій съ изслѣдованіями Ящинскаго, такъ какъ ему чаще всего встрѣчалась луче-локтевая ладонная дуга (69, 7⁰/₀); локтевая же форма дуги наблюдалась только въ 25, 2⁰/₀ (63 раза на 250 кист.)

Наоборотъ, по моимъ наблюденіямъ, какъ и по наблюденіямъ Ящинскаго, самой частой формой ладонной дуги является локтевая форма (85 сл. изъ 157 = 54⁰/₀).

Разстояніе локтевой дуги отъ средней кожной складки, независимо отъ степени ея развитія, въ среднемъ = 1.7 с., maximum = 3 с., minimum = 0,5 с.

Въ типической формѣ локтевая ладонная дуга кромѣ челоуѣка наблюдается лишь у нѣкоторыхъ высшихъ животныхъ, напр., у *Lemur varius*; у низшихъ же животныхъ, у которыхъ или совсѣмъ не существуетъ локтевой артерій или она существуетъ въ зачаточной формѣ, пальцевыя артеріи происходятъ изъ срединной или лучевой или также изъ срединно-лучевой артерій, а у нѣкоторыхъ животныхъ изъ срединно-локтевой или луче-локтевой ладонной дуги.

На локтевую ладонную дугу слѣдуетъ смотрѣть какъ на форму прогрессивную; ей, повидимому, уступаетъ свое мѣсто луче-локтевая ладонная дуга, какъ форма наиболѣе ранняя въ филогенетическомъ отношеніи.

V. Срединно-локтевая поверхностная ладонная дуга (*arcus volaris superficialis medianoulnaris*).

Срединно-локтевая поверхностная ладонная дуга образуется поверхностной вѣтвью локтевой артерій и срединной артеріей. Обычно срединная артерія представляетъ собою тоненькую вѣточку, отходящую большею частію въ углу между локтевой и общей межкостной артеріей, рѣже — отъ локтевой или межкостной артерій. Эта артерія идетъ въ сопровожденіи срединнаго нерва и оканчивается около половины предплечья. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ однако,

срединная артерія бываетъ развита довольно сильно и достигаетъ даже ладони, при чемъ вмѣстѣ съ поверхностной вѣтвью локтевой артеріи, рѣже — съ поверхностной вѣтвью лучевой или, наконецъ, вмѣстѣ съ поверхностными вѣтвями локтевой и лучевой артерій образуетъ поверхностную ладонную дугу. Ящинскому ¹⁾ на 200 кистей срединно-локтевая ладонная дуга встрѣтилась 6 разъ — 2 раза у дѣтей и 4 раза у взрослыхъ (3⁰/₀). Поповскому ²⁾ подобная разновидность ладонной дуги встрѣтилась на 506 кистей 4 раза. Кромѣ того Поповскому посчастливилось встрѣтить два случая *arcus radio-medio-ulnaris*, т. е. дугу, образованную поверхностными вѣтвями лучевой и локтевой артерій и срединной артеріей, а также одинъ случай, гдѣ срединная артерія образовала небольшую дугу съ поверхностной вѣтвью лучевой артеріи, изъ которой выходили артеріи для обѣихъ сторонъ большого и указательнаго пальцевъ и для лучевой стороны средняго; поверхностная вѣтвь локтевой артеріи въ образованіи этой дуги участія не принимала, самостоятельно снабжая вѣточками мизинецъ, четвертый палецъ и локтевую сторону средняго пальца.

Хорошо выраженную срединно-локтевую поверхностную ладонную дугу мнѣ пришлось наблюдать 6 разъ (сл. №№ 69, 70, 94, 123, 141, 147), т. е. въ 3,8⁰/₀; но три раза на правой и лѣвой рукѣ (рис. 21, 22 и 23, табл. II.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ отъ срединно-локтевой ладонной дуги отходило по 4 общихъ пальцевыхъ артеріи и кромѣ того пальцевая вѣточка для локтевой стороны мизинца; по своему калибру срединная артерія была нѣсколько тоньше локтевой. Первая общая артерія отдавала обыкновенно двѣ пальцевыхъ вѣточки: для лучевой стороны указательнаго и для лучевой или локтевой стороны большого пальца. Въ случаѣ № 123 (рис. 21) первая общая пальцевая артерія, отдавъ вѣточку къ лучевой сторонѣ большого пальца, сливается въ межпальцевомъ промежуткѣ съ первой тыльной пястной артеріей, при чемъ изъ мѣста сліянія происходятъ собственные пальцевыя вѣточки къ обращеннымъ сторонамъ большого и указательнаго пальцевъ. Изъ морфологическихъ особен-

1) l. c.

2) Поповскій И. Замѣтки по анатоміи. Кіев. Унив. Изв. 1889 г. № 8.

ностей данныхъ случаевъ нужно отмѣтить также отхожденіе общимъ стволомъ 3-й и 4-й общихъ пальцевыхъ артерій въ случаѣ № 70 (рис. 22, таб. II).

Разстояніе срединно-локтевой поверхностной ладонной дуги отъ средней кожной складки по средней линіи ладони въ среднемъ = 2.3 сант.; minimum = 1.5 сант.; maximum = 2.8 сант.

Кромѣ выше упомянутыхъ 6 случаевъ хорошо развитой *arcus medio-ulnaris* мнѣ пришлось наблюдать также 3 случая (№№ 1, 4, 93) переходныхъ формъ къ полному отсутствію поверхностной ладонной дуги, гдѣ срединная артерія и поверхностная вѣтвь локтевой соединялись между собой тоненькимъ анастомозомъ.

Морфологическія особенности встрѣтившихся мнѣ послѣднихъ трехъ случаевъ заключаются въ слѣдующемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ срединная артерія является довольно хорошо развитой, хотя и нѣсколько менѣе, чѣмъ поверхностная вѣтвь локтевой артерій; отходящія отъ срединной артерій первая и вторая пальцевыя артеріи также мало уступаютъ по своему развитію остальнымъ общимъ пальцевымъ артеріямъ, отходящимъ отъ *ram. superf. a. ulnaris*. Въ случаѣ № 1 первая общая пальцевая артерія снабжаетъ своими вѣточками обращенныя стороны большого и указательнаго пальцевъ; лучевая сторона большого пальца снабжается отъ глубокой ладонной дуги. Въ случаѣ № 4 первая общая пальцевая артерія посылаетъ вѣточки къ лучевымъ сторонамъ большого и указательнаго пальца, локтевая же сторона большого пальца получаетъ вѣточку отъ глубокой ладонной дуги. Наконецъ въ 3-емъ случаѣ (№ 93, рис. 51, таб. V) такъ же, какъ и въ предыдущемъ, первая общая пальцевая артерія посылаетъ вѣточки къ лучевымъ сторонамъ большого и указательнаго пальца; локтевая же сторона большого пальца снабжается отъ первой тыльной пястной артерій. Анастомозъ, соединяющій локтевую и срединную артерію, во всѣхъ трехъ случаяхъ настолько тонокъ, что какой-либо существенной роли въ кровообращеніи онъ играть не можетъ, а потому эти случаи слѣдуетъ разсматривать какъ случаи отсутствія поверхностной ладонной дуги. Что касается положенія анастомоза относительно средней кожной складки, то онъ отстоитъ отъ нея въ среднемъ на 1.2 сант.

Наличность срединно-локтевой ладонной дуги, по

утвержденію Яцинскаго¹⁾, является специфической особенностью человѣка. Но это не совсѣмъ такъ. По изслѣдованіямъ Müller'a²⁾, подобная дуга наблюдается также у *Dasyurus viverrinus* изъ сем. *Marsupialia*, какъ это можно видѣть на рис. 1.

Здѣсь хорошо развитая срединная артерія, наиболѣе крупная изъ всѣхъ артерій предплечья, выйдя на ладонь, вступаетъ въ связь съ поверхностной локтевой артеріей и образуетъ такимъ образомъ хорошо выраженную поверхностную срединно-локтевую ладонную дугу, отъ которой отходитъ четыре общихъ пальцевыхъ артерій. Отличительной чертой этой дуги отъ человѣческой формы является такимъ образомъ то обстоятельство, что здѣсь въ образованіи дуги принимаетъ участие не глубокая, а поверхностная локтевая артерія, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчается и у человѣка.

По изслѣдованіямъ Schwalbe³⁾, хорошо выраженная срединно-локтевая поверхностная ладонная дуга наблюдается у *Herpestes griseus* и *Lemur Macaco*.

Въ первомъ случаѣ — у *Herpestes griseus* (рис. 1) сильно развитая *a. mediana* является главнымъ артеріальнымъ стволомъ

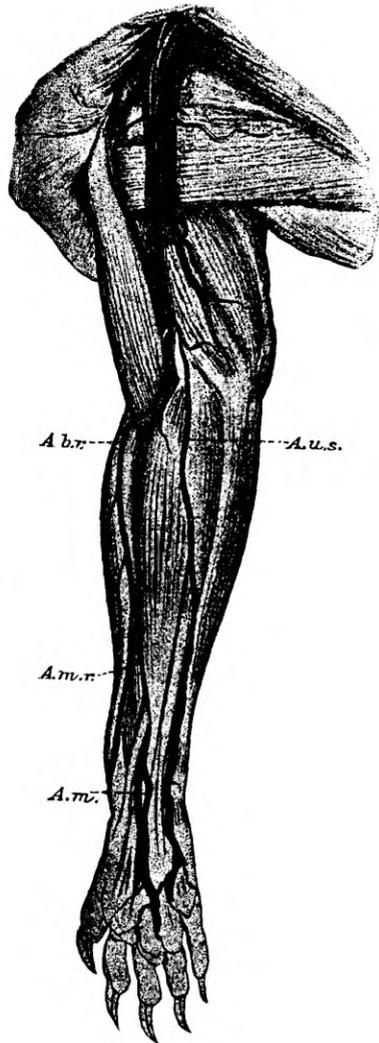

Рис. 1 (Müller).

1) l. c.

2) Müller, E. Beiträge zur Morphologie des Gefäßsystems. II. Die Armarterien der Säugetiere. Anat. Hefte Bd. 27, H. 1, S. 111—113. T. 7/8, Fig. 7.

3) Schwalbe, E. Zur vergleichenden Anatomie der Unterarmarterien, speciell des Arcus volaris sublimis. Morpholog. Jahrbuch. Bd. XXIII H. 3. Taf. XXVII, Fig. 6 и 8.

предплечья. Достигнувъ ладони, она отдаетъ четыре пальцевыхъ артерій, при чемъ четвертая пальцевая артерія образуетъ дугу, въ которую уже и вливается сравнительно слабо раз-

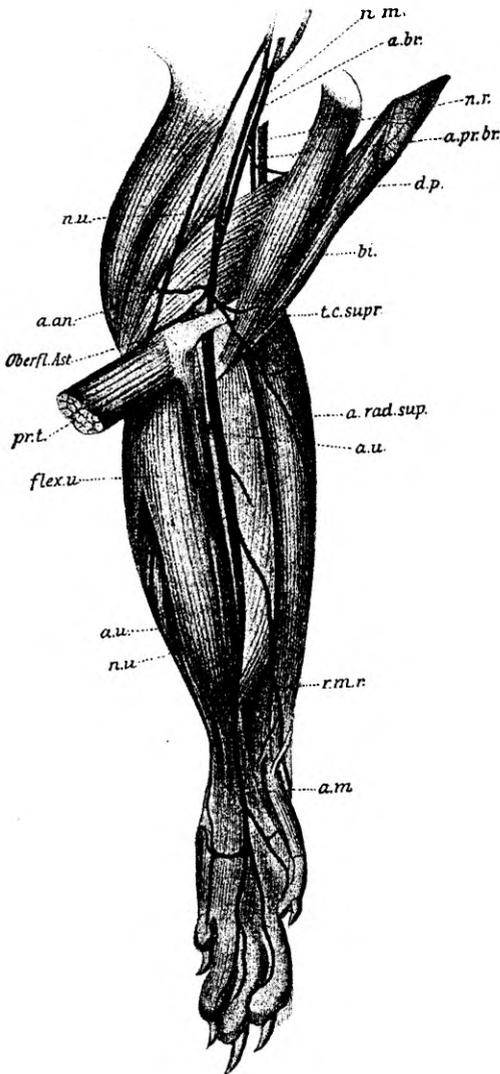

Рис. 2 (Schwalbe).

артеріальнымъ стволемъ предплечья. По мѣрѣ того, какъ животное занимаетъ все болѣе и болѣе высшую ступень по своему развитію въ животномъ царствѣ, срединная артерія по-

литая *a. ulnaris*. Въ отличіе отъ *Dasyurus viverrinus* здѣсь въ образованіи срединно-локтевой ладонной дуги принимаетъ участие уже не поверхностная, а глубокая локтевая артерія, какъ это наблюдается и у человека. Но здѣсь есть все же одна особенность, отличающая данную картину срединно-локтевой ладонной дуги отъ человѣческихъ вариантовъ; эта особенность — значительное превалированіе срединной артеріи надъ локтевой.

Какъ извѣстно, въ филогенетическомъ отношеніи срединная артерія по своему происхожденію является одной изъ самыхъ старѣйшихъ артерій предплечья. Въ животномъ царствѣ она имѣетъ весьма широкое распространеніе; у многихъ животныхъ она является главнымъ

степенно исчезаетъ, замѣщаясь частію лучевой, частію локтевой артеріей. У человѣка эта артерія выражена очень слабо, представляя собой тоненькую вѣточку, едва достигающую середины предплечья. Лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ *a. mediana* достигаетъ размѣровъ крупнаго ствола, спускающагося на ладонь и принимающаго участіе въ кровоснабженіи пальцевъ. Напротивъ, локтевая артерія у многихъ животныхъ совершенно отсутствуетъ или находится въ рудиментарномъ состояніи. Лучше всего она выражена у антропоморфныхъ обезьянъ и у человѣка; у послѣдняго она обычно превалируетъ надъ всѣми артеріями предплечья.

Срединно-локтевая ладонная дуга, наблюдаемая у *Lemur Macaco* (рис. 3), представляетъ уже типическую *arcus mediano-ulnaris*, встрѣчающуюся и у человѣка. Здѣсь локтевая артерія представляется уже болѣе развитой сравнительно съ срединной артеріей. Отъ дуги отходятъ четыре пальцевыхъ артеріи и кромѣ того очень тоненькій анастомозъ къ *a. radialis superficialis*.

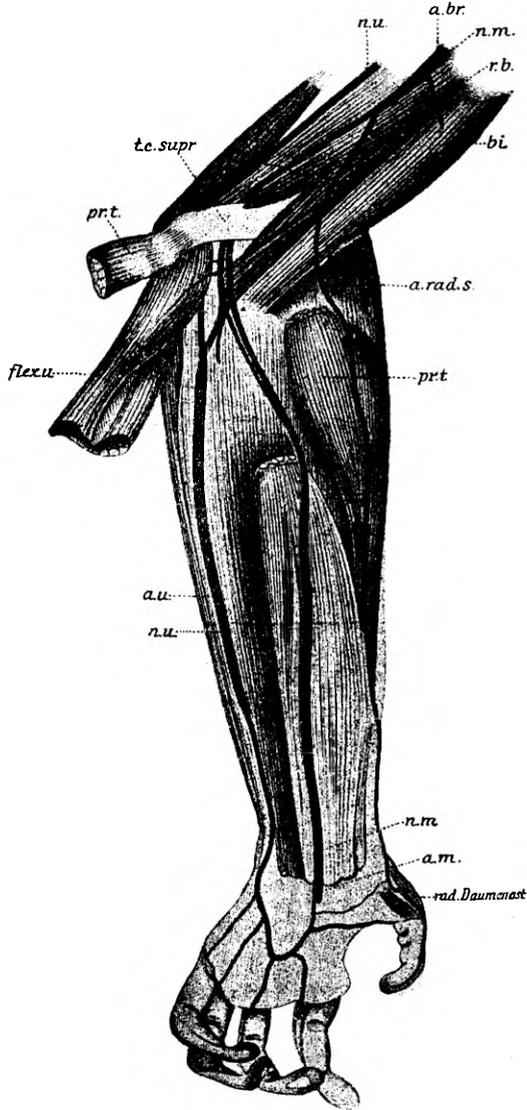

Рис. 3 (Schwalbe).

Такимъ образомъ срединно-локтевая поверхностная ладонная дуга вовсе не представляетъ собой исключительную особенность человѣка; она встрѣчается и у нѣкоторыхъ животныхъ. А это обстоятельство позволяетъ смотрѣть на данный варьянтъ, какъ на фактъ несомнѣнно атавистическаго значенія.

VI. Двойная поверхностная ладонная дуга (*arcus volaris superficialis duplex*).

Двойная поверхностная ладонная дуга представляется въ двухъ модификаціяхъ: или въ видѣ артеріальнаго кольца, образованнаго вслѣдствіе распаденія поверхностной лучевой или локтевой артеріи на двѣ вѣтви съ послѣдовательнымъ парнымъ соединеніемъ ихъ или въ видѣ двухъ изолированно идущихъ артеріальныхъ стволовъ, на которые дѣлится поверхностная локтевая артерія въ области третьяго — четвертаго межпястнаго промежутка; одинъ изъ этихъ стволовъ — верхній переходитъ въ первую общую пальцевую артерію; второй, являясь непосредственнымъ продолженіемъ поверхностной вѣтви локтевой артеріи, исходитъ во вторую или другую какую либо общую пальцевую вѣточку. Первую модификацію наблюдали Tiedemann¹⁾ — два раза, Barkow²⁾ — три раза, Lauth,³⁾ Hyrtl,⁴⁾ Arnold⁵⁾ — по одному. Вторая модификація, насколько мнѣ извѣстно, описана только Barkow'ымъ.⁶⁾ Въ виду того, что это единственный, извѣстный мнѣ изъ литературы случай, я позволю себѣ привести дословное его описаніе.

1) Tiedemann, F. *Tabulae arteriarum corporis humani*. Carlsruhae. MDCCCXXII. Tab. XVIII Fig. 2.

— *Supplementa ad tabulas arteriarum corporis humani*. Heidelbergae MDCCCXLVI, tab. XLVII fig. 4.

2) Barkow, H. *Anatomische Abhandlungen*. Breslau 1851. S. 33—34 — *Comparative Morphologie des Menschen und der menschenähnlichen Tiere*. Breslau. 1862. T. VI.

3) Lauth E. *Mem. de la Soc. d'histoire natur. de Strasbourg* 1830—1834, Прив. по Тихомирову: „Варьянты артерій и венъ.“

4) Hyrtl *Lehrbuch der Anatomie*. Wien 1889.

5) Arnold, F. *Handbuch der Anatomie des Menschen*, 1847. Bd. II, S. 505.

6) Barkow. H. *Comparative Morphol. d. Menschen* T. VI Tab. XX. Fig. 5.

„Die linke Hand. Es ist ein doppelter Arcus volaris sublimis vorhanden, ein oberer äusserer und ein unterer innerer.

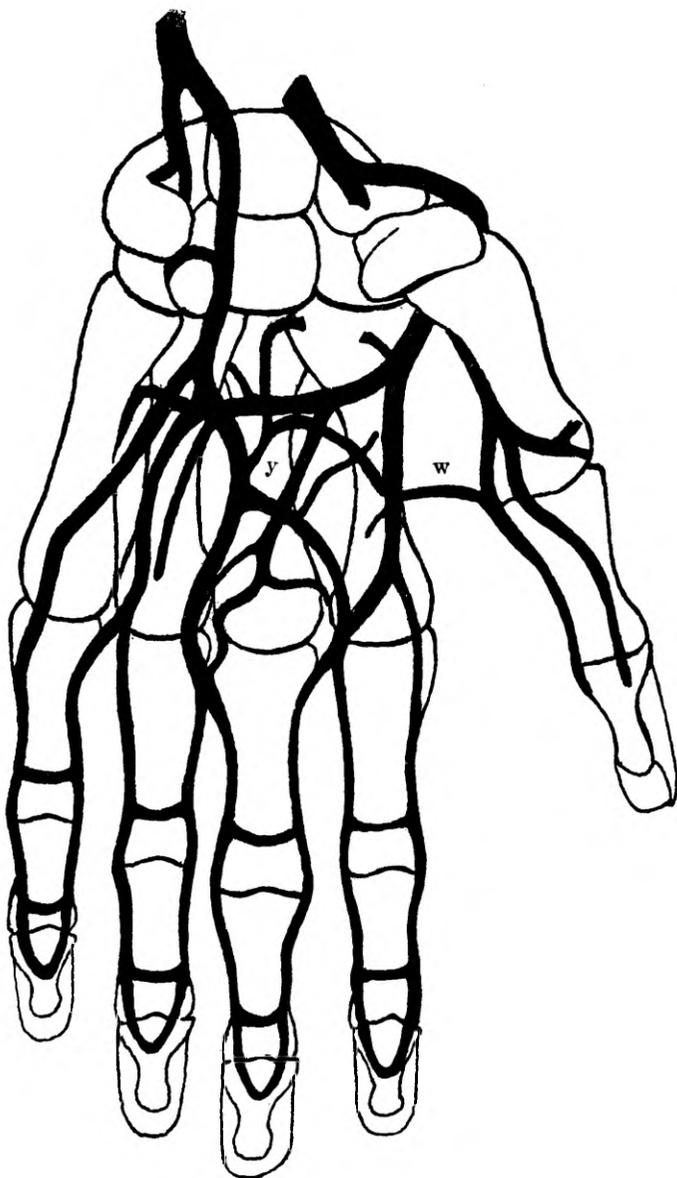

Рис. 4 (Barkow).

Der obere oder Arcus volaris sublimis superior s. externus wird gebildet durch einen schwachen langen gewunden ver-

laufenden Zweig (yw), welcher den Ramus volaris ulnaris sublimis mit der Art. digitalis pollicis ulnaris (aus dem Ramus volaris profundus der Art. radialis) verbindet. Der Arcus volaris sublimis inferior s. internus ist viel stärker, als der erstere. Er wird gebildet durch einen Zweig des Ramus volaris sublimis der Art. ulnaris und des Ramus profundus volaris radialis perforans. Diese beiden Zweige vereinigen sich zu einer kurzen zwischen dem Capitulum ossis metacarpi Digit. medii et secundi liegenden Art. digitalis communis, welche sich sogleich in die Art. digitalis ulnaris Indicis et radialis Digiti medii theilt. Zur Bildung dieser beiden Arterien tragen die Art. radialis und ulnaris gleich viel bei. Der Daumen erhält beide Art. digitalis die Art. radialis und ulnaris, der Zeigefinger die Art. digitalis volaris radialis aus dem Ramus volaris radialis profundus interosseus. Beide Seiten des fünften und vierten und die Ulnarseite des dritten Fingers erhalten die Art. digitales volares von der Art. ulnaris“ (S. 40 Fig. V. T. XX, рис. 4).

Какъ видно изъ описанія и рисунка, случай Barkow'a совершенно аналогиченъ съ моими случаями №№ 103, 117, анатомическая картина коихъ изображена на рис. 30 и 31, таб. III.

Двойная поверхностная ладонная дуга, по словамъ Тихомирова¹⁾, представляетъ собой „чрезвычайно рѣдкій варьянтъ.“ Ни Тихомирову, ни Поповскому, ни Яцинскому, изслѣдовавшимъ въ общемъ 956 кистей, этотъ варьянтъ не встрѣтился ни разу. Между тѣмъ мнѣ при своихъ изслѣдованіяхъ удалось наблюдать 17 (сл. №№ 28, 31, 48, 52, 53, 55, 62, 74, 77, 80, 103, 104, 107, 111, 117, 118, 129), случаевъ двойной поверхностной ладонной дуги, при чемъ въ 3-хъ изъ нихъ двойная дуга представлялась въ видѣ артеріальнаго кольца, а въ остальныхъ — въ видѣ двухъ раздѣльно идущихъ стволовъ. Кромѣ того слѣдуетъ полагать, что въ тѣхъ случаяхъ (№№ 173, 191, 206, 208), гдѣ форма ладонной дуги осталась неопредѣленной и гдѣ въ разрѣзѣ были видны два параллельно идущихъ ствола, имѣлась налицо двойная дуга. Наконецъ, я долженъ также упомянуть о тѣхъ двухъ случаяхъ (№№ 22, 25, рис. 27, 29 таб. III), которые могутъ быть истолкованы какъ неполныя или переходныя формы къ arcus volaris superficialis duplex.

1) l. c.

Первая модификація двойной поверхностной ладонной дуги въ хорошо выраженной формѣ, гдѣ дуга распадалась на два одинаково хорошо развитыхъ стволика, образующихъ артеріальный островокъ около 2 сант. въ наибольшемъ диаметрѣ, встрѣтилась мнѣ одинъ разъ. Этотъ случай описанъ мной уже раньше въ одной изъ предыдущихъ статей ¹⁾ и потому я останавливаться подробно на немъ не буду. Въ счетъ 17 этотъ случай не входитъ. Въ той же статьѣ описаны мной также и два другихъ случая — №№ 107, 118.

Случай № 107 (рис. 24, таб. II) представляетъ собой неравномерно развитую луче-локтевую ладонную дугу съ слабо развитымъ лучевымъ отрѣзкомъ. Артеріальный островокъ образуется здѣсь распаденіемъ на два стволика поверхностной вѣтви лучевой артеріи. Отъ дистальной половины артеріального островка отходятъ слабо развитыя первая и вторая общія пальцевыя артеріи, являющіяся лишь анастомозами къ болѣе сильно развитымъ соотвѣтствующимъ пястнымъ ладоннымъ артеріямъ.

Случай № 118 (рис. 25, таб. III) представляетъ типическую форму хорошо развитой локтевой ладонной дуги. Артеріальный островокъ образуется здѣсь раздвоеніемъ поверхностной вѣтви локтевой артеріи. Связь съ поверхностной вѣтвью лучевой артеріи выражена очень тоненькимъ анастомозомъ, отходящимъ отъ проксимальной половины артеріального островка. Такъ какъ эта связь выражена очень слабо, то данную дугу можно разсматривать какъ двойную локтевую ладонную дугу.

Очень сходная съ предыдущей анатомическая картина изображена на рис. 26, таб. III (сл. № 28). Какъ и въ предыдущемъ случаѣ, здѣсь артеріальный островокъ образуется раздвоеніемъ поверхностной вѣтви локтевой артеріи, но анастомоза къ поверхностной вѣтви лучевой артеріи здѣсь уже нѣтъ, благодаря чему двойная локтевая дуга выражена въ наиболѣе чистой формѣ. Какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ проксимальная половина артеріального островка выражена довольно слабо; въ послѣднемъ кромѣ того выраженъ слабо лучевой отрѣзокъ дистальной половины этого островка. Проксималь-

1) Георгіевскій, И. Три случая удвоенія поверхностной ладонной дуги. Русскій Хир. Архивъ 1906 г. кн. 3.

ная вѣточка двойной дуги въ обоихъ случаяхъ лежитъ чрезвычайно высоко: на 3.4—3.5 сант. выше средней кожной складки.

Рис. 27, таб. III (сл. № 22) представляетъ типическую форму хорошо развитой локтевой поверхностной ладонной дуги, гдѣ удвоеніе выражено въ самомъ зачаточномъ видѣ. Такимъ образомъ этотъ случай представляетъ лишь переходную форму къ *arcus volaris superficialis duplex*.

Что касается второй модификаціи двойной поверхностной ладонной дуги, то на первый взглядъ она представляетъ собой какъ бы особый вариантъ необычайно высокаго отхожденія первой общей пальцевой артеріи. Интересно, что ни Tandler ¹⁾, специально изслѣдовавшій вопросъ объ артеріяхъ большого пальца на довольно большомъ матеріалѣ, ни Яцинскій, также специально изслѣдовавшій вопросъ о поверхностной ладонной дугѣ, ни другіе анатомы, какъ Krause ²⁾ и Тихомировъ ³⁾, собравшіе громадную литературу о различнаго рода вариантахъ артерій и венъ, совершенно не упоминаютъ о разбираемой мной модификаціи ладонной дуги. Располагая значительнымъ матеріаломъ, я имѣю возможность показать различныя степени развитія аномальнаго добавочнаго стволика, отходящаго отъ проксимальной периферіи поверхностной ладонной дуги — отъ незначительной тоненькой вѣточки, едва достигающей мышечнаго возвышенія большого пальца, до мощнаго артеріальнаго ствола, переходящаго въ сильно развитую первую общую пальцевую артерію, по своему калибру не уступающую другимъ общимъ пальцевымъ вѣтвямъ.

На рисункѣ 28, таб. III (сл. № 81) изображена картина отсутствія ладонной дуги. Хорошо развитая поверхностная вѣтвь локтевой артеріи снабжаетъ своими вѣточками 3^{1/2} пальца. Отъ проксимально-радіальной периферіи ея, нѣсколько выше корня четвертой общей пальцевой артеріи, отходитъ тоненькая вѣточка, направляющаяся поперечно черезъ ладонь,

1) Tandler, I. Zur Anatomie der Arterien der Hand. Anat. Hefte Bd. VII p. 263.

2) Krause. Varietäten des Aortensystems. Henle. Handbuch d. systematischen Anatomie d. Menschen. Braunschweig. 1868.

3) Тихомировъ. 1. с.

но вскорѣ въпрочемъ исчезающая, не достигнувъ даже мышечнаго возвышенія большого пальца.

На рис. 29, таб. III (сл. № 25) изображена картина хорошо развитой локтевой поверхностной ладонной дуги, отъ проксимально-радіальной периферіи которой, въ промежуткѣ между III и IV aa. *digit. vol. com.*, также отходитъ подобная же вѣточка, но уже нѣсколько болѣе развитая, достигающая мышечнаго возвышенія большого пальца. Первая общая пальцевая артерія здѣсь развита хорошо и посылаетъ свои вѣточки къ лучевой сторонѣ указательнаго и локтевой сторонѣ большого пальца.

Рис. 30, таб. III (сл. № 117) представляетъ нѣсколько иную картину. Здѣсь хорошо развитая поверхностная вѣтвь локтевой артеріи исходитъ во вторую общую пальцевую артерію. Отъ радіально-проксимальной периферіи *arcus ulnaris* нѣсколько ниже мѣста отхожденія *a. digit. volar. ulnaris V*, отходитъ сравнительно слабо развитая вѣточка, направляющаяся почти поперечно черезъ ладонь и вступающая въ соустіе съ крупной первой пястной артеріей.

Подобная же картина изображена на рис. 31, таб. III (сл. № 103). Разница здѣсь состоитъ только въ различныхъ способахъ кровоснабженія большого пальца. Въ послѣднемъ случаѣ обѣ пальцевыя артеріи отходятъ отъ *a. metac. I*, въ первомъ — *a. volaris digitalis radialis I* представляетъ собою непосредственное продолженіе поверхностной вѣтви лучевой артеріи. Аномальная добавочная вѣточка является въ обоихъ этихъ случаяхъ какъ бы слабо развитой первой общей пальцевой артеріей и потому данный варьянтъ можно разсматривать какъ двойную неравномѣрно развитую локтевую поверхностную ладонную дугу. Совершенно аналогичная картина ладонной дуги описана Барков'ымъ, какъ *arcus volaris superficialis duplex*, о чемъ я уже упомянулъ нѣсколько выше.

Въ случаѣ № 80 (рис. 32 таб. III) процессъ развитія добавочной аномальной вѣточки идетъ еще дальше. Отойдя отъ радіально-проксимальной периферіи поверхностной вѣтви локтевой артеріи нѣсколько ниже *a. digit. volaris ulnaris V*, эта вѣточка направляется къ I-му межпальцевому промежутку и здѣсь распадается на 2 артеріи, изъ которыхъ одна вступаетъ въ соустіе съ *a. metac. vol. I*, другая

же исходить въ *a. digitalis volaris radialis I*. Настоящій случай уже наглядно показываетъ, что описанная аномальная вѣточка есть несомнѣнно первая общая пальцевая артерія, отходящая отъ поверхностной ладонной дуги необычно высоко. Поверхностная вѣтвь локтевой артеріи исходить во вторую общую пальцевую артерію. Данный варьянтъ можно разсматривать какъ двойную неравномѣрно-развитую локтевую ладонную дугу.

На рисункѣ 33, таб. III (сл. № 111) подобная же аномальная вѣточка, отходящая отъ радіально-проксимальной периферіи поверхностной локтевой артеріи исходить непосредственно въ лучевую пальцевую артерію большого пальца, не вступая въ соустіе съ какой либо другой артеріей. Хорошо развитая поверхностная вѣтвь локтевой артеріи направляется въ первый межпальцевой промежутокъ, сливаясь съ *a. metac. dors. I*. Отъ этой дуги отходятъ 4 общихъ пальцевыхъ артеріи, пальцевая артерія къ локтевой сторонѣ мизинца и аномальная пальцевая артерія къ лучевой сторонѣ большого пальца. Настоящій случай можно разсматривать такимъ образомъ, какъ двойную локтевую поверхностную ладонную дугу, сильно развитую.

Въ случаѣ № 48 (рис. 34, таб. III) аномальная *a. digit. communis I* по своему калибру уже ничѣмъ не отличается отъ другихъ общихъ пальцевыхъ артерій. Отойдя отъ *arc. vol. subl.* почти *vis-a-vis* съ *a. digit. comm. IV* и достигнувъ перваго межпальцевого промежутка, она распадается на пальцевыя вѣточки для лучевыхъ сторонъ указательнаго и большого пальцевъ. Настоящій случай слѣдуетъ разсматривать, какъ двойную локтевую дугу сильно развитую.

Встрѣчаются также различныя степени недоразвитія двойной локтевой поверхностной ладонной дуги. Такъ на рис. 35 таб. III (сл. № 52) изображена картина, гдѣ поверхностная локтевая артерія исходитъ въ 3-ю общую пальцевую артерію; вторая *a. digit communis* отсутствуетъ; аномальная первая общая пальцевая артерія отходитъ отъ радіальной периферіи поверхностной вѣтви локтевой артеріи тотчасъ ниже мѣста отхожденія пальцевой артеріи для локтевой стороны мизинца; своими вѣточками снабжаетъ обращенныя стороны большого и указательнаго пальцевъ.

На рис. 36 таб. III (сл. № 74) аномальная первая общая

пальцевая артерія отходить около 1 сант. ниже ладонно-локтевой пальцевой артеріи мизинца. Четвертая общая пальцевая артерія очень тонкая и представляет собой лишь анастомозъ къ соответствующей пястной артеріи.

Въ случаѣ № 31 недоразвитіе локтевой дуги идетъ еще дальше, какъ это видно на рисункѣ 37 таб. IV, гдѣ отъ хорошо развитой локтевой артеріи, исходящей въ 3-ю общую пальцевую артерію, отходятъ только двѣ вѣтви: пальцевая вѣточка къ локтевой сторонѣ мизинца и первая общая пальцевая артерія; вторая и четвертая пальцевыя артеріи отсутствуютъ.

Послѣдніе 3 случая слѣдуетъ разсматривать, какъ случаи двойной слабо развитой локтевой поверхностной ладонной дуги.

Начало аномальной первой общей пальцевой артеріи соответствуетъ б. ч. промежутку между *a. digit. vol. ulnaris V* и *a. digit. comm. IV*; иногда она отходитъ *vis-a-vis* съ *a. dig. com. IV* или даже между III и IV *a. digit. comm.* Отъ мѣста своего происхожденія аномальная *a. digit. comm. I* идетъ почти поперечно черезъ ладонь, дѣлая небольшой дугообразный изгибъ вблизи мышечнаго возвышенія большого пальца. Положеніе этой вѣточки относительно средней кожной складки ладони очень высоко; въ среднемъ разстояніе это = 2.6 сант., *maximum* = 3 сант., *minimum* = 2 сант.

Положеніе и ходъ поверхностной вѣтви локтевой артеріи въ различныхъ случаяхъ неодинаковы. Въ однихъ случаяхъ, б. ч. при сильныхъ формахъ развитія, она идетъ параллельно средней кожной складкѣ ладони или вплоть до перваго межпальцевого промежутка, какъ это видно на рис. 33 или только до втораго межпястного промежутка, гдѣ она круто поворачиваетъ внизъ, какъ это видно на рис. 30. Въ другихъ случаяхъ, при слабо развитыхъ формахъ локтевой дуги, поверхностная вѣтвь локтевой артеріи отъ гороховидной косточки идетъ по прямой линіи, пересѣкая среднюю кожную складку въ области третьяго межпястного промежутка, какъ это видно напр. на рис. 35, 36, и 37.

Въ предыдущихъ своихъ статьяхъ¹⁾ я уже указывалъ,

1) Георгіевскій, И. Три случая удвоенія поверхностной ладонной дуги. Рус. Хир. Арх. 1906 кн. 3.

— Къ казуистикѣ ненормальнаго отхожденія *a. digit. vol. comm. I* или раздвоенія поверхностной ладонной дуги. Рус. Хир. Арх. 1906 кн. 6.

что происхождение двойной поверхностной ладонной дуги уясняется изъ данныхъ эмбриологич, такъ какъ согласно послѣднимъ артеріальная система верхнихъ конечностей у человѣческаго зародыша въ раннихъ стадіяхъ его развитія представляется въ видѣ сложной сѣти, изъ которой образуются тѣ или другіе артеріальные стволы, наблюдаемые въ взросломъ состояніи, самая же сѣть въ большей своей части запусѣваетъ и исчезаетъ.

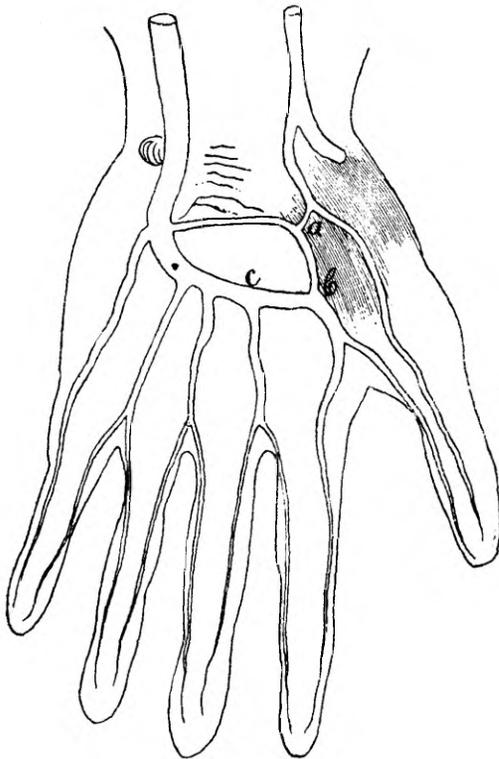

Рис. 5

Но иногда, подъ влияніемъ тѣхъ или другихъ причинъ, нѣкоторыя изъ звеньевъ эмбриональной сѣти, обычно исчезающія во взросломъ состояніи, сохраняются однако и у взрослыхъ и даже развиваются въ болѣе или менѣ крупные стволы, благодаря чему собственно и являются различнаго рода варианты сосудистой системы. Подобнымъ же образомъ, т. е. сохраненіемъ и усиленнымъ развитіемъ нѣкоторыхъ звеньевъ эмбриональной сѣти можно объяснить происхожденіе двойной поверхностной ладонной

дуги — въ видѣ ли образованія артеріальнаго кольца или въ видѣ расщепленія дуги на два самостоятелно и изолированно идущихъ стволика. Что обѣ указанныя формы двойной поверхностной ладонной дуги, равно какъ и различныя степени развитія ихъ, стоятъ въ тѣснѣйшей связи между собой и представляютъ собой такъ сказать явленіе одного и того же порядка, доказывается тѣмъ фактомъ, что у одного и того же трупа на одной рукѣ наблю-

дается, напр., двойная дуга въ формѣ артеріальнаго кольца, на другой — въ видѣ расщепленія дуги на два изолированныхъ стволика, не замыкающихся въ кольцо (сл. № № 117 и 118). Рисунокъ 5, приведенный мной въ одной изъ моихъ статей¹⁾, мнѣ думается, наглядно показываетъ, какъ при извѣстныхъ условіяхъ (при выпаденіи отрѣзка *ab* и недоразвитіи *ram. volar superf. a. rad.*) первая модификація двойной ладонной дуги можетъ превратиться во вторую модификацію *arc. volar. superf. duplex*.

Послѣдняя модификація представляетъ немалый интересъ съ сравнительно-анатомической точки зрѣнія, такъ какъ подобная анатомическая картина ладонной дуги наблюдается у шимпанзе (рис. 6). Здѣсь, по словамъ Zuckerkandl'я²⁾, собственно нѣтъ типической поверхностной ладонной дуги, какъ у человѣка, такъ какъ прямого анастомоза между локтевой и поверхностной вѣтвью лучевой артерій нѣтъ, а есть лишь связь съ глубоколежащей *a. metacarp.* Здѣсь стволъ локтевой артерій косвенно направляется во второй межпальцевой промежутокъ, отдавая на своемъ пути собственную пальцевую вѣточку къ локтевой сторонѣ мизинца, три общихъ пальцевыхъ артерій (IV, III, II) и собственную пальцевую артерію къ лучевой сторонѣ указательнаго пальца. Отъ радиально-проксимальной периферіи локтевой артерій *vis-a-vis* съ *a. digit. comm. IV* отходитъ вѣточка, которая направляется поперечно черезъ ладонь въ первый межпальцевой промежутокъ и тамъ вступаетъ въ соустіе съ *a. metacarpaea*. Получается картина, совершенно аналогичная съ той, которая изображена на рис. 30 и 31 и каковая описана Barkow'ымъ, какъ *arcus vol. superfic. duplex*.

Рис. 6 (Zuckermandl).

1) Георгиевскій, И. Къ казуистикѣ ненормальнаго отхожденія *a. dig. vol. comm. I*. Р. X. А. 1906 кн. 7.

2) Zuckerkandl, E. Zur Anatomie u. Entwickelungsgechiehte d. Arterien des Vorderarmes. Anat. Hefte. Bd. V. S. 200—201. Taf. 13/14 Fig. 28.

VII. Отсутствие поверхностной ладонной дуги.

Выше мною уже было указано на переходныя формы луче-локтевой и срединно-локтевой ладонныхъ дугъ съ слабымъ развитіемъ средняго отрѣзка, въ которыхъ связь между поверхностными вѣтвями лучевой и локтевой артерій или между поверхностной вѣтвью локтевой и срединной артеріей выражается въ видѣ тоненькаго анастомоза, не играющаго никакой существенной роли въ кровообращеніи. Но какъ бы ни была незначительна эта роль, связь между указанными артеріями имѣется все же налицо; съ этимъ фактомъ приходится считаться и на основаніи его все же можно говорить о наличности той или другой формы поверхностной ладонной дуги съ недоразвитіемъ средняго отрѣзка. Но встрѣчаются случаи, когда срединнй отрѣзокъ дуги совершенно выпадаетъ, такъ что лучевая и локтевая или локтевая и срединная артеріи идутъ черезъ ладонь совершенно изолированно одна отъ другой и снабжаютъ пальцы своими вѣточками совершенно самостоятельно, распадаясь на соотвѣтствующія пальцевыя артеріи. Здѣсь уже нельзя говорить о ладонной дугѣ — ея здѣсь нѣтъ.

Разсматривая локтевую форму поверхностной ладонной дуги (*arcus volaris superfic. ulnaris*) мы уже видѣли, что степень развитія ея бываетъ неодинакова: при сильномъ развитіи отъ этой дуги отходятъ 4 крупныхъ общихъ пальцевыхъ артерій; при слабомъ развитіи та или другая общая пальцевая артерія недоразвивается, представляя собой лишь тоненькій анастомозъ къ соотвѣтствующимъ пальцевымъ артеріямъ, происходящимъ изъ глубокой ладонной дуги или же та или другая общая пальцевая артерія совершенно выпадаетъ. Последнее обстоятельство относилось, впрочемъ, только къ II, III и IV общ. пальц. артеріи; выпаденіе же I-й общей ладонно-пальцевой артеріи, при локтевой формѣ дуги, разсматривается мною уже какъ отсутствіе ладонной дуги.

Tandler¹⁾, спеціально изслѣдовавшій вопросъ о кровообращеніи большого пальца, на основаніи значительнаго ма-

1) l. с.

теріала пришелъ къ выводу, что въ большинствѣ случаевъ большой палецъ снабжается не отъ глубокой, а отъ поверхностной ладонной дуги и, слѣдовательно, въ нормѣ поверхностная ладонная дуга посылаетъ не 3, а 4 общихъ ладонно-пальцевыхъ артеріи. Къ этому же заключенію прихожу и я на основаніи собственныхъ изслѣдованій. Съ этой точки зрѣнія, при локтевой формѣ ладонной дуги отсутствіе 1-й общей пальцевой артеріи должно разсматриваться какъ отсутствіе ладонной дуги. Такъ же смотритъ на этотъ вопросъ и Яцинскій. Нужно однако замѣтить, что очень многіе анатомы признаютъ только три общихъ пальцевыхъ артеріи, отходящихъ отъ поверхностной ладонной дуги (II, III, IV), первая же общая пальцевая артерія происходитъ, по ихъ мнѣнію, изъ глубокой дуги. Поэтому, съ точки зрѣнія этихъ анатомовъ локтевая поверхностная ладонная дуга съ тремя отходящими отъ нея общими пальцевыми артеріями (II, III, IV) считается за нормальную форму локтевой дуги.

При отсутствіи ладонной поверхностной дуги можно различать три главныя модификаціи артеріальнаго кровоснабженія пальцевъ: 1) общія пальцевыя артеріи происходятъ отъ поверхностныхъ вѣтвей лучевой и локтевой артерій, при чемъ эти вѣтви или идутъ совершенно изолированно или соединены очень тонкимъ анастомозомъ; 2) общія пальцевыя артеріи (II—IV) отходятъ отъ поверхностной вѣтви локтевой артеріи, первая же общая пальцевая артерія происходитъ изъ глубокой дуги; 3) общія пальцевыя артеріи отходятъ отъ срединной артеріи и поверхностной вѣтви локтевой артеріи или отъ поверхностной вѣтви лучевой артеріи, срединной артеріи и поверхностной вѣтви локтевой, причемъ эти главные артеріальные стволы идутъ или совершенно изолированно или соединены тоненькимъ анастомозомъ.

Первая модификація встрѣтилась Яцинскому¹⁾ 9 разъ на 200 кистей — 4 раза у дѣтей и 5 у взрослыхъ. Число собственныхъ пальцевыхъ артерій (*a. digital. propr.*), которая отдавала поверхностная вѣтвь лучевой артеріи, колебалось отъ 1 до 4; остальные пальцевыя артеріи происходили отъ поверхностной вѣтви локтевой артеріи. Авторъ не указываетъ,

1) l. c.

во сколькихъ случаяхъ изъ 9 между поверхностными вѣтвями локтевой и лучевой артерій не имѣлось анастомоза. — Тихомирову ¹⁾ подобная форма встрѣтилась 8 разъ на 250 кистей, Поповскому ²⁾ — восемь разъ на 506 кистей. Мнѣ полное отсутствіе поверхностной ладонной дуги въ первой модификаціи встрѣтилось 4 раза и 5 разъ въ видѣ переходныхъ формъ, гдѣ между поверхностными вѣтвями лучевой и локтевой артерій существовалъ тоненькій анастомозъ.

Такъ на рис. 38 и 39, таб. IV (сл. № № 101, 36) видно, что пальцевыя артеріи происходятъ отъ поверхностныхъ вѣтвей лучевой и локтевой артерій, при чемъ эти послѣднія никакимъ анастомозомъ между собой не соединены. Въ первомъ случаѣ отъ поверхностной вѣтви лучевой артеріи отходить только одна собственная пальцевая артерія для локтевой стороны большого пальца; лучевыя же стороны большого и указательнаго пальцевъ снабжаются соотвѣтственными вѣточками отъ глубокой ладонной дуги. Остальные пальцы получаютъ свои вѣточки отъ хорошо развитой локтевой артеріи, которая идетъ въ медиальной половинѣ параллельно средней складкѣ, отстоя отъ послѣдней по средней линіи ладони на 1.3 сант. Второй случай отличается отъ перваго тѣмъ, что здѣсь во 1-хъ поверхностная вѣтвь лучевой артеріи происходитъ ненормально высоко, во 2-хъ, что она подходитъ подъ поперечную связку запястья (*ligam. carpi transversum*) и въ 3-хъ, что она посылаетъ двѣ пальцевыхъ вѣточки для лучевыхъ сторонъ большого и указательнаго пальцевъ. Объ остальныхъ случаяхъ неполного отсутствія ладонной дуги, когда между поверхностными вѣтвями локтевой и лучевой артерій существовалъ тоненькій анастомозъ, я упоминалъ выше — въ главѣ о луче-локтевой ладонной дугѣ.

Вторая модификація артеріальнаго кровоснабженія пальцевъ при отсутствіи поверхностной ладонной дуги встрѣтилась Ящинскому 46 разъ (19 у дѣтей и 27 у взрослыхъ), при чемъ въ различныхъ случаяхъ число отходящихъ отъ локтевой артеріи пальцевыхъ вѣточекъ было неодинаково. Такъ въ однихъ случаяхъ поверхностная вѣтвь локтевой арте-

1) l. c.

2) l. c.

рiи отдавала 3 общихъ пальцевыхъ артерiи (II — IV) и собственную пальцевую артерiю для локтевой стороны мизинца (24 раза); первая же общая артерiя отходила отъ глубокой дуги. Въ другихъ — отъ поверхностной вѣтви локтевой артерiи отходили 2 общ. пальцевыхъ вѣточки (III + IV) и пальцевая артерiя для локтевой стороны мизинца; первая же и вторая общiя пальцевыя артерiи происходили отъ глубокой ладонной дуги, при чемъ онѣ соединялись тоненькими анастомозами съ поверхностной вѣтвью локтевой артерiи; такихъ случаевъ наблюдалось Яцинскимъ 10. Въ 7 дальнѣйшихъ случаяхъ поверхностная вѣтвь локтевой артерiи отдавала только одну IV-ю общую пальцевую артерiю и пальцевую артерiю для локтевой стороны мизинца и, наконецъ, въ послѣднихъ 2 случаяхъ не посылала ни одной хорошо развитой общей пальцевой артерiи, а отдавала лишь тонкiе анастомозы съ соотвѣствующимъ пястнымъ артерiямъ, происходившимъ изъ глубокой ладонной дуги. Тихомирову вторая модификацiя встрѣтилась 5 разъ, при чемъ поверхностная вѣтвь локтевой артерiи отдавала только двѣ общихъ пальцевыхъ артерiи (III + IV) и пальцевую вѣточку къ локтевой сторонѣ мизинца, первая же и вторая общiя артерiи происходили изъ глубокой дуги.

Отсутствiе поверхностной ладонной дуги во второй модификацiи наблюдалось мною 5 разъ, при чемъ въ 4 случаяхъ отъ поверхностной вѣтви локтевой артерiи отходило 3 общихъ пальцевыхъ артерiи; эту картину можно видѣть на рис. 28, таб. III (сл. № 81) и рис. 40, таб. IV (сл. № 34). Хорошо развитая поверхностная вѣтвь локтевой артерiи снабжаетъ своими вѣточками $3\frac{1}{2}$ послѣднихъ пальца; пальцевыя же артерiи для большого пальца и лучевой стороны указательнаго происходятъ изъ глубокой ладонной дуги. Главный стволъ поверхностной вѣтви локтевой артерiи идетъ или параллельно средней кожной складкѣ ладони, какъ это видно на рис. 28 или отъ гороховидной косточки направляется внизъ почти по прямой линiи, пересѣкая среднюю кожную складку соотвѣтственно 3-му межпястному промежутку (рис. 40). Что касается послѣдняго случая (№ 5), то здѣсь поверхностная вѣтвь локтевой артерiи отдаетъ только двѣ общихъ пальцевыхъ артерiи (III + IV) и пальцевую артерiю для локтевой стороны мизинца; первая же двѣ общiя пальцевыя

артеріи происходятъ отъ глубокой ладонной дуги. Картину эту можно видѣть на рис. 41, таб. IV.

Третій вариантъ отсутствія поверхностной ладонной дуги, когда пальцевыя артеріи происходятъ отъ идущихъ изолированно или соединенныхъ между собой тонкимъ анастомозомъ срединной артеріи и поверхностной вѣтви локтевой артеріи или отъ срединной артеріи и поверхностныхъ вѣтвей лучевой и локтевой артерій — встрѣчается сравнительно рѣдко. По крайней мѣрѣ ни Тихомировъ ¹⁾, ни Поповскій ²⁾, изслѣдовавшіе въ общемъ 756 кистей, этого варианта не наблюдали ни разу. Яцинскому данная разновидность встрѣтилась 10 разъ на 200 кистей, причемъ въ 7 случаяхъ пальцевыя вѣтви отходили отъ срединной артеріи (I+II a dig. vol. com.) и отъ поверхностной вѣтви локтевой (III+IV a. d. c. + a. d. v. uln. V); въ 3-хъ же послѣднихъ случаяхъ 1-я общая пальцевая артерія происходила отъ поверхностной вѣтви лучевой артеріи, вторая — отъ срединной артеріи, третья и четвертая общ. пальц. арт., а также пальц. вѣточка къ локтевой сторонѣ мизинца отходили отъ локтевой артеріи.

Данный вариантъ отсутствія поверхн. ладонной дуги мною наблюдался 8 разъ, при чемъ въ 3-хъ случаяхъ (№№ 1, 4, 93) срединная артерія и поверхностная вѣтвь локтевой соединялись между собой тонкимъ анастомозомъ. Объ нихъ я сейчасъ говорить не буду, такъ какъ они описаны мною уже выше — въ главѣ о срединно-локтевой ладонной дугѣ. Что касается остальныхъ пяти случаевъ, то всѣ они отличаются другъ отъ друга какими-нибудь особенностями. Въ случаѣ № 60 (рис. 42 таб. IV) первая и вторая общія пальцевыя артеріи происходятъ изъ срединной артеріи; третья и четвертая общія пальцевыя артеріи, а также пальцевая артерія для локтевой стороны мизинца отходятъ отъ поверхностной вѣтви локтевой артеріи; всѣ эти пальцевыя вѣтви развиты одинаково хорошо. Въ случ. № 33 (рис. 43, таб. IV) первыя двѣ общія пальцевыя артеріи также отходятъ отъ срединной артеріи; поверхностная же вѣтвь локтевой артеріи посылаетъ лишь одну четвертую хорошо развитую общую пальцевую и пальцевую артерію для локтевой стороны мизинца; третья общая пальцевая артерія

1) l. c.

2) l. c.

развита очень слабо, являясь лишь анастомозомъ къ болѣе мощной пястной артеріи, происходящей изъ глубокой ладонной дуги. Въ случ. № 21 (рис. 44, таб. IV) срединная артерія отдаетъ двѣ общихъ пальцевыхъ арт., изъ которыхъ первая развита сравнительно слабо, снабжая только лучевую сторону указательнаго пальца и отдавая тоненькій анастомозъ къ болѣе сильно развитой а. *metac. volar. I.* Отъ поверхностной вѣтви локтевой артеріи отходятъ хорошо развитыя 3 и 4 общія пальц. артеріи и собственная пальцевая вѣточка къ локтевой сторонѣ мизинца. Въ сл. № 54 (рис. 45, таб. IV) срединная артерія развита значительно слабѣе локтевой; отходящія отъ нея первая и вторая общія пальцевыя артеріи представляютъ собой лишь слабыя анастомозы къ соотвѣтственнымъ болѣе мощнымъ пястнымъ артеріямъ. Локтевая артерія идетъ здѣсь почти по прямой линіи въ 3-й межпальцевой промежутокъ, исходя въ 3-ю общую пальцевую артерію; кромѣ того отъ нея отходятъ 4-я общая пальцевая артерія и пальцевая вѣточка для локтевой стороны мизинца. Въ случаѣ № 68 (рис. 46, таб. IV) срединная артерія исходитъ лишь въ первую общую пальцевую артерію, посылающую вѣточки для обращенныхъ сторонъ большого и указательнаго пальца; лучевая сторона большого пальца снабжается отъ глубокой дуги. Поверхностная вѣтвь локтевой артеріи отдаетъ три общихъ пальцевыхъ артеріи и пальцевую артерію къ локтевой сторонѣ мизинца.

Во всѣхъ случаяхъ отсутствія поверхностной ладонной дуги мнѣ встрѣтилось 17, Яцинскому¹⁾ 65 случ. на 200 кист., Поповскому²⁾ 8 случ. на 506 кист. и Тихомирову 13 случ. на 250 кист.

VIII. Глубокая ладонная дуга.

Относительно глубокой ладонной дуги я сдѣлаю лишь самыя краткія замѣчанія, такъ какъ главнымъ предметомъ моихъ изслѣдованій въ настоящей работѣ является по-

1) l. c.

2) l. c.

верхностная дуга. Въ образованіи глубокой ладонной дуги, какъ извѣстно, принимаютъ участіе тыльная вѣтвь лучевой артеріи и глубокая вѣточка локтевой. Лучевой отрѣзокъ этой дуги обычно выраженъ лучше сравнительно съ локтевымъ. Варьянты *arc. vol. profundus* сводятся главнымъ образомъ къ компенсаторному усиленію той или другой пястно-ладонной артеріи взаимѣнъ слабо развитой или совершенно выпавшей общей ладонно-пальцевой артеріи, происходящей изъ поверхностной ладонной дуги. Чаще всего такому компенсаторному усиленію подвергается первая пястная артерія, относительно которой и до сихъ поръ существуетъ большое разногласіе среди анатомовъ. Какъ я уже упоминалъ выше, по мнѣнію однихъ анатомовъ большой палецъ снабжается кровью въ большинствѣ случаевъ изъ глубокой дуги, по мнѣнію другихъ — изъ поверхностной; въ виду этого первые признаютъ три общихъ ладонно-пальцевыхъ артерій, послѣдніе — четыре. Исслѣдованія Tandler'a, произведенные на 160 препаратахъ, дали слѣдующіе результаты. Первая общая ладонно-пальцевая арт. была выражена: сильно — 62 раза, посредственно — 65 разъ, слаб. 32 раза, отсутствовала I разъ; первая пястно-ладонная артерія была выражена: сильно — 54 раза, посредственно — 55 разъ, слабо — 32 раза, очень слабо 15 разъ, отсутствовала 5 разъ. Такимъ образомъ видно, что въ общемъ первая общая ладонно-пальцевая артерія бываетъ развита нѣсколько лучше сравнительно съ первой пястно-ладонной артеріей. Сравнительно рѣже компенсаторному усиленію подвергаются остальные общія пальцевыя артеріи.

Помимо компенсаторнаго усиленія пальцевыхъ артерій варьянты глубокой ладонной дуги касаются также хода образующихъ ее или исходящихъ отъ нея вѣтвей. Какъ извѣстно, тыльная вѣтвь лучевой артеріи, принимающая участіе въ образованіи поверхностной ладонной дуги, проникаетъ на ладонь съ тыльной стороны кисти черезъ первый межпястный промежутокъ. Но мнѣ встрѣтился одинъ случай (№ 118), гдѣ эта вѣтвь проникала черезъ второй межпястный промежутокъ; черезъ первый же промежутокъ проходила лишь очень тоненькая вѣточка, также вступающая въ соустіе съ глубокой ладонной дугой. Два подобныхъ случая, встрѣтившихся мнѣ раньше, описаны мной въ одной изъ моихъ предыдущихъ

статей¹⁾, а потому въ настоящее время я останавливаться на нихъ не буду.

Изъ другихъ вариантовъ глубокой ладонной дуги укажу на случай 115 (рис. № 10, таб. I). Здѣсь первая и вторая пястно-ладонныя артеріи отходятъ однимъ общимъ стволомъ, при чемъ послѣдняя направляется внизъ вдоль лучевого края второй пястной кости и лишь вблизи головки косвенно пересѣкаетъ ее и идетъ во второй межпальцевой промежутокъ; первая и вторая пястныя артеріи выражены лучше, чѣмъ соотвѣтствующія общія пальцевыя артеріи. Третья пястная артерія, довольно хорошо развитая, дойдя до границы нижней и средней трети пястной кости, проникаетъ черезъ третій межпястный промежутокъ на тыльную поверхность кисти и затѣмъ, обойдя связки, появляется въ соотвѣтствующемъ межпальцевомъ промежуткѣ, гдѣ и вступаетъ въ соустіе съ третьей общей пальцевой артеріей. Четвертая пястная артерія представляетъ ту особенность, что дважды вступаетъ въ соустіе съ четвертой общей пальцевой артеріей.

Что касается положенія глубокой ладонной дуги относительно средней кожной складки ладони, то, по Merkel'ю²⁾, она лежитъ проксимально отъ нея на 25, 5 mm., по Soulie³⁾ на 9—10 милл. выше поверхностной дуги. По моимъ изслѣдованіямъ также глубокая ладонная дуга лежитъ проксимальнѣе поверхностной въ среднемъ около 1 сант.

IX. Выводы.

Подводя итогъ собственнымъ изслѣдованіямъ, я прихожу къ слѣдующимъ выводамъ.

1) Наиболѣе часто встрѣчающейся формой поверхностной ладонной дуги является локтевая дуга (*arcus volaris superficialis ulnaris*: а. u. = 54⁰/₀, а. г. — u. = 28⁰/₀).

2) Относительно средней кожной складки поверхностная ладонная дуга лежитъ проксимально отъ нея въ среднемъ

1) Георгіевскій, И. О прохожденіи тыльной вѣтви лучевой артерій черезъ второй межпястный промежутокъ и объ усиленномъ развитіи второй тыльной пястной арт. Врач. Газ. 1906 № 11.

2) l. c. S. 617.

3) l. c. p. 623.

на 1.8 сант., независимо отъ формы дуги. Что же касается отдѣльныхъ формъ ладонной дуги, то локтевая форма лежитъ проксимально отъ средней кожной складки на 1.7 сант., луче-локтевая на 1.9 сант. и срединно-локтевая на 2.3 сант. Такимъ образомъ можно было-бы думать, что всего дальше отстоятъ отъ средней кожной складки срединно-локтевая дуга; но сдѣлать такой выводъ было-бы ошибочно, такъ какъ число встрѣтившихся мнѣ случаевъ срединно-локтевой ладонной дуги мало сравнительно съ общей цифрой случаевъ локтевой или луче-локтевой ладонной дуги.

3) На высокое отхождение первой общей ладонной артеріи слѣдуетъ смотрѣть какъ на расщепленіе или удвоеніе поверхностной ладонной дуги.

Приложенія.

I. Описаніе препаратовъ.

№ 1. Женскій трупъ (дѣвочка 13 л.). Правая рука.

Довольно хорошо развитая поверхностная вѣтвь локтевой артеріи отъ гороховидной косточки направляется въ четвертый межпальцевый промежутокъ, гдѣ и дѣлится на четвертую и третью общія пальцевыя артеріи. Изъ-подъ поперечной связки запястья появляется на ладонь хорошо развитая срединная артерія, которая вскорѣ же дѣлится на первую и вторую общія пальцевыя артеріи. Первая общая пальцевая артерія снабжаетъ своими вѣточками обращенныя стороны большого и указательнаго пальцевъ. Лучевая сторона большого пальца и локтевая сторона мизинца снабжаются вѣточками отъ глубокой ладонной дуги. Отъ лучевой периферіи поверхностной вѣтви локтевой артеріи, почти у самаго мѣста ея дѣленія на общія пальцевыя артеріи, отходитъ тоненькая вѣточка, направляющаяся косвенно въ лучевую сторону и вступающая въ соустіе со второй общей пальцевой артеріей. Поверхностная вѣтвь лучевой артеріи развита очень слабо; оканчивается въ мышцахъ ладоннаго возвышенія большого пальца.

Форма дуги: отсутствіе поверхностной ладонной дуги (переходная форма).

Разстояніе анастомоза между локтевой и срединной артеріями отъ средней кожной складки ладони = 1.2 сант. (проксимально).

№ 2. Тотъ же трупъ. Лѣвая рука (Таб. II, рис. 17.) Хорошо развитая поверхностная вѣтвь локтевой артеріи отъ

гороховидной косточки направляется косвенно вниз и в лучевую сторону по дугообразной линии, идущей почти параллельно средней кожной складке ладони. Дойдя до срединного края мышечного возвышения большого пальца, эта артерия поворачивается вниз и направляется в первый межпальцевой промежуток, исходя таким образом в первую общую пальцевую артерию, снабжающую своими веточками обе стороны большого пальца и лучевую сторону указательного. От поверхностной ветви локтевой артерии отходят: пальцевая артерия для локтевой стороны мизинца, четвертая, третья и вторая общие пальцевые артерии. Последняя, впрочем, развита очень слабо и представляет собой лишь анастомоз к более крупной соответствующей пястной ладонной артерии, происходящей из глубокой ладонной дуги.

Поверхностная ветвь лучевой артерии развита очень слабо и оканчивается в мышцах ладонного возвышения большого пальца.

Форма дуги: локтевая поверхностная ладонная дуга, слабо развитая.

Разстояние ее от средней кожной складки по средней линии ладони = 2.5 сант. (проксимально).

№ 3. Женский трупъ. Правая рука.

Хорошо развитая поверхностная ветвь локтевой артерии, пройдя около 2 сант. книзу от гороховидной косточки и отдав здесь пальцевую артерию к локтевой стороне мизинца, делает поворот в лучевую сторону и направляется в первый межпальцевой промежуток, исходя в первую общую пальцевую артерию. На этом пути от поверхностной ветви локтевой артерии отходят хорошо развитые четвертая, третья и вторая общие пальцевые артерии. Первая общая пальцевая артерия снабжает своими веточками обе стороны большого и лучевую сторону указательного. Поверхностная ветвь лучевой артерии развита очень слабо и оканчивается в мышцах ладонного возвышения большого пальца.

Форма дуги: локтевая поверхностная ладонная дуга, сильно развитая.

Разстояние ее от средней кожной складки по средней линии ладони = 0.5 сант. (проксимально).

№ 4. Тотъ же трупъ. Лѣвая рука.

Хорошо развитая поверхностная вѣтвь локтевой артеріи отъ гороховидной косточки направляется косвенно къ четвертому межпястному промежутку; отсюда идетъ параллельно средней складкѣ ладони къ 3-му межпястному промежутку, гдѣ она дѣлаетъ довольно крутой дугообразный поворотъ книзу и исходитъ въ третью общую пальцевую артерію. Кромѣ послѣдней отъ поверхностной вѣтви локтевой артеріи отходитъ пальцевая артерія къ локтевой сторонѣ мизинца и четвертая общая пальцевая артерія. Поверхностная вѣтвь лучевой артеріи развита очень слабо, оканчиваясь въ мышцахъ ладоннаго возвышенія большого пальца. Хорошо развитая срединная артерія, выйдя изъ-подъ поперечной связки запястья на ладонь, почти сейчасъ же дѣлится на первую и вторую общія пальцевыя артеріи, изъ которыхъ первая идетъ по срединному краю *thenaris* въ первый межпальцевой промежутокъ, гдѣ и распадается на двѣ пальцевыя вѣточки для лучевыхъ сторонъ большого и указательнаго пальцевъ; вторая общая пальцевая артерія идетъ по прямой линіи соотвѣтственно второму межпястному промежутку. Локтевая сторона большого пальца снабжается вѣточкой отъ сильно развитой первой тыльной пястной артеріи (*a. metac. dors. I*). Между поверхностной вѣтвью локтевой и срединной артеріей существуетъ очень тоненькій анастомозъ, отстоящій на 1.2 сант. кверху отъ средней кожной складки ладони.

Какъ на правой, такъ и на лѣвой рукѣ наблюдается дѣленіе главнаго плечевого артеріальнаго ствола на поверхностную и глубокую плечевую артерію, изъ которыхъ первая исходитъ въ лучевую, вторая въ локтевую артерію.

Форма дуги: отсутствіе поверхностной ладонной дуги (переходная форма).

№ 5. Женскій трупъ. Правая рука (Таб. IV, рис. 41).

Хорошо развитая поверхностная вѣтвь локтевой артеріи отъ гороховидной косточки косвенно направляется къ четвертому межпястному промежутку, гдѣ дѣлится на четвертую и третью общія пальцевыя артеріи. На 2.5 сант. ниже *os. ruyiformis* отъ нея отходитъ пальцевая артерія къ локтевой сторонѣ мизинца. Поверхностная вѣтвь лучевой артеріи развита очень слабо, оканчиваясь въ мышцахъ ладоннаго

возвышенія большого пальца. Большой и указательный пальцы, а также лучевая сторона среднего снабжаются вѣточками изъ глубокой ладонной дуги.

Форма дуги: отсутствіе поверхностной ладонной дуги.

№ 6. Трупъ тотъ же. Лѣвая рука.

Сильно развитая поверхностная вѣтвь локтевой артеріи косвенно направляется къ четвертому межпальцевому промежутку, откуда идетъ почти параллельно средней кожной складкѣ ко второму межпальцевому промежутку; здѣсь она нѣсколько поднимается кверху къ срединному краю мышечнаго возвышенія большого пальца и затѣмъ, сдѣлавъ дугообразный поворотъ, идетъ въ первый межпальцевой промежутокъ, гдѣ и распадается на три пальцевыя вѣточки — для обѣихъ сторонъ большого и для лучевой стороны указательнаго пальца. Т. о. поверхностная вѣтвь локтевой артеріи исходитъ въ первую общую пальцевую артерію. Кромѣ того отъ нея отходятъ вторая, третья и четвертая общія пальцевыя артеріи, а также пальцевая артерія къ локтевой сторонѣ мизинца. Всѣ эти пальцевыя вѣтви развиты одинаково хорошо. Поверхностная вѣтвь лучевой артеріи очень тонка и оканчивается въ мышцахъ ладоннаго возвышенія большого пальца.

Форма дуги: сильно развитая локтевая поверхностная ладонная дуга.

Разстояніе ея отъ средней кожной складки по средней линіи ладони = 1.5 сант. кверху.

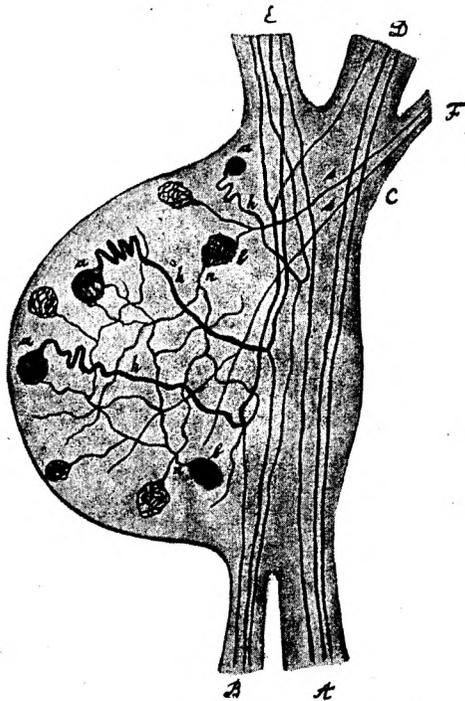
№ 7. Мужской трупъ. Правая рука.

Хорошо развитая поверхностная вѣтвь локтевой артеріи отъ гороховидной косточки направляется къ четвертому межпальцевому промежутку; отсюда поворачиваетъ въ лучевую сторону и, описывая дугообразную линію, выпуклостью своей обращенную книзу, достигаетъ второго межпальцеваго промежутка, гдѣ и сливается съ хорошо развитой поверхностной вѣтвью лучевой артеріи. Послѣдняя отъ шиловиднаго отростка луча идетъ поверхъ мышечнаго возвышенія большого пальца. Отъ выпуклой стороны образованной такимъ образомъ поверхностной ладонной дуги отходятъ пальцевыя артеріи для локтевой стороны мизинца и четыре общихъ пальцевыхъ артеріи. Первая общая пальцевая ар-

концевыхъ первичныхъ нервныхъ волоконецъ. Это — узловатая околосклетчатая арборизация. Кроме того наблюдаются клетки, подъ оболочкой которыхъ вошедшее нервное волокно, сначала еще не потерявшее миелина, обматывается беспорядочно какъ нитка вокругъ клубка, не покрывая только мѣста нахождения нервного клеточнаго клубочка. Это — клубковидное свободное окончание нерва (Ramon y Cajal). (Рис. 2169, 2170.)

Рис. 2169.

Рис. 2169. Схема соотношения форменныхъ элементовъ межпозвоночнаго нервного узла: А, В — передній и задній корешки; С — поверхностный спинномозговой нервъ; D, E — его передняя и задняя части; F — соединительная вѣтвь къ симпатической нервной системѣ; а — узловыя нервныя клетки; h — ихъ нервныя отростки, дѣлящіеся Т-образно; b — узловыя нервныя клетки второго вида съ отростками — n, не дѣляющимися Т-образно, но оплетающими узловыя клетки — а; s — нервныя волокна симпатической нервной системы (А. Догель).

Нервныя клетки въ узлѣ располагаются въ видѣ поверхностныхъ и центральныхъ группъ. Эти группы клетокъ окружены густой капиллярной сѣтью кровеносныхъ сосудовъ такъ, что каждая узловая клетка имѣетъ свою капиллярную сѣть.

Такое же почти строение имѣютъ нервныя узлы черепныхъ нервовъ (ganglion Gasseri, oticum, geniculi, sphenopalatinum, submaxillare, vestibulare, spirale, petrosum, jugulare). (Рис. 2171, 2172.)

Рис. 2170.

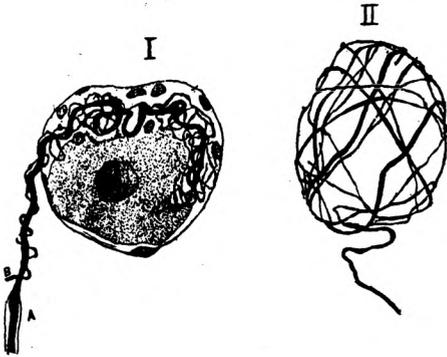

Рис. 2170. I — узловая нервная клетка: А — отходящее отъ клетки нервное волокно; В — входящее въ клетку нервное волокно, оплетающее клубочекъ нервного волокна клетки (Ramon у Cajal); II — входящее нервное волокно оплетаетъ всю нервную клетку (Догель).

Рис. 2171.

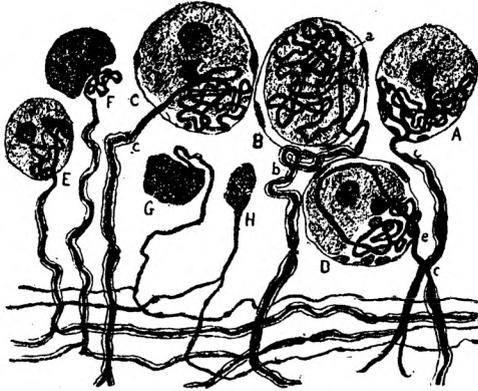
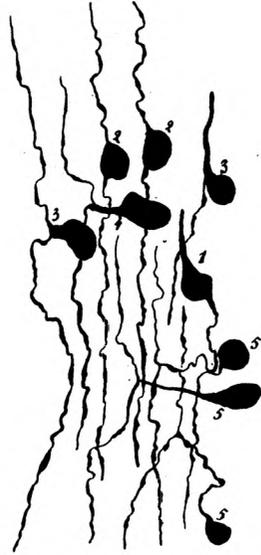

Рис. 2171. Узловыя нервныя клетки изъ узла Gasser'a и межпозвоночныхъ узловъ: А — клетка съ густымъ и сложнымъ клубочкомъ; В — клетка съ рѣдкимъ и широкимъ клубочкомъ; С — клетка съ клубочкомъ на одномъ полюсѣ; D — клетка съ клубочкомъ и дугою; E, F — средней величины клетки съ простыми клубочками; G, H — малая клетка безъ клубочка; с — мѣсто начала миелиной обкладки нервного волокна (Ramon у Cajal).

Рис. 2172.

Рис. 2172. Преобразование двухотростчатых нервных клеток в одноотростчатые (ganglion Gasseri морской свинки) в последовательных стадиях: 1, 2, 3, 4, 5 (Van Gehuchten).

Б. Мозжечекъ.

Мозжечекъ состоитъ изъ расположеннаго снаружи сѣраго вещества и подъ нимъ находящагося бѣлаго вещества.

1. Сѣрое вещество.

Сѣрое вещество мозжечка состоитъ изъ двухъ различныхъ слоевъ: 1) молекулярнаго слоя, расположеннаго снаружи и 2) кнутри отъ него лежащаго слоя зеренъ. (Рис. 2173.)

Въ молекулярномъ слоѣ залегаютъ клѣтки Ригкинѣ, клѣтки съ корзинками и поверхностныя звѣздчатыя клѣтки. (Рис. 2174.)

Клѣтки Ригкинѣ расположены въ одинъ слой своими тѣлами на границѣ между молекулярнымъ слоемъ и слоемъ зеренъ, а дендриты ихъ развѣтвляются въ области молекулярнаго слоя до самой поверхностной его части.

Клѣточное тѣло ихъ яйцевидной слегка сплюсщенной формы, довольно большой величины (длинная ось въ 40—60 μ , короткая ось въ 30 μ и толщина въ 20—30 μ). Своей длинной осью клѣтка расположена перпендикулярно къ наружной поверхности мозжечковой извилины и расширенной частью обращена вглубь. Отъ этой

Рис. 2173.

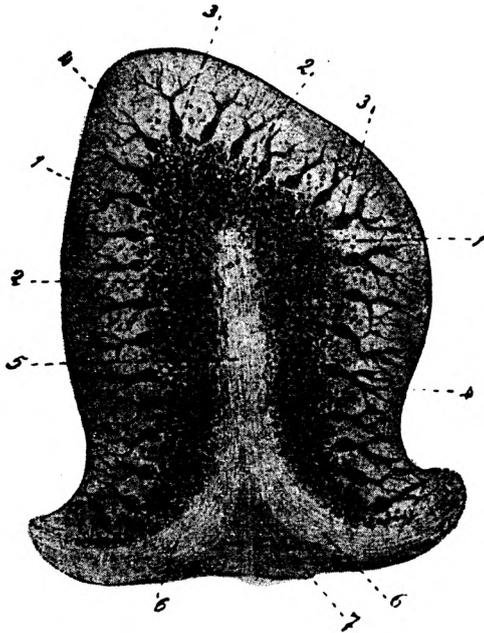

Рис. 2173. Перпендикулярное къ поверхности сѣченіе мозжечковой извилины: 1, 2 — зернистый слой; 3 — клѣтки Purkinje; 4 — молекулярный слой сѣраго вещества; 5, 6, 7 — нервныя волокна бѣлаго вещества (Эрлицкій).

расширенной части отходить только одинъ нервный отростокъ — нейритъ или аксонъ, а отъ противоположной суженной выходитъ одинъ или два, тотчасъ же начинающіе вѣтвиться, дендрита. (Рис. 2175.)

Клѣточное тѣло имѣетъ сѣтчато-волоконистое строеніе, въ промежуткахъ между волоконцами котораго содержатся разной величины окрашивающіяся зерна. Клѣ-

точное ядро большой величины (17 μ), шаровидной или яйцевидной формы, содержит большое ядрышко.

Рис. 2174.

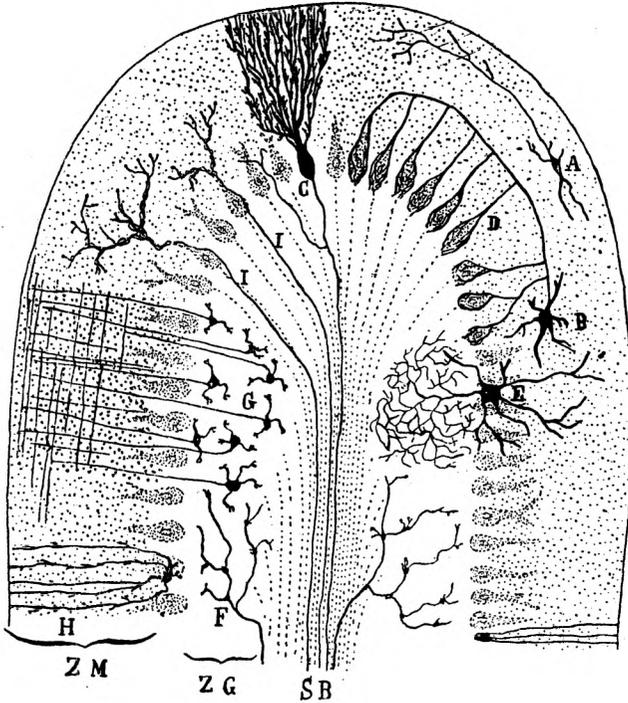

Рис. 2174. Схема расположения нервных элементов в коре мозжечка; ZM — наружный, молекулярный слой содержит: клетки Purkinje — C, малые звездчатые поверхностные клетки — A и большие звездчатые клетки глубокия или корзиночные клетки — B, нейриты которых дают боковые ветви, оплетающие своими разветвлениями в виде корзинок — D тела клеток Purkinje; ZG — зернистый слой содержит: клетки-зерна — G и большие звездчатые клетки Golgi — E; между клетками Purkinje залегают поддерживающие клетки нейроглии — H; белое вещество мозжечка — SB — содержит три вида волокон: моховидные — F, ползучия — I; центростремительные — нейриты клеток Purkinje (Ramon y Cajal).

Особенность клетки Purkinje состоит в том, что дендриты ее отходят и ветвятся только в одну сторону кнаружи и все его разветвления располагаются

въ одной плоскости, перпендикулярной къ наружной поверхности и къ экваторной плоскости данной мозжечковой извилины. (Рис. 2176, 2177.) Въ свою очередь дендриты всѣхъ клѣтокъ Purkinje располагаются приблизительно во взаимно параллельныхъ плоскостяхъ. (Рис. 2178.) Обыкновенно отъ наружнаго суженнаго конца клѣточного тѣла отходятъ два дендрита или одинъ, тотчасъ развѣтвляющійся на двѣ толстыя вѣтви, параллельныя наружной поверхности данной извилины. Потомъ

Рис. 2175.

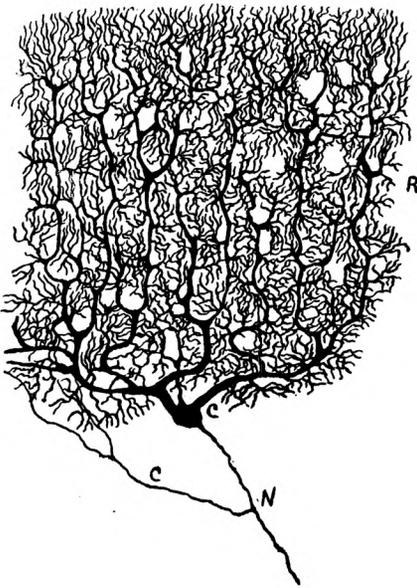

Рис. 2175. Клѣтка Purkinje: С — клѣточное тѣло; R — развѣтвленія дендритовъ; N — нейритъ; С — боковая его вѣтвь (Ramon у Cajal).

эти вѣтви начинаютъ многократно древовидно дѣлиться, образуя густую сѣть развѣтвленій, достигая наружной поверхности своими концами — арборизаціями; самыя тончайшія развѣтвленія арборизацій бывають покрыты хвоевидными тончайшими отростками. (Рис. 2179.) Всѣ эти развѣтвленія свободно оканчивкются въ молекулярномъ слоѣ.

Нейритъ отходитъ отъ расширенной внутренней поверхности клѣточного тѣла и направляется прямо чрезъ слой зеренъ въ бѣлое вещество мозжечка.

Въ слоѣ зеренъ нейритъ отдаѣтъ нѣсколько боковыхъ вѣтвей въ разныя стороны, которыя возвращаются въ молекулярный слой и тамъ заканчиваются свободно арборизаціями. (См. рис. 2174—2176.)

Рис. 2176.

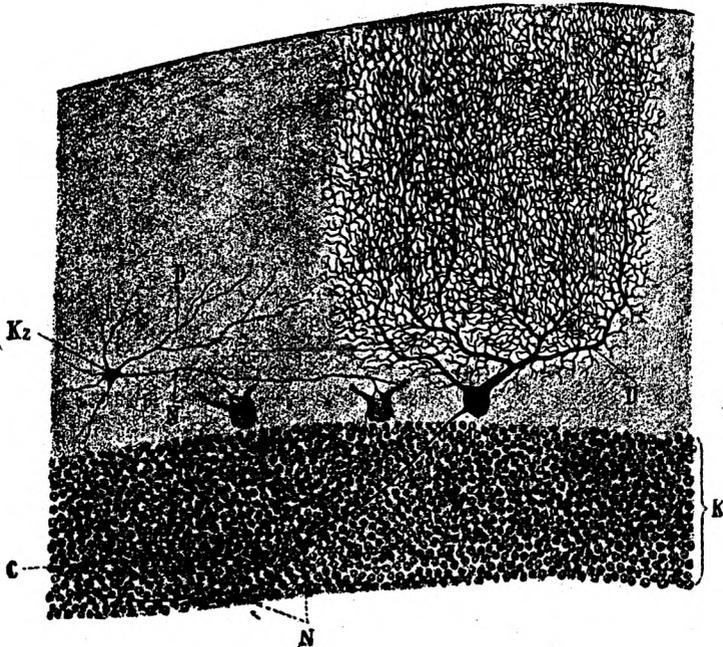

Рис. 2176. Перпендикулярное къ поверхности и къ экватору сѣченіе мозжечковой извилины человѣка; въ правой половинѣ клѣтка Purkinje съ развѣтвленіями ея дендритовъ, въ лѣвой — корзиночная клѣтка — Kz, нейритъ которой — N даетъ боковыя вѣтви, образующія каждая изъ концевой арборизаціи, оплетающей тѣло клѣтки Purkinje, корзинку: С — боковая вѣтвь; D — дендритъ; N — нейритъ; K — зернистый слой. Увеличеніе 100 (Sobotta).

Корзиночныя клѣтки (Korbzellen Kölliker'a) или большія звѣздчатыя клѣтки (Ramon у Cajal) располагаются главнымъ образомъ въ глубокомъ поясѣ молекулярнаго слоя, а чѣмъ ближе къ наружной его поверхности, тѣмъ ихъ меньше. (См. рис. 2174, 2176, 2177.) Клѣточное тѣло ихъ небольшой величины (15—20 μ въ поперечникѣ), имѣетъ многогранную или звѣздчатую

форму; оно содержит въ себѣ окрашивающуюся зернистость; ядро ихъ небольшое шаровидное съ ядрышкомъ. Многочисленные сравнительно короткіе сильно вѣтвящіеся дендриты отходятъ во всѣ стороны въ предѣ-

Рис. 2177.

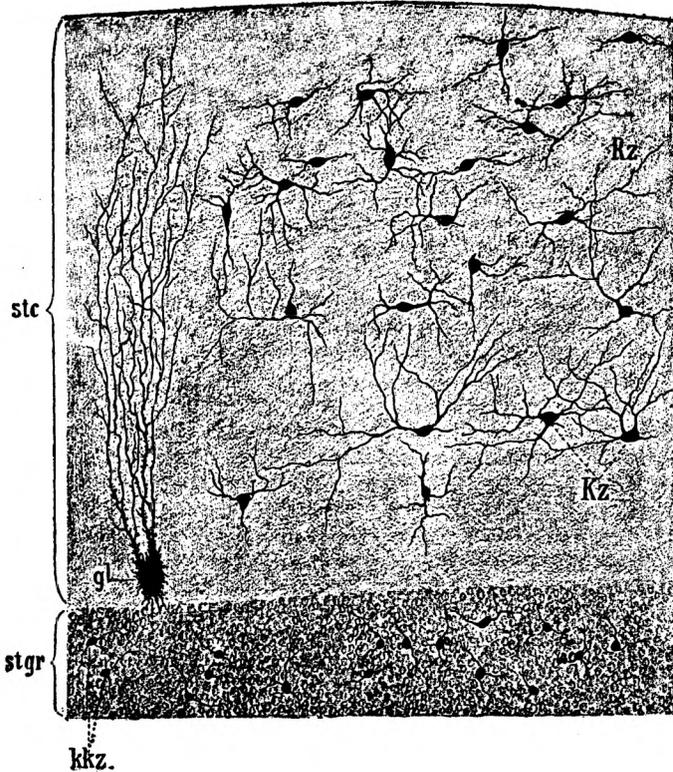

Рис. 2177. Перпендикулярное къ поверхности и параллельное меридіану мозжечковой извилины человѣка: stc — молекулярный слой; stgr — зернистый слой; gl — поддерживающая клѣтка нейроглии; Kz — корзиночныя клѣтки; Rz — малыя звѣздчатыя клѣтки; kkz — клѣтки-зерна. Увеличение 140 (Sobotta).

лахъ молекулярнаго слоя и свободно въ немъ заканчиваются; но болѣе значительной длины дендриты направляются къ наружной поверхности этого слоя; тонкія развѣтвленія дендритовъ — арборизаціи снабжены хвоевидными отростками. Главныя раз-

вѣтвления дендритовъ находятся въ параллельныхъ плоскостяхъ съ плоскостями расположенія дендритовъ клѣтокъ Purkinje.

Рис. 2178.

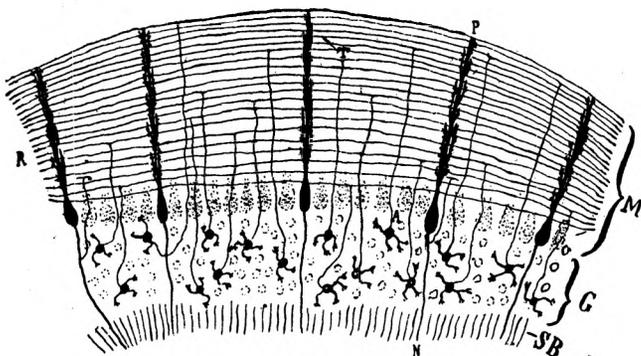

Рис. 2178. Схема соотношенія Т-образно развѣтвляющихся нейритовъ клѣтокъ-зеренъ и дендритовъ клѣтокъ Purkinje въ молекулярномъ слоѣ мозжечка: М — молекулярный слой; G — слой зеренъ; SB — бѣлое вещество мозга; Р — клѣтка Purkinje, видимая въ плоскости расположенія ея дендритовъ; N — ея нейритъ; А — клѣтки-зерна, высылающія въ молекулярный слой нейритъ, тамъ на различной высотѣ у различныхъ клѣтокъ Т-образно развѣтвляющійся — Т и проходящій параллельно наружной поверхности извилины чрезъ промежутки въ дендритахъ клѣтокъ Purkinje; R — концы параллельныхъ вѣтвей нейритовъ клѣтокъ-зеренъ (Ramon y Cajal).

Рис. 2179.

Рис. 2179. Концевыя части вѣтвей дендритовъ клѣтокъ Purkinje (Ramon y Cajal).

Нейритъ большой звѣздчатой клѣтки также идетъ перпендикулярно экватору извилины моз-

жечка въ молекулярномъ слоѣ и въ немъ же заканчивается свободно арборизаціей. На своемъ пути онъ даетъ многочисленныя боковыя вѣтви, восходящія и нисходящія; изъ послѣднихъ каждая направляется къ отдѣльной клѣткѣ Purkinje и заканчивается около нея кустикомъ, концевыя волокнца котораго оплетаютъ ея клѣточное тѣло, образуя для него какъ бы корзинку (Korbzellen). Восходящія боковыя вѣтви нейрита направляются къ наружной поверхности молекулярнаго слоя, гдѣ свободно заканчиваются арборизаціями. (Рис. 2180.)

Рис. 2180.

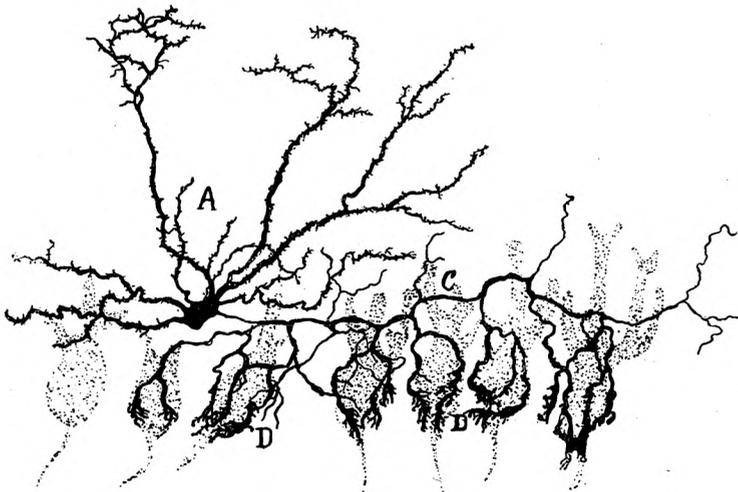

Рис. 2180. Корзиночная клѣтка или большая звѣздчатая клѣтка молекулярнаго слоя коры мозжечка: А — дендриты; С — нейритъ; D — корзинки, образуемыя вокругъ тѣла нервныхъ клѣтокъ Purkinje развѣтвленіями боковыхъ вѣтвей нейрита (Ramon y Cajal).

Малыя или поверхностныя звѣздчатыя клѣтки располагаются только въ поверхностной части молекулярнаго слоя. (См. рис. 2177.) Онѣ имѣютъ многогранное или звѣздчатое клѣточное тѣло небольшой величины. Меньшія изъ нихъ высылаютъ вокругъ себя многовѣтвящіеся дендриты и короткій нейритъ, свободно заканчиваю-

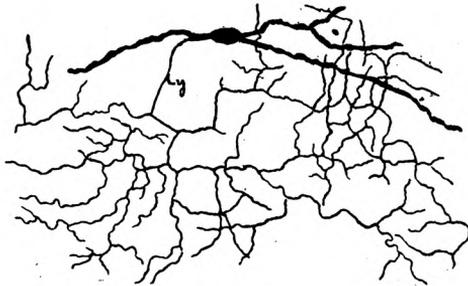
щийся здѣсь же въ области клѣтки арборизаціей. (Рис. 2181.) Большія изъ нихъ отличаются только тѣмъ, что ихъ нейритъ болѣе длинный и имѣетъ направленіе, параллельное экватору извилины; при своемъ ходѣ онъ отдаетъ во всѣ стороны боковыя вѣтви, заканчивающіяся свободно арборизаціями, какъ и самъ нейритъ, въ области молекулярнаго слоя. (См. рис. 2174.)

Кромѣ выше описанныхъ клѣтокъ молекулярный слой содержитъ еще клѣтки нейроглии.

Слѣдовательно, весь молекулярный слой состоитъ изъ клѣтокъ и ихъ отростковъ. Всѣ эти отростки

Рис. 2181.

Рис. 2181. Нервная клѣтка съ короткимъ нейритомъ, развѣтвляющимся въ сѣть боковыхъ отростковъ въ области, окружающей клѣтку; Су — нейритъ (Ramon у Cajal).

не имѣютъ миелиновой обкладки. Нейриты съ миелиновой обкладкой встрѣчаются только въ области клѣточныхъ тѣлъ клѣтокъ Purkinje.

Въ **слоѣ зеренъ** содержатся: 1) клѣтки-зерна, 2) большія звѣздчатыя клѣтки Golgi и 3) клѣтки нейроглии. (См. рис. 2173, 2174, 2176, 2177.)

Клѣтки-зерна состоятъ почти только изъ одного маленькаго (5—6 μ) клѣточного ядра съ ядрышкомъ, окруженнаго ничтожнымъ количествомъ веществъ клѣточного тѣла. Дендриты ихъ отходятъ въ числѣ 3—6, которые свободно заканчиваются тутъ же въ области клѣтки короткими узловатыми окончаніями. (Рис. 2182.) Очень тонкій нейритъ клѣтокъ-зеренъ отходитъ отъ клѣточного тѣла или отъ одного изъ дендритовъ и направляется кнаружи въ молекулярный слой, гдѣ на различной высотѣ его для различныхъ

кѣтокъ дѣлится Т-образно на двѣ вѣтви, подъ прямымъ угломъ расходящіяся въ противоположныя стороны параллельно экватору извилины, т. е. перпендикулярно къ плоскостямъ развѣтвленія дендритовъ кѣтокъ Purkinje; эти вѣтви очень длинны и заканчиваются свободно узловатыми концевыми частями. (См. рис. 2178.) Кѣтокъ-зеренъ такъ много и ихъ нейритовъ такъ много, что послѣдніе составляютъ почти главную массу молекулярнаго слоя. (См. рис. 2173, 2174, 2176—2178.)

Рис. 2182.

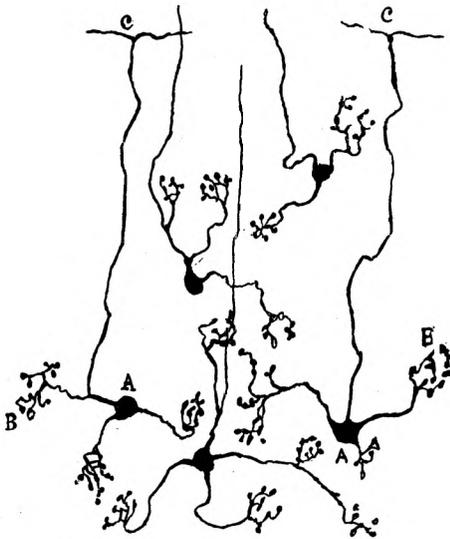

Рис. 2182. Кѣтки-зерна изъ зернистаго слоя мозжечка: А — кѣточное тѣло; В — дендриты; С — нейритъ, развѣтвляющійся Т-образно (Ramon у Cajal).

Большія звѣздчатая кѣтки Golgi содержатся повсемѣстно въ слое зеренъ. Онѣ даютъ въ разныхъ направленіяхъ многовѣтвистыя дендриты; но болѣе значительныя изъ нихъ направляются въ молекулярный слой, восходя почти до его наружной поверхности; болѣе тонкія вѣтви ихъ покрыты хвоевидными отростками. (См. рис. 2174.)

Довольно толстый нейритъ тотчасъ же по своемъ отхожденіи даетъ многочисленныя боковыя вѣтви, образующія въ толщѣ слоя зеренъ густое нервное сплетеніе, и заканчивается свободно какъ онъ, такъ его боковыя вѣтви, узловатыми утолщеніями между

зеренъ-клѣтокъ, съ дендритами которыхъ они входятъ въ соотношеніе. Количество звѣздчатыхъ клѣтокъ Golgi такъ велико, что почти вся масса волоконъ слоя зеренъ состоитъ изъ развѣтвленій ихъ нейритовъ и дендритовъ.

2. Бѣлое вещество.

Бѣлое вещество мозжечка состоитъ изъ мякотныхъ нервныхъ волоконъ: нисходящихъ и восходящихъ или въ молекулярный слой, или только въ слой зеренъ.

Нисходящія волокна состоятъ изъ нейритовъ клѣтокъ Purkinje, которые, отдавъ нѣсколько боковыхъ вѣтвей, возвращающихся въ молекулярный слой, направляются чрезъ слой зеренъ въ бѣлое вещество, составляя своей совокупностью его главную массу. (См. рис. 2173—2176.)

Восходящія въ молекулярный слой нервныя волокна по своему виду называются моховидными волокнами (Ramon у Cajal). Исходя изъ бѣлаго вещества мозжечка, они поднимаются въ молекулярный слой. На своемъ пути въ слоѣ зеренъ эти волокна начинаютъ раздвояясь дѣлиться, отдавая въ то же время отъ себя большое количество боковыхъ вѣтвей. Кромѣ того каждое волокно образуетъ три рода короткихъ концевыхъ арборизаціи: 1) на мѣстахъ раздвоеній волокна, 2) на боковыхъ вѣтвяхъ и 3) на концахъ этихъ вѣтвей. Эти то многочисленныя короткія узловатыя арборизаціи съ множествомъ боковыхъ короткихъ вѣтвей придаютъ волокнамъ видъ моховыхъ волоконъ и обусловили ихъ названіе. Своими короткими арборизаціями моховидныя волокна входятъ въ соотношеніе съ дендритами клѣтокъ-зеренъ, какъ показалъ Ramon у Cajal. (Рис. 2183 и см. рис. 2174.)

Кромѣ восходящихъ моховидныхъ волоконъ имѣются восходящія ползучія, ліаноподобныя нервныя волокна. Исходя изъ бѣлаго вещества, эти волокна проходятъ радіально слой зеренъ и вступаютъ въ моле-

кулярный слой, ложась на боковыя поверхности клѣтокъ Purkinje. Затѣмъ они поднимаются къ дендритамъ послѣднихъ, ползутъ по нимъ, дѣлясь древо-видно вмѣстѣ съ ними, и никогда не поднимаясь до концевыхъ вѣтвей, покрытыхъ хвоевидными отростками, но только до крупныхъ, поверхность которыхъ, какъ и клѣточного тѣла, покрыта зернистымъ веществомъ (Ramon у Cajal). (Рис. 2184 и см. рис. 2174.)

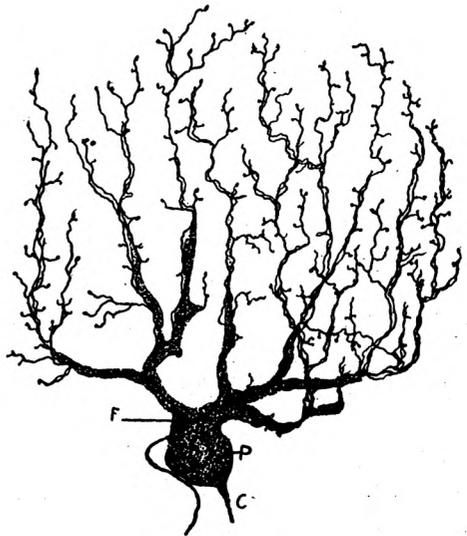
Рис. 2183.

Рис. 2183. Восходящія моховидныя волокна съ короткими арборизаціями въ мѣстахъ развѣтвленія — А, боковыми — В и концевыми — С (Ramon у Cajal).

Рис. 2184.

Рис. 2184. Клѣтка Purkinje — Р съ ея нейритомъ — С и дендритами F — получаеетъ нервное волокно, восходящее изъ бѣлаго вещества мозжечка, ползетъ по клѣточному тѣлу и дендритамъ, развѣтвляясь вмѣстѣ съ ними (Ramon у Cajal).

3. Элементы нейроглии.

Въ мозжечкѣ имѣются три вида клѣтокъ нейроглии: 1) въ молекулярномъ слоѣ находятся эпителиныя клѣтки, 2) въ слоѣ зеренъ клѣтки съ короткими отростками и 3) въ бѣломъ веществѣ клѣтки съ длинными отростками.

Golgi и **Ramon y Cajal** открыли эпителиныя клѣтки, размѣщенныя въ одинъ рядъ съ клѣтками Purkinje и между ними, выполняя почти совершенно находящіяся между ними промежутки. Ихъ клѣточное тѣло имѣетъ яйцевидную форму, отъ котораго отходятъ восходящія и нисходящія клѣточные отростки. Восходящія отростки поднимаются, проникая радіально чрезъ всю толщю молекулярнаго слоя, къ его наружной поверхности, гдѣ заканчиваются пластинчатыми расширеніями, которыя, сливаясь между собой, въ совокупности образуютъ то, что раньше называлось основной перепонкой (*membrana basilaris*), на поверхности мозжечка. Эти отростки, поднимаясь отъ тѣла клѣтки въ числѣ 2—4 и болѣе,

Рис. 2185.

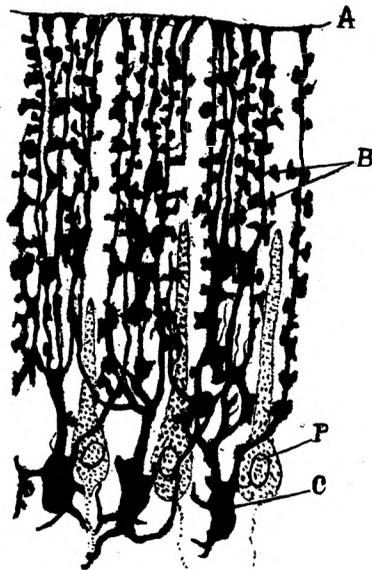

Рис. 2185. Эпителиныя клѣтки нейроглии мозжечка: P — клѣтка Purkinje; C — эпителиная клѣтка нейроглии; B — отростки этой клѣтки; A — основная перепонка, образуемая концевыми частями расширяющихся отростковъ (*Ramon y Cajal*).

даютъ на своемъ пути многочисленныя короткіе листовидныя выступы, на которыхъ размѣщаются нервныя элементы молекулярнаго слоя. Это — поддерживающія клѣтки нейроглии. (Рис. 2185 и см. рис. 2174 и 2177.)

Въ слоеъ зеренъ встрѣчаются большія звѣздчатыя съ короткими толстыми извитыми отростками клѣтки нейроглии. Кромѣ нихъ попадаются клѣтки съ болѣе длинными отростками, достигающими молекулярнаго слоя, гдѣ они свободно заканчиваются. (Рис. 2186, 2187.)

Рис. 2186.

В

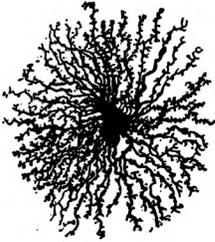
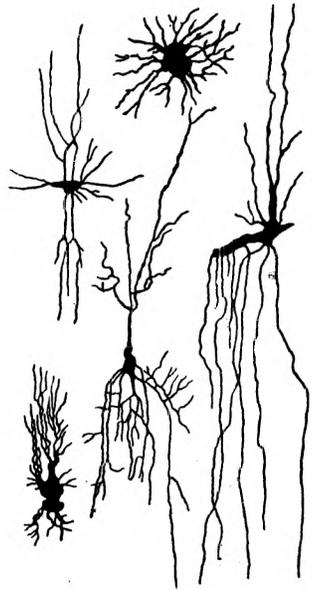

Рис. 2186. В — клѣтка нейроглии съ короткими отростками (Ramon y Cajal).

Рис. 2187.

Рис. 2187. Клѣтки нейроглии, обработанныя по способу Golgi (Van Gehuchten).

Клѣтки нейроглии бѣлаго вещества мозжечка имѣютъ длинные отростки, изъ которыхъ нѣкоторые поднимаются кнаружи, доходя до молекулярнаго слоя, гдѣ и заканчиваются свободно. (Рис. 2188.)

Рис. 2188.

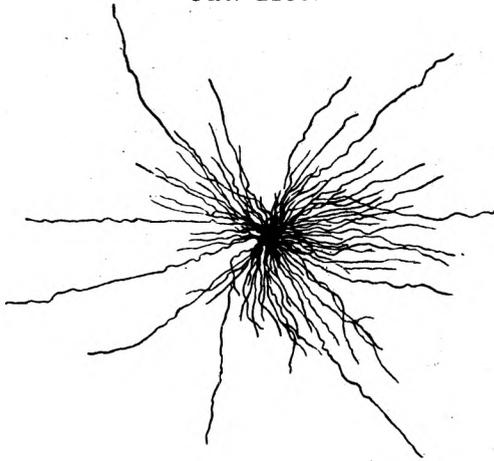

Рис. 2188. Клѣтка нейроглии спинного мозга 9-мѣсячнаго ребенка съ длинными отростками (Lenhossék).

В. Большая полушария мозга.

1. Сѣрое вещество.

Мозговая кора большихъ полушарій мозга состоитъ изъ четырехъ слоевъ, считая съ наружной поверхности въ глубь: 1) молекулярнаго слоя, 2) слоя малыхъ пирамидныхъ клѣтокъ, 3) слоя большихъ пирамидныхъ клѣтокъ, 4) слоя многоформныхъ клѣтокъ. (Рис. 2189, 2190.)

Вообще въ составъ мозговой коры входятъ нервныя клѣтки, нервныя волокна, элементы нейроглии и кровеносныя сосуды.

Молекулярный слой толщиною въ 250 μ содержитъ три вида клѣтокъ: 1) многогранныя, 2) треугольныя и 3) веретенообразныя клѣтки.

Многогранныя клѣтки даютъ 3—6 дендритовъ, развѣтвляющихся на большемъ или меньшемъ протяженіи въ области клѣтки; нѣкоторые изъ нихъ захо-

дять даже въ силѣ малыхъ пирамидъ. Тонкій нейритъ отходитъ или непосредственно отъ клѣточного тѣла, или отъ начала толстаго дендрита, направляется параллельно наружной поверхности слоя, даетъ

Рис. 2189.

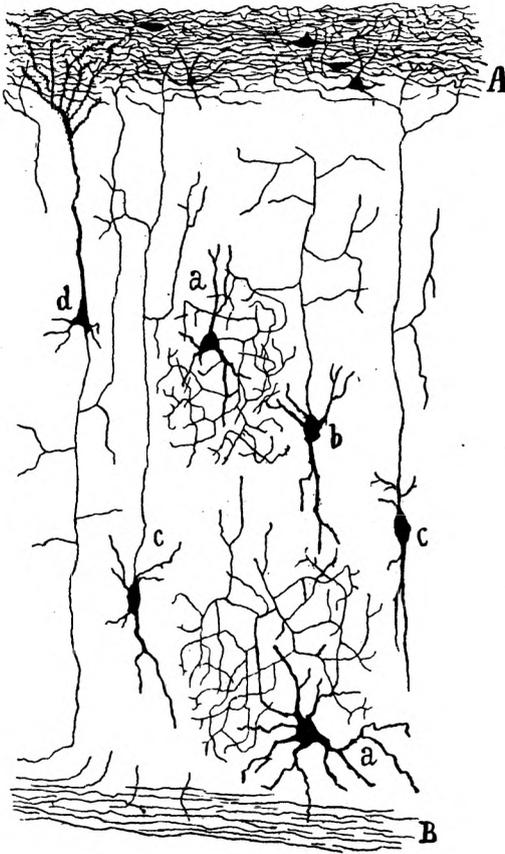

Рис. 2189. Схема расположенія нервныхъ элементовъ въ корѣ большихъ полушарій мозга: А — молекулярный слой содержитъ клѣтки нейроглии и маленькія звѣздчатыя клѣтки Cajal'a; слой малыхъ и большихъ пирамидныхъ клѣтокъ — d; слой многоформныхъ клѣтокъ содержитъ: а — клѣтки Golgi; клѣтки Martiniotti — b, c; В — слой блага вещества мозга (Ramon y Cajal).

отвѣтвленія къ наружной поверхности и заканчивается свободно въ молекулярномъ слоѣ. (Рис. 2191.)

Веретенообразныя и трехугольныя клѣтки одинаково выпускаютъ отростки-дендриты только отъ своихъ угловъ. Эти прямолинейные дендриты идутъ параллельно наружной поверхности на болѣе или менѣе длинномъ разстояніи и заканчиваются въ поверхностной

части слоя. Нейритъ въ корѣ послѣ выхода изъ клѣточного тѣла дѣлится на два, три нейрита, идущихъ параллельно наружной поверхности; на своемъ пути послѣдніе отдають много боковыхъ вѣтвей, поднимающихся къ наружной поверхности, гдѣ они сво-

Рис. 2190.

Рис. 2190. Схема строения коры большихъ полушарій мозга человѣка: 1 — наружный или молекулярный слой; 2 — слой малыхъ пирамидныхъ клѣтокъ; 3 — слой большихъ пирамидныхъ клѣтокъ; 4 — слой многоформныхъ клѣтокъ; 5 — бѣлое вещество мозга (Ramon y Cajal).

бодно заканчиваются; сами же нейриты заканчиваются свободно узловатыми древовидными развѣтвленіями. (Рис. 2192, 2193.)

Треугольныя клѣтки отличаются отъ другихъ только большимъ объемомъ клѣточного тѣла, большимъ числомъ дендритовъ и нейритовъ. (Рис. 2194.)

Слой малыхъ пирамидныхъ клѣтокъ толщиной въ 2500 μ содержитъ маленькія (15—20 μ) клѣтки трехгран-

Рис. 2191.

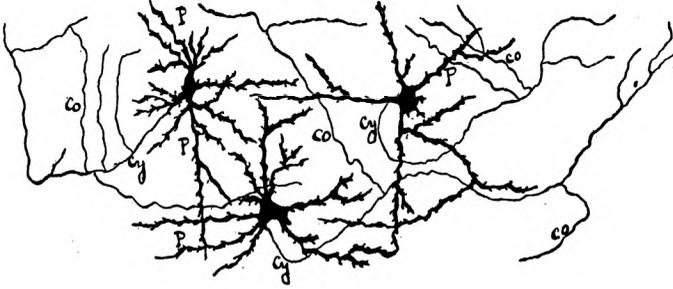

Рис. 2191. Многогранныя или звѣздчатыя клѣтки молекулярнаго слоя: P — дендриты; Cy — нейритъ (Ramon y Cajal).

Рис. 2192.

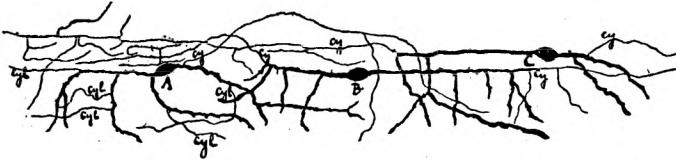

Рис. 2192. Веретенообразныя клѣтки молекулярнаго слоя — A, B, C; Cy, CyL — ихъ нейриты (Ramon y Cajal).

Рис. 2193.

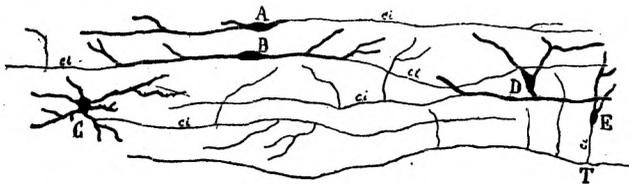

Рис. 2193. Клѣтки молекулярнаго слоя мозговой коры: A — веретенообразная клѣтка съ горизонтально идущимъ нейритомъ — ci; B — веретенообразная клѣтка съ двумя нейритами — ci; C — звѣздчатая клѣтка и ея нейритъ — ci; D — треугольная клѣтка; E — маленькая клѣтка съ T-образно дѣлящимся нейритомъ — ci (Ramon y Cajal).

ной пирамидной формы. Величина ихъ постепенно увеличивается въ слоѣ снаружи внутрь такъ, что въ глу-

бокой части слоя величина ихъ не отличается отъ величины клѣтокъ слоя большихъ пирамидныхъ клѣтокъ. Пирамидная клѣтка имѣетъ форму трехгранной пирамиды, обращенной основаніемъ вглубь слоя, а вершиной — къ наружной поверхности слоя. Изъ этой вершины выходитъ болѣе или менѣе длинный дендритъ, который заканчивается въ молекулярномъ слоѣ, густой арборизаціей, покрытой хвоевидными отростками (рис. 2195); въ тоже время нѣсколько

Рис. 2194.

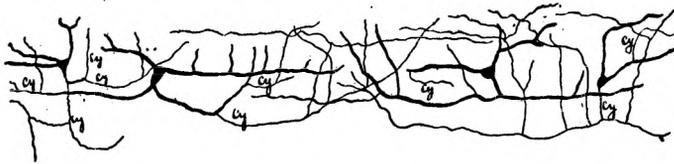

Рис. 2194. Треугольныя клѣтки молекулярнаго слоя съ ихъ нейритами — cy (Ramon y Cajal).

Рис. 2195.

Рис. 2195. Концевыя вѣтви дендритовъ пирамидныхъ клѣтокъ съ хвоевидными придатками (Ramon y Cajal).

болѣе короткихъ отростковъ отходятъ и отъ основанія пирамиды. Нейритъ отходить или отъ основанія пирамиды, или отъ одного изъ дендритовъ, отходящихъ отъ того же основанія клѣтка. Онъ направляется въ бѣлое вещество мозга, отдавая на пути нѣсколько боковыхъ вѣтвей. Въ бѣломъ веществѣ часто онъ Т-образно дѣлится, давая два мякотныхъ нерв-

ныхъ волокна, расходящихся въ противоположныя стороны (Ramon у Cajal). (Рис. 2196.)

Рис. 2196.

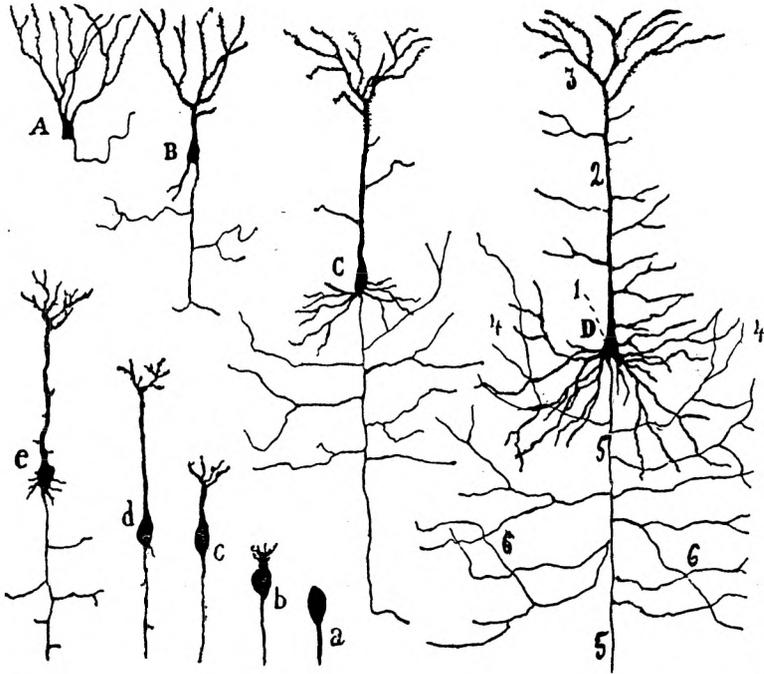

Рис. 2196. Схема филогенетическаго и онтогенетическаго развитія пирамидной нервной клѣтки и ея строенія: пирамидная клѣтка лягушки — А, ящерицы — В, млекопитающаго — С, человека — D: 1 — тѣло пирамидной клѣтки; 2 — дендритъ; 3 — его вѣтви; 4 — дендриты боковыхъ поверхностей и основанія клѣточного тѣла; 5 — нейритъ; 6 — его боковыя вѣтви; а, b, c, d, e — развитіе пирамидной клѣтки у зародыша млекопитающаго и человека (Ramon у Cajal).

Слой большихъ пирамидныхъ клѣтокъ толщиною въ 1000 μ содержитъ клѣтки, имѣющія 20—30 μ въ поперечникѣ. Онѣ отличаются отъ клѣтокъ снаружи лежащаго слоя большимъ объемомъ клѣточного тѣла и большей длиною главнаго дендрита, выходящаго изъ вершины клѣтки, такъ какъ онъ также заканчивается арборизаціей въ молекулярномъ слое. Въ остальномъ онѣ ничѣмъ не отличаются отъ малыхъ пирамидныхъ клѣтокъ.

Пирамидныя клѣтки встрѣчаются только въ мозговой корѣ полушарій большого мозга, и, чѣмъ болѣе высоко развито животное, тѣмъ болѣе толстъ слой пирамидныхъ клѣтокъ, его совсѣмъ почти нѣтъ у амфибій; вообще у нисшихъ позвоночныхъ животныхъ онъ очень ничтоженъ. (См. рис. 2196.) Поэтому Ramon y Cajal называетъ пирамидныя клѣтки **психическими клѣтками**, имѣющимися только у животныхъ съ болѣе или менѣе развитой психической дѣятельностью.

Слой многоформныхъ клѣтокъ толщиной въ 300 μ состоитъ изъ маленькихъ клѣтокъ разной формы: веретенообразной, треугольной, яйцевидной, многогранной и др. Всѣ эти клѣтки имѣютъ дендриты, не достигающіе своими концевыми развѣтвленіями до молекулярнаго слоя, какъ это наблюдается у пирамидныхъ клѣтокъ. Часто дендритъ заканчивается просто раздѣленіемъ на 2—3 вѣтви. Нейритъ прямо направляется въ бѣлое вещество мозга, гдѣ Т-образно дѣлится. На своемъ пути онъ отдаетъ нѣсколько боковыхъ вѣтвей.

Кромѣ того здѣсь же встрѣчаются клѣтки Golgi съ короткими отростками и клѣтки Martinotti съ восходящими отростками.

Клѣтки Golgi большія многогранной формы съ большимъ количествомъ дендритовъ, отходящихъ отъ клѣточного тѣла во всѣ стороны. Нейритъ отходитъ отъ наружной или внутренней поверхности клѣточного тѣла и тотчасъ же около клѣтки даетъ густую концевую арборизацію. (См. рис. 2189.)

Клѣтки Martinotti имѣютъ веретенообразную или треугольную форму съ восходящими и нисходящими дендритами; нейриты ихъ восходятъ прямолинейно въ молекулярный слой, гдѣ даютъ двѣ, три вѣтви, идущія горизонтально и заканчивающіяся свободно большими арборизаціями. Нейриты нѣкоторыхъ клѣтокъ восходятъ и заканчиваются точно такъ же въ слой малыхъ пирамидныхъ клѣтокъ (Ramon y Cajal.) (См. рис. 2189.)

Въ **сѣромъ веществѣ** мозговой коры имѣются двухъ родовъ волокна; одни изъ нихъ имѣютъ радіальное, т. е. перпендикулярное къ поверхности направ-

ление; другія — касательное, т. е. параллельное наружной поверхности коры.

Радиальныя волокна, проходя чрезъ слой многоформныхъ клѣтокъ и слой большихъ пирамидныхъ клѣтокъ въ видѣ небольшихъ пучковъ, далѣе распредѣляются между малыми пирамидными клѣтками и лишь въ небольшомъ числѣ достигаютъ молекулярнаго слоя. Эти волокна образуются изъ 1) нейритовъ пирамидныхъ клѣтокъ, 2) нейритовъ клѣтокъ Martinotti, 3) нейритовъ многоформныхъ клѣтокъ, а также 3) изъ нервныхъ волоконъ, восходящихъ изъ бѣлаго вещества мозга въ мозговую кору.

Касательныя волокна идутъ въ направленіи перпендикулярномъ радиальнымъ волокнамъ. Они проходятъ во всѣхъ параллельныхъ плоскостяхъ мозговой коры, но въ нѣкоторыхъ плоскостяхъ скопляются въ видѣ болѣе или менѣе толстыхъ наслоеній, представляющихъ на перпендикулярныхъ къ поверхности мозга срѣзахъ въ видѣ лентъ или полосокъ. Считаая снаружи внутрь эти полоски идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) сѣть Ехнер'а или собственно касательный слой, составляетъ наружную половину молекулярнаго слоя. 2) Полоска Бехтерева расположенная въ наружной части слоя малыхъ пирамидъ, толщиной въ 300 μ , особенно значительна въ затылочной долѣ. 3) Полоска Baillarger'а идетъ въ средней части слоя большихъ пирамидныхъ клѣтокъ, толщиной въ 400 μ . 4) Глубокія касательныя волокна или сочетающія (ассоціаціонныя) волокна Meinert'а, находящіяся въ глубокой части слоя многоформныхъ клѣтокъ, гдѣ они сливаются съ бѣлымъ веществомъ мозга. (Рис. 2197.)

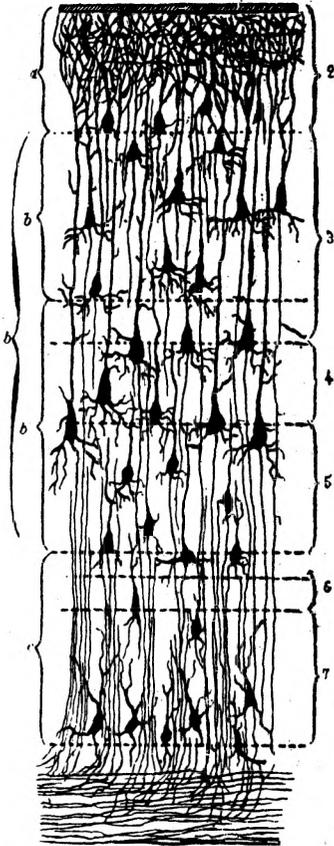
Касательныя волокна имѣютъ своими слагаемыми: 1) боковыя вѣтви нейритовъ пирамидныхъ и многоформныхъ клѣтокъ, 2) нейриты клѣтокъ Golgi, 3) боковыя и концевыя вѣтви нейритовъ клѣтокъ Martinotti, 4) боковыя и концевыя вѣтви волоконъ, восходящихъ изъ бѣлаго вещества мозга. Большинство этихъ волоконъ мякотныя, и только болѣе тонкія боковыя вѣтви, нейриты

клетокъ Golgi и самыхъ маленькихъ пирамидныхъ клетокъ не имѣютъ миелиной обкладки.

Всѣ эти нервныя волокна радиальныя и касательныя, имѣя взаимно перпендикулярное направленіе, переплетаются между собой, какъ въ рогожкѣ, образуя густую плотную ткань мозга.

Рис. 2197.

Рис. 2197. Схема распределенія нервныхъ клетокъ и нервныхъ волоконъ (радиальныхъ и касательныхъ) въ мозговой корѣ: (противъ исчерченной верхней полоски справа слѣдуетъ поставить — 1; слѣва верхнее b нужно b' и нижнее b нужно b''): a (неправильно поставлено 1) — молекулярный слой; b — вообще слой пирамидныхъ клетокъ; b' — малыхъ, b'' — большихъ пирамидныхъ клетокъ; c — слой многоформныхъ клетокъ; 1 (слѣдуетъ отнести къ наружной поперечноисчерченной полоскѣ) — сосудистая оболочка мозга; 2, 4, 6 — слои наружный, средній и внутренній сѣрые; 3, 5, 7 — слои наружный, средній и внутренній бѣлые по Bailarger. Сѣтъ Exner'a или наружный касательный слой волоконъ занимаетъ наружную половину молекулярнаго слоя; полоска Бехтерева соответствуетъ наружной части слоя малыхъ пирамидныхъ клетокъ; полоска Bailarger идетъ въ средней части слоя большихъ пирамидныхъ клетокъ; волокна Meinert'a во внутренней части слоя многоформныхъ клетокъ (Testut).

Въ такомъ образомъ устроенной ткани мозговой коры имѣются кромѣ того элементы нейроглии.

Прежде всего нейроглия образуетъ сплошной наружный слой на всей мозговой корѣ толщиной въ 10—30 μ . Въ этомъ краевомъ слое нейроглии имѣются на поверхности клетки, подобныя эпидимнымъ, посы-

лающія свои отростки вглубь къ поверхности молекулярнаго слоя мозга. Кромѣ того здѣсь же, какъ и въ сѣромъ веществѣ малаго мозга, встрѣчаются клѣтки преимущественно съ короткими отростками, тогда какъ въ бѣломъ веществѣ преимущественно клѣтки съ длинными отростками.

2. Бѣлое вещество.

Бѣлое вещество полушарій большого мозга состоитъ изъ нервныхъ волоконъ четырехъ видовъ: 1) проводящихъ (проекціонныхъ) центробѣжныхъ, 2) сочетающихъ (ассоціаціонныхъ) волоконъ, 3) спаечныхъ (коммиссурныхъ) волоконъ и 4) центростремительныхъ проводящихъ волоконъ.

Центробѣжныя проводящія (проекціонныя) волокна суть тѣ, которыя берутъ начало отъ клѣтокъ мозговой коры и сходятся вмѣстѣ, образуя такъ называемую внутреннюю капсулу (*capsula interna*), а потомъ проникаютъ въ мозговья ножки. Проводящія центробѣжныя волокна происходятъ отъ малыхъ и большихъ пирамидныхъ клѣтокъ, а также отъ нѣкоторыхъ клѣтокъ слоя многоформныхъ клѣтокъ. Почти всѣ они входятъ въ составъ пирамиднаго пути и свободно заканчиваются арборизаціями около клѣтокъ переднихъ столбовъ спинного мозга. Это — центробѣжныя проводящія волокна.

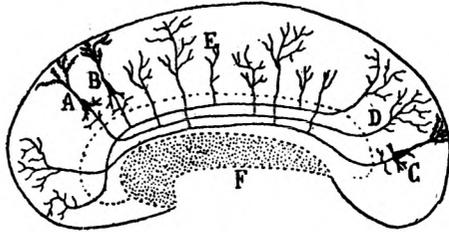
Сочетающія (ассоціаціонныя) волокна происходятъ отъ малыхъ и большихъ пирамидныхъ клѣтокъ, а также слоя многоформныхъ клѣтокъ мозговой коры, такъ какъ большинство ихъ нейритовъ, войдя въ бѣлое вещество мозга, Т-образно дѣлится на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна, пройдя мозолистое тѣло (*corpus callosum*), на большемъ или меньшемъ протяженіи опять входитъ въ сѣрое вещество того же полушарія и свободно заканчивается въ немъ на той или другой высотѣ арборизаціей, входящей въ соотношеніе съ нервными клѣтками.

На своемъ пути эта вѣтвь нейрита отдаетъ боковыя вѣтви, также восходящія въ разныхъ мѣстахъ въ

сѣрое вещество и заканчивающіяся около клѣтокъ свободно арборизаціями на различной высотѣ. Такимъ образомъ эти волокна сочетаютъ большое количество клѣтокъ мозговой коры одного и того же полушарія, распределенныхъ на большомъ разстояніи и въ различныхъ слояхъ. (Рис. 2198.)

Рис. 2198.

Рис. 2198. Схема сочетанія клѣтокъ переднихъ, средних и заднихъ долей мозговой коры: А, В, С — большія пирамидныя клѣтки; D — концевая арборизація главнаго ствола нейрита клѣтки А; Е — арборизація боковыхъ вѣтвей

нейритовъ, входящія въ сочетание съ пирамидными клѣтками данной области; F — поперечное волокнамъ сѣченіе мозолистаго тѣла (corpus callosum) (Ramon y Cajal).

Спаечныя волокна (коммиссурныя) входятъ въ составъ мозолистаго тѣла и передней бѣлой мозговой спайки (commissura alba anterior). Происхождение ихъ весьма различно. Нейриты нѣкоторыхъ пирамидныхъ клѣтокъ прямо направляются въ другое полушаріе мозга и тамъ свободно заканчиваются въ сѣромъ веществѣ на большей или меньшей высотѣ арборизаціей; на своемъ пути они отдають боковыя вѣтви, также восходящія въ сѣрое вещество и свободно заканчивающіяся арборизаціями въ различныхъ слояхъ. Кромѣ того проводящія центробѣжныя и сочетающія волокна, Т-образно дѣлясь, даютъ спаечныя волокна. Боковыя вѣтви и проводящихъ центробѣжныхъ и сочетающихъ волоконъ также заходятъ въ мозолистое тѣло и представляютъ собою спаечныя волокна. Слѣдовательно спаечныя волокна суть тѣ же сочетающія волокна, только они сочетаютъ различныя клѣтки мозговой коры двухъ полушарій, а не одного и того же полушарія. (Рис. 2199.)

Центростремительныя проводящія волокна заходятъ въ сѣрое вещество мозга изъ различныхъ областей: изъ спин-

ного мозга, изъ мозжечка и т. д. Здѣсь они образуютъ громадныя арборизаціи, поднимающіяся до слоя малыхъ пирамидныхъ клѣтокъ; концевыя вѣтви ихъ состоятъ изъ узловатыхъ первичныхъ волоконцевъ. Съ помощью послѣднихъ волокна входятъ въ соотношеніе съ арборизаціями пирамидныхъ клѣтокъ, представляя собою вѣроятный путь передачи чувственныхъ ощущеній. (Рис. 2201.)

Рис. 2199.

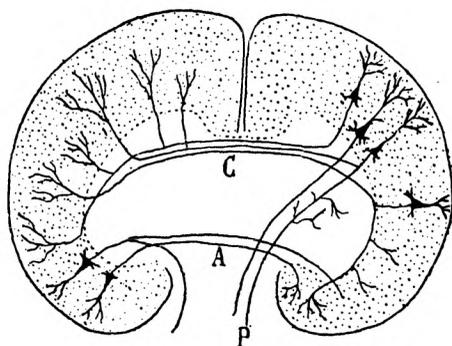

Рис. 2199. Схема сочетанія клѣтокъ праваго и лѣваго полушарій и волоконъ спаечныхъ и проводящихъ: С — мозолистое тѣло; А — передняя мозговая спайка; Р — два проводящихъ волокна (пирамидный путь), идущихъ отъ большихъ пирамидныхъ клѣтокъ. Двѣ пирамидныя клѣтки лѣваго полушарія посылаютъ волокна чрезъ

переднюю мозговую спайку въ правое полушаріе, гдѣ заканчиваются концевыми арборизаціями, вступающими въ связь съ пирамидными клѣтками данной области. Въ правомъ полушаріи нижняя пирамидная клѣтка даетъ дѣлящійся Т-образно нейритъ, одна вѣтвь котораго отдаетъ нѣсколько боковыхъ вѣтвей и заканчивается арборизаціей въ томъ же полушаріи, а другая вѣтвь направляется чрезъ мозолистое тѣло въ другое полушаріе мозга и тамъ заканчивается арборизаціей. Выше лежащая клѣтка даетъ Т-образно дѣлящійся нейритъ на двѣ вѣтви изъ которыхъ одна направляется въ другое полушаріе, а другая — вступаетъ въ пирамидный путь (проводящее волокно). Третья клѣтка посылаетъ нейритъ только въ пирамидный путь (проводящее волокно). Четвертая клѣтка посылаетъ нейритъ чрезъ мозолистое тѣло въ другое полушаріе мозга, гдѣ онъ заканчивается арборизаціей, какъ и нѣсколько отдаваемыхъ имъ боковыхъ вѣтвей (Ramon y Cajal).

3. Нейронъ и передача возбужденія.

Изученіе строенія мозга приводитъ къ признанію существованія обособленнаго нервнаго элемента **нейрона**, состоящаго изъ нервной клѣтки, ея дендри-

товъ и нейрита. Оно же приводитъ къ признанію полной самостоятельности и независимости нервныхъ элементовъ одного отъ другого. При этомъ ученіи передача возбужденія совершается чрезъ простое соприкосновеніе концевыхъ арборизацій и арборизацій боковыхъ вѣтвей нейритовъ одной нервной клѣтки съ клѣточнымъ тѣломъ и его дендритами другой клѣтки. (Рис. 2200.)

Рис. 2200.

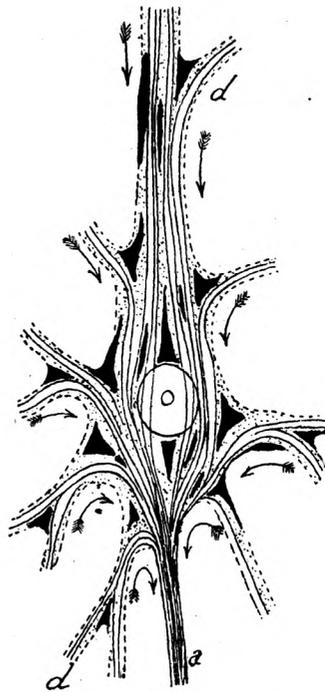

Рис. 2200. Схема развѣтвленія дендритовъ и направленія движенія нервныхъ токовъ въ большой пирамидной клѣткѣ изъ коры большихъ полушарій мозга: а — аксонъ или нейритъ; d — дендриты; чернымъ обозначены пигментныя тѣльца Nissl'a (Ramon y Cajal).

Токъ возбужденія въ нейритѣ — клѣткобѣжный, т. е. направляющійся изъ клѣтки, а въ клѣточномъ тѣлѣ и его дендритахъ — клѣткостремительный, т. е. направляющійся внутрь клѣтки.

Слѣдовательно, клѣточное тѣло и дендриты получаютъ возбужденія, а нейритъ ихъ передаетъ.

Относительно соотношенія нервныхъ элементовъ мозговой коры можно строить только предположенія.

Въ молекулярномъ слоѣ возбужденія **получаются** концевыми вѣтвями арборизаціи пирамидныхъ клѣтокъ, а **передаютъ** ихъ **туда** нейриты клѣтокъ этого же слоя, восходящіе нейриты клѣтокъ Martinotti, боковыя вѣтви и концевыя развѣтвленія сочетающихся волоконъ, боковыя вѣтви и концевыя развѣтвленія спаечныхъ волоконъ.

Въ слоѣ пирамидныхъ клѣтокъ и въ слоѣ многоформныхъ клѣтокъ возбужденія **получаютъ** дендриты клѣтокъ этихъ слоевъ, а **передаютъ** ихъ: 1) боковыя вѣтви волоконъ бѣлаго вещества, 2) боковыя вѣтви спаечныхъ волоконъ (corpus collosum) 3) концевыя вѣтви сочетающихся волоконъ, 4) развѣтвленія нейритовъ клѣтокъ (Golgi) съ короткими нейритами, 5) боковыя вѣтви нейритовъ, отходящихъ отъ клѣтокъ трехъ глубокихъ слоевъ сѣраго вещества. Поэтому можно предполагать, что чувствительныя волокна спинного мозга, достигнувъ молекулярнаго слоя, передаютъ возбужденіе волевого движенія концевымъ вѣтвямъ дендритовъ пирамидныхъ клѣтокъ и послѣдовательно передаются въ болѣе глубокіе слои сѣраго вещества и въ бѣлое вещество мозга, по нейритамъ и ихъ боковымъ вѣтвямъ. (Рис. 2201.)

4. Кровеносные сосуды.

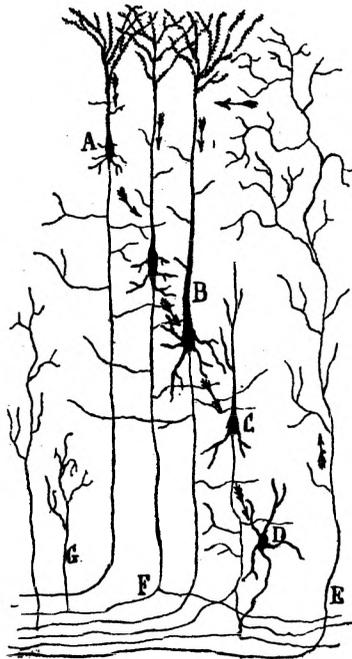
Кровеносные сосуды въ видѣ короткихъ и длинныхъ артерій проникаютъ съ поверхности изъ сосудистой оболочки мозга въ мозговую кору и образуютъ прежде всего въ молекулярномъ слоѣ поверхностную капиллярную сѣть, состоящую изъ довольно широкихъ петель, идущихъ въ плоскости, параллельной наружной поверхности коры. Потомъ въ слоѣ большихъ пирамидныхъ клѣтокъ образуется вторая очень густая капиллярная сѣть, состоящая изъ очень мелкихъ круглыхъ петель, включающихъ

въ себѣ по нѣскольکو нервныхъ клѣтокъ. Въ глубокомъ слое сѣраго вещества имѣется еще одна капиллярная сѣть, состоящая изъ продолговатыхъ широкихъ петель.

Вообще относительно распределенія кровеносныхъ сосудовъ въ нервной ткани нужно замѣтить какъ общее правило: чѣмъ болѣе въ данной области ткани клѣточныхъ элементовъ, тѣмъ болѣе въ ней кровеносныхъ капилляровъ, тѣмъ петли ихъ мельче, гуще. (Рис. 2202.)

Рис. 2201.

Рис. 2201. Схема, показывающая вѣроятное направленіе нервныхъ токовъ въ нервныхъ элементахъ коры большихъ полушарій головного мозга: А — малая пирамидная клѣтка; В — большая пирамидная клѣтка; С, D — многоформныя клѣтки; Е — центроостремительное или восходящее въ кору изъ другихъ нервныхъ центровъ нервное волокно; G — боковыя вѣтви нервныхъ волоконъ бѣлаго вещества мозга; F — Т-образное дѣленіе нейрита (Ramon у Cajal).

Г. Симпатическая нервная система.

Симпатическая нервная система состоитъ изъ нервовъ и нервныхъ узловъ.

Нервы состоятъ главнымъ образомъ изъ тонкихъ (2—10 μ) мякотныхъ и небольшого количества безмякотныхъ волоконъ. Въ поверхностныхъ развѣтвленіяхъ нервовъ имѣется обратное соот-

пошение, т. е. въ нихъ болѣе безмякотныхъ волоконъ. Волокна соединяются въ пучки съ помощью пластинчатой волокнистой соединительной ткани, какъ обыкновенно бываетъ въ поверхностныхъ нервахъ.

Нервные узлы симпатической нервной системы съ помощью волокнистой соединительной ткани объединяются съ нервами и состоятъ изъ соединительнотканной оболочки, нервныхъ клѣтокъ и волоконъ. (Рис. 2203.)

Рис. 2202.

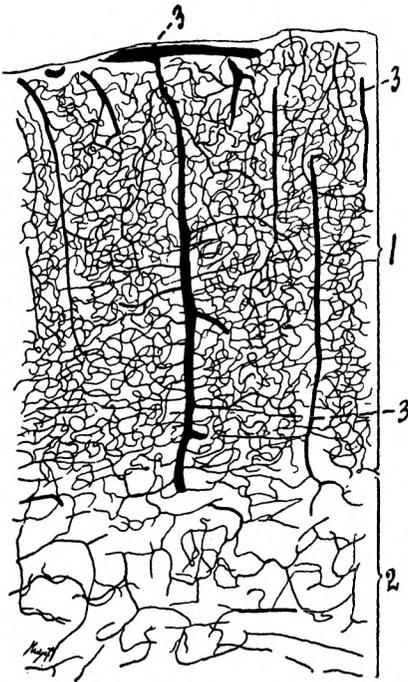

Рис. 2202. Распределение налитыхъ массой кровеносныхъ сосудовъ (3) въ сѣромъ (1) и бѣломъ (2) веществахъ большихъ полушарій мозга кролика. Увеличение 40 (Böhm und Davidoff).

Нервные клѣтки симпатическихъ узловъ у лягушки имѣютъ грушевидную форму и представляются однополюсными. Такая клѣтка имѣетъ наружную волокнистую оболочку, выстланную извнутри пластинчатыми клѣтками съ плоскими ядрами. Эта оболочка непосредственно переходитъ въ оболочку отходящаго отъ клѣтки нервного волокна. Клѣточное тѣло имѣетъ сѣтчатоволокнистое

§ 42. Измѣненія, введенныя положеніемъ о преобразованіи судебной части въ 1889 г.

Литература. 25 Башмаковъ Основныя начала ипотечнаго права, 188 Змирловъ Могутъ ли участвовать въ конкурсѣ ипотечные кредиторы, 302 Н. Гипотеки въ Приб. краѣ, 317 Ускользнувшія отъ налога цѣнныя бумаги, 96 Гасманъ и Нолькенъ Положеніе о преобразованіи, 443 Преобразование ипотечной системы въ Приб. губ.

Законъ 9 іюля 1889 г. произвелъ коренную реформу залоговаго права въ Приб. г. Реформа въ сущности была направлена на очистку института отъ романистическихъ плевелъ и вела къ возвращенію къ германскимъ началамъ. Во — 1-хъ, отмѣнены безмолвныя и генеральныя ипотеки и ипотеки на движимости: впредь ни тѣхъ, ни другихъ устанавливать нельзя 1391 прим. Но установленныя до вступленія въ дѣйствіе закона 9 іюля 1889 г. сохранены въ своей силѣ до ихъ прекращенія 1 ст. прил. къ 1389; ипотеки генеральныя, насколько онѣ касаются недвижимости, для сохраненія за ними силы вещнаго права, должны быть занесены въ крѣпостныя книги не позже двухъ лѣтъ со дня вступленія закона 9 іюля 1889 г. въ дѣйствіе 2 ст. ів., но уже не въ качествѣ генеральныхъ, а спеціальныхъ, обеспеченныхъ опредѣленнымъ недвижимымъ имуществомъ или, если всѣмъ имуществомъ, то въ опредѣленныхъ частяхъ обеспеченнаго ипотекою требованія, по выбору кредитора 3 ст. ів.; такія внесенныя ипотеки пользуются старшинствомъ *), но кредиторы въ теченіе 6 мѣсяцевъ со времени внесенія могутъ оспорить это старшинство 4 ст. ів. Во — 2-хъ, установленъ принципъ обяза-

*) Въ Приб. губ. казна въ правѣ искомъ къ собственнику проданнаго ею, на основаніи закона 10 марта 1869 г., участка земли, на коемъ обеспечена, согласно закону 9 іюля 1889 г., ипотекою разсроченная покупная сумма, требовать констатированія старшинства означеннаго долга казнѣ предъ частнымъ обязательствомъ покупателя, выданнымъ имъ третьему лицу послѣ возникновенія того долга, но занесеннымъ въ ипотечную книгу ранѣе его занесенія, хотя бы отвѣчикъ и не оспаривалъ такого старшинства. Только по отношенію къ генеральнымъ ипотекамъ, не обеспеченнымъ на опредѣленномъ имуществѣ, законъ установилъ правило о старшинствѣ ихъ со времени внесенія въ крѣпостныя книги, а отнюдь не относительно спеціальныхъ ипотекъ, которыя уже и до внесенія неразрывно связаны съ опредѣленною недвижимостью и которыя фактомъ внесенія въ книги сохраняютъ присвоенное имъ прежними узаконеніями старшинство. До внесенія или до истеченія двухлѣтняго срока, установленнаго для

тельности внесения ипотеки въ крѣпостныя книги 2 ст. ib., 1393, 1569, съ чѣмъ связанъ принципъ публичности (а не безгласности, безмолвности) ипотеки (вещное право 2 ст. прил. къ 1389). Въ — 3-хъ, послѣдовательно проводится принципъ специальности (по предмету и суммѣ) ипотеки (и невозможности генеральныхъ 3 ст. прил. къ 1389, 1580)*).

Будучи тѣсно связана съ опредѣленною недвижимостью, ипотека тѣмъ не менѣе сохранила характеръ субсидіарнаго права, предполагающаго существованіе требованія, ею обезпечиваемаго 1337, хотя бы это было только еще будущее требованіе (кредитная ипотека въ обезпеченіе открываемаго кредита съ предѣльною суммою, *limitum* 1337 прим.). Залоговое право не устанавливаетъ какихъ-либо требованій, а предполагаетъ существованіе опредѣленнаго требованія. Кредиторъ обезпечивается въ томъ смыслѣ, что онъ воленъ отыскивать себѣ удовлетвореніе изъ стоимости заложенной ему вещи. Другими словами, залоговое право есть право побочное, и сила его зависитъ отъ обезпечиваемаго имъ требованія. А это послѣднее можетъ быть и срочнымъ и условнымъ**). Какъ побочное, залоговое право слѣдуетъ судьбѣ главнаго 1339***). Поэтому, если главное незаконно, то таково

внесенія въ книги, ипотеки сіи, въ виду ненарушимости уже пріобрѣтенныхъ правъ, удовлетворяются со старшинствомъ, принадлежащимъ имъ на основаніи узаконеній, дѣйствовавшихъ во время ихъ установленія. Гр. Кас. Деп. Сен. 1895 г. № 80.

*) По 1580 ст., для внесения ипотеки въ крѣпостныя книги требуется лишь опредѣленіе размѣра долга, а не процентовъ. Ст. же 3411 требуетъ точнаго опредѣленія размѣра процентовъ только „при уговорѣ о таковыхъ“, но не тогда, когда проценты по уговору не слѣдовало платить, или если обязанность къ платежу процентовъ основана на законѣ или на Высочайше утвержденномъ уставѣ кредитнаго учрежденія, имѣющемъ равную съ закономъ силу. Залоговое обязательство, выдаваемое Лифл. Дворян. Земел. Кредит. Обществу можетъ быть принято къ укрѣпленію и безъ указанія въ ономъ размѣра платимыхъ по обязательству процентовъ. Гр. Кас. Деп. 1898 г. № 82.

***) Гр. Кас. Деп. 1893 г. № 63 по д. бар. Нолькенъ.

***) Согласно 1335, 1337 и 1339, „закладное право“ есть право побочное, служащее лишь обезпеченіемъ главнаго требованія по обязательству, а потому съ погашеніемъ закладнаго права еще не погашается главное требованіе, въ случаѣ недостаточности вырученной отъ продажи заложеннаго имущества суммы на полное удовлетвореніе залогодержателя, послѣдній имѣетъ право требовать отъ должника доплаты остальной суммы и взыскивать этотъ остатокъ изъ другаго имущества должника. СПб. Суд. Пал. по д. Кизерицкаго 1891 г. № 10.

же и залоговое 1340, съ прекращеніемъ перваго отпадаетъ и второе 1341. (Лишь въ видѣ исключенія судьба закладнаго права можетъ быть отдѣльна: если будетъ заложено обязательство 3-го лица, съ погашеніемъ обязательства прекращается и закладное на него право 1468; удовлетвореніе по нему можетъ быть получено продажей другому лицу, а не возвратомъ заложившему 1466). Съ другой стороны, само обеспеченное требованіе сохраняетъ свою независимость 1456: если залогодержатель продастъ вещь, а вырученной суммы не хватитъ на удовлетвореніе его претензій, то онъ можетъ потребовать отъ должника доплаты, равно и возврата сдѣланныхъ на продажу необходимымъ издержекъ. Слѣды прежней *Satzung* обнаруживаются только въ 1481: „по Лиф. зем. и гор. пр., случайное уничтоженіе отданной въ закладъ вещи погашаетъ то требованіе, въ обеспечение котораго вещь отдана была залогодержателю“.

Предметомъ ипотеки могутъ быть только недвижимости 1357 прим., отчужденіе которыхъ не запрещено 1385 (родовья не могутъ); при этомъ вся недвижимость, а не часть ея или часть доли, принадлежащей одному изъ соучастниковъ въ общей собственности 2 прим. 1358 *). Залогъ на домъ или землю простирается и „на принадлежащія имъ сервитутныя права“ 1360. Сервитуты же, кромѣ сельскихъ 1361 и права пользованія или жителства 1362, отдѣльно не могутъ быть предметомъ залога. На собственную вещь не можетъ быть залоговаго права. Но если залогодержатель приобрѣтетъ заложенную ему вещь въ собственность, то права его по отношенію къ другимъ кредиторамъ остаются въ силѣ 1363. Чужая вещь можетъ быть заложена только съ согласія (или утвержденія 1368) собственника или подъ условіемъ приобрѣтенія ея впослѣдствіи въ собственность залогодателя 1364.

Правоотношенія при залогѣ. Права залогодателя: 1) за нимъ сохраняется право собственности, владѣнія и пользованія 1437; 2) ему принадлежитъ виндикаціонный искъ 1438; 3) онъ можетъ устанавливать на вещь права другихъ лицъ, но безъ уменьшенія ея цѣнности 1439.

*) Какъ усматривается изъ 2-го прим. къ 1358 ст., статья 310 Пол. Нот. имѣетъ отношеніе ко всѣмъ устанавливаемымъ на недвижимость правамъ, кромѣ закладныхъ. Гр. Кас. Деп. по д. Юнса 1900 г. № 68.

Право залогодержателя, не получивъ удовлетворенія, принимать мѣры къ продажѣ заложенной вещи 1441, но не ранѣ срока залога 1442. Продажа можетъ быть только съ публичнаго торга (обязательно 1444), а по вольной цѣнѣ продажа можетъ быть лишь при согласіи должника 1443. Lex commissoria (обращеніе вещи въ собственность залогодержателя безъ продажи) не допускается 1462. Но на публичныхъ торгахъ онъ можетъ приобрѣтать ее въ собственность 1594. Возможно и заключеніе *rustum antichreticum*, съ правомъ и обязанностью собирать плоды съ заложенной плодоприносящей вещи 1493 для ихъ продажи 1494 или даже употребленія 1499 (см. выше стр. 135).

§ 43. Внесеніе ипотеки въ публичныя книги.

Л и т е р а т у р а. 34 Безобразовъ Поземельный кредитъ, 25 Башмаковъ Основныя начала ипотечнаго права.

Это единственный способъ установленія ипотеки. 1393: „добровольное закладное право на недвижимости можетъ быть установлено только посредствомъ внесенія въ подлежащія публичныя (крѣпостныя) книги“. Поводомъ (основаніемъ) для внесенія могутъ быть: а) частныя сдѣлки (договоръ или завѣщаніе 1384), б) судебное рѣшеніе 1383, 1412*), 1574. По уничтоженіи законныхъ или безмолвныхъ ипотекъ законъ пересталъ быть даже основаніемъ для внесенія ипотеки въ крѣпостныя книги. Но принципъ не выдержанъ. Въ 1413 допущена ипотека на недвижимость опекуна: именно сиротскіе суды могутъ требовать внесенія ипотеки въ крѣпостныя книги на недвижимое имущество опекуна (хотя бы и родителя) въ

*) Изъ точнаго смысла ст. 1412 слѣдуетъ, что ранѣ внесенія въ публичныя книги судебное рѣшеніе, само по себѣ, не создаетъ для присужденной претензіи закладнаго права, какъ это имѣло мѣсто до реформы и до отміны ст. 1412 и 1433 изд. 1864 года. Ук. Сен. по д. Гюббе 1897 г. № 84. Отмітка по п. 3 ст. 316 Пол. Нот. объ обезпеченіи иска не создаетъ для претензіи, ею обезпеченной, закладнаго права; не даетъ ей такого права и окончательное рѣшеніе о присужденіи претензіи, ибо это рѣшеніе, согласно ст. 1412 по прод. 1890 г., служитъ лишь основаніемъ приобрѣтенія ипотеки посредствомъ внесенія рѣшенія въ публичныя (крѣпостныя) книги, слѣд., ранѣ такого внесенія судебное рѣшеніе не создаетъ для присужденной претензіи закладнаго права. Ук. Сен. СПб. Суд. Пал. по д. ф. Крейша 1896 г. № 22.

обезпеченіе требованій, могущихъ возникнуть изъ управленія имуществомъ опекаемыхъ. Она названа „судебной“ ипотекой, но неправильно, потому что она основана на законѣ.

Внесеніе ипотеки въ крѣпостныя книги наз. ингрессаціей, и только со времени ея кредитору присвоится вещное право 1569 *). Ингрессація должна быть, конечно, въ томъ крѣпостномъ отдѣленіи, въ вѣдомствѣ котораго находится имѣніе 1571. При добровольной ипотекаѣ (не судебной или законной) для ингрессаціи требуется согласіе залогодателя 1576. Въ крѣпостномъ реестрѣ ипотеки заносятся въ 1—3 графы 4-ой части. Укрѣпленіе совершается посредствомъ внесенія въ крѣпостную книгу самого акта, которымъ устанавливается залоговое право 3002. Могутъ быть внесены и условныя ипотеки**), когда обезпечивается условное требованіе 1349, или когда отдаваемая въ залогъ недвижимость еще должна быть приобрѣтена залогодателемъ въ собственность 1364. Такія ипотеки вступаютъ въ силу со времени наступленія условія. Всякое внесеніе важно уже тѣмъ, что оно устанавливаетъ (помимо вещнаго права 1569) старшинство ипотекаѣ, вслѣдствіе коего сначала удовлетворяются старшія по времени внесенія въ крѣпостныя книги ипотеки 1351 ***).

*) Внесеніемъ въ ипотечную книгу самого акта, которымъ устанавливается залоговое право, совершается укрѣпленіе послѣдняго. Закладные же листы, не устанавливая права залога, представляютъ собою лишь валюту, которою выплачивается ссуда, и внесеніе ихъ въ ипотечную книгу (ингрессація) совершается не въ цѣляхъ укрѣпленія права, а лишь для контроля надъ тѣмъ, чтобы стоимость выпускаемыхъ обществомъ закладныхъ листовъ не превышала размѣра выдаваемыхъ послѣднимъ ссудъ. Такъ какъ замѣна прежнихъ закладныхъ листовъ новыми на ту же сумму не представляетъ собою ничего общаго съ укрѣпленіемъ права, то нѣтъ никакого основанія примѣнять къ такому обмѣну форму, установленную закономъ для укрѣпленія правъ. Гр. Кас. Деп. по д. Лиф. Двор. Зем. Кредит. Общ. 1892 г. № 98.

**) Условность акта не лишаетъ его значенія въ смыслѣ акта, совершеннаго въ надлежащемъ порядкѣ; поэтому вполне возможно укрѣпленіе актовъ или сдѣлокъ условныхъ. Гр. Кас. Деп. 1892 г. № 122 и 121 по д. Судакова и Функа.

***) Новымъ закономъ 1889 г. установлено, что старшинство ипотекаѣ опредѣляется временемъ ихъ внесенія въ крѣпостныя книги. СПб. Суд. Пал. по д. Червинскаго 1895 г. № 44.

Способы прекращения ипотеки: а) уничтожение обеспеченного требования 1414 *); б) обновление его уничтожает ипотеку, но съ согласия сторонъ ипотека можетъ остаться въ силѣ 1416, въ Кур. и Ревелѣ при этомъ требуется новое внесение въ крѣпостныя книги (иначе ипотека обязательна только для договаривающихся, а не для постороннихъ **) 1589); в) наступление отмѣняющаго условія или срока залоговаго права 1417; г) прекращение права собственности залогодателя при наступлении отмѣняющаго условія или срока, подъ которыми ему принадлежало это право 1418; д) уничтожение заложеной вещи, съ сохраненіемъ правъ кредитора на страховую сумму, если вещь была застрахована 1419; е) слияніе правъ кредитора и собственника (1421, съ сохраненіемъ правъ по отношенію къ другимъ кредиторамъ 1363); ж) отказъ залогодержателя 1424; з) продажа имъ заложеной вещи 1434; и) продажа ея безъ вѣдома залогодержателя 1436; і) давность завладѣнія постороннимъ 1422. Но это непримѣнимо къ современной ипотекаѣ, потому что она ингрессирована **), въ

*) Безмолвныя ипотеки прекращаются лишь при наличности условій, указанныхъ въ ст. 1414—1436, ибо ст. 1414, предусматривающая прекращение закладнаго права, не дѣлаетъ исключенія для безмолвныхъ ипотекаѣ. Гр. Кас. Деп. по д. Бека 1891 г. № 66.

**) См. 2 сноску на 85 стр. Въ томъ же рѣшеніи далѣе сказано: „Въ силу ст. 3467, 3473 и 3476 всякаго рода требованія со всѣми принадлежащими къ нимъ побочными правами (въ томъ числѣ и залогъ) могутъ быть передаваемы кредиторомъ посредствомъ учиненной имъ на долговомъ обязательствѣ бланковой надписи, и нѣтъ закона, требующаго обязательнаго внесенія въ крѣпостныя книги акта передачи долговаго требованія, обеспеченнаго ипотекою, ибо внесенія въ крѣпостныя книги подлежащей отмѣтки законъ требуетъ лишь при установленіи, обновленіи и погашеніи залоговаго права; при актѣ же передачи не возникаетъ новаго залоговаго права, а переходитъ лишь къ другому кредитору право залога, ранѣе установленное, безъ всякаго измѣненія оглашеннаго ипотечною книгою вещнаго обремененія заложеной недвижимости“.

***) Подъ ингрессированными ипотеками, на основаніи узаконеній, дѣйствовавшихъ до введенія судебной реформы въ Прибалт. губ., разумѣлись ипотеки, внесенныя въ судебныя ипотечныя книги, въ противоположность ипотекамъ частнымъ, устанавливаемымъ домашнимъ порядкомъ. Ук. Сен. СПб. Суд. Пал. по д. Бруверъ 1900 г. № 163. Буковскій 139 стр.: По правиламъ, дѣйствовавшимъ въ Курл. губ. до судебной реформы, публичныя ипотеки устанавливались посредствомъ внесенія актовъ въ ингрессационныя книги, а не въ крѣпостные реестры, которые имѣли значеніе только канцелярскаго пособия.

виду 3636 ст. См. і сноску на б1 стр. Въ силу 1595 (отчужденіе должникомъ недвижимости не измѣняетъ правъ ипотечныхъ кредиторовъ) не примѣнимы способы прекращенія, указанные въ 1425 п. в (признается отказомъ залогодержателя, если онъ попуститъ продажу должникомъ вещи, безъ ограниченій) и 1436 п. а (когда вещь отчуждена безъ вѣдома залогодержателя наследникомъ должника). Залоговое право восстанавливается: а) если права залогодержателя на погашенное главное обязательство будутъ снова восстановлены 1415, б) если будетъ возобновлена уничтожившаяся вещь, напр., сгорѣвшій или разрушенный домъ будетъ вновь построенъ 1420. Переимѣна въ недвижимомъ имуществѣ не имѣетъ никакого вліянія на залоговое право 1375.

Для того, чтобы прекращеніе ипотеки получило силу по отношенію къ третьимъ лицамъ, необходимо погашеніе ея въ крѣпостныхъ книгахъ 1598*), при добровольной ипотекаѣ,

*) Ст. 1598 опредѣляетъ, съ какого момента слѣдуетъ считать обязательнымъ и для постороннихъ лицъ прекращеніе ипотеки, т. е. побочнаго закладнаго права, лежащаго на данной недвижимости и служащаго обезпеченіемъ долговаго требованія: только такое право и въ отношеніи постороннихъ лицъ считается погашеннымъ съ момента внесенія отмѣтки о прекращеніи ипотеки въ крѣпостную книгу. Но изъ этого не слѣдуетъ, что законъ этотъ распространяется и на самое основаніе ипотеки, т. е. на то долговое требованіе, которому ипотека служитъ обезпеченіемъ. СПб. Суд. Пал. по д. Сплить 1897 г. № 238.

Законъ, изображенный въ ст. 1598, опредѣляетъ, что для третьихъ лицъ обязательно не фактическое, а формальное прекращеніе публичной ипотеки внесеніемъ о томъ записи въ крѣпостныя книги, хотя бы требованіе, служащее основаніемъ ипотеки, было уже погашено; слѣд., законъ этотъ касается порядка прекращенія собственно ипотечныхъ правъ, каковы: обремененіе данной недвижимости для обезпеченія требованія съ присвоеннымъ ему старшинствомъ въ ряду другихъ требованій. Но изъ того, что публичная ипотека окончательно прекращается записью о томъ въ крѣпостной книгѣ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы и обезпеченное ипотекою требованіе прекратилось только тогда же, а не раньше. Требованіе прекращается уплатою онаго или совпаденіемъ требованій (*confusio*), ипотека же продолжаетъ существовать для третьихъ лицъ формально до уничтоженія ея въ крѣпостной книгѣ, что объясняется характеромъ дѣйствующей въ Прибалт. губ. ипотечной системы — публичностью и неоспоримостью крѣпостныхъ книгъ. СПб. Суд. Пал. по д. ф. Клоута 1894 г. № 122.

По силѣ 1598 ст. одного погашенія основанія ипотеки недостаточно для совершеннаго прекращенія таковой; внесеніе же въ крѣпостную книгу можетъ имѣть мѣсто, на основаніи 336 ст. Пол. Нот.,

разумѣется, съ согласія кредитора 1600. Въ случаѣ отсутствія кредитора имѣеть мѣсто вызывное производство (проклама Уст. Гр. Суд. 1081).

§ 44. Ручной закладъ.

Литература. 335 Нольде Законное право удержанія, 498 Розенталь Право удержанія арендо- и наймодателей, 613 Фридманъ Право удержанія.

Съ 1889 г. ручной закладъ есть единственная форма заклада движимаго имущества, что явствуетъ и изъ его опредѣленія въ 1469 и 1336: при немъ передается движимая вещь въ обезпеченіе требованія, какъ и изъ прим. къ 1357: ипотека только на недвижимое. Онъ устанавливается простой передачей вещи 1469, по правиламъ для приобрѣтенія владѣнія движимыми вещами (*corpore et animo* 1470), на основаніи соглашенія, а не закона. Прежде существовавшее безмолвное закладное право на *investa et illata* (ввезенное и внесенное) арендатора въ интересахъ послѣдняго, превращено въ 1889 г. въ *jus retentionis* (право удержанія 1403*), 1404 и прим. къ 1403). Лишь по торговымъ обычаямъ обезпечиваются залоговымъ правомъ требованія комиссіонеровъ, экспедиторовъ и перевозчиковъ — относительно препорученнаго имъ товара — и требованія лицъ, содѣйствовавшихъ спасенію корабля или груза или же сбереженію спасеннаго другими, относительно спасеннаго или сбереженнаго ими имущества 22 ст. прил. къ 1899 ст. Уст. Гр. Суд.

не иначе какъ по заявленію лица, права коего ограждаются ипотекою, или по постановленію суда; специально же, относительно погашенія ипотекъ при продажѣ имѣній съ публичнаго торга, установленъ особый порядокъ въ 1874 ст. Уст. Гр. Суд., на основаніи коего опредѣленіе о семъ постановляется окружнымъ судомъ или непремѣннымъ членомъ окружнаго суда при самомъ утвержденіи торговъ. Рез. Сен. по д. Меле 1891 г. № 1072.

Уплата долга по ипотечнымъ облигаціямъ можетъ быть доказываема свидѣтелями. Уплатою непосредственно не погашается сама ипотечная облигація; необходима еще эксгроссація, т. е. внесеніе о прекращеніи ингроссированной ипотеки въ подлежащую ипотечную книгу, которое совершается тѣмъ же порядкомъ, какъ и ингроссація, т. е. порядкомъ письменнымъ. Гр. Кас. Деп. по д. Пурвинговъ 1893 г. № 57.

*) См. выше 2 сноску на 158 стр.

Кромѣ общихъ правилъ относительно заклада чужихъ вещей (ср. выше стр. 163), по отношенію къ закладу движимыхъ вещей дѣйствуютъ еще слѣдующія правила. Отданную въ закладъ чужую (украденную или похищенную) вещь залогодержатель удерживаетъ за собою *) и не выдаетъ ни залогодателю, ни постороннимъ, но выдаетъ собственнику ея 1475, 1476. Изъ особенностей виндикаціи движимыхъ вещей вытекаетъ: 1) вещи, отданныя въ обработку ремесленнику въ городахъ Лиф. и Эст., или извозчику или судовщику для перевозки въ городахъ Лиф., а ими отданныя въ закладъ, залогодержателемъ возвращаются собственнику, уплатившему ему задѣльную или извозную плату 1473; 2) вещи, отданныя въ закладъ лицомъ, получившимъ ихъ въ ссуду или на сохраненіе, остаются у залогодержателя до выкупа ихъ залогодателемъ или собственникомъ 1474.

Права залогодержателя: 1) удерживать закладъ до полного удовлетворенія, хотя бы собственникъ продалъ, подарилъ или иначе отчуждилъ отданную въ закладъ вещь 1488 **); 2) продать закладъ въ случаѣ неудовлетворенія 1491; 3) при закладѣ долговаго требованія взимать по нему проценты, но не свыше условленныхъ по обезпеченному залогомъ требованію 1490 см. 1 сн. на 29 стр.; 4) удерживать закладъ и въ обезпеченіе другихъ на залогодателя требованій, хотя бы они были личныя 1487, (въ Ревелѣ право удержанія въ этомъ случаѣ не допускается 1487 прим.); 5) перезакладывать въ другія руки, но только на срокъ, въ теченіе котораго вещь остается у него въ закладѣ, при чемъ въ Эст. лишь съ согласія залогодателя, а по городскимъ правамъ перезакладываніе вовсе запрещается 1489; 6) пользоваться залогомъ при наличности особаго условія о томъ 1482.

*) Ср. 3767 ст. на 87 стр. 2 сноска.

***) Ст. 1488. допуская продажу или иное отчужденіе вещи, находящейся въ ручномъ закладѣ у кредитора, и сохраняя за кредиторомъ лишь право удерживать ее за собою впредь до полного удовлетворенія всѣхъ обезпеченныхъ ею требованій его, обязываетъ тѣмъ самымъ сего послѣдняго вещь эту возвратитъ тому, кому она первоначальнымъ собственникомъ отчуждена, по полученіи удовлетворенія своихъ требованій, поскольку, конечно, они доказаны. Рез. Сен. по д. Витнера 1891 г. № 3661.

Обязанности его: 1) пещись об отданной въ закладъ вещи съ заботливостью рачительнаго хозяина 1478*); 2) при поврежденіи ея вознаградить залогодателя 1479, кромѣ случайнаго поврежденія или уничтоженія вещи 1480; при пользованіи же вещью и за случайное поврежденіе 1483; по Лиф. зем. и гор. пр., случайною гибелью вещи погашается и требованіе 1481; 3) не пользоваться вещью, если нѣтъ о томъ особаго условія 1482; 4) возвратитъ закладъ по удовлетвореніи или погашеніи требованія 1484; до удовлетворенія же не можетъ быть принужденъ къ возврату вещи 1486.

Къ *actio pignoratitia* не примѣнима давность: должникъ всегда имѣетъ право на выкупъ заклада 1485.

Если отданная въ закладъ вещь приметъ черезъ переработку ея новую форму и превратится, такимъ образомъ, въ другую, то на эту новую вещь закладное право не распростра-

*) Постановленія статей 1478, 1479 и 1490, очевидно, примѣнимы только къ движимымъ вещамъ, а не къ вещамъ безтѣлеснымъ, которыя, какъ сказано въ ст. 535, подлежатъ одному лишь умственному воспріятію и къ коимъ статья эта причисляетъ и права требованія, а потому, въ случаѣ залога требованія съ передачею документа, правила ст. 1478 и 1479 примѣнимы лишь къ сему послѣднему. Отсюда ясно, что изъ статей 1490, 1478 и 1479 нельзя вывести обязанности кредитора, которому заложено требованіе, предъявлять искъ объ исполненіи къ отвѣтственному лицу. Такой обязанности не устанавливается и въ прочихъ статьяхъ о закладномъ правѣ, въ томъ числѣ въ ст. 1466, по силѣ которой кредитору, принявшему отъ должника въ залогъ принадлежащее сему послѣднему требованіе къ третьему лицу и поставившему оное о томъ въ извѣстность, предоставляется право, но не вмѣняется въ обязанность въ случаѣ неуплаты третьимъ лицомъ въ опредѣленный срокъ, предъявить къ нему искъ по заложенному требованію или продать таковое другому лицу. Въ пользу признанія такого кредитора обязаннымъ къ предъявленію иска по заложенному, съ выдачею долгового документа, требованію нельзя привести и того соображенія, что самъ залогодатель лишенъ возможности начать искъ какъ за неимѣніемъ въ своихъ рукахъ означеннаго документа, такъ и въ виду сдѣланнаго должнику по оному заявленія, предупреждающаго учиненіе имъ платежа прямому своему кредитору (ст. 1465), ибо залогодатель можетъ потребовать представленія документа въ судъ (445 ст. Уст. Гр. Суд.), а препятствіе, возникающее изъ послышки вышеупомянутаго извѣщенія, можетъ быть устранено разными способами, какъ, напр., ходатайствомъ въ искомомъ прошеніи о внесеніи суммы, имѣющей быть присужденною истцу, въ депозитъ суда, въ обезпеченіе требованія кредитора-залогодержателя. Ук. Сен. Спб. Суд. Пал. по д. Горковскаго 1896 г. № 83.

няется, кромѣ случаевъ особаго соглашенія 1374. Другіе поводы къ прекращенію ручнаго заклада тѣ же, что и относительно ипотеки (см. 1414—1436 выше стр. 166—167). При закладѣ долговаго обязательства (*pignus nominis*) съ погашеніемъ его прекращается и закладное на него право 1468. Закладное право не распространяется ни на то, что будетъ приобрѣтено взамѣнъ отданной въ закладъ вещи или ея плодовъ, ни на вымѣненное на нее, ни на покупную ея цѣну 1373.

Обязательственное право *).

Л и т е р а т у р а. 133 Гредингеръ, Обязательственное право губ. Приб., по Гр. Замятка объ обязательственномъ правѣ Лиф. крестьянъ.

§ 45. Взиманіе процентовъ по мѣстному праву.

Среди побочныхъ требованій, возникающихъ при договорахъ, особое значеніе имѣетъ требованіе процентовъ, какъ одно изъ проявленій принциповъ: „ничего даромъ“ и „время — деньги“, въ силу коихъ за пользованіе чужою цѣнностью слѣдуетъ уплачивать извѣстную мзду, соразмѣрно времени пользованія и пропорционально суммѣ цѣнности. Таково именно опредѣленіе „роста“, процентовъ въ 3405, какъ вознагражденія за пользованіе цѣнностью (деньгами или вещами) соразмѣрно ея количеству и времени пользованія. Это вознагражденіе — побочное, главное же то требованіе, изъ котораго вытекаетъ обязанность платить проценты 3406. Характеръ процентовъ, какъ вознагражденія, подчеркивается и 3407 указаніемъ на то, что проценты могутъ быть уплачиваемы не только деньгами, но и другими вещами и даже просто предоставленіемъ пользованія вещами обязаннаго (напр., при *rustum antichreticum* 1499, заставномъ владѣнн 1501, закладѣ 1482, въ частности долговаго обязательства 1490 и т. п.); при этомъ Сводъ полагаетъ въ видѣ правила, что проценты должны быть однородны съ главнымъ долгомъ: должны быть вносимы вещами того же рода, изъ

*) См. выше сноску на 74 и 75 стр., а также 1 и 2 сноску на 162 стр. и 2 сноску на 166 стр.

какихъ состоитъ и главный долгъ, потому что тогда легко установить точно процентное соотношеніе (при уплатѣ деньгами можетъ быть отклоненіе). Проценты — вознагражденіе, а не плоды. Ихъ неправильно называютъ „цивильными“ плодами. Отъ плодовъ они отличаются уже по своей природѣ. Проценты возникаютъ не „сами по себѣ“, но или а) по опредѣленію закона 3408, или б) по волѣ частныхъ лицъ: по договору или завѣщанію 3409 или одностороннему обѣщанію 3277, 3410. Нѣкотораго рода исключеніе, во — 1-хъ, представляетъ тотъ случай, когда кто-либо въ теченіе извѣстнаго времени уплачивалъ проценты, тогда возникаетъ предположеніе объ обязанности ихъ платить, предположеніе, могущее быть опровергнутымъ предъявленіемъ доказательства противнаго (отсутствія обязанности 3413. Здѣсь отголосокъ стараго ученія о возможности установленія обязанности къ платежу процентовъ давностью). Во — 2-хъ, исключеніе представляютъ и отношенія между купцами: хотя бы купцы и не уговаривались, но при контокорентныхъ (текущихъ) счетахъ на сальдо (остатокъ) они могутъ насчитывать проценты 3412. Скрывающуюся здѣсь неточность закона восполнилъ торговый обычай, по коему на каждую статью контокорента насчитываются проценты; на сальдо же насчитываются само собою (особо) проценты, быть-можетъ, анатоцистическаго характера (% % на % %). Даже больше. Между купцами по обычаю насчитываются % % на всякія суммы (цѣнности), находящіяся въ распоряженіи другаго. Между купцами % % имѣютъ какъ бы характеръ плодовъ.

Законъ устанавливаетъ обязанность къ платежу процентовъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ случаѣ просрочки долга, хотя бы онъ былъ безпроцентенъ 3416 *) (Уст. Кур. гор. ипотеч. общества даетъ заемщикамъ на уплату % % 11 дней и, кромѣ просрочки, еще и отсрочку до 6 мѣсяцевъ, съ обязанностью платить ежемѣсячно 1 %), и не только въ случаѣ просрочки долга въ тѣсномъ смыслѣ, но и всякаго исполненія принятой

*) При взысканіи въ Прибалт. губ. по векселю, потерявшему силу вексельнаго права проценты исчисляются лишь съ момента требованія платежа (а не срока платежа), причемъ истецъ, требующій проценты со дня срока по векселю, долженъ доказать, что замедленіе должника на основаніи 2 п. 3306 или 3307 ст. должно считаться съ этого дня. Пунктъ же 3 ст. 3306 къ векселямъ непримѣнимъ. Гр. Кас. Деп. Сен. по д. Ароловича 1898 г. № 4.

обязанности 3320*) (Сенатъ 1898 г.: по векселю $\frac{0}{100}$ съ момента требованія платежа, а не со срока векселя), за исключеніемъ даренія и наложенныхъ денежныхъ штрафовъ 3417; 2) въ случаѣ держанія и управленія чужими (именно) *деньгами* держатель или управляющій обязанъ платить $\frac{0}{100}$ на нихъ не только тогда, когда самъ пользовался ими, но и когда не пустилъ ихъ въ обращеніе 3418, напр., опекунъ 406, 403; 3) въ случаѣ издержекъ наличными деньгами со стороны уполномоченнаго (приказчика, агента, комиссіонера) или управителя (но не negotiorum gestor'a) за счетъ своего принципала, послѣдній уплачиваетъ ему $\frac{0}{100}$ на все, что за него уплачено 3419; 4) въ случаѣ покупки со времени передачи проданной вещи покупатель долженъ платить $\frac{0}{100}$ на не уплаченную покупную сумму 3884, по Эст. гор. пр., лишь со времени просрочки платежа 3884, прим.; 5) при отпускѣ товаровъ въ долгъ купцомъ или промышленникомъ потребителямъ послѣдніе обязаны платить $\frac{0}{100}$ на сумму забора съ тѣхъ сроковъ, въ кои полагается по мѣстному обычаю оплачивать счета купцовъ, если не было иного условія 3420: въ Кур. въ Ивановъ день по новому стилю или въ Рождество Христово, въ Ревелѣ въ первые 10 дней марта и сентября, въ Лиф. въ теченіе января (нынѣ по обычаю и въ теченіе августа) 3509.

Сенатъ 1898 г. № 82: если обязанность къ платежу $\frac{0}{100}$ основана на законѣ или на Выс. утвержденномъ уставѣ кредит. учрежденія, имѣющемъ равную съ закономъ силу (напр., Лиф. кред. общ. 23 мая 1896 г.), то обязанное лицо, каждый разъ безъ особаго договора, должно платить такой размѣръ $\frac{0}{100}$, который установленъ въ законѣ, или какому соотвѣтствуютъ выданные заемщику закладные листы. Но когда обязанность платить $\frac{0}{100}$ покоится на соглашеніи сторонъ (уговорѣ 3411), тогда законъ требуетъ точнаго опредѣленія размѣра $\frac{0}{100}$. При отсутствіи такого уговора принимается во вниманіе т. наз. законный ростъ, установленные закономъ $\frac{0}{100}$. Прежде въ Прибалтикѣ нельзя было взи-

*) Въ случаѣ просрочки исполненія договора со стороны должника, кредиторъ можетъ требовать уничтоженія договора лишь, если вслѣдствіе этой просрочки цѣль договора становится для кредитора недостижимою. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ кредиторъ имѣетъ право требовать только полнаго вознагражденія за убытки, причиненные ему вслѣдствіе просрочки. Рез. Сен. по д. Рейдсона 1882 г. № 272.

мать свыше узаконеннаго роста. Максимумъ законныхъ $\frac{1}{100}$ былъ въ Лиф. $\frac{5}{100}$ годовыхъ, въ Кур. и Эст. $\frac{6}{100}$, а добровольныхъ всюду $\frac{6}{100}$, при этомъ пользовались особою привилегією только капиталы несовершеннолѣтнихъ, займы изъ крестьянскихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и отдача въ пользованіе имѣній. Уплата впередъ $\frac{1}{100}$ (хотя и не рассматривалась ростовщическою) была запрещена, равно какъ и анатоцизмъ, кромѣ Лиф. и Эст. въ случаѣ выдачи особаго заемнаго обязательства на неуплаченные $\frac{1}{100}$ 3430. Нарушеніе этихъ нормъ рассматривалось какъ уголовно наказуемое ростовщичество, а уплаты $\frac{1}{100}$ въ излишнемъ размѣрѣ засчитывались въ уплату капитальнаго долга. 28 дек. 1882 г. на Прибалт. губ. распространень общеперскаго закона 6 марта 1879 г. Высота законныхъ $\frac{1}{100}$ всюду фиксирована въ $\frac{6}{100}$ 3426. Опредѣленіе размѣра добровольныхъ $\frac{1}{100}$ оставлено свободному усмотрѣнію заинтересованныхъ 3425. Анатоцизмъ допущень: а) въ Лиф. и Эст. въ прежнемъ видѣ, когда на недоимочные $\frac{1}{100}$ выдано особое обязательство или новировано старое, со включеніемъ въ него и недоимочныхъ $\frac{1}{100}$ 3430; б) всюду, по истеченіи года со времени неуплаты $\frac{1}{100}$, на нихъ можетъ быть начисляемъ узаконенный ростъ 3426 (въ прим. къ этой статьѣ повторено почти то же, что для Лиф. и Эст. по 3430). Не запрещается уплата $\frac{1}{100}$ впередъ 3428 и прим. Воспоминаніе о прежнемъ сохранено отчасти въ слѣдующемъ: 1) если условленный ростъ свыше узаконеннаго ($\frac{6}{100}$), то должникъ черезъ полгода, предваривъ кредитора за 3 мѣсяца, можетъ уплатить долгъ досрочно 3427; 2) при достиженіи $\frac{1}{100}$ alterum tantum (размѣра долга) теченіе $\frac{1}{100}$ приостанавливается (какъ и при открытіи конкурса надъ имуществомъ должника) 3424*). Выс. утв. мнѣніемъ Гос. Сов. 24 мая 1893 г. о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій внесены слѣдующія измѣненія. Ростъ свыше $\frac{12}{100}$ въ годъ признанъ чрезмѣрнымъ, ростовщическимъ, влекущимъ за собою уголовную кару. Ростовщическое обязательство объявлено „недѣйствительнымъ“, „не имѣющимъ силы“, но „займодавецъ не лишается права обратнаго полученія дѣйстви-

*) Изъ точнаго смысла ст. 3424 слѣдуетъ, что одна фактическая несостоятельность не можетъ служить законнымъ основаніемъ къ приостановленію начисленія процентовъ по претензіямъ кредиторовъ. СПб. Суд. Пал. по д. Смоленскаго 1897 г. № 66.

тельно данныхъ имъ хлѣба, припасовъ или денегъ, за вычетомъ уже возвращеннаго ему количества“, „полученныхъ платежей“. Ростовщичество признается налицо: 1) „если заемщикъ былъ вынужденъ своими стѣсненными обстоятельствами, извѣстными заимодавцу, принять условія ссуды (?!), крайне обременительныя или тягостныя по своимъ послѣдствіямъ, или 2) если кто, занимаясь ссудами (!), скрывъ чрезмѣрность роста какимъ-либо способомъ, какъ-то включеніемъ роста въ капитальную сумму, въ видѣ платы за храненіе, или неустойки“. (Наказаніе тюрьма отъ 2 мѣс. до 1 г. 4 мѣс. и денежное взысканіе до 300 р.; при повтореніи или профессиональности лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и ссылка въ отдален. губ., кромѣ Сибир.). Ростовщикомъ признается и „занимающійся въ видѣ промысла отдачею въ ссуду (!) сельскимъ обывателямъ: 1) хлѣба и другихъ припасовъ или же 2) денегъ, подъ условіемъ уплаты денежнаго долга, частію или вполнѣ, хлѣбомъ, припасами или работою*), если для совершенія сдѣлки на чрезмѣрно обременительныхъ, несоотвѣтствующихъ мѣстнымъ обычаямъ, условіяхъ онъ воспользовался крайне тягостнымъ положеніемъ заемщика“. (Наказаніе въ 1-й разъ арестъ до 3 мѣс., во 2-й и слѣдующій разъ тюрьма отъ 1 до 6 мѣсяцевъ)**).

Прекращается обязанность платить $\frac{\%}{\%}$ А) вообще (вполнѣ): погашеніемъ главнаго обязательства, утратою, въ силу давности, права иска по нему и согласіемъ кредитора 3423; Б) срочные $\frac{\%}{\%}$ — вносомъ ихъ, давностью и сложениемъ $\frac{\%}{\%}$, а при законныхъ и безмолвно, когда $\frac{\%}{\%}$ не потребованы при платежѣ долга 3422, потому что они должны

*) Кр. К. 189: должника, присужденнаго къ зарабатыванію своего долга, помѣщикъ обязанъ одѣвать и кормить.

***) Кр. К. 329, Л. 1077, Э. 1247: буде кто станетъ брать проценты, свыше дозволенныхъ закономъ, или поставитъ заемщику въ обязанность исполненіе условій, равносильныхъ со взятіемъ лихвенныхъ процентовъ (напр., дастъ заемщику вмѣсто денегъ товары, оцѣнивъ ихъ выше дѣйствительной ихъ стоимости, сдѣлаетъ вычетъ изъ выдаваемыхъ въ ссуду денегъ, сдѣлаетъ ссуду подъ залогъ будущей жатвы, съ оцѣнкою произведеній ниже настоящей ихъ цѣны; Э. и К.: обязываетъ заемщика возвратитъ полученное имъ въ лучшемъ видѣ и большемъ количествѣ, возьметъ съ заемщика подарки, К. беретъ проценты съ процентовъ), то таковыя условія и сдѣлки признаются недѣйствительными. Виновный подвергается наказанію по Улож. о нак.

быть требуемы одновременно съ капитальнымъ долгомъ 3421 *). Высота $\frac{0}{100}$ понижается, если въ теченіе трехъ лѣтъ сряду былъ платежъ $\frac{0}{100}$ въ меньшемъ противъ условленнаго размѣрѣ 3414.

§ 46. Формы договоровъ по мѣстному праву.

Общее правило: договоръ можетъ быть заключенъ въ любой формѣ — символически, словесно, письменно; при свидѣтеляхъ или безъ нихъ; домашнимъ, явочнымъ, нотаріальнымъ или крѣпостнымъ порядкомъ; можетъ быть поставленъ во всеобщую извѣстность или оставленъ безгласнымъ. Все зависитъ отъ усмотрѣнія заинтересованныхъ 2993 **).

Исключеніе представляютъ тѣ случаи, когда законъ требуетъ совершенія сдѣлки опредѣленнымъ порядкомъ 2994. До судебной реформы 1889 г. нѣкоторые договоры должны были совершаться въ судѣ или при участіи его. При введеніи здѣсь основъ судебныхъ уставовъ 20 н. 1864 г., освободившихъ суды отъ обязанности совершать и свидѣтельствовать юридическія сдѣлки, при участіи суда договоры уже не заключаются 2995 прим.

*) Ст. 3421 указываетъ лишь на обязательное требованіе процентовъ одновременно съ требованіемъ по главному обязательству, но когда требованіе по сему обязательству не предъявлено, ни эта статья, ни другой какой-либо законъ не возбраняетъ взыскателю, не требуя возврата самаго капитала, предъявить требованіе объ условленныхъ по договору процентахъ. Рез. Сен. по д. Ойзо 1899 г. № 8634.

При продажахъ недвижимыхъ имѣній, обремененныхъ ипотеками, только тѣ побочныя требованія пользуются закладнымъ правомъ наравнѣ съ главнымъ требованіемъ, т. е. капитальнымъ долгомъ, которыя были заявлены съ представленіемъ доказательствъ до дня торга (напр., проценты по ст. 1351). Гр. Кас. Деп. по д. Нахимсона 1899 г. № 7.

Равнымъ съ главнымъ ипотечнымъ требованіемъ удовлетвореніемъ, при распредѣленіи денегъ, вырученныхъ отъ публичной продажи недвижимости, пользуются проценты, выросшіе лишь по день торга. Ук. Сен. по д. гр. ф. д. Палена СПб. Пал. 1895 г. № 75.

**) Постановленія схода выборныхъ о назначеніи въ качествѣ уполномоченнаго представителя волостнаго общества для заключенія отъ имени послѣдняго договоровъ съ третьими лицами должны быть облечены въ письменную форму (13 ст. Пол. о вол. общ. управ. 19 ф. 1866 г.). Самые же договоры, заключенные на основаніи такихъ постановленій, относительно формы ихъ совершенія, подчиняются общепоставленнымъ правиламъ. Гр. Кас. Деп. по д. Фреймана 1897 г. № 85.

Изложеніе договора на письмѣ совершается или въ тѣхъ видахъ, чтобы имѣть подъ руками надежное средство доказательства заключенія сдѣлки, или же въ виду требованія закона, который признаетъ письменную форму для нѣкоторыхъ договоровъ (напр., векселя, брачныхъ договоровъ 3027) — *essentialia negotii*.

Нотаріальнымъ порядкомъ должны быть совершаемы: 1) въ Кур. дареніе на сумму свыше 75 руб. 4473 (см. § 50), 113; 2) въ городахъ Лиф.: а) завѣщанія 2095 *); б) брачные договоры 36 **) и в) договоры о назначеніи наслѣдника 2488, п. 5 ст. 2996 и 3) договоры объ уравниеніи правъ разнобрачныхъ дѣтей 2514, 2996 п. 1.

Мировыя сдѣлки о завѣщанныхъ на будущее время алиментахъ 3602 прим., брачные договоры, не подлежащіе совершенію у нотаріусовъ, когда они должны имѣть силу и для постороннихъ лицъ 36, и въ городахъ Эст. договоры о назначеніи наслѣдника 2488 являются у нотаріусовъ. (См. Пол. о преобр. суд. части въ Приб. губ. ст. 369).

Крѣпостнымъ порядкомъ совершаются всѣ сдѣлки, по коимъ приобрѣтаются вещныя права на недвижимость 3004. См. 85 стр. Таковы: право собственности 809—813 ***) , 818,

*) По точному и совокупному смыслу статей 2452, 2476 и 2789 упущеніе существенныхъ формальностей при совершеніи завѣщанія не только въ Курл. и Эстл. губ., но и въ городахъ Лифл. губ. (гдѣ согласно 2095 ст. домашнія духовныя завѣщанія, кромѣ случаевъ бѣдствія и опасности, не допускаются) не можетъ служить препятствіемъ къ обнародованію и основаніемъ къ признанію недѣйствительнымъ домашняго духовнаго завѣщанія, помимо спора лицъ, въ томъ заинтересованныхъ. СПб. Суд. Пал. о дух. зав. Алленштейна 1892 г. № 72.

**) Если брачной записи предназначается имѣть въ будущемъ обязательную силу и для постороннихъ лицъ, то она должна быть установленнымъ порядкомъ оглашена: одно только внесеніе ея въ книги публичнаго нотаріуса не соотвѣтствуетъ требованіямъ закона и значенія для третьихъ лицъ имѣть не можетъ. СПб. Суд. Пал. по д. Ленерта 1895 г. № 57.

***) См. выше сноски на 112—117 стр. Ни въ статьяхъ 339—342 Нот. Пол., ни въ ст. 3008, 3010 (замѣненныхъ примѣчаніемъ къ ст. 2995), касавшихся укрѣпленія недвижимостей по крѣпостнымъ книгамъ, не содержится постановленій о томъ, что укрѣпленіе недвижимости за лицомъ, приобрѣвшихъ ее по акту, устанавлиющему его вещное право на таковую, не можетъ состояться при отсутствіи плана на нее, что и понятно, потому что планъ на недвижимость хотя и имѣетъ важное значеніе для владѣльца ея, какъ актъ, устанавлиющій границы земли

3878*) прим. см. § 29; пользование на правѣ собственности 944; сервитуты 1262—1264 см. § 32; поземельныя повинности 1310; отчужденіе оброчнаго права (чинша) 1328; ипотечный залогъ 1569 (ср. 3004); заставное владѣніе 1503, 1523, 1555; право выкупа, основанное на договорѣ или одностороннемъ изъявленіи воли 1617; право обратной покупки 3926; право преимущественной покупки 3933; фамильный фидеикоммиссъ 2339; родовой фидеикоммиссъ 2539, 2540; родонаслѣдственный договоръ 2503; договоръ о назначеніи наслѣдника въ Кур. 2487; раздѣлъ наслѣдства 2735 (въ Кур. не требуется 2736)**); аренда, которой желаютъ придать обязательную силу для третьихъ лицъ 4126 см. § 54; наслѣдственная аренда 4132—4133 см. 1 сноску на 101 стр.; товарищество полное 4286 прим.

Затѣмъ есть рядъ правоотношеній, которыя сами по себѣ имѣютъ полную силу, независимо отъ внесенія ихъ въ крѣпостныя книги, но для приданія имъ большаго обезпеченія и

и наличность строеній на ней, но приобщеніе его къ крѣпостнымъ книгамъ неодновременно съ укрѣпленіемъ, а позднѣе, можетъ быть произведено безъ ущерба для дѣла укрѣпленія недвижимостей. СПб. Суд. Пал. по д. Буша 1898 г. № 203.

*) Разрѣшеніе вопроса о преимуществѣ права на купленную отдѣльно двумя покупателями недвижимость примѣненіемъ примѣчанія къ 3878 ст. можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда корроборованный актъ покупки не страдаетъ такимъ внутреннимъ недостаткомъ, который лишаетъ его силы. 3016, 2922, 3214 ст. Указанныя статьи, какъ содержащія въ себѣ общія нормы для всѣхъ вообще юридическихъ сдѣлокъ и договоровъ, относятся, безъ сомнѣнія, и къ корроборованнымъ купчимъ контрактамъ, корроборация коихъ не устраняетъ ихъ внутреннихъ недостатковъ. СПб. Суд. Пал. по д. Ринка 1898 г. № 233.

Примѣчаніе къ 3878 ст. разрѣшаетъ вопросъ о преимуществѣ правъ (внесенныхъ въ крѣпостныя книги) только по купчимъ контрактамъ; поэтому къ тѣмъ случаямъ, когда сторона основываетъ свое право собственности на спорную недвижимость на приобрѣтеніи оной въ силу закона о давности, изложенное примѣчаніе не подходитъ. СПб. Суд. Пал. по д. Ферстера съ Ранге 1894 г. № 69.

**) Изъ содержанія ст. 2736 вовсе не слѣдуетъ, чтобы сонаслѣдники не имѣли права совершить раздѣльную запись и внести ее въ крѣпостныя книги, если бы они этого пожелали. Ст. 812 и 813, несомнѣнно, имѣютъ значеніе и для Курляндіи; поэтому, если бы сонаслѣдники сочли нужнымъ раздѣльный актъ свой о наслѣдственной недвижимости совершить и укрѣпить по крѣпостнымъ книгамъ, направленные къ осуществленію сего дѣйствія нельзя признать незаконными и не подлежащими удовлетворенію. СПб. Суд. Пал. по д. Биздена 1896 г. № 191.

повышеннаго значенія, для освѣдомленія о нихъ третьихъ лицъ, заинтересованнымъ предоставляется требовать ихъ внесенія въ крѣпостныя книги. Таковы: общность имущества супруговъ по Лиф. гор. пр., для Лиф. зем. духовенства и въ г. Нарвѣ; приобрѣтеніе имущества по давности 855 см. 2 сноску на 114 стр.; законное право пользованія; возникновеніе по закону сервитутовъ, поземельныхъ повинностей и права выкупа; пожалованіе; конфискація; экспроприація; приращеніе недвижимости; возведеніе строеній; переходъ имущества къ законнымъ наслѣдникамъ; выкупныя сдѣлки въ казенныхъ имѣніяхъ и т. п.

§ 47. Задатокъ въ мѣстномъ правѣ.

Задатокъ — это то, что дается одною стороною другой при заключеніи договора 3359, въ видѣ денегъ или другихъ цѣнностей 3360, но непременно дается, а не обѣщается только 3361. 3359 говоритъ, что задатокъ дается „не только въ знакъ или доказательство дѣйствительнаго заключенія договора, но вмѣстѣ и какъ обезпеченіе его исполненія“. Это вдвойнѣ невѣрно: по Своду задатокъ можетъ имѣть и другое значеніе, кромѣ упомянутыхъ, а иногда имѣеть одно изъ указанныхъ.

1) Изъ 3363 ясно, что задатокъ имѣеть иногда значеніе только внѣшняго знака заключенія договора: а) въ Ревелѣ, Гапсалѣ, Везенбергѣ, Фридрихштадтѣ и Баускѣ разъ задатокъ не возвращенъ, пока стороны не разошлись, онъ свидѣтельствуетъ объ окончательномъ заключеніи договора; въ Лиф. то же лишь при покупкѣ скота или лошадей. То же вытекаетъ и изъ 3364, по коей задатокъ иногда можетъ такъ и остаться у получившаго его безъ зачета. Тогда какъ нормальный порядокъ: при исполненіи договора задатокъ долженъ быть возвращенъ, зачтенъ*), какъ часть суммы, слѣдовавшей къ исполненію (слѣд., какъ „предварительное исполненіе“), какъ онъ возвращается и въ случаѣ отмѣны

*) Кр. К. 151, Кр. Л. 369: договоры о наймѣ въ услуженіе могутъ быть заключены выдачею и принятіемъ задатка. Кр. Э. 442: принятіе задатка служитъ подтвержденіемъ договора. Кр. К. 152: задатокъ, количество коего назначается по добровольному условію, обыкновенно вычитается изъ жалованья.

соглашенія или невозможности исполненія безъ вины давшаго задатокъ (3365. Здѣсь задатокъ выступалъ въ роли средства обезпеченія).

2) Иногда задатокъ имѣеть значеніе указателя, когда договоръ сталъ перфектенъ. По 3362. послѣ выдачи его договоръ „неотмѣнимъ“, въ смыслѣ окончательнаго его установленія.

3) Въ иныхъ случаяхъ задатокъ имѣеть характеръ частичнаго обезпеченія убытка и обезпеченія исполненія. 3366: когда не исполнить договора получившій задатокъ, по своей винѣ, долженъ вернуть задатокъ вдвойнѣ; не исполнить давшій, теряетъ задатокъ (плюсъ уплата убытковъ*).

4) Иной разъ задатокъ получаетъ значеніе Reugeld, характеръ отступнаго, неустойки. 3367: при предварительномъ соглашеніи о томъ контрагентовъ, каждый изъ нихъ можетъ отступить отъ договора: одинъ съ потерей задатка, другой съ возвратомъ его въ двойномъ количествѣ**).

§ 48. Форма цессіи по мѣстному праву.

Литература. 130 Гредингеръ Комментарій къ 3473 ст. о передачѣ обязательствъ, 190 Змирловъ Гербовый сборъ съ передаточныхъ надписей на облигаціяхъ на недвиж., 534 Скопинъ Передат. надписи на желѣзнодорож. накладныхъ.

Передача правъ требованія отъ прежняго вѣрителя къ новому можетъ быть а) добровольная или б) въ силу

*) Изъ смысла ст. 3366 вовсе не вытекаетъ, что наниматель въ правѣ отказаться отъ нанятаго имущества съ потерей лишь задатка. Такого правила этотъ законъ нанимателю не предоставляетъ, опредѣляя оставленіе задатка въ пользу собственника имущества лишь какъ одно изъ послѣдствій отказа нанимателя отъ найма; по силѣ 3362 и 3367 ст. договоръ по уплатѣ задатка дѣлается неотмѣнимымъ, и сторона, уплатившая задатокъ, можетъ отказаться отъ договора съ потерей задатка лишь при включеніи въ договоръ положительнаго условія въ этомъ смыслѣ. Рез. Сен. по д. Дамбе 1892 г. № 870.

**) Ст. 3368: постановленія ст. 3367 примѣняются, когда договоръ состоялъ въ одномъ только предварительномъ уговорѣ 3140 ст. Подъ выраженіемъ предварительный уговоръ (въ нѣмецкомъ текстѣ: приуготовительный договоръ) 3368 ст. разумѣеть именно тѣ предварительныя условія, о которыхъ говорится въ 3140 ст. и которыя признаются въ полной силѣ, коль скоро ими устанавливаются существенныя принадлежности договора. Это съ несомнѣнностью явствуетъ изъ имѣющей при семъ ссылки на 3140 ст. Гр. Кас. Деп. по д. Леща 1898 г. № 1.

необходимости (вынужденная: по закону и судебному приговору 3461 *).

Предметомъ ея могутъ быть требованія всякаго рода 3467 **), кромѣ тѣсно связанныхъ съ личностью кредитора 3468, 3469.

Общее правило: передача можетъ быть въ любой формѣ, даже безъ вѣдома должника 3471, напр., безъ вѣдома заставодателя 1555. Но для передачи письменнаго требованія необходимо, кромѣ передачи самого акта, сдѣлать надпись на немъ или составить о томъ особый документъ 3472 ***). При передачѣ заставнаго владѣнія необходимъ особый актъ, внесенный въ крѣпостныя книги 1523, 1555. Надпись можетъ быть или полная передаточная (на опредѣленнаго кредитора) или бланковая (на каждаго предъявителя). Документы съ послѣдняго рода надписью передаются, какъ бумаги на предъя-

*) См. 2 сноску на 85 стр. и 2 сноску на 166 стр. Согласно 3461 и сл. ст. посредствомъ передачи, или цессіи, могутъ быть передаваемы одни лишь требованія. Поэтому права по договорамъ, основаннымъ на двухстороннихъ юридическихъ сдѣлкахъ, какъ, напр., на арендныхъ договорахъ, имѣющихъ своимъ предметомъ исполненіе опредѣленныхъ обязанностей, не могутъ быть передаваемы въ вышеуказанномъ смыслѣ. Слѣд., къ передачѣ такихъ правъ нельзя примѣнять правилъ о цессіи, а перемѣна въ личностяхъ контрагентовъ должна быть обсуждаема по правиламъ объ обновленіи. Рез. Сен. по д. Муценекъ 1882 г. № 462.

**) Обязательство объ уплатѣ остатка покупной цѣны, какъ и всякое обязательство, не связанное съ личностью кредитора (ст. 3468), можетъ быть, согласно 3467 ст., передаваемо другому лицу, и притомъ по бланковымъ надписямъ. Гр. Кас. Деп. по д. Бека 1891 г. № 66.

***) Передача требованія по накладной, требуя согласно 3472 ст., безусловно соблюденія письменной формы, не можетъ быть доказываема свидѣтельскими показаніями. Рез. Сен. по д. Мули 1897 г. № 7461.

Законнымъ правопреемникомъ лица, имѣющаго право распоряжаться грузомъ, слѣдуетъ признать также и того, кому передана въ закономъ установленномъ порядкѣ накладная по окончаніи перевозки груза. Условія передачи по надписи накладной слѣдующія: 1) дѣйствительное намѣреніе одного лица передать свое опредѣленное право на взысканіе, вытекающее изъ перевозки желѣзною дорогою груза, и такое же намѣреніе другого лица приобрести это право; 2) наличность изъявленія воли къ осуществленію этого намѣренія съ обѣихъ сторонъ и 3) надлежащее выраженіе воли этой воли, причемъ не должна имѣть мѣсто ни ошибка, ни заблужденіе, какъ это вытекаетъ изъ смысла 2919, 2924, 2953, 2956, 3461 и 3471 ст. Рез. Сен. по д. 1902 г. № 1125.

явителя 3473*). А переводъ правъ требованій по нимъ совершается простою передачею бумаги изъ рукъ въ руки 3123.

Передачикъ такой бумаги отвѣчаетъ только за *poterum* (за подлинность документа), но не за *bonum* (добротность, благонадежность, оплачиваемость) 3124. Обыкновенно передачикъ ручается за вѣрность и точность требованія и за надежность, если зналъ о несостоятельности должника и злоумышленно о ней умолчалъ или же взялъ требованіе на свой страхъ 3481.

Въ Кур. примѣняется *lex Anastasiana*, по коему купившій денежное требованіе ниже номинальной его стоимости не можетъ требовать отъ должника болѣе того, что самъ заплатилъ (съ законными на сіе процентами); за исключеніемъ спорныхъ и ненадежныхъ требованій, бумагъ на предъявителя или переданныхъ по бланковой надписи, а также когда передача состоялась съ положительнаго согласія должника или при ликвидациі между соучастниками 3482.

Передача не можетъ ставить должника въ болѣе обременительное положеніе, чѣмъ онъ былъ раньше 3479, поэтому

*) Ст. 3473, помѣщенная въ 3-й главѣ, озаглавленной „форма передачи“, касается исключительно формы передачи посредствомъ, между прочимъ, бланковой надписи, причемъ выраженіе этой статьи „обязательства. . . , снабженныя бланковою надписью, подлежатъ правиламъ о бумагахъ на предъявителя“, въ связи съ примѣчаніемъ къ оной, которое о передачѣ бумагъ на предъявителя отсылаетъ къ ст. 3123 и 3124, касается исключительно дальнѣйшихъ переходовъ такого обязательства, которые совершаются простою передачею онаго изъ рукъ въ руки, причемъ передающій отвѣчаетъ только за подлинность бумаги. Послѣдствія же передачи, установленныя ст. 3125 исключительно для бумагъ на предъявителя, на обязательства, снабженныя бланковою надписью, распространяемы быть не могутъ, ибо на этотъ законъ ни текстъ 3473 ст., ни примѣчаніе къ ней не ссылаются. СПБ. Суд. Пал. по д. Сплитъ 1897 г. № 238.

Долговыя обязательства, снабженныя бланковою надписью, подлежатъ правиламъ о бумагахъ на предъявителя, только относительно порядка дальнѣйшаго перехода такого обязательства къ другимъ его держателямъ, вовсе не сообщая ему внутренней силы и значенія бумагъ на предъявителя. Обязательства этого рода сохраняютъ характеръ частныхъ долговыхъ обязательствъ. СПБ. Суд. Пал. по д. Виттекопфъ 1898 г. № 102. См. выше 2 сноску на 166 стр.

Въ отношеніи же расчетовъ съ прежнимъ держателемъ обязательства къ нему примѣнима 3480 ст. СПБ. Суд. Пал. по д. Глазера 1897 г. № 242.

противъ цессіонарія онъ можетъ предъавлять всѣ тѣ возраженія, какія онъ имѣлъ по отношенію къ цеденту 3480*). Послѣдняго онъ можетъ продолжать разсматривать своимъ кредиторомъ до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ сообщено о передачѣ 3474.

§ 49. Отдѣльныя обязательства по мѣстному праву.

Литература. 129 Гредингеръ, Естественныя обязательства въ теоріи и въ Сводѣ гражд. уз. г. Приб., 542 Споръ о безденежности долговаго обязательства, 95^a Гасманъ, Обѣщаніе, какъ абстрактный договоръ.

Для Прибалтійскаго права римскія категоріи договоровъ устарѣли. Здѣсь всѣ договоры покоются на соглашеніи, всѣ консенсуальны 3105 3131. Они могутъ быть или двусторонніе или односторонніе, смотря по тому, даютъ ли обѣщаніе обѣ стороны, или только одна (необходимо принятіе 3106).

*) Кредиторъ по долговому обязательству, выданному на его имя, учиненіемъ бланковой надписи на обязательствѣ не можетъ освободить себя отъ иослѣдствій, предусмотрѣнныхъ въ ст. 3480, такъ какъ это было бы равносильно съ предоставленіемъ ему права совершить передачу вопреки 3479 ст. въ отягощеніе должника. Это положеніе не противорѣчитъ 3125 и 3473 ст. какъ потому, что въ прим. къ послѣдней статьѣ не сдѣлано ссылки на 3125 ст., такъ и потому, что 3473 ст. указываетъ на примѣненіе правилъ о бумагахъ на предъавителя къ обязательствамъ, уже снабженнымъ бланковыми надписями, т. е. при дальнѣйшихъ переходахъ оныхъ изъ рукъ въ руки, но не лишаетъ этимъ должника по обязательству, выданному на извѣстное лицо, права, представленнаго ему 3479 и 3480 ст. Рез. Сен. по д. Симберга 1891 г. № 2382.

Законъ этотъ (3480 ст.) предоставляетъ должнику право предъавлять и противъ третьихъ лицъ тѣ возраженія, какія ему принадлежатъ противъ кредитора, передавшаго свое требованіе третьему лицу, причемъ законъ этотъ не дѣлаетъ исключенія и для обязательствъ, обеспеченныхъ ипотекою. СпБ. Суд. Пал. по д. Зиберъ 1897 г. № 238.

Должникъ въ Прибалт. губ. при взысканіи по исполнительному листу въ правѣ требовать въ порядкѣ частнаго производства зачета разности между суммою, взыскиваемою съ него по исполнительному листу, и суммою, присужденною въ его пользу съ лица, переуступившаго исполнительный листъ взыскателю. Гр. Кас. Деп. по д. Зеземана 1898 г. № 89.

Согласно 3476 ст., обязательство переходитъ со всѣми принадлежашими въ моментъ передачи правами, а слѣд., въ силу 1339 ст. также и съ закладнымъ правомъ въ томъ размѣрѣ и видѣ, какъ оно принадлежало первому кредитору. Гр. Кас. Деп. по д. Бека 1891 г. № 66.

Всѣ договоры Сводъ распредѣляетъ въ систему на основаніи ихъ содержанія на: I) имѣющіе въ виду возвращеніе вещи: а) заемъ, б) обратное требованіе при исполненіи несуществующаго долга, в) или исполненнаго въ предположеніи будущаго событія, г) или выданнаго по безнравственному или противозаконному основанію, д) или выданнаго безъ всякаго основанія, е) или того, чѣмъ другой обогатился, ж) ссуда, з) уступка (*cessarium*); и) поклада, і) обязанности хозяевъ гостинницъ относительно вещей проѣзжающихъ, к) закладъ и залогъ; II) имѣющіе въ виду полученіе эквивалента при отчужденіи: а) купля, б) мѣна, в) договоръ изданія, г) договоръ пожизненной ренты, д) поставка; III) имѣющіе своимъ содержаніемъ предоставленіе пользованія: а) аренда и наемъ, б) договоръ личныхъ послугъ, в) наемъ слугъ, г) подрядъ, д) перевозка кладей; IV) обязательства, возникающія изъ общности правъ, — товарищество; V) рисковыя договоры: а) игры, б) лотерея, в) пари, г) страхование; VI) обязательственныя отношенія по поводу завѣдыванія чужими дѣлами: а) уполномочіе, б) управленіе чужими дѣлами безъ порученія, в) совѣтъ и рекомендація, г) продажа съ рукъ; VII) безмездныя договоры — дареніе: всего имущества, съ назначеніемъ, въ вознагражденіе; VIII) побочныя договоры: а) поручительство, б) задатокъ, в) неустойка; IX) требованія, вытекающія изъ недозволенныхъ дѣйствій: а) при личныхъ оскорбленіяхъ: 1) за тѣлесныя поврежденія, 2) оскорбленіе чести, 3) преступленіе противъ личной свободы и цѣломудрія женщинъ, б) изъ противозаконнаго поврежденія имущества; X) требованія, истекающія изъ различныхъ основаній (*quasi ex delicto*): а) отвѣтственность за вредъ, нанесенный выбрасываніемъ, вылитіемъ и паденіемъ, б) за поврежденія, причиненныя животными, в) требованіе показать вещь.

Приведенная классификація не имѣетъ исчерпывающаго значенія, такъ какъ могутъ быть договоры и не подходящіе ни подъ одну изъ названныхъ категорій, и тѣмъ не менѣе они будутъ обязательны для договаривающихся 3209*), лишь

*) При требованіи шкипера съ товарополучателя условленнаго по договору *цеттепартіи* вознагражденія за простойные дни (*Liegegeld*), отвѣтчикъ, въ виду своевременно учиненнаго истцомъ (шкиперомъ) заявленія о томъ, что судно прибыло и готово къ выгрузкѣ, обязанъ, по точному смыслу 366 ст. У. Г. С., доказать, что промедленіе произошло по винѣ самого истца. СПБ. Суд. Пал. по д. Анкерсень 1891 г. № 27.

бы не устанавливали ничего противозаконного, безнравственного или безчестного 3214 *).

§ 50. Дареніе между супругами по лифляндскому и эстляндскому праву.

Литература. 30 Башмаковъ „Сбавки“ въ дареніяхъ и отказъ. Ср. также 170 и 323 дѣло о статуѣ Рейна.

Дареніе вообще подлежитъ ограниченіямъ: въ Лиф. и Эст. никто не можетъ дарить наслѣдственныхъ имѣній безъ согласія ближайшихъ наслѣдниковъ (они могутъ дареніе оспорить въ теченіе срочнаго года 4469); въ Кур. непремѣнные наслѣдники могутъ требовать выдачи имъ обязательныхъ долей 4488; въ Кур. же даренія свыше 75 рублей должны быть совершаемы нотаріальнымъ порядкомъ (4473 **): *insinuatio 500 solidi*, къ коимъ приравнены

*) Дѣйствія лица, покупающаго недвижимость, зная о неукрѣпленныхъ въ законномъ порядкѣ правахъ третьяго лица на эту недвижимость, не могутъ быть названы недозволенными и неприличными въ смыслѣ ст. 2022 точно такъ же, какъ и договоръ о такой куплѣ-продажѣ не можетъ быть признанъ устанавливающимъ что-либо противозаконное, безнравственное или безчестное въ смыслѣ 3214 ст. Ук. Сен. СПб. Суд. Пал. по д. Виллемова 1895 г. № 180.

**) На всѣ виды даренія, въ томъ числѣ „даренія въ вознагражденіе“ (ст. 4503), распространяются общія правила о формѣ даренія, а слѣд., и 4473 ст. Рез. Сен. по д. Канупа 1893 г. № 683. Эта ст. примѣняется и при дареніи требованій. Ук. Сен. СПб. Суд. Пал. по д. Паберзь 1899 г. № 66. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, кромѣ упомянутаго въ 4473 ст., дареніе можетъ совершаться и безъ соблюденія особыхъ формъ, однако, дареніе недвижимости на словахъ даетъ одаренному лишь личное право требованія къ дарителю о совершеніи и корроборации дарственнаго акта, но права на самую недвижимость подобная сдѣлка, до подлежащаго оформленія и укрѣпленія ея, не даетъ; внесеніе акта въ крѣпостныя книги необходимое условіе для приданія сдѣлкѣ вещнаго характера, который дѣлаетъ ее обязательною и для третьихъ лицъ. Рез. Сен. по д. Остенгейма 1895 г. № 3734; Ук. Сен. СПб. Суд. Пал. по д. Унгернъ-Штернбергъ 1898 г. № 132. Признаки даренія, по 4464 ст., „щедрость“ и „безвозмездность“ имѣютъ самостоятельное значеніе и не могутъ быть отождествляемы. Ук. Сен. СПб. Суд. Пал. по д. Юрьев. унив. 1897 г. № 240. 3175 ст. о договорахъ условныхъ касается и договоровъ о дареніи, соединенныхъ съ какимъ-либо назначеніемъ. Ук. Сен. СПб. Суд. Пал. по д. гр. Плятеръ-Зибера 1898 г. № 207.

500 польскихъ гульденовъ, превратившихся при переводѣ на русскую монету въ 75 руб.*).

Дареніе между супругами подлежитъ существеннымъ ограниченіямъ только въ Кур.: а) дѣтямъ сохраняется обязательная (неотъемлемая) доля, б) дареніе свыше 75 руб. нотаріально 113, в) дареніе безвозвратно только по смерти дарителя, а при жизни можетъ быть отмѣнено, г) отмѣняется дареніе и въ случаѣ смерти одареннаго ранѣе дарителя 114. Исключеніе лишь для незначительныхъ подарковъ „въ знакъ взаимной любви“, которые дѣйствительны во всякой формѣ 110. Утренній даръ подчиняется общимъ правиламъ 28.

Въ Лиф. и Эст. указанныхъ въ 113 и 114 ограниченій нѣтъ (114 прим.): изъ благопріобрѣтеннаго супруги могутъ дарить другъ другу, сколько угодно 111, съ согласія дѣтей и изъ наслѣдственнаго 112; тамъ, гдѣ существуетъ общность имущества, супруги могутъ дѣлать подарки изъ отдѣльнаго своего имущества 115. Недѣйствительны лишь царенія во вредъ кредиторамъ 116.

§ 51. Продажа съ публичныхъ торговъ.

Литература: 453 Продажа челоѣка съ публичнаго торга въ Остз. краѣ, 322 Невзоровъ, *Peciculum rei* при куплѣ-продажѣ.

Продажа съ аукціона можетъ быть на повышеніе или на пониженіе; можетъ быть молчаливая и при помощи запечатанныхъ конвертовъ. Она называется еще продажей съ молотка и отличается отъ обыкновенной тѣмъ, что это 1) договоръ состязательный, заключаемый при конкуренціи многихъ, и состоитъ въ предложеніи вещи всѣмъ желающимъ торго-

*) О дареніи см. Кр. К. 140—143, Кр. Э. 1177—1181, Кр. Л. 1023—1028. Кр. К. 140 разрѣшаетъ даренія не свыше четвертой части всего имущества и требуетъ, подъ угрозой недѣйствительности, записи въ судѣ сдѣлки даренія на цѣну свыше 50 рублей. Кр. Э. 1178 воспрещаетъ даренія на случай смерти свыше четвертой доли подлежащаго свободному распоряженію имущества. Кр. Л., въ 1023 разрѣшая дарить, сколько угодно, въ 1024 требуетъ записи въ судѣ даренія вещи или имущества цѣною свыше 15 руб. Это требованіе непримѣнимо къ даренію поземельныхъ участковъ, учиненному помѣщикомъ въ пользу волостнаго общества, какъ юридическаго лица, такъ какъ правило это для лицъ некрестьянскаго сословія обязательной силы не имѣетъ. Гр. Кас. Деп. по д. Унгернъ-Штернбергъ 1902 г. № 25.

ваться*), которые и назначают цѣну состязаніемъ, 2) каждый назначившій цѣну (сдѣлавшій наддачу) связанъ своимъ предложеніемъ 3960, вступаетъ въ договоръ купли подъ условіемъ, если никто не сдѣлаетъ лучшаго предложенія, 3) заключается онъ символически: ударомъ молотка вещь закрѣпляется за сдѣлавшимъ высшую наддачу 3961, 4) производится обыкновенно постороннимъ лицомъ, посредникомъ между продавцомъ и покупателями: имъ можетъ быть аукціонистъ или маклеръ 3952, въ Ригѣ въ частности для товаровъ биржевой маклеръ 3947 прим. 1.

Она можетъ совершаться или домашнимъ порядкомъ (добровольная) или подъ контролемъ правительственнаго учрежденія (суда, принудительная 3945). Послѣднимъ путемъ обязательно продаются вещи: 1) казны, 2) казенныхъ должниковъ, 3) церквей, 4) отобранныя у должника исполнительнымъ порядкомъ 3947**). Для товаровъ, попавшихъ въ кон-

*) Публичной продажей называется такая юридическая сдѣлка, въ которой контрагентомъ-приобрѣтателемъ имущества является непременнo покупатель онаго, предложившій на торгахъ высшую цѣну, и за нимъ только (а не за третьимъ лицомъ по переуступкѣ покупателя) укрѣпляется судомъ проданное имущество. Подъ опредѣленіе 3944 ст. подходит и продажа обязательная, въ порядкѣ судебномъ производимая, съ тою особенностью, что предложеніе исходитъ отъ судебного учрежденія, продающаго имѣніе, причемъ продажа считается состоявшеюся относительно того изъ торговавшихся лицъ, кто предложилъ высшую цѣну и внесъ въ срокъ всѣ требуемыя деньги. 3949 ст. СПб. Суд. Пал. по д. Букстиня 1897 г. № 135.

**) И по введеніи реформы публичная продажа недвижимостей не можетъ состояться внѣ судебного порядка путемъ административнымъ, производится ли продажа во исполненіе судебного рѣшенія или же для покрытія какихъ-либо безспорныхъ казенныхъ или общественныхъ податей и сборовъ. Общ. собр. I и Кас. Деп. 1891 г. № 37. Это примѣнимо и къ продажѣ земельныхъ участковъ крестьянъ казенныхъ имѣній Курл. губ. за недоимки по выкупнымъ платежамъ. Особ. присут. Суд. Пал. 1893 г. № 239. Тотъ же порядокъ публичной продажи недвижимыхъ имѣній на удовлетвореніе безспорныхъ взысканій казны, городовъ и общественныхъ кредитныхъ учреждений (мѣстныхъ дворянскихъ) при содѣйствіи суда, а не администрации. Судъ постановляетъ опредѣленіе въ исполнительномъ, а не въ исковомъ состязательномъ порядкѣ, примѣнимость коего исключена совершенно въ виду безспорности требованій казны. Постановляется частное опредѣленіе, при каковомъ положеніи не можетъ быть возбуждаемъ вопросъ о присужденіи казнѣ судебныхъ и за веденіе дѣла издержекъ. СПб. Суд. Пал. по д. Удрасъ 1901 г. № 358.

курсъ въ Ригѣ, допускается продажа не съ публичныхъ торговъ, а чрезъ маклеровъ на биржѣ 3947 прим. 1.

Отъ продажи съ публичныхъ торговъ изъяты: 1) св. иконы 3955 и 2) вещи запрещенныя 3833. Остальныя всѣ могутъ продаваться съ молотка оптомъ или въ розницу.

Но „въ Ревелѣ ни купеческіе, ни рыночные товары не могутъ быть продаваемы съ публичныхъ торговъ въ розницу“ 3956; значить, здѣсь желательны покупатели изъ купцовъ. А по общему правилу покупателями могутъ быть всѣ, кромѣ лицъ, производящихъ аукціонъ (аукціонистъ, маклеръ, членъ присутственнаго мѣста 3952), и кредиторовъ 3953.

Продавцами могутъ быть также всѣ правоспособные 3951.

Правила о порядкѣ производства добровольной продажи недвижимаго имущества содержатся въ Уст. Гр. Суд. 2035—2046 ст. (производится при Миромъ съѣздѣ или Окружномъ Судѣ; при прошеніи представляются копія съ отдѣла реестра крѣпостной книги и условія продажи; торги могутъ быть признаны состоявшимися и въ томъ случаѣ, если явился лишь одинъ желающій торговаться; купившему выдается копія съ опредѣленія суда объ утвержденіи торговъ, а также съ условій продажи и съ торговаго листа, которыя онъ обязанъ представить въ крѣпостное отдѣленіе для внесенія имѣнія на свое имя въ крѣпостныя книги). Матеріальная же сторона продажи опредѣляется въ Сводѣ. Каждой продажѣ должна предшествовать публикація 3949; упущеніе ея при продажѣ недвижимости признается столь существеннымъ, что самую продажу (до внесенія въ крѣпостныя книги) можно оспаривать какъ ничтожную 3970 п. 1. *).

*) Ст. 3970, указывая на право лица, производившаго публичную продажу (очевидно, добровольную ст. 3945), оспорить оную въ опредѣленныхъ этою статьею случаяхъ, не даетъ основанія заключить, чтобы публичная продажа (хотя бы обязательная) не могла подлежать утвержденію при отсутствіи спора противу нея, хотя бы при совершеніи оной было допущено отступленіе отъ требуемыхъ закономъ формальностей, въ виду чего судъ, не установивъ того, чтобы съ чьей-либо стороны публичная продажа была оспорена, не имѣетъ правильнаго основанія, въ виду отсутствія въ дѣлѣ доказательствъ производства публикаціи о продажѣ и производства самой продажи въ подлежащемъ присутствіи, отказать въ укрѣпленіи имѣнія за просителемъ. Рез. Сен. по д. б. Штакельберга 1892 г. № 5296.

Нарушеніе формальностей, установленныхъ закономъ для продажи съ публичныхъ торговъ, имѣвшей своимъ предметомъ движимую

Приводящій нѣкоторыхъ въ смущеніе вопросъ, когда продажа состоялась (перфектна), рѣшается просто. Лицо, сдѣлавшее наддачу, связано своимъ предложеніемъ 3961; если на трехкратное приглашеніе аукціониста нѣтъ лучшаго предложенія, то ударомъ молотка договоръ закрѣпляется: имъ выражается „утвержденіе цѣны“ 3962. При казенныхъ подрядахъ и поставкахъ слѣдуетъ еще утвержденіе торга со стороны казеннаго учрежденія: изъявленіе съ его стороны согласія замѣняетъ ударъ молотка 3963. Здѣсь лишь моментъ перфекціи отсрочивается, а дѣло отъ того не измѣняется: „последнее слово“ — молоткомъ или въ формѣ рѣчи — принадлежитъ отчудителю. Съ этого момента дѣло окончено, а до него было лишь условное предложеніе наддатчика, его одного вяжущее. Съ утвержденія цѣны (молоткомъ, протоколомъ присутствія, судебнымъ опредѣленіемъ) наступаетъ перфекція.

Съ этого момента рискъ гибели вещи (страхъ) переходитъ на покупателя 3964 *), онъ обязанъ внести цѣну (немедленно и вполнѣ или въ сроки 3966, 3968 **)), на него же пере-

вещь, не влечетъ за собою недѣйствительности производящихся торговъ, а даетъ покупателю право требовать отъ виновныхъ вознагражденія за убытки особымъ искомъ, не освобождая его отъ обязанности исполнить всѣ требованія, возникающія для него изъ утвержденія публичной продажи. Рез. Сен. по д. Бейтина 1882 г. № 567.

*) Ст. 3964, говоря объ „утвержденіи“, вовсе не имѣетъ въ виду укрѣпленія проданной съ публичнаго торга недвижимости за лицомъ, предложившимъ за оную высшую цѣну, а понимаетъ подъ этимъ выраженіемъ заключеніе торга со стороны производящаго продажу (ср. ст. 3961, 3962 и др.), который „утверждаетъ вещь“ за лицомъ, предложившимъ высшую цѣну. Рез. Сен. по д. Бюнгнера 1897 г. № 3348

**) Лицо, предложившее на торгахъ высшую цѣну и послѣ взноса задатка не уплатившее въ срокъ покупной цѣны и пошлинъ, по смыслу 3968 ст., не можетъ быть признаваемо пріобрѣтателемъ недвижимости, а лишь лицомъ, могущимъ сдѣлаться таковымъ, если внесетъ платежи до вторичныхъ торговъ; иначе непонятно было бы выраженіе „по распоряженію суда имущество снова обращается въ публичную продажу“, такъ какъ имущество уже пріобрѣтенное не подлежитъ назначенію въ продажу безъ согласія собственника и при отсутствіи обращеннаго на него взысканія за долги. СПб. Суд. Пал. по д. Муссо 1900 г. № 32.

Невзносъ покупщикомъ остальной суммы въ срокъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ объявленіе торга несостоявшимся. Ук. Сен. СПб. Суд. Пал. по д. Сберег. Кассы 1892 г. № 42.

Покупщикъ проданнаго съ публичнаго торга имѣнія, не уплатившій въ срокъ причитавшихся съ него денегъ, можетъ до укрѣпленія

ходятъ и поземельныя повинности 3967. Ему достается вещь чистая, свободная отъ ипотекъ и закладныхъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя онъ принялъ на себя 3967*). Приобрѣтатель въ принципѣ ничѣмъ не связанъ (кромѣ поземельныхъ повинностей). Исключеніе допускаетъ Лиф. гор. право при обязательной публичной продажѣ недвижимости, когда должнику и его наслѣдникамъ въ 6-недѣльный срокъ предоставляется право выкупить, если оно выговорено до продажи 3965.

имѣнія за кѣмъ-либо изъ кредиторовъ и до назначенія новыхъ торговъ устранить взносомъ сихъ денегъ съ процентами и издержками какъ новый торгъ, такъ и заявленное кредиторомъ требованіе объ укрѣпленіи за нимъ имѣнія въ оцѣночной суммѣ. Гр. Кас. Деп. по д. Конради 1896 г. № 77.

Онъ несетъ отвѣтственность за продажу имѣнія на новыхъ торгахъ за низшую противъ предложенной имъ цѣны. СПб. Суд. Пал. по д. Саркенбарда 1894 г. № 42.

Выраженіе 3968 ст. о томъ, что неисправный покупатель можетъ устранить вторые торги взносомъ, до наступленія ихъ, слѣдующей съ него суммы, нельзя истолковывать въ томъ смыслѣ, что достаточно представить остальную, сверхъ задатка, часть предложенной на торгахъ цѣны. По разъясненію Сенага 1875 г. № 906, задатокъ не составляетъ суммы, вырученной за имѣніе, а присовокупляется къ суммѣ вырученной и представляется ничѣмъ инымъ, какъ штрафомъ, возлагаемымъ на покупателя, который не устоялъ въ принятыхъ на себя обязательствахъ. Поэтому внесенный задатокъ не можетъ входить въ счетъ той суммы, какую покупатель долженъ внести для предотвращенія вторыхъ торговъ и той отвѣтственности, какая угрожаетъ ему по 3968 ст. СПб. Суд. Пал. по д. Тайлора 1896 г. № 134.

*) На основаніи ст. 1602 и 3967 въ положеніе о преобразованіи суд. части 1889 г. включено было вполне ясное и категорическое постановленіе, предписывающее судебнымъ установленіямъ при самомъ укрѣпленіи имѣнія за покупщикомъ съ публичныхъ торговъ включать въ опредѣленія о томъ ех officio особое постановленіе о погашеніи всѣхъ внесенныхъ въ крѣпостныя на имѣніе книги долговыхъ обязательствъ, о которыхъ покупатель именно не заявилъ, что принимаетъ ихъ на себя. Къ случаямъ подобнаго рода непримѣнимы вовсе ни состязательный порядокъ производства (который, несомнѣнно, противорѣчилъ бы положенію ст. 1602, по которому ипотеки погашаются безъ согласія кредиторовъ), ни порядокъ вызывнаго производства, относящійся къ другимъ случаямъ погашенія ипотекъ. СПб. Суд. Пал. по д. Гайлина 1896 г. № 53.

Постановленія ст. 3967 о погашеніи всѣхъ ипотечныхъ обремененій, добровольно не принятыхъ на себя покупщикомъ съ торговъ, относятся только къ продажамъ понудительнымъ, а не къ добровольнымъ. СПб. Суд. Пал. по д. Тромбацкаго 1898 г. № 31 и по д. Трагейма 1898 г. № 145.

Аукціонъ является: 1) однимъ изъ средствъ взысканія съ несостоятельнаго или неплатящаго должника по обязательству, 2) средствомъ осуществленія залоговаго права и 3) особымъ видомъ продажи. Въ первыхъ двухъ случаяхъ (принудительный) аукціонъ всегда публиченъ, въ послѣднемъ (добровольный) можетъ быть и домашнимъ порядкомъ.

§ 52. Поставка.

Поставка — особый видъ купли-продажи 4022, суть ея — въ обязательствѣ доставить опредѣленную вещь за извѣстную цѣну 4019*); упушено: къ извѣстному сроку. Ея отличие (особенность) отъ купли — предметомъ ея можетъ быть и чужая вещь, не принадлежащая поставщику, подлежащая еще его приобрѣтенію, какъ и вещь будущая, еще не существующая. Сводъ сближаетъ ее съ договоромъ подряда, признавая, что предметъ поставки можетъ состоять въ извѣстномъ дѣйствиіи, напр., въ исполненіи какого-либо сооруженія 4023.

Въ то время, какъ по 4020 поставщикъ не въ правѣ отказаться отъ исполненія поставки, по 4021 заподрядившій поставку признается въ правѣ отказаться отъ договора, вознаграждая поставщика за убытки.

Договоръ поставки нерѣдко заключается при конкуренціи многихъ желающихъ принять на себя поставку. Состязаніе между ними совершается въ формѣ участія въ публичномъ торгѣ. Съ публичныхъ торговъ заключаются чаще всего договоры поставки вещей въ казну, въ какомъ случаѣ примѣняются нормы общеимперскаго права (т. X. ч. 1) 4024.

§ 53. Договоръ о пожизненной рентѣ.

Договоръ этотъ германскаго происхожденія. Появленіе его обусловлено было экономическимъ строемъ и положеніемъ кредита въ средніе вѣка (ср. выше 138 стр.). Запрещеніе

*) Въ договорѣ поставки на основаніи 4019 ст. одна изъ сторонъ принимаетъ на себя обязательство доставить другой только опредѣленную вещь безъ указанія индивидуальныхъ особенностей и безразлично, существуетъ ли подобная вещь въ обладаніи обязавшейся стороны въ моментъ заключенія договора или нѣтъ, причемъ на основаніи 4022 ст. лишь по поставкѣ требуемой вещи отношенія между сторонами, касающіяся ихъ правъ, опредѣляются по правиламъ договора купли. СПб. Суд. Пал. по д. Кефели 1890 г. № 63.

взимать проценты за капиталъ привело къ тому, что стали отдавать въ займы деньги не за проценты, а за уплату опредѣленныхъ суммъ въ теченіе извѣстнаго времени, обыкновенно пожизненно, иногда и наследственно. Общая необезпеченность жизни и рискованность обладанія капиталами, въ свою очередь, побуждали слабыхъ передавать свои капиталы и имущества болѣе сильнымъ съ тѣмъ, чтобы они гарантировали имъ доходъ, обыкновенно обезпечивавшійся залогомъ недвижимости. Такимъ путемъ образовался институтъ покупки ренты, налагавшій на владѣльца недвижимости извѣстныя повторявшіяся обязательства.

Отдача капитала (деньгами или вещами 4004) другому лицу съ цѣлью пріобрѣсти (купить) себѣ пожизненный доходъ (ренту) допускается Сводомъ до настоящихъ дней 3995, безъ какихъ-либо ограниченій относительно размѣра ренты, хотя бы онъ и превышалъ узаконенный ростъ 4000.

Договоръ этотъ не нуждается въ письменной формѣ; достаточно словеснаго соглашенія 3996. Онъ можетъ принять видъ договора въ пользу третьяго лица, которое пріобрѣтаетъ самостоятельное право „къ продавцу ренты“ со времени „приступленія къ договору“ 3998, 3117, или же видъ тонтинны (рента устанавливается въ пользу нѣсколькихъ лицъ съ тѣмъ, чтобы по смерти каждаго участника доля его поступала къ пережившимъ 3999).

Прекращается договоръ: 1) смертью лица, въ пользу коего рента учреждена 4011, 2) соглашеніемъ сторонъ, 3) отреченіемъ управомоченнаго 4012, 4) наступленіемъ отмѣняющаго условія 4013 и 5) давностью, когда право на ренту совсѣмъ не заявлено въ теченіе 10 лѣтъ въ Лиф. и Эст. и 5 лѣтъ въ Кур. 4014. Но онъ не отмѣняется: 1) по причинѣ ущерба свыше половины, 2) если лицо, отъ жизни коего зависитъ продолженіе ренты, избересть опасный для его здоровья образъ жизни, 3) если у получающаго ренту родятся впослѣдствіи дѣти 4016. Наслѣдники покупателя ренты не въ правѣ оспаривать договоръ („такъ какъ онъ принадлежитъ къ числу сдѣлокъ между живыми“), когда на покупку ренты обращено наследственное имущество; они могутъ лишь выкупать наследственное имѣніе 4017. Точно также и кредиторы не могутъ требовать отмѣны договора, а могутъ только обращать свои требованія на ренту 4018.

Капиталь (въ наличныхъ деньгахъ или въ вещахъ, имѣющихъ денежную стоимость 4004) передается „продавцу ренты“ (хотя и можетъ быть потребованъ отъ него обратно при винѣ его 4005); онъ несетъ рискъ его потери (страхъ утраты онаго 3996).

Право на ренту признается (если для нея не установлено ипотеки) правомъ только личнаго требованія, безъ какихъ-либо преимуществъ при конкурсѣ 4003. Въ этомъ невыгодная сторона договора и рискованность его „для покупателя ренты“: получение ренты находится въ зависимости отъ благосостоянія „продавца ренты“. Вотъ почему договоръ о рентѣ мало-по-малу выходитъ изъ употребленія. Благо, что теперь есть болѣе покойные и болѣе удобные замѣстители его: процентныя бумаги, т. наз. ипотечныя облигаціи и т. п.

§ 54. Наемъ и аренда по мѣстному праву.

Литература. 452 Принтцъ, Аренда земельныхъ имуществъ 498 Розенталь, Право удержанія арендо — и наймодателей, 79 Воспрещеніе сдавать въ аренду питейныя заведенія въ Эстл. г., 238 Крестьянскія арендныя системы въ Приб. краѣ, 95 Гасманъ, Продажа крестьянскихъ участковъ, состоящихъ въ арендѣ. См. также выше на 16 стр.

По образцу римскаго права, мѣстное различаетъ: 1) locatio-conductio rei — наемъ вещи, или аренду въ тѣсномъ смыслѣ слова, 2) l.-c. operatum въ формѣ: а) личныхъ послугъ и б) найма слугъ и 3) l.-c. operis — подрядъ и особый видъ его — договоръ перевозки кладей. Въ то время какъ аренда представляетъ возмездное пользованіе производительными силами нанятой вещи, наемъ есть возмездное пользованіе служебными свойствами ея. Римское право въ сущности знало только наемъ и не отличало отъ него аренды: арендатору не давалось юридическаго владѣнія, отношеніе арендатора было чисто личное; поэтому онъ могъ быть удаленъ, если собственность переходила въ другія руки; самая аренда была краткосрочная: 1—3 года; плата вносилась продуктами съ арендованнаго участка; въ случаѣ неурожая могло быть уменьшеніе платы. Въ западномъ правѣ арендныя отношенія сложились иначе, развившись на почвѣ ученія о dominium utile. Арендатору обезпечивается спокойное владѣніе. Онъ признается временнымъ юридическимъ владѣльцемъ, имѣющимъ вещный искъ даже противъ собственника.

Арендѣ сообщенъ вещный характеръ. Продолженіе ея не зависитъ отъ перемѣнъ въ лицѣ собственника. Она долгосрочная.

Прибалтійское право осталось на римской точкѣ зрѣнія. Арендаторъ не имѣетъ юридическаго владѣнія. Онъ только держатель 4053. Дѣйствуетъ и правило: Kauf bricht Miethе (4126: при отчужденіи предмета аренды послѣдняя прекращается), за исключеніемъ арендъ, занесенныхъ въ крѣпостныя книги 4126*), и арендъ крестьянскихъ участковъ 4127**).

*) Обязательность арендныхъ договоровъ для новаго пріобрѣтателя обремененной недвижимости приводится въ ст. 4126 какъ общее правило. Если въ произведенную публичную продажу не входило условіе объ уничтоженіи обремененія, то укрѣпленный на проданной недвижимости арендный договоръ остается въ полной силѣ и для новаго пріобрѣтателя. СПБ. Суд. Пал. по д. Звайгане 1897 г. № 256.

Первая часть 4126 ст. составляетъ развитіе ст. 4045 (на которую она и ссылается), устанавливающей, что внесеніемъ договора аренды въ судебныя или ипотечныя книги арендаторъ пріобрѣтаетъ вещное право, имѣющее дѣйствительную силу и относительно постороннихъ, не участвующихъ въ договорѣ лицъ, дѣйствующее, слѣд., и относительно новаго пріобрѣтателя. Смыслъ 2-й части 4126 ст., очевидно, тотъ, что, съ одной стороны, здѣсь идетъ рѣчь объ отказахъ отъ договоровъ неформальныхъ, не ипотекованныхъ, такъ какъ эти послѣдніе договоры для новаго пріобрѣтателя обязательны, и слѣд., отказать отъ такого договора арендатору онъ не въ правѣ, а съ другой стороны, если новый пріобрѣтатель не пожелаетъ продолженія неформальнаго аренднаго договора, заключеннаго съ прежнимъ владѣльцемъ, то долженъ объявить арендатору отказъ отъ дальнѣйшей аренды; до объявленія же сего отказа арендаторъ въ правѣ считать договоръ продолжающимся и не можетъ быть обвиненъ въ незаконномъ удержаніи предмета аренды. Такимъ образомъ, по смыслу этого закона, фактъ отчужденія арендодателемъ предмета аренды, самъ по себѣ, вовсе не уничтожаетъ дѣйствительности аренднаго договора, домашнимъ порядкомъ совершеннаго. СПБ. Суд. Пал. по д. Пауль 1898 г. № 269.

**) По общему правилу (ст. 4126) отчужденіе арендодателемъ предмета аренды прекращаетъ, по требованію пріобрѣтателя, арендный договоръ, если онъ не внесенъ въ ипотечныя книги. Исключеніе изъ сего правила установлено относительно арендныхъ договоровъ на крестьянскіе участки, каковыя договоры, въ случаѣ отчужденія вотчины, къ которой участки сіи принадлежатъ, остаются, до истеченія ихъ сроковъ, въ силѣ (4127 ст.). Это же правило соблюдается и при отдѣльной продажѣ постороннимъ лицамъ крестьянскихъ участковъ, состоящихъ въ арендѣ, но лишь въ Курл. г. (правила 6 сент. 1863 г. 12 ст.) и на о-вѣ Эзелѣ (прав. 19 ф. 1865 г. ст. 29). Въ Лифл. же (кромя о. Эзеля) и Эстл. губ. дѣйствуютъ по сему предмету особыя постановленія. Опредѣляя, что помѣщикъ всегда (т. е. во всякое время)

Внесеніемъ аренды въ крѣпостныя книги сообщается арендатору вещное право и противъ постороннихъ 4045.

Договоръ можетъ быть заключенъ и не на письмѣ, а на словахъ 4042 (въ такомъ случаѣ арендатору принадлежитъ

властенъ продавать участки крестьянской земли какъ членамъ крестьянскаго общества, такъ и инымъ лицамъ (Кр. Л. 219; Кр. Э. 201), законъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ огражденіе интересовъ арендаторовъ сихъ участковъ предоставилъ арендаторамъ право преимущественной покупки и точно установилъ условія и порядокъ осуществленія сего права. Законъ 18 ф. 1866 г. опредѣляетъ, что въ Эстл. губ. помѣщикъ, желающій продать состоящій въ арендномъ содержаніи крестьянской участокъ, обязанъ не позже, какъ за 9 мѣсяцевъ до Юрьева дня (23 апрѣля), объявить арендатору, лично въ волостномъ судѣ или письменно съ полученіемъ росписки, цѣну и условія продажи; арендаторъ же въ 6-недѣльный срокъ со дня объявленія долженъ дать отвѣтъ о своемъ согласіи или несогласіи купить участокъ на предложенныхъ условіяхъ; въ случаѣ несогласія или несообщенія отвѣта въ установленный срокъ арендаторъ теряетъ право преимущественной покупки, и помѣщикъ властенъ продать участокъ постороннему лицу за ту же или высшую цѣну, а арендаторъ обязанъ сдать участокъ не прежде Юрьева дня, слѣдующаго послѣ сдѣланнаго ему помѣщикомъ объявленія о продажѣ. Если за отсутствіемъ покупателя помѣщикъ понизитъ цѣну, то онъ обязанъ эту новую цѣну опять предъявить не позже 6 недѣль до Юрьева дня арендатору участка, который сохраняетъ въ теченіе 6 недѣль преимущественное право на приобрѣтеніе участка. Аналогичныя правила предписаны и для Лифл. губ. Исполнить всѣ формальности и требованія закона по сему вопросу и добиться до Юрьева дня, слѣдующаго за предложеніемъ арендатору, корроборации купчаго договора, очевидно, невозможно, и слѣд., законъ подъ выраженіемъ „продажа участка“ разумѣлъ не корроборацию акта, не укрѣпленіе купчаго договора въ надлежащемъ крѣпостномъ учрежденіи, а лишь такое соглашеніе сторонъ, коимъ купчій договоръ долженъ почитаться заключеннымъ. Гр. Кас. Деп. по д. Штейнберга 1895 г. № 85. Въ Лифляндской губ. помѣщикъ, желающій продать арендный участокъ, обязанъ въ промежутокъ времени между 25 іюля и 1 декабря заключить съ покупателемъ запродажный договоръ и предъявить его не позже 1 декабря арендатору, который въ 4-недѣльный срокъ долженъ сообщить, не желаетъ ли онъ купить участокъ на тѣхъ же условіяхъ. 9 ст. прил. къ Кр. Л. 116 (зак. 22 мая 1865 г.). Правилами 19 ф. 1865 г. 26 ст. ихъ и на о-вѣ Эзелѣ арендатору предоставлено право преимущественной покупки. Правилами 6 с. 1863 г. 1 ст. то же право за арендаторомъ признано и въ Кур. г. Рез. Сен. 1894 г. № 2566 по д. Плесума. См. выше 23—24 стр.

Продажа помѣстья, къ которому принадлежитъ крестьянскій арендный участокъ, не отмѣняетъ аренды по Кр. Л. 208, въ Кур. по зак. 6 с. 1863 г. 12 ст. (это установлено было еще закономъ 29 н. 1857 г. въ Кур.). Продажа самого участка по Кр. Э. 110 п. 3 отмѣняетъ

лишь личное требованіе). Но договоры объ отдачѣ крестьянской земли въ аренду должны быть письменные *) и при томъ

арендный договоръ, а по зак. 6 с. 1863 г. К. 12 и Эзел. 29 отмѣняетъ лишь въ томъ случаѣ, если это специально выговорено въ арендномъ контрактѣ на случай продажи участка. Эзел. 40: если вотчинникъ отданнаго въ аренду помѣстья желаетъ продать входящіе въ составъ онаго крестьянскіе участки, то арендаторъ помѣстья не въ правѣ тому противиться.

*) Объ отдачѣ крестьянскихъ участковъ въ аренду должны быть составляемы письменные контракты Кр. Л. 148 (судебнымъ порядкомъ), Кр. Э. 63, 68, Кр. К. 175 и правила 1863 г. 13 ст.; между членами крестьянскихъ волостныхъ обществъ они могутъ быть заключаемы и словесно, но съ заявкою волостному суду и съ записью въ протоколъ Кр. Л. 198, Э. 69, 70, К. 175, 176; между помѣщиками и крестьянами непременно (подъ угрозой недѣйствительности) письменные на особыхъ печатныхъ бланкахъ Кр. Л. 203, 197 (они должны быть внесены въ корроборационную книгу), Э. 82, 68, Эзел. 42. Содержаніе контракта точно предусмотрено въ Кр. Л. 200, 201, 204, Э. 64, 73, К. 178, Эзел. 43. Въ немъ должны быть указаны: предметъ аренды, способъ пользованія, срокъ (всегда до Георгіева дня) аренды, состояніе участка и инвентаря, виды, время и мѣра повинностей, возложенныхъ на арендатора (Ук. Лиф. Губ. Прав. 14 мая 1865 г. № 56: закономъ не допускается возложеніе на православныхъ усадебныхъ хозяевъ повинностей въ пользу евангелическо-лютеранскихъ церквей и ихъ заведеній; законъ 14 марта 1886 г. П. С. З. № 3693: воспретить взысканіе въ Приб. кр. съ лицъ православнаго исповѣданія всякихъ въ пользу протестанскихъ церквей, духовенства и учрежденій повинностей и сборовъ, взимавшихся доселѣ вопреки закону, согласно заключеннымъ частнымъ контрактамъ), поручительство за арендатора, на чей счетъ случайные убытки, вознагражденіе арендатору за улучшенія, неустойка не свыше 6% (Кр. Л. 202, Э. 77). Притворные контракты (для вида) недействительны; лица, уличенныя въ заключеніи таковыхъ, лишаются на будущее время права лично заключать контракты и отдаются подъ попечительство. Кр. Л. 205, 206, Э. 84—87.

Кр. Л. 196, 197 и слѣд., относясь исключительно къ отдачѣ въ аренду крестьянской повинностной земли, не могутъ имѣть примѣненія къ случаямъ, когда предметъ аренды мызная земля. Рез. Сен. 1900 г. № 4226 по д. Пуйдета, по д. Кипарскаго 1892 г. № 1059. Положеніе Кр. К. объ арендѣ земель имѣетъ въ виду правоотношенія, возникающія у крестьянъ между собою и съ лицами другихъ состояній о пользованіи именно землями. Правила 1863 г. относятся именно къ аренднымъ участкамъ (Gesinde) и не примѣняются къ мелкимъ участкамъ, предоставленнымъ въ пользованіе полевымъ и лѣснымъ сторожамъ, а равно и мызнымъ работникамъ. Они являются спеціальными узаконеніями, нормирующими лишь тѣ арендныя между помѣщикомъ и крестьянами правоотношенія, которыя возникаютъ относительно земельныхъ участковъ, отдаваемыхъ подъ сельскохозяйствен-

ную ихъ обработку, имѣющую обезпечить поземельное устройство крестьянъ. Не имѣютъ они примѣненія и къ арендѣ тѣхъ земельныхъ участковъ и угодій, доходность коихъ заключается не въ сельскохозяйственной ихъ обработкѣ, а въ какихъ-либо иныхъ способахъ извлеченія доходовъ, напр., къ мельницамъ и корчмамъ и т. п. Посему и земельные участки съ выстроенными на нихъ корчмами, доходность коихъ преимущественно заключается въ доходахъ отъ продажи вина и напитковъ и въ коихъ, наоборотъ, сельскохозяйственная обработка земли, состоящей при корчмахъ, если она и производится, во всякомъ случаѣ имѣетъ лишь второстепенное значеніе, не могутъ при заключеніи арендныхъ договоровъ на нихъ быть подводимы подъ дѣйствіе законоположеній объ арендѣ Кр. К. СПб. Суд. Пал. 1901 г. № 290 по д. Московскаго.

По точному смыслу Кр. Л. 196 и 198 арендный контрактъ между членами волостнаго общества можетъ быть заключаемъ какъ письменно, такъ и словесно, причемъ для письменнаго контракта никакой обязательной явки (въ противоположность установленной 197 ст. для контрактовъ между помѣщиками и крестьянами) не установлено и только относительно словесныхъ договоровъ (198 ст.) установлено занесеніе таковыхъ въ книгу волостнаго суда. Рез. Сен. 1894 г. № 2384 по д. Пай.

Невнесеніе письменнаго договора (Кр. К. 177) объ арендѣ крестьянами помѣщичьей земли въ книгу сдѣлокъ мѣстнаго волостнаго правленія порождаетъ право требовать такого внесенія, но не лишаетъ законнаго огражденія самой сдѣлки, когда она принята договорившимися къ исполненію. СПб. Суд. Пал. 1893 г. № 97 по д. Бера. Съ введеніемъ въ дѣйствіе въ Приб. губ. судебныхъ уставовъ 1864 г. ст. 179 Кр. К. о воспрещеніи предъявлять иски по словеснымъ аренднымъ договорамъ должна быть признана отиѣненной. Законъ не лишаетъ огражденія судомъ сдѣлокъ, не облеченныхъ вопреки требованію закона въ письменную форму, но существованіе коихъ доказано, особенно когда таковыя приняты сторонами къ исполненію. Гр. Кас. Деп. 1892 г. № 8. Поэтому судъ не имѣетъ правильнаго основанія не войти въ разсмотрѣніе иска по существу единственно въ виду отсутствія между сторонами письменнаго аренднаго договора. Рез. Сен. 1901 г. № 4848 по д. Гравита. Когда законъ (Кр. Э. 63) требуетъ совершенія письменнаго договора, онъ не лишаетъ всякаго огражденія сдѣлокъ, хотя не облеченныхъ въ требуемую закономъ форму, но существованіе коихъ тѣмъ не менѣе доказано. Поэтому, если стороны не спорятъ о существованіи договора, особенно когда онъ принятъ ими къ исполненію, судъ не можетъ отказывать въ разрѣшеніи вытекающихъ изъ этого договора споровъ только потому, что онъ не удостовѣренъ письменнымъ актомъ. Но если въ самомъ законѣ опредѣлены извѣстныя точно указанныя условія (напр., порядокъ объявленія арендатору объ измѣненіи условій аренды, по зак. 18 ф. 1866 г., и случаи досрочнаго прекращенія аренды, по Кр. Э. 110 и 175), и притомъ такія условія, которыя не зависятъ отъ воли сторонъ, а признаются самимъ закономъ обязательными во всѣхъ случаяхъ аренды крестьянской земли, то эти условія по силѣ самого

долгосрочные: не менѣ какъ на 6 лѣтъ*). Они подлежатъ утвержденію комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ.

законъ должны быть признаны всегда присущими всякому арендному договору, и потому существованіе ихъ всегда находится внѣ спора сторонъ, и судъ обязанъ руководствоваться ими, хотя бы не послѣдовало особаго соглашенія сторонъ объ этихъ условіяхъ. Гр. Кас. Деп. Сен. 1892 г. № 8 по д. Браше.

Кр. Э. 172 не запрещаетъ обезпеченія исполненія договоровъ какими-либо способами, напротивъ, 73 ст. 6 п. положительно предусматриваетъ это; законъ не устанавливаетъ предѣльнаго размѣра обезпеченія, когда оно выражается требованіемъ залога, и слѣд., этотъ размѣръ всецѣло предоставленъ закономъ усмотрѣнію сторонъ. Рез. Сен. 1894 г. № 2877 по д. бар. Вреде.

*) Крестьянскіе участки могутъ быть отдаваемы въ аренду только на опредѣленные сроки, но не менѣ какъ на шесть лѣтъ Кр. Л. 119 (исключеніе для арендатора помѣстья, который можетъ отдавать на срокъ не свыше своей аренды, слѣд., и менѣ 6 лѣтъ Кр. Л. 84 и прим. къ 199), Кр. Э. 65, 173, не менѣ 12 лѣтъ Кр. Э. 44 и пр. 1863 г. для К. 11 ст. (по исключенію и на 6 лѣтъ) и не свыше 50 лѣтъ Кр. Л. 122, Кр. К. 174 (а при издѣльной арендѣ не свыше 6 лѣтъ Кр. Л. 122). Исключеніе представляетъ аренда съ правомъ двукратнаго перенаслѣдованія и наслѣдственная см. 131—132 стр. При обыкновенной арендѣ, если усадьба „опорожнится“ за смертью арендатора, наслѣдникъ его обязанъ принять на себя продолженіе аренды по контракту, если не откажется вообще отъ наслѣдства Кр. Л. 193, 126, Э. 176, 179, Эзел. 62. Если въ опредѣленный контрактномъ отказной срокъ (Kündigungsfrist) въ Лиф., или за 9 мѣсяцевъ (Эзел.: въ Михайловъ день, 29 сентября) въ Э., К. и на Эзелѣ ни той ни другой стороной не объявлено отказа по арендному договору, то контрактъ признается продолженнымъ безгласно на 1 годъ, а въ Л. на 3 года, Кр. Л. 215, Эзел. 44, Э. 67, 66, К. 185 и правила 1863 г. 16 ст.

Относительно срочныхъ договоровъ законъ (Кр. Л. 188) упоминаетъ, что они могутъ быть заключаемы съ условіемъ о переходѣ аренднаго права къ наслѣдникамъ арендатора. Но о томъ, чтобы и при отсутствіи въ арендномъ контрактѣ такого условія о наслѣдственномъ переходѣ аренднаго права, срочные арендные договоры должны, силою закона, перейти къ наслѣдникамъ умершаго до истеченія аренднаго срока арендатора, объ этомъ нигдѣ въ законѣ не упоминается. Они къ наслѣдникамъ не переходятъ, ибо, въ противномъ случаѣ, всѣ указанія закона на договоръ наслѣдственной аренды, какъ на особый видъ арендныхъ договоровъ, очевидно, были бы излишни. Гр. Кас. Деп. по д. Цаке 1901 г. № 29.

Кр. Э. 65 и слѣд. относительно условій сдачи въ аренду крестьянской повинностной земли имѣютъ отношеніе къ арендѣ крестьянами у помѣщиковъ крестьянской арендной земли, не относясь до арендныхъ договоровъ, заключенныхъ крестьянами на крестьянскую землю, перешедшую въ собственность крестьянъ. Рез. Сен. по д. Орусте 1899 г. № 132.

Воспрещается замѣнять денежную плату извѣстными услугами крестьянъ (Frohnpracht, чтобы подъ видомъ аренды не возстановлялось крѣпостное право): арендная плата допускается только денежная или натуральная (продуктами), издѣльная же аренда, или барщина, запрещена съ 23 апр. 1868 г. (Пол. о Лиф. крест. 13 н. 1860 г. ст. 148—218, 717 и 718 *).

Дѣйствуетъ и римское правило о сбавкѣ вполнѣ или части арендной платы при неотвратимыхъ событіяхъ 4075 **), 4076.

При молчаливомъ соглашеніи (tacita relocatio, Кр. Э. 67) сторонъ арендныхъ отношеній по предмету пользованія плодоприносящею недвижимостью продолжаютъ изъ года въ годъ и притомъ на прежнихъ условіяхъ столько лѣтъ, сколько это молчаніе будетъ длиться, т. е. пока не послѣдуетъ своевременнаго отъ кого-либо изъ контрагентовъ предувѣдомленія о прекращеніи арендныхъ отношеній. СПб. Суд. Пал. по д. Тендерманъ 1892 г. № 47.

Постановленіе Кр. Л. 215 о признаніи безгласно продолженнымъ на 3 года аренднаго контракта, по коему не послѣдовало отказа въ опредѣленный контрактомъ срокъ, относится только къ аренднымъ договорамъ на крестьянскія усадьбы, которыя, согласно ст. 119 того же закона, могутъ быть отдаваемы въ аренду лишь на сроки не менѣе 6 лѣтъ. Арендные договоры между крестьянами, заключенные на части принадлежащихъ имъ усадебъ срокомъ на 1 годъ, могутъ, за невосплѣдованіемъ въ нихъ отказа, считаться безмолвно продолженными лишь на годъ. Рез. Сен. по д. Берзина 1896 г. № 340. Постановленіемъ 22 мая 1865 г. отмѣнена ст. 215 Кр. Л. въ отношеніи предоставленія помѣщику безусловнаго права отказа по истеченіи аренднаго срока, такъ какъ отказъ долженъ быть въ порядкѣ 1 ст. правилъ 1865 г. Разъ отказъ признанъ незаконнымъ и потому не дѣйствительнымъ, онъ долженъ считаться какъ бы не имѣвшимъ вовсе мѣста и не породившимъ никакихъ послѣдствій. Рез. Сен. по д. гр. Мантейфеля 1895 г. № 688.

*) Крест. положенія различаютъ аренды: а) издѣльныя, барщинныя (плата работою) Л. 2, 5, 149, Э. 8, 57, 113—166, Эзел. 45—50 (запрещены), б) натуральныя, вещественныя (плата произведеніями) Кр. Л. 179, Э. 7, 57, 180—183, в) смѣшанныя (запрещены) Л. 183, Э. 167—170, Эзел. 45, г) денежные Л. 187, Э. 7, 57, 171—179, Эзел. 48 и д) наслѣдственныя Э. 184—200.

**) Въ ст. 4075 предусматриваются лишь случаи, когда отпадаетъ обязанность арендатора или нанимателя производить арендную или наемную плату и возникаетъ право его на возвращеніе внесенныхъ уже платежей, а не опредѣляются условія, при которыхъ арендаторъ или наниматель въ правѣ требовать отмѣны аренднаго договора, о чемъ постановляется въ 4115 и слѣд. ст. Рез. Сен. по д. Адамсена 1892 г. № 6072.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ аренду отдана цѣлая вотчина, вмѣстѣ съ нею состоятъ въ арендѣ и принадлежности ея: инвентарь *) и права, ей принадлежащія, за исключеніемъ права участія въ дворянскихъ собраніяхъ и права патронатства **). Послѣднимъ можетъ пользоваться арендаторъ не въ качествѣ такового, а на основаніи спеціальнаго уполномоченія и въ качествѣ уполномоченнаго 4032.

Общія обязанности, вытекающія изъ договора (опредѣляемая условіями, свойствомъ договора и справедливостью 4047 ***)): прилагать заботливость къ соблюденію обязательства и сохраненію вещи 4048, отвѣчать за вредъ, причиненный хотя бы по неловкости или неумѣнію 4049, или посторонними лицами 4050, домашними и прислугою (при недостаточномъ присмотрѣ за ними 4051).

Отдавшій въ аренду обязанъ: а) передать арендатору вещь со всѣми ея принадлежностями 4058, б) доставить ему возможность употреблять ее 4053, не мѣшая самъ и не позволяя другимъ стѣснять нанимателя въ пользованіи

*) Въ Л. при арендѣ повинностной земли съ двукратнымъ перенаслѣдованіемъ обязательно, въ остальныхъ случаяхъ по соглашенію сторонъ, а на о-вѣ Эзелѣ при всѣхъ арендахъ обязательно, за исключеніемъ денежныхъ, участокъ долженъ быть снабженъ желѣзнымъ инвентаремъ, недробимымъ, не отдѣлимымъ отъ участка и переходящимъ по наслѣдству Кр. Л. 124, 128, 130, Эзел. 57, 58. Ср. выше 24 стр.

***) На арендатора крестьянскаго участка не переходятъ права и повинности вотчинника Кр. Л. 134, 207, Эзел. 59, 8, 78, 79, 89—92, К. 6.

Уплата государственнаго поземельнаго налога лежитъ на помѣщикѣ, а не на арендаторѣ повинностной земли, такъ какъ повинностная земля составляетъ собственность помѣщика. Гр. Кас. Деп. по д. гр. Мантейфеля 1898 г. № 90, Общ. Собр. I и Кас. Деп. 1897 г. № 28. См. 2 сноску на 95 стр., 1 сн. на 96 стр. и 24—25 стр.

***) Установленныя въ силу самого закона условія всякаго аренднаго отношенія, а въ томъ числѣ и условія досрочнаго прекращенія аренды, должны считаться обязательными и подлежать примѣненію и въ томъ случаѣ, если относительно ихъ никакого соглашенія между сторонами не послѣдовало. Ук. Сен. С.П.В. Суд. Пал. по д. Григорьева 1898 г. № 106, Гр. Кас. Деп. 1892 г. № 8.

Помѣщеніе въ проектъ новаго аренднаго договора, предлагаемаго помѣщикомъ прежнему арендатору крестьянской земли, условія, несогласнаго съ закономъ, не поражаетъ недѣйствительностью самый фактъ предложенія новыхъ условій, а лишь даетъ прежнему арендатору право оспаривать это незаконное условіе, не освобождая его отъ возложенной на него закономъ 22 мая 1865 г. обязанности, подъ страхомъ прекращенія его аренды, отвѣтить на сдѣланное ему предложеніе. Гр. Кас. Деп. по д. Кажоцина 1896 г. № 48.

4054 *), в) отправлять вещныя повинности и подати, лежащія на вещи 4063, г) возвратить необходимыя и полезныя издержки, сдѣланныя на вещь арендаторомъ 4066 **), который до уплаты ихъ въ правѣ задержать вещь 4087.

*) Правило 4054 ст. объ отвѣтственности арендодателя предъ арендаторомъ за убытки, причиненныя прешятствіемъ пользоваться отданною въ аренду вещью или плодами ея, не исключаетъ права арендатора, основаннаго на 3209 и 3212 ст., изъ коихъ первая налагаетъ на договорившагося обязанность исполнить въ точности заключенный на законномъ основаніи договоръ, а послѣдняя предоставляетъ каждой изъ договорившихся сторонъ отыскивать судомъ исполненія договора. Рез. Сен. по д. Бильдъ 1901 г. № 38.

**) Вознагражденіе за издержки, сдѣланныя на чужую вещь арендаторомъ или нанимателемъ (ст. 4066), есть только одно изъ примѣненій того общаго правила о вознагражденіи за необходимыя и полезныя издержки (ст. 575 и слѣд.) и необогащеніи на чужой счетъ (ст. 3734), которое имѣетъ примѣненіе во всѣхъ случаяхъ добросовѣстнаго производства издержекъ въ пользу третьяго лица. Поэтому нѣтъ основанія не примѣнить это правило и къ тому случаю, когда недвижимость передана была истцу во временное пользованіе взамѣнъ денежнаго жалованья за службу. Рез. Сен. по д. Ванага 1891 г. № 549.

Правила эти (ст. 578 и слѣд.) въ отношеніи вознагражденія арендаторовъ могутъ быть примѣняемы только по вопросамъ о размѣрѣ и способѣ вознагражденія, а не въ тѣхъ частяхъ, въ коихъ правила эти трактуютъ о томъ, кто владѣлъ при добросовѣстномъ убѣжденіи въ принадлежности ему на вещь правъ собственности, ибо такого убѣжденія у арендатора и быть не можетъ. СПб. Суд. Пал. по д. Сарга 1898 г. № 88.

По Кр. Л. 136, Э. 74, 75, 97—100 вознагражденіе за улучшенія должно быть заранѣе выговорено, какъ на случай выселенія арендатора, такъ и на случай продажи участка Кр. Л. 140, Эзел. 40. Размѣръ вознагражденія выселяемаго, за невозобновленіе съ нимъ контракта, арендатора крестьянской земли опредѣленъ въ Кр. Л. 116 Эзел. 18, 26—29, 40, 51—55, К. въ прав. 1863 г. 17 и 18 ст.

По правиламъ 6 сент. 1863 г. въ К. вознагражденіе арендатору, равное арендной платѣ за послѣдній годъ, полагается не тогда, когда послѣдуетъ предложеніе помѣщика приобрести арендуемый участокъ, а арендаторъ откажется отъ сего, но только тогда, когда, вслѣдствіе такого отказа арендатора, участокъ будетъ проданъ другому лицу, и прежній арендаторъ обязанъ будетъ сдать участокъ. Гр. К. Деп. по д. ф. Борделіуса 1895 г. № 6526.

По смыслу Кр. Э. 73, 75 и 76 арендаторъ крестьянскаго участка не въ правѣ требовать отъ помѣщика вознагражденія за возведенныя имъ на арендуемомъ участкѣ постройки безъ письменнаго разрѣшенія помѣщика, но законъ этотъ не лишаетъ вовсе арендатора права снести строенія. Рез. Сен. по д. Вахи 1901 г. № 4435.

Арендаторъ обязанъ: а) вносить арендную плату въ условленные сроки *) 4069, при отсутствіи условія о срокѣ — по окончаніи пользованія, а при наймѣ вотчинъ и поземельныхъ участковъ по истеченіи каждаго аренднаго года, при наймѣ городскихъ домовъ, квартиръ, лавокъ и земель на годъ и болѣе — за каждые полгода впередъ 4071, при наймѣ городскихъ недвижимостей помѣсячно — впередъ за мѣсяцъ 4071; плата вносится, хотя бы наниматель не пользовался вещью 4074 **), въ Лиф., Эст., Баускѣ и Фридрихштадтѣ, хотя бы нанятый домъ сгорѣлъ 4081 ***), при извѣстныхъ условіяхъ

*) Кр. Л. 188—192, Э. 174—178, Эзел. 61 постановляютъ: если арендаторъ въ два срока подрядъ не внесетъ арендной платы, то арендодатель въ правѣ прекратить контрактъ и съ помощью судебной власти „высадить“ (exmittiren) оброчника изъ усадьбы. Наслѣдникъ высаженнаго арендатора можетъ требовать перевода на него правъ и обязанностей по контракту, но не можетъ быть принуждаемъ къ тому.

Просьбы о выселеніи арендаторовъ крестьянскихъ усадебъ могутъ быть предъявлены и удовлетворены лишь въ крайнихъ случаяхъ при упорномъ уклоненіи арендаторовъ отъ исполненія ихъ обязательствъ и, слѣд., однократная просрочка и притомъ кратковременная въ исполненіи этихъ обязательствъ можетъ открывать только право къ побудительному исполненію договора при содѣйствіи суда, а не къ уничтоженію его. СПВ. Суд. Пал. по д. Ниманъ 1896 г. № 141.

**) 4074 ст. относится ко всѣмъ случаямъ, когда арендаторъ не воспользовался взятымъ въ аренду предметомъ по собственной винѣ, напр., въ случаѣ самовольнаго отказа отъ аренды. Рез. Сен. по д. Градецкаго 1894 г. № 182. Обязанность нанимателя къ уплатѣ наемной цѣны за предметъ, коимъ онъ не воспользовался, продолжается, лишь пока и насколько наймодавецъ не получалъ отъ сего предмета равноцѣннаго съ условленною наемною платою дохода. Смыслъ 4074 ст.: наймодавецъ не долженъ по винѣ нанимателя лишиться гарантированныхъ ему по договору найма доходовъ съ своей вещи, но и не долженъ обогащаться на счетъ нанимателя. Такъ, напр., удержаніе наймодавецемъ полученныхъ отъ нанимателя впередъ денегъ за квартиру, кою самъ наймодавецъ пользуется путемъ отдачи ея другому лицу, подходитъ подъ понятие несправедливаго обогащенія его на счетъ нанимателя, дающаго послѣднему право обратнаго требованія. Рез. Сен. по д. Трусмана 1899 г. № 885.

***) Ст. 4081 примѣнима не только къ найму пѣлаго дома, но и къ найму отдѣльной въ домѣ квартиры. Въ древнихъ городскихъ правахъ Риги и Ревеля о наймѣ дома говорится только въ противоположность найму другихъ незастроенныхъ городскихъ недвижимостей, найму услугъ, труда и т. п. и, хотя въ Ревельскомъ (Любекскомъ) городскомъ правѣ въ извѣстномъ отношеніи (относительно срока для заявленія отказа въ наймѣ) устанавливается связанное, очевидно, съ

плата можетъ быть сложена въ части или вполнѣ 4075*)—4078;
 б) употреблять предметъ аренды добропорядочнымъ и хозяйственнымъ образомъ 4082**); в) по окончаніи аренды

коммерческими интересами различіе между наймомъ дома и наймомъ отдѣльныхъ лавокъ или погребовъ, но кромѣ этого нигдѣ въ означенныхъ законахъ не различается между наймомъ цѣлаго дома и наймомъ отдѣльнаго въ немъ помѣщенія. Выраженіе „наемъ дома“ употребляется закономъ не для обозначенія одного точно опредѣленнаго предмета найма, въ смыслѣ цѣлаго дома, а только для обозначенія особаго вида договора найма, въ отличіе отъ остальныхъ его видовъ: найма поземельныхъ участковъ, найма движимости, услугъ, труда, и относится не только къ найму цѣлаго дома, но и къ найму отдѣльнаго въ чужомъ домѣ помѣщенія. Что постановленія закона, относящіяся по буквѣ своей только къ найму цѣлаго зданія, относятся и къ найму отдѣльныхъ квартиръ, точно также какъ постановленія, относящіяся по буквѣ своей только къ найму отдѣльной квартиры, относятся и къ найму цѣлаго дома, это видно, между прочимъ, изъ 4118, 4123 и 4124 ст., ибо, конечно, невозможно допустить, чтобы наниматель цѣлаго дома былъ въ правѣ давать въ немъ приютъ распутнымъ людямъ, тогда какъ квартиронаниматель за это подвергается немедленному выселенію. Гр. Кас. Деп. по д. Александрова 1900 г. № 100.

Изъ сопоставленія 4081 ст. съ 4075 и 4060 ст. ясно, что право требовать уплаты наемныхъ денегъ, несмотря на лишеніе нанимателя употребленія нанятой вещи, принадлежитъ наймодавцу только въ томъ случаѣ, если онъ, за истребленіемъ предмета найма пожаромъ, безъ всякой съ его стороны вины, лишенъ возможности предоставить таковой въ пользованіе нанимателя, но не можетъ быть признаваемо за нимъ, когда препятствіе къ употребленію вещи послѣдовало не столько отъ неотразимой силы, сколько по винѣ самого наймодавца упущеніемъ зависящихъ отъ него мѣръ, могущихъ устранить послѣдовавшее отъ пожара ограниченіе нанимателя въ пользованіи вещью. Рез. Сен. по д. Микулина 1897 г. № 5029.

*) Въ ст. 4075 предусматриваются лишь случаи, когда отпадаетъ обязанность арендатора или нанимателя производить арендную или наемную плату и возникаетъ право его на возвращеніе внесенныхъ уже платежей, а не опредѣляются условія, при которыхъ арендаторъ или наниматель въ правѣ требовать отъ аренднаго договора, о чемъ постановляется въ ст. 4115 и слѣд. Рез. Сен. по д. Адамсена 1892 г. № 6072.

**) Хотя ст. 4082, освобождая арендатора отъ отвѣтственности за обыкновенную порчу предмета аренды, происшедшую отъ времени, при употребленіи онаго добропорядочнымъ и хозяйственнымъ образомъ, не устраняетъ отвѣтственности арендатора за инаго рода порчу и въ томъ случаѣ, если въ арендномъ договорѣ установлена обязанность его починить предметъ аренды матеріаломъ арендодателя, но изъ этого, очевидно, не вытекаетъ заключеніе, чтобы арендаторъ

возвратить вещь 4084, если только она не погибла без вины арендатора 4085; но если вещь отдана ему съ установленіемъ опредѣленной цѣны, то онъ признается покупщикомъ ея и ствѣчаетъ по оцѣнкѣ 4086.

Спеціальныя обязанности при арендѣ вотчины: а) содержать ее въ пригодномъ для употребленія положеніи 4089, б) наблюдать, чтобы границы имѣнія оставались неприкосновенными 4090, в) производить починки свободными рабочими силами имѣнія и матеріалами 4091, г) держаться предписанной системы хозяйства 4093, д) не продавать соломы (для увеличенія позема) и сѣна 4095*), е) не запускать пашни и за сѣвать обычное количество 4101, 4100, ж) не продавать дровъ 4092**).

Арендаторъ, кромѣ права пользованія, имѣетъ право передавать вещь въ аренду другимъ лицамъ (Лиф. и Эст. съ

отвѣтствовать за непроизведеніе починки, если самъ арендодатель, отказываясь вопреки договору дать ему потребный для починки матеріалъ, чрезъ сіе сдѣлалъ исполненіе арендаторомъ лежащей на немъ обязанности невозможнымъ. Рез. Сен. по д. ф. Рота 1896 г. № 3100.

*) Ст. 4095 относится къ обязанностямъ арендаторовъ вотчинъ, имѣній, и не можетъ быть примѣнена къ арендаторамъ корчемъ, если при нихъ отдавался въ аренду и участокъ земли. Рез. Сен. по д. Картуса 1897 г. № 5700.

Кр. Л. 146, Э. 95: арендаторъ не можетъ, безъ согласія собственника, продавать солому и сѣно.

**) Право арендатора вотчины рубить лѣсъ въ имѣнии на обыкновенныя хозяйственныя потребности само собою подразумѣвается въ силу закона безъ особаго о томъ упоминанія въ арендномъ договорѣ, какъ естественная его принадлежность. На такую рубку законъ смотритъ не какъ на право арендатора пользоваться предметомъ аренды въ смыслѣ извлеченія для себя выгодъ, а скорѣе какъ на выполненіе своихъ обязанностей относительно поддержанія имѣнія въ исправности. Поэтому, если арендатору не представляется такое основанное на 4092 ст. право, то объ этомъ должно быть включено въ договоръ особое отмѣняющее силу 4092 ст. условіе. Ук. Сен. по д. Каульбарса СПб. Суд. Пал. 1894 г. № 108.

Кр. Л. 216, Эзел. 56, Э. 106, 107, К 187: отдатчикъ властенъ не допускать арендатора къ оставленію усадьбы (К.: „не спускать“; Э. даже лично задерживать два года) и къ вывозу или выносу изъ оной своего имущества (К. и Эзел. „пожитки,“) впредь до окончательнаго исполненія всѣхъ его обязанностей (Э. или до представленія поручительства, Эзел. до обезпеченія). Задерживается и имущество арендатора, значить не все, что было *illata et investa*.

согласія арендодателя*), при арендѣ вотчинъ, по Эст. зем. пр., въ письменномъ контрактѣ; при наймѣ судна, по Эст. гор. пр., и безъ согласія; въ Кур. согласія арендодателя не требуется вообще, за исключеніемъ отдачи въ аренду поземельныхъ участковъ, принадлежащихъ къ вотчинамъ 4029**) и 1—3

*) Кр. Л. 195, 210, Эзел. 63, Э. 93, 94, К. 180: субъаренда лишь съ согласія собственника.

Фактъ отдачи крестьяниномъ аренднаго участка въ субъаренду безъ согласія собственника въ нарушеніе закона и контракта, очевидно, можетъ быть доказываемъ не только письменнымъ договоромъ, но и другими доказательствами. Рез. Сен. по д. ф. Кноррингъ 1894 г. № 4967.

**) Изъ смысла ст. 4029, 4084 и 4116 слѣдуетъ, что право арендодателя требовать возвращенія предмета аренды не зависитъ отъ доказанности того, что арендодатель, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоитъ и собственникомъ аренднаго предмета. Ук. Сен. Спб. Суд. Пал. по д. ф. Валя 1899 г. № 136.

Предусмотрѣнная 4029 ст. передача арендаторомъ арендныхъ правъ третьему лицу вовсе не прекращаетъ сама по себѣ договорныхъ отношеній между нимъ и арендодателемъ, и слѣд., не лишаетъ послѣдняго права требовать исполненія договора отъ перваго арендатора, хотя бы онъ изъявилъ согласіе на передачу вещи другому арендатору и получилъ арендную плату непосредственно отъ послѣдняго (ст. 4031). Передача же арендаторомъ аренднаго предмета третьему лицу можетъ считаться дѣйствительною въ томъ только случаѣ, если на это арендодатель изъявилъ положительно согласіе (ст. 4029), причемъ положительнымъ законъ (ст. 2938) признаетъ изъявленіе воли только тогда, когда оно сдѣлано или словами, устно или письменно, или знаками, имѣющими значеніе словъ. Принятіе же арендныхъ денегъ непосредственно отъ втораго арендатора (третьяго лица) могло бы считаться только доказательствомъ безмолвнаго изъявленія согласія арендодателя (ст. 2939), каковаго законъ, однако, не признаетъ достаточнымъ для перехода аренды отъ арендатора къ третьему лицу (ст. 4029) и, кромѣ того, по самому свойству своему одно принятіе денегъ отъ третьяго лица не можетъ служить доказательствомъ воли арендодателя освободить арендатора отъ возложенныхъ на него по договору обязанностей (ст. 4031). Рез. Сен. по д. Сиверса 1899 г. № 5129.

По силѣ 4029 ст. продавецъ земельного участка въ правѣ распоряжаться удержаннымъ за собою сервитутомъ (напр., рыбной ловлей) и ему, несомнѣнно, принадлежитъ право отдавать означенный сервитутъ въ аренду какъ постороннимъ лицамъ, такъ и самому покупщику того поземельнаго участка, на коемъ онъ установленъ. Общ. Собр. I, II и Кас. Деп. 1893 г. № 24.

По ст. 60 Уст. Каз. им. если временный владѣлецъ передаетъ право свое другому лицу не узаконеннымъ порядкомъ, а въ субъаренду, то наказывается за сіе отобраніемъ казеннаго имѣнія безъ

прим.), но лишь на срокъ собственной аренды, не во вредъ арендодателя и не на другое употребленіе 4030 и въ сущности не выбываетъ изъ правоотношенія: каждый договоръ существуетъ совершенно самостоятельно 4031 *).

Прекращается договоръ: а) погибелью вещи 4108; нѣ-которое исключеніе представляетъ 4081: въ городахъ Лиф. и Эст., въ Баускѣ и Фридрихштадтѣ, если сгоритъ домъ ранѣе, чѣмъ наниматель проживетъ въ немъ полгода, онъ долженъ внести полугодичную наемную плату, а если болѣе полгода, то полную годовую плату (въ прочихъ же городахъ Кур. плата вносится лишь за прожитое въ домѣ время); б) погашеніемъ правомочій наймодателя 4109, кромѣ случая прекращенія брака, когда недвижимость жены отдана въ аренду мужемъ 4110; отчужденіе предмета аренды продажей, установленіемъ заставнаго владѣнія, дареніемъ, отказомъ или инымъ образомъ имѣеть тотъ же эффектъ, кромѣ случаевъ внесенія аренды въ крѣпостныя книги и аренды крестьянскихъ участковъ 4126, 4127, но не даетъ права нанимателю отказаться отъ аренды 4128; в) совпаденіемъ правъ нанимателя и собственника въ одномъ лицѣ 4111; г) смертью арендатора при отпадчѣ вотчинѣ въ аренду въ Лиф. и Эст. и смертью наймодателя повсюду, если продолженіе договора поставлено имъ въ зависимость отъ своего усмотрѣнія 4113 **) (по общему

обращенія къ суду. Передача арендованнаго имѣнія всецѣло или въ части въ возмездное пользованіе третьяго лица представляется субарендою, а буде она совершена безъ согласія первоначальнаго арендодателя, то субарендою противозаконною. Общ. Собр. Сен. и Сов. по д. Бейтлера 1901 г.

*) Если, какъ устанавливають 4030 и 4031 ст., договоръ субаренды не можетъ быть заключенъ на срокъ, превышающій срокъ перваго договора, и не переноситъ на субарендатора отношеній, истекающихъ изъ перваго договора, то ограниченія эти, очевидно, установлены въ интересахъ арендодателя и согласно ст. 4031 первый арендодатель въ силу договора субаренды пріобрѣтаетъ извѣстныя права на имущество субарендатора, а засимъ, если принявшій отъ арендатора имѣніе владѣлецъ не только терпитъ присутствіе водвореннаго въ имѣніе субарендатора, но и признаетъ его права, какъ такового, субарендаторъ этотъ съ своей стороны продолжаетъ пользоваться арендуемою землею, то такое взаимное отношеніе сторонъ можетъ быть разсматриваемо какъ молчаливое продленіе договора аренды (ст. 2936, 2937, 2994). Рез. Сен. по д. Менника 1895 г. № 162.

**) Такъ какъ въ ст. 4113 не сказано, чтобы установленное ею правило относилось только къ случаямъ отдачи въ аренду вотчины въ

же правилу смерть одной изъ сторонъ не прекращаетъ договора аренды или найма 4112); д) съ обоюднаго согласія контрагентовъ 4114; е) одностороннимъ отказомъ при наличности законныхъ причинъ къ тому 4114 *).

Такими причинами признаются:

I) для обѣихъ сторонъ: ущербъ свыше половины (laesio enormis 4115);

II) для отдаваго въ наймы: а) неуплата нанимателемъ въ срокъ (договорный или законный) наемныхъ денегъ (4116**),

смыслъ цѣлаго помѣстья, а не къ случаямъ отдачи въ аренду отдѣльныхъ составляющихъ часть помѣстья поземельныхъ участковъ, согласно же 549 ст. дѣйствующія для главной вещи правила дѣйствуютъ также и по отношенію къ отдѣльнымъ ея частямъ, насколько для послѣднихъ не существуетъ особыхъ правилъ, оказывається, что правилу 4113 ст. о прекращеніи аренды смертью арендатора подчиняются и договоры объ арендѣ крестьянскихъ участковъ, тѣмъ болѣе что основная цѣль закона, не допускающаго вообще перехода поземельной аренды къ новому арендатору безъ согласія на то собственника (4029 ст. и Кр. Л. 195, 210), въ обоихъ случаяхъ, очевидно, одна и та же. Въ Кр. Л. не только не имѣется постановленія, противорѣчающаго означенному правилу общаго закона, но, напротивъ, содержащіяся въ немъ постановленія (123 ст.) не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что къ наследникамъ арендатора переходить не всякій арендный договоръ на крестьянскій участокъ, а лишь тотъ, въ коемъ переходъ аренды къ наследникамъ особо оговоренъ. Гр. Кас. Деп. по д. Цаке 1901 г. № 29. См. выше і сноску на 198 стр. По Кр. Э. 110 и 111, въ случаѣ смерти арендатора договоръ можетъ быть уничтоженъ съ увѣдомленіемъ о томъ противной стороны до истеченія экономическаго года, хотя и не чрезъ посредство суда. Рез. Сен. по д. Ребиндера 1898 г. № 8459.

*) Ср. 3366 ст. выше і сноску на 180 стр.

**) Смыслъ 2-ой части 4116 ст. тотъ, что арендодатель въ правѣ требовать отгѣны аренднаго договора за неплатежъ аренды только въ томъ случаѣ, если арендная плата состоитъ въ долгу во время самаго предьявленія иска. Ук. Сен. СВП. Суд. Пал. по д. Шитца 1900 г. № 249.

Означенное право арендодателя не можетъ быть утрачено въ силу одного того обстоятельства, что арендаторъ имѣетъ къ нему встрѣчныя, превышающія арендную недоимку, требованія, ибо право это возникаетъ въ силу самаго факта просрочки (ст. 3306 п. 3, 3321, 4116) и можетъ быть устранено только предложеніемъ со стороны арендатора доплаты еще прежде начатія иска объ отгѣнѣ договора; право же должника требовать погашенія его долга путемъ зачета въ принадлежащая ему къ арендодателю встрѣчныя требованія, само по себѣ, не даетъ ему законнаго основанія пропустить установленный для исполненія своихъ договорныхъ обязанностей срокъ, а посему заявленное уже по наступленіи просрочки требованіе о зачетѣ можетъ, въ случаѣ его доказанности, имѣть значеніе

но наниматель можетъ устранить это послѣдствіе просрочки предложеніемъ доплаты предъ *litis contestatio*, прежде начатія иска); б) непредвидѣнная необходимость употребить отданную въ наемъ вещь для себя 4117; в) порча вещи арендаторомъ недобропорядочнымъ или противнымъ договору употребленіемъ; въ городахъ Эст. и дача пріюта распутнымъ и безчестнымъ людямъ 4118; г) неотложная необходимость значительныхъ исправленій въ отданной въ наемъ вещи 4119; д) по Лиф. и Эст. зем. пр., передача арендованной недвижимости другому безъ согласія арендодателя 4120;

III) для арендатора: а) продолжительное замедленіе въ сдачѣ ему вещи 4121; б) непроизводство нужнаго ремонта и неустранимые пороки и недостатки вещи (размноженіе въ большомъ количествѣ гадовъ — крысъ, мышей, клоповъ и т. п. 4122); в) перестройка дома, вслѣдствіе которой невозможно пользованіе квартирой 4123; г) основательный страхъ личной для нанимателя опасности или неблагопріятныхъ свойствъ нанятыхъ строеній и земель 4124.

При всѣхъ случаяхъ отказа отъ договора, за исключеніемъ упомянутаго въ 4118, требуется увѣдомленіе другаго контрагента, чтобы дать ему время для обратнаго принятія вещи или возвращенія и очищенія ея 4125*). Нанимателю

лишь для опредѣленія размѣра подлежащаго взысканію въ пользу той или другой стороны долга, но не можетъ устранять ни факта просрочки, ни проистекающихъ отъ сего для просроченнаго въ силу самаго закона невыгодныхъ послѣдствій. Согласно разъясненію Сен. 1892 г. № 8, установленныя въ силу самаго закона условія всякаго аренднаго отношенія, а въ томъ числѣ и условія досрочнаго прекращенія аренды, должны считаться обязательными и подлежатъ примѣненію и въ томъ случаѣ, если относительно ихъ никакого соглашенія между сторонами не послѣдовало. Ук. Сен. Спб. Суд. Пал. по д. Григорьева 1898 г. № 106.

*) При одностороннемъ отступленіи отъ договора по причинамъ, указаннымъ въ 4115—4124 ст., вовсе не требуется предварительнаго формальнаго объявленія о прекращеніи договора (*Kündigung*), о коемъ говорится въ 4104 и 4105 ст., при пропущеніи котораго договоръ безмолвно продолжается, а нужно лишь увѣдомить другую сторону о намѣреніи отступить отъ договора; цѣль этого увѣдомленія прямо выражена въ законѣ (4125 ст.) и заключается въ предоставленіи противной сторонѣ времени на возвращеніе или очищеніе вещи, причемъ въ законѣ не установлено ни формы, ни времени сего очищенія, откуда съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что предъявленіе иска къ арендатору о прекращеніи договора заключаетъ въ себѣ подобное

квартиры въ городѣ дается для очищенія ея 6-недѣльный срокъ со времени объявленія о прекращеніи договора найма вслѣдствіе отчужденія дома 4126.

Отчужденіе хотя и прекращаетъ договоръ, но не даетъ права нанимателю отказаться отъ него, если пріобрѣтатель пожелаетъ сохранить договоръ въ силѣ 4128.

Открытіе конкурса надъ имуществомъ наймодателя не даетъ права кредиторамъ отказаться отъ договора найма 4129 (они должны его признавать вплоть до продажи предмета найма); наоборотъ, открытіе конкурса надъ имуществомъ арендатора освобождаетъ кредиторовъ его и самого наймодателя отъ обязанности продолжать договоръ 4130.

Истеченіе срока договора само по себѣ еще не прекращаетъ его (лишь сила документовъ о немъ прекращается сама собою, хотя бы эти документы и не были возвращены 4052). Наоборотъ, закономъ установлена презумція о безмолвномъ продолженіи договора на прежнихъ, кромѣ лишь срока, условіяхъ: при арендѣ вотчинъ и другихъ плодприносящихъ недвижимостей всегда только на годъ; при наймѣ квартиръ, лавокъ, погребовъ и т. п. въ Ревелѣ также на годъ; при наймѣ домовъ и другихъ неплодприносящихъ недвижимостей въ прочихъ территоріяхъ до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ съ той или другой стороны объявленія о прекращеніи договора 4105*).

увѣдомленіе и нѣтъ основанія требовать внѣсудебнаго объявленія, какъ формальности, которая непремѣнно должна предшествовать иску; отъ суда же зависитъ, въ случаѣ надобности, назначить время исполненія рѣшенія съ такимъ расчетомъ, чтобы дать отвѣтчику нужное время на исполненіе. Рез. Сен. по д. Гиргенъ 1895 г. № 1898.

Право на искъ объ уничтоженіи договора принадлежитъ каждому изъ договорившихся безъ всякаго исполненія какихъ-либо предварительныхъ формальностей. Не требуется непремѣнно ни особаго формальнаго отказа, ни заявленія объ отступленіи отъ договора. Рез. Сен. по д. Дракенфельса 1892 г. № 4446.

*) Содержащееся въ ст. 4105 исключеніе изъ общаго правила 4103 ст., относясь собственно къ недвижимости въ прямомъ смыслѣ этого слова, не можетъ быть распространяемо на такія вещныя права (какъ, напр., право рыбной ловли), которыя лишь причисляются закономъ къ недвижимымъ имуществомъ. Рез. Сен. по д. Бергмана 1892 г. № 177. Ср. выше сноску на 208 стр.

Изъятія отъ дѣйствія 4105 ст. для земель казенныхъ имѣній не установлено. Рез. Сен. по д. Менника 1895 г. № 1621. Арендаторамъ крестьянскихъ земель объявленіе должно быть дѣлаемо въ Яковъ день.

Для того, чтобы договоръ прекратился, необходимо предварительное объявленіе о томъ. Въ законѣ установлены слѣдующіе сроки для отказа отъ договора (Kündigungsfriſten): при наймѣ недвижимости на неопредѣленное время, безъ указанія сроковъ отказа, предварительное объявленіе должно быть учинено за 6 мѣсяцевъ; при наймѣ вотчинъ — за 6 мѣсяцевъ до истеченія экономическаго года, начинающагося и оканчивающагося 23 апрѣля; при наймѣ лавокъ и погребовъ въ городахъ Эст. — за три мѣсяца 4104; при наймѣ недвижимости на годъ или болѣе — за полгода, а въ городахъ Эст. относительно лавокъ и погребовъ — за три мѣсяца до условленнаго срока 4105; при наймѣ, по коему условлена помѣсячная или понедѣльная плата, — за мѣсяць или за недѣлю 4106*).

Въ связи со сроками отказа отъ договора стоятъ сроки взноса наемной платы, что выражается въ поговоркѣ: *Wie die Kündigung, so auch die Zahlung*. Въ тѣ сроки, когда можетъ быть сдѣлано объявленіе объ отказѣ отъ договора, должна быть произведена и уплата наемной платы.

Крестьянинъ — арендаторъ, какъ подтверждено и указомъ Лиф. губ. Правленія 7 іюля 1865 г., имѣетъ преимущественное право на покупку и дальнѣйшую аренду арендуемаго имъ участка **).

*) 4106 ст. устанавливаетъ только порядокъ заявленій о прекращеніи договоровъ найма сообразно съ порядкомъ внесенія платы, но не дозволяетъ сокращать условленный срокъ, въ предѣлахъ котораго вносится плата помѣсячно или понедѣльно. Рез. Сен. по д. Алексѣева 1897 г. № 1383.

Ст. 4106 въ виду ст. 3210 и 3211 не можетъ имѣть примѣненія къ договорамъ найма, заключеннымъ на неопредѣленное время, въ коихъ опредѣлена цѣна годичнаго пользованія, хотя бы и съ разсрочкою наемной платы на мѣсяцы или недѣли. Рез. Сен. по д. Бурхардтъ 1897 г. № 48.

**) Въ Лиф. и Эст. губ. помѣщикъ во всякое время властенъ продавать участки крестьянской земли какъ членамъ крестьянскаго общества, такъ и инымъ лицамъ (Кр. Л. 219, Кр. Э. 201), но арендаторамъ законъ предоставилъ право преимущественной покупки и точно установилъ условія и порядокъ осуществленія сего права (для Эст. губ. прав. 18 ф. 1866 г. ст. 6 и 7, П. С. З. № 43024 и Кр. Э. 250—256; для Лиф. губ. Выс. утв. 22 мая 1865 г. журналъ Остз. Ком., Кр. Л. 60—66 и П. С. З. № 41804).

Подъ продажею крестьянскаго участка, упоминаемой въ п. 3 Кр. Э. 110, Кр. Л. 140, въ 6 и 7 ст. прав. 18 ф. 1866 г. и въ прав.

Особый видъ найма представляетъ *аренда скота*: держатель вотчины предоставляетъ другому пользоваться за взносъ арендной платы принадлежащимъ къ той вотчинѣ стадомъ 4155, разумѣется при этомъ весь дойный скотъ: коровы, овцы и козы, со включеніемъ самцовъ, находящихся при стадѣ для приплода 4157. Кромѣ общихъ обязанностей по арендѣ, арендодатель стада обязанъ еще давать арендатору и содержать въ исправности нужныя для скота помѣщенія, а лѣтомъ отводить ему необходимыя пастбища, зимою же доставлять потребный здоровый кормъ 4161. Арендаторъ обязанъ пещись о скотѣ 4155 и нести сопряженныя съ этимъ издержки 4162. На немъ же лежитъ страхъ убыли изъ нормальнаго состава скота отъ старости, употребленія и незаразительныхъ болѣзней 4166; убыль же отъ несчастныхъ случаевъ: скотскаго падежа, молніи, пожара, наводненія и т. п. падаетъ на арендодателя, который долженъ восполнить убыль 4167. По окончаніи аренды арендаторъ обязанъ возвратить скотъ той же породы, въ томъ же числѣ и того же качества, какъ его получилъ, а за недостающія головы вознаградить арендодателя 4169 (*Eisernes Vieh stirbt nicht*). Иногда скотъ сдается арендатору по оцѣнкѣ, дѣлаемой или для опредѣленія по ней убытковъ отъ будущихъ поврежденій (*taxationis causa*, что при сомнѣніи и предполагается) или же для продажи скота съ правомъ обратной покупки. Въ послѣднемъ случаѣ арендаторъ становится собственникомъ стада, несущимъ весь страхъ, и по окончаніи аренды долженъ возвратить таковое же по оцѣнкѣ его стоимости, или, взамѣнъ, слѣдующую по оцѣнкѣ денежную сумму 4170. Въ теченіе аренды арен-

22 мая 1865 г., слѣдуетъ понимать не корроборацію купчаго договора въ крѣпостномъ учрежденіи, а лишь моментъ соглашенія сторонъ о предметѣ и цѣнѣ купли-продажи, окончательное соглашеніе сторонъ, а не позднѣйшіе моменты (засвидѣтельствованіе контракта комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ, корроборація контракта въ крѣпостномъ отдѣленіи) Гр. Кас. Деп. по д. Штейнберга 1895 г. № 85, Рез. Сен. по д. Цере ф. Мантейфеля 1896 г. № 705.

Продажа крестьянской усадьбы незаконному арендатору безъ предварительнаго предоставленія таковой въ арендное владѣніе лица, имѣющаго на оное право, и безъ предварительнаго предложенія на основаніи Выс. утв. правилъ 6 сент. 1863 г. (для Кур. губ.) приобрѣтенія усадьбы законному арендатору есть продажа имущества, не состоящаго въ свободномъ распоряженіи продавца, а потому и не имѣетъ законной силы. Рез. Сен. по д. ф. Бринкена 1882 г. № 2484.

даторъ пользуется отъ скота приплодомъ и молокомъ, а отъ овецъ и шерстью; навозъ же принадлежитъ арендодателю 4163. Наниматель въ правѣ колоть и отчуждать скотъ, „поколикую отъ сего не уменьшается отданное въ аренду число головъ“: выбывшія или сдѣлавшіяся негодными замѣняются изъ приплота 4164. Положеніе приплота таково: до выдѣла изъ него на пополненіе нормальнаго числа головъ приплотъ — „ничья собственность“; по выдѣлѣ же пріобрѣтаютъ въ собственность: арендодатель — тотъ скотъ, которымъ будетъ замѣненъ выбывшій, а арендаторъ — остальной приплотъ 4165. Послѣднему поступаетъ въ собственность и выбывшій и сдѣлавшійся негоднымъ скотъ 4164.

§ 55. Договоръ личныхъ услугъ.

Къ существу договора относятся: а) оказаніе личныхъ услугъ и б) уплата вознагражденія за нихъ 4172. Плата (деньгами или вещами 4174) всегда предполагается, хотя бы и не была выговорена 4175. Услуги могутъ состоять какъ въ такихъ дѣйствіяхъ, для которыхъ нужны однѣ тѣлесныя силы, такъ и въ такихъ, которыя требуютъ особаго знанія дѣла, искусства или научнаго образованія 4173.

Въ 1 прим. къ 4173*) перечислены тѣ лица, дѣятельность которыхъ подходитъ подъ понятіе оказанія личныхъ услугъ (рабочіе, поденщики, сторожа, управляющіе, диспоненты, бухгалтеры, приказчики, подмастерья, домашніе учителя). Но здѣсь не упомянуты врачи и адвокаты. Послѣднихъ нельзя причислить къ мандатаріямъ въ виду 4367, въ силу коей дѣятельность уполномоченнаго должна быть безвозмездною (иначе это не уполномочіе, а личная услуга или подрядъ), и 4368, по коей возмездіе только въ томъ случаѣ не измѣняетъ свойства договора, если оно обѣщано за личныя услуги уполномоченнаго, не подлежащія прямой оцѣнкѣ, т. е. не имѣющія рыночной цѣны (а услуги врача и адвоката имѣютъ рыночную цѣну).

*) Согласно прим. 1 къ 4173 ст. отношенія приказчиковъ къ хозяевамъ въ Прибалт. губ. регулируются не Уставомъ Торговымъ, а правилами 3 ч. Св. мѣст. узак. о договорѣ личныхъ услугъ, на основаніи каковыхъ правилъ для совершенія этихъ послѣднихъ договоровъ письменной формы не требуется (2993 ст. и слѣд.) Гр. Кас. Деп. 1892 г. № 9 по д. Лаусона.

Личный характеръ послугъ сказывается въ томъ, что, а) по общему правилу, услуги должны быть оказываемы лично обязавшимся къ нимъ, 4177, б) обязанность оказывать ихъ не переходить на его наслѣдниковъ 4181 и в) договоръ прекращается смертью обязавшагося 4191.

Обязанности несущаго послугу: а) исполнять лично 4177 и заботливо извѣстныя дѣйствія по указанію хозяина 4176, б) вознаградить его за убытки, причиненные неисполненіемъ послуги или неловкостію, въ порученныхъ матеріалахъ — дурною работою, въ инструментахъ — неосторожностію, въ довѣренныхъ животныхъ — недосмотромъ за ними 4179, в) нести издержки, потребныя на исполненіе послуги, если противнаго не условлено или мѣстнымъ обычаемъ не установлено 4180. Если кто обязался къ послугамъ нѣсколькимъ лицамъ, а въ состояніе нести ихъ только одному, то онъ долженъ исполнять послугу тому, кому обязался прежде другихъ 4178.

Первая и главная обязанность имѣющаго право на услуги — уплачивать вознагражденіе, по окончаніи дѣла 4182. Вознагражденіе должно быть выдано полностью и въ томъ случаѣ, если исполненіе будетъ прервано по винѣ его. Но если обязавшійся найдетъ себѣ заработокъ на время перерыва, то изъ причитающейся ему платы дѣлается соразмѣрная сбавка 4184 *). Если же случайность воспрепятствовала dokon-

*) Дѣйствіе ст. 4184 распространяется также и на случай совершеннаго отказа отъ занятія обязавшемуся лицу. См. 3209 ст. И въ этомъ случаѣ размѣръ вознагражденія зависитъ: 1) отъ количества платы, за которую имѣли производиться услуги, 2) отъ продолжительности времени, въ теченіе котораго обязавшійся находился безъ условленныхъ занятій до окончанія срока договора, и 3) отъ того, приобрѣлъ ли онъ за это время личными услугами что-либо, чего иначе не могъ бы добыть. Плата же опредѣляется или установленнымъ въ самомъ договорѣ условіемъ, а при отсутствіи послѣдняго. третейскимъ судомъ, или по справедливому усмотрѣнію обыкновеннаго судебнаго мѣста (4175 ст.); срокомъ же договора почитается по 4186 и 4187 ст. условленный между сторонами, а за неимѣніемъ соглашенія по сему предмету, установленный обычаемъ или вытекающій изъ самаго свойства и цѣли послугъ, или же, буде договоръ составляетъ лишь возобновленіе прежняго, срокъ, опредѣленный по правиламъ 4187 ст. Гр. Кас. Деп. 1898 г. № 2 по д. Шутова.

Ст. 3209 и 3210, излагающія общія положенія, относящіяся ко всѣмъ родамъ договоровъ, имѣютъ, несомнѣнно, примѣненіе къ договорамъ личныхъ послугъ и могутъ быть вполне согласованы съ содержаніемъ 4184 ст., относящейся именно къ этимъ договорамъ. Ук. Сен. Спб. Суд. Пал. 1898 г. № 286 по д. Разевскаго.

чить послугу, то вознаграждение уплачивается въ размѣрѣ исполненнаго, при чемъ выданное впередъ не возвращается 4183. Другая обязанность имѣющаго право на послугу — отвѣчать за вредъ, причиненный несущимъ послугу третьему лицу, если при выборѣ наемнаго челоуѣка не обнаружена должная осмотрительность, culpa in eligendo 3447 *). Вознаграждать же несущаго послугу за понесенный имъ случайный вредъ при исполненіи послуги имѣющій право на нее не обязанъ 4185.

Прекращается договоръ: а) истеченіемъ срока 4186 (Презумпціи о безмолвномъ продолженіи договора послѣ срока не существуетъ, но разъ договоръ, съ согласія сторонъ, продолженъ, то предполагается, что онъ возобновленъ на тѣхъ же условіяхъ и на одинаковый съ прежнимъ срокъ, но не свыше года 4187 **), б) смертью обязавшагося, но не имѣющаго право на нее 4191, в) по взаимному согласію и г) по одностороннему заявленію 4188: 1) каждаго контрагента —, если

*) За дѣйствія слугъ и другихъ наемныхъ лицъ хозяинъ отвѣчаетъ не только въ случаѣ допущенія имъ при выборѣ ихъ небрежности или неосмотрительности, но и въ томъ случаѣ, когда онъ допустилъ неправильныя дѣйствія подчиненнаго ему лица, имѣя возможность таковымъ воспрепятствовать (ст. 3288), почему на хозяинѣ лежитъ обязанность доказать, что онъ не имѣлъ возможности своевременно убѣдиться въ принятіи подчиненнымъ ему лицомъ всѣхъ необходимыхъ мѣръ предосторожности. Ук. Сен. по д. Грицмана съ Маркедантомъ.

Заводоуправленіе виновно и отвѣтственно за неосмотрительность въ выборѣ служащаго, который своимъ неправильнымъ распоряженіемъ былъ непосредственнымъ виновникомъ причинившагося истцу увѣчья. (Старшій рабочій приказалъ смазать на ходу машину). Ук. Сен. СПб. Суд. Пал. по д. Салмиана 1894 г. № 132.

Лифл. Ландратская Коллегія непосредственно отвѣчаетъ за убытокъ, причиненный третьему лицу неисправностью почтовой телѣги на станціи, находящейся по особому договору въ содержаніи почтъкоммиссара, надзоръ за которымъ принадлежитъ органамъ Коллегіи. Гр. Кас. Деп. Сен. 1894 г. № 17 по д. Лиф. Ланд. Кол.

**) Хотя 4187 ст. должна быть понимаема въ томъ смыслѣ, что для признанія договора молчаливо продолженнымъ не требуется какого-либо дѣйствія сторонъ, выражающаго собою положительное согласіе ихъ на продленіе договора, а требуется лишь, чтобы дѣйствіе договора сознательно (завѣдомо, mit Wissen) продолжалось; но именно такое сознательное продленіе договора должно быть въ каждомъ данномъ случаѣ судомъ установлено. Рез. Сен. 1895 г. № 1376 по д. Штрауберга.

срока договора не было указано, въ любой моментъ или въ извѣстные сроки для отказовъ по мѣстному обычаю 4186; *) 2) принципала — при недобросовѣстности, грубой винѣ, безнравственномъ поведеніи, неспособности къ послугѣ или преступленіи нанявшагося 4188; *) 3) обязавшагося къ послугѣ —, если, несмотря на неоднократныя напоминанія, ему будетъ замедлена уплата вознагражденія 4189. Невыгодность договора (ущербъ свыше половины) не даетъ ни которому изъ контрагентовъ права отступить отъ договора 4190.

§ 56. Служебный уставъ.

Положенія о крестьянахъ Лиф. 239 и Кур. 146, установивъ общее правило, что крестьянинъ „имѣетъ власть вступать въ услуженіе“ (К.), „имѣетъ право заключать со всякимъ договоры о вступленіи въ услуженіе“ (Л.), весьма по-

*) По дѣйствующему въ гор. Ригѣ торговому обычаю для отказа купцомъ приказчику отъ мѣста, когда въ договорѣ личныхъ послугъ не былъ опредѣленъ срокъ, первый обязанъ предувѣдомить о томъ послѣдняго за 6 мѣсяцевъ. СПБ. Суд. Пал. 1891 г. № 3 по д. Грундейкъ.

*) Послѣдняя часть ст. 4188 („гдѣ въ такихъ случаяхъ обычаемъ принято заранѣе объявлять о прекращеніи договора, тамъ сіе неупустительно должно быть соблюдаемо“) о неупустительности объявленія со стороны хозяина заранѣе о прекращеніи договора упоминаетъ, какъ видно изъ буквального выраженія сего закона, объ обычаяхъ относительно такихъ именно случаевъ, когда, напр., хозяинъ отказываетъ своему приказчику за оказавшуюся его недобросовѣстность или грубую вину; если на такіе именно случаи существуетъ мѣстный обычай отказа заранѣе, то по изложенному закону отказъ заранѣе и долженъ быть соблюдаемъ. Сюда не подходитъ случай существованія, напр., въ гор. Ригѣ обычая предварительнаго, за 6 мѣсяцевъ до прекращенія договора личныхъ послугъ, отказа со стороны хозяина своему торговому приказчику безъ всякаго объясненія причинъ такого отказа по исключительному усмотрѣнію хозяина, не обусловливаемому какими-либо дѣйствіями приказчика. Если же существованіе мѣстнаго обычая, въ этомъ законѣ предусматриваемаго, не доказано, то изъ точнаго содержанія 4188 ст. слѣдуетъ притти къ выводу, что наличность дѣйствій и упущеній приказчика даетъ хозяину право прекратить дѣйствіе договора личныхъ послугъ немедленно, безъ предварительнаго о томъ отказа. СПБ. Суд. Пал. 1896 г. № 90 по д. Гольдмана.

дробно регулируютъ договоръ о наймѣ въ услуженіе, посвящая ему особый отдѣлъ (Л. 349—394, К. 148—173), а Кр. Э. 431—507 даетъ цѣлый „Служебный уставъ“ (Dienstordnung), разработанный болѣе систематично, чѣмъ въ другихъ положеніяхъ.

Какъ совершенно правильно замѣтилъ Прав. Сенатъ въ резолюціи по дѣлу Раббе 1893 г. № 6327, подъ понятіемъ договоръ о наймѣ въ услуженіе крестьянскія положенія разумѣютъ какъ договоры личныхъ послугъ (4172 ст. Св. гр. узак.), такъ и найма слугъ (ib. ст. 4192). Поэтому нормы крестьянскихъ положеній необходимо изложить отдѣльно.

Кр. Л. 350, Э. 432: договоромъ о служеніи признается всякій договоръ, въ которомъ выговорено отправленіе какихъ-либо личныхъ работъ или обязанностей, не различая, заключается ли опредѣленное за нихъ возмездіе въ платѣ деньгами, или естественными произведеніями, или въ пользованіи поземельнымъ участкомъ. Договоры о служеніи, заключаемые съ работниками или съ цѣлыми семействами работниковъ (Knechts- oder Familien-Dienstverträge), хотя и здѣсь предоставляемое пользованіе опредѣленнымъ участкомъ земли составляетъ возмездіе за опредѣленную рабочую повинность, по Кр. Л. 151, должны быть различаемы отъ издѣльной аренды (нынѣ запрещенной), причемъ высшій размѣръ участка не долженъ быть болѣе 5 лофштелей пахатной и огородной земли и перелоговъ; помѣщики могутъ отдавать поземельные участки мызнымъ батракамъ въ возмездіе за работу лишь въ предѣлахъ мызной земли, а не въ предѣлахъ повинностной Кр. Л. 352, 152, Э. 434, арендаторы же и собственники крестьянскихъ участковъ могутъ отводить землю въ возмездіе за работу лишь тѣмъ батракамъ, которые обязаны къ отправленію работы черезъ весь годъ непрерывно, или въ опредѣленные, одинъ за другимъ, въ правильной послѣдовательности наступающіе сроки Кр. Л. 353, Э. 437.

Личныя обязанности, въ подобномъ договорѣ условленныя, могутъ принадлежать къ слѣдующимъ видамъ работъ: 1) къ отправляемымъ круглый годъ непрерывно, или въ сроки, опредѣленные одинъ за другимъ, въ правильной послѣдовательности, 2) къ отправляемымъ въ извѣстное только время года, 3) къ отправляемымъ во всякое время, по требованію хозяина или самого работника, съ полученіемъ за

то каждый разъ особой платы, заранѣе условленной, 4) къ отправляемымъ въ извѣстное время по требованію хозяина, съ предоставленіемъ служащему опредѣленной части въ обработанномъ предметѣ, или опредѣленной доли урожая, 5) къ заключающимся въ производствѣ опредѣленныхъ работъ.
Кр. Л. 351, Э. 433.

Между служебными договорами различаются договоры 1) въ предѣлахъ имѣнія и 2) внѣ границъ имѣнія. Кр. Л. 354. Особенность послѣднихъ состоитъ въ томъ, что необходимо выбирать позволительныя свидѣтельства (Dienstcheine) и паспорта (коихъ служащимъ при мызѣ не нужно Кр. Л. 356), съ уплатою сборовъ на пособіе бѣднымъ, а раньше и подачей Кр. Л. 355—366, Э. 500—507, К. 149, причѣмъ волостное управленіе иногда можетъ отказать въ выдачѣ паспорта (напр., дѣвушкамъ, не достигшимъ 24-лѣтняго возраста, для отлучекъ въ города и т. д. Кр. Л. 359).

Поступать въ услуженіе можно, къ кому угодно Кр. Л. 239, 349, Э. 431, К. 146, 148.

Наниматься въ услуженіе могутъ только такія лица, кои властны свободно располагать собою; слѣд. дѣти, состоящія подъ отцовской властью, лишь съ согласія отца, малолѣтніе сироты — съ согласія опекуновъ, замужнія женщины — съ согласія мужей, а находившіеся въ услуженіи обязаны напередъ доказать, что они хозяевами уже отпущены Кр. Л. 367, Э. 440, 487, К. 150. Принявшій въ услуженіе безъ соблюденія этихъ правилъ подвергается или денежной пенѣ въ пользу волостной кассы бѣдныхъ или полицейскому наказанію Кр. Л. 368. Совершеннолѣтній работникъ (21 года) пріобрѣтаетъ право свободно располагать собою Кр. Э. 489. Эст. кр. положеніе знаетъ еще другія ограниченія въ правѣ наниматься въ услуженіе: а) должностное лицо волостнаго общества, выключая обязанностей при отправленіи условныхъ сельскихъ работъ и крестьянскихъ повинностей, никогда не должно вступать въ таковыя отношенія, которыя его дѣлаютъ личнымъ слугою, прим. къ 404, б) содержатель (по закону 23 янв. 1859 г.: „большаго“) аренднаго поземельнаго участка можетъ вступать къ помѣщику въ личное услуженіе по найму только въ качествѣ свободного работника, т. е. для производства одной какой-либо работы, или же понедѣльно въ качествѣ поденщика, за условленную поденную плату; наниматься въ услуженіе на болѣе продолжительные сроки дозволяется только

арендаторамъ такихъ участковъ, которые обложены арендой, цѣнимою менѣе 2000 фунтовъ ржи 435; за точнымъ исполненіемъ этого постановленія обязана слѣдить волостная полиція 436.

То же Эст. крест. положеніе въ рядѣ статей проводитъ мысль о необходимости труда. Кр. Э. 482: волостное общество въ правѣ требовать дѣятельности отъ своихъ членовъ: только старость свѣше 60-лѣтняя или совершенная немощь освобождаютъ членовъ общества отъ этой обязанности; т. наз. „работники“ и (483) лишившіеся арендныхъ участковъ должны отправлять различныя службы въ предѣлахъ помѣстья (они имѣютъ преимущественное право на наемъ въ услуженіе предъ посторонними) или (484) въ качествѣ дворовыхъ слугъ у помѣщика. И женщины обязаны наняться въ работницы 483. Малолѣтніе (до 17 лѣтъ) работаютъ, соотвѣтственно своимъ силамъ, въ домахъ родителей или воспитателей или же отдаются въ услуженіе постороннему хозяину 487. 498: когда работникъ заболѣетъ или умретъ, либо поступитъ въ рекруты, работница выйдетъ замужъ, или же по какой-либо другой причинѣ окажется у хозяина недостатокъ въ работникахъ, то оставшіеся безъ занятій члены разряда работниковъ обязаны наняться въ услуженіе на мѣста убылыхъ. 490: волостная полиція наблюдаетъ, чтобы работники не оставались вовсе безъ занятій.

Договоры о наймѣ въ услуженіе могутъ быть заключаемы или письменно или словесно при двухъ свидѣтеляхъ или же посредствомъ выдачи и принятія задатка Кр. Л. 369, К. 151, Э. 441 (Э. вмѣсто послѣдняго: „или въ присутствіи волостной полиціи“, а въ 442: „принятіе задатка служить подтвержденіемъ договора“). Рез. Сен. 1899 г. № 1599 по д. Заккита: „одно непрочтеніе договора неграмотному контрагенту, если, однако, содержаніе договора сдѣлалось ему тѣмъ или другимъ способомъ извѣстнымъ, не можетъ быть принято за основаніе для признанія такового договора для него необязательнымъ“. Кр. Л. 371, Э. 442, К. 152: „задатокъ, количество коего назначается добровольно, обыкновенно вычитается изъ жалованья; отреченіе же отъ задатка или возвращеніе онаго не освобождаетъ ни той, ни другой стороны отъ исполненія договора“. Сенатъ 1894 г. № 2429 по д. Деллингаузена: обратное требованіе задатка мыслимо только тогда, когда онъ не былъ вычтенъ изъ жалованья.

Кр. Л. 370, Э. 443, К. 151: въ договорѣ должны быть въ точности опредѣлены: условленная плата, срокъ служенія и свойство работъ или занятій, на служащаго возлагаемыхъ.

Кр. К. 157: работникъ обязанъ (если не оградить себя при заключеніи договора какимъ-либо особымъ условіемъ) исполнять безъ разбору всякія возлагаемыя на него порученія, соотвѣтственныя его силамъ и способностямъ.

Кр. Э. 444: по требованію работника хозяинъ обязанъ дать ему письменный видъ объ условіяхъ, на какихъ онъ обязался служить, и о платѣ, какую уговорился получить. К. 151 требуетъ записи условій „въ маклерскую книгу того прихода, въ которомъ живетъ наниматель“ (съ 9 іюля 1889 г. маклеры прекратили свою дѣятельность).

Кр. К. 160: жалованье и деньги на содержаніе или даваемая работнику пища назначаются по добровольному условію. Рез. Сен. 1893 г. № 6327 по д. Раббе: размѣръ и основанія исчисления платы зависятъ отъ взаимнаго согласія сторонъ. Рез. Сен. 1894 г. № 2429 по д. Деллингаузена: во всѣхъ случаяхъ слову „жалованье“ въ законѣ придается смыслъ только вознагражденія за трудъ въ тѣсномъ смыслѣ, съ коимъ не смѣшивается содержаніе или прокормленіе рабочихъ.

Кр. Л. 373, К. 153: срокъ вступленія въ услуженіе зависитъ отъ взаимнаго согласія, который и обязаны обѣ стороны въ точности наблюдать. Кр. Л. 372, Э. 491: волостное управленіе, если имъ будетъ признано полезнымъ введеніе въ волости одновременнаго заключенія новыхъ условій о наймѣ въ услуженіе, можетъ назначать заблаговременно предъ Георгіевымъ днемъ (23 апр.) каждаго года опредѣленный день, въ который всѣ крестьянскіе хозяева и работники, наѣренныя заключить новые служебные контракты, имѣютъ въ одно время заключать о томъ надлежащія условія. Кр. Э. 438: договоры о наймѣ въ услуженіе съ работниками, для исправленія работъ по сельскому хозяйству, должны быть заключаемы по крайней мѣрѣ на одинъ годъ. Прим.: Кромѣ означенныхъ въ сей статьѣ работниковъ, есть еще работники или поденщики (Dienstboten), съ которыми могутъ быть заключаемы договоры и на кратчайшіе сроки. *) Кр. Э. 439:

*) Изъ смысла Кр. Э. 438 и прим. несомнѣнно явствуетъ, что Положеніе имѣетъ въ виду не однихъ лишь рабочихъ для исправленія сельско-хозяйственныхъ работъ, но и вообще слугъ (Dienstboten), что

законнымъ срокомъ договоровъ, заключаемыхъ на годъ, о наймѣ въ услуженіе считается 23 день апрѣля мѣсяца. Вновь вступающіе въ общество члены могутъ заключать договоры о наймѣ въ услуженіе не менѣе, какъ на три года; но по обстоятельствамъ могутъ быть и освобождены отъ соблюденія этого условія.

Не явившійся въ срокъ работникъ понуждается къ вступленію въ услуженіе полицейскими мѣрами, при дальнѣйшемъ упорствѣ возвращаетъ задатокъ, вознаграждаетъ убытки и вноситъ одинъ рубль въ волостную кассу; хозяинъ, не принявшій въ срокъ работника, вознаграждаетъ его, какъ если бы онъ отпустилъ его до срока безъ законной причины Кр. Л. 373, Э. 446—449, К. 154, 156. Рез. Сен. по д. Закита 1899 г. № 1599: Кр. Л. 371, 373, 383 опредѣляютъ послѣдствія неявки нанявшагося въ услуженіе на мѣсто, независимо отъ того, причиненъ или нѣтъ такую неявку какой-либо убытокъ нанимателю. Кр. Л. 374, Э. 450: равному штрафу съ неявившимся въ срокъ работникомъ подвергается и тотъ, кто нанимается въ одно и то же время къ разнымъ хозяевамъ. Въ такомъ случаѣ оставляетъ его у себя тотъ, отъ котораго онъ первый задатокъ принялъ.

Кр. Л. 375, Э. 451, К. 155: хозяинъ можетъ и до наступленія срока отказаться отъ договора по тѣмъ же причинамъ, по которымъ онъ въ правѣ отослать отъ себя работника до истеченія срока, въ каковомъ случаѣ хозяинъ можетъ требовать возвращенія даннаго имъ задатка. Кр. Л. 376: кто сманитъ находящагося у другаго въ услуженіи, тотъ подвергается или полицейскому наказанію или денежному штрафу.

Обязанности работника: 1) выполнять со всевозможнымъ раченіемъ и точностью принятыя на себя обязанности Кр. Лиф. 349, К. 148; служить вѣрно (Э. и прилежно), быть миролюбивымъ, внимательнымъ, вѣжливымъ и послушнымъ, безъ дозволенія хозяина не отлучаться, покоряться всѣмъ его домашнимъ распоряженіямъ, исправлять и другія работы,

подтверждается и Кр. Э. 432, по коей договоромъ о наймѣ въ услуженіе признается всякое обязательство, которымъ условлено отправленіе какихъ-либо личныхъ работъ или обязанностей. Въ виду сего примѣненіе ст. 4193 Св. гр. узак. является неправильнымъ. Рез. Сен. 1901 г. № 40 по д. Шиллинга.

кромѣ тѣхъ, которыя онъ въ особенности на себя принялъ (соотвѣтственно своимъ силамъ и способностямъ Э.) Кр. Л. 377, Э. 452, К. 157, 159; 2) отвращать отъ хозяина и внѣ службы всякій вредъ, а причиненный вредъ съ умысломъ, или отъ грубой оплошности, или же чрезъ нарушеніе точныхъ приказаній, вознаградить путемъ вычета изъ жалованья или исправленіемъ, по минованіи срока служенія, соразмѣрно убытку, безденежно работъ (отработать) Кр. Л. 377, 378, Э. 453, 454, К. 158, 159; 3) отходя отъ хозяина, возвратить въ исправности все ввѣренное, а за недостающее вознаградить или вычетомъ изъ жалованья или безденежной отработкой Кр. Л. 388, Э. 476, К. 166; 4) если работникъ, съ своего, родительскаго или опекунскаго согласія, былъ обученъ помѣщикомъ ремеслу, бухгалтеріи или иному чему-либо полезному, то обязанъ заплатить употребленныя на обученіе издержки или заработать ихъ Кр. Л. 389, Э. 477, а также издержки для приготовленія къ конфирмаціи, если отходить съ мѣста ранѣе трехъ лѣтъ со времени конфирмаціи Кр. Э. 488; 5) не отходить съ мѣста до срока безъ согласія хозяина, безъ законныхъ причинъ и безъ рѣшенія суда; въ противномъ случаѣ работникъ обязанъ возвратить полученный задатокъ и заплатить хозяину окладъ обѣщаннаго жалованья Кр. Л. 383, Э. 465*), К. 162.

Работникъ, желающій отойти съ мѣста въ условленный срокъ, обязанъ объявить хозяину о томъ въ узаконенный срокъ Кр. Л. 381 (Э. 466: договоръ о наймѣ въ услуженіе

*) Отвѣтственность слуги, установленная 4225 ст. Св. гр. узак., значительно усилена по Кр. Э. 465; законъ, очевидно, имѣлъ намѣреніе еще крѣпче оградить интересы сельскихъ хозяевъ, которые особенно могутъ пострадать отъ несвоевременнаго ухода рабочихъ со службы. Эти интересы будутъ затронуты тѣмъ сильнѣе, чѣмъ продолжительнѣе недослуженное рабочимъ время; вмѣстѣ съ тѣмъ и вознагражденіе пострадавшаго хозяина должно соотвѣтствовать величинѣ ожидаемыхъ убытковъ. Взыскивается окладъ обѣщаннаго жалованья (чаще всего денежнаго, хотя можетъ быть и иного, но не содержанія и прокормленія) только за недослуженное время. Рез. Сен. по д. Деллинсгаузена 1894 г. № 2429.

Въ виду ссылки 4225 ст. Св. гр. узак. на Кр. Э. 465 неправильно мнѣніе, будто въ области дѣйствія Кр. Э. хозяинъ не въ правѣ домогаться понужденія оставившаго его самовольно слуги къ продолженію службы. Сен. 1900 г. № 4443 по д. бар. Стакельберга.

уничтожается самъ собою съ наступленіемъ условленнаго срока; но договоръ, заключенный на время меньшее года, уничтожается тогда только, когда объ отказѣ было объявлено своевременно), Э. 445. Такой же отказъ долженъ послѣдовать и со стороны хозяина, желающаго прекратить договорныя отношенія.

Объявленіе съ обѣихъ сторонъ объ уничтоженіи договора должно быть учинено, когда контрактъ заключенъ былъ на годъ по Кр. Л. за два, по Кр. Э. (правильнымъ срокомъ объявленія объ отказѣ полагается время съ 20 янв. по 2 февр.) и К. за три мѣсяца, а ежели помѣсячно, то за двѣ недѣли до истеченія срока, если договаривающіеся не условились иначе Кр. Л. 382*), Э. 467, 469, К. 161. При отсутствіи отказа предполагается, что договоръ продолженъ еще (ср. Кр. Э. 466) на такое время, на какое первоначально заключенъ былъ, а если договоръ былъ заключенъ на нѣсколько лѣтъ, то продолжается на одинъ только годъ Кр. Л. 382, Э. 445, К. 161.

Уважительныя причины, по коимъ работникъ и безъ предварительнаго отказа можетъ отойти отъ хозяина до истеченія срока, суть: дурныя поступки и чрезмѣрная строгость хозяина, злонамѣренныя требованія его или его домашнихъ, прекращеніе отпуска пищи, отъѣздъ хозяина въ чужіе края и собственная тяжкая болѣзнь. О причинѣ нужно заявить суду. По объявленіи за 2 мѣсяца въ Л., за 3 мѣсяца въ Э. и К. или за 2 недѣли (смотря по тому, на сколько времени контрактъ заключенъ) работникъ можетъ отойти отъ хозяина, если послѣдній неисправно платитъ жалованье или будетъ причиною, что работникъ подвергнется публичному поруганію (Кр. Л.: или же когда работнику откроется

*) Установленный Кр. Л. 382 двухмѣсячный срокъ для объявленія отказа есть, очевидно, минимальный, и ничто не препятствуетъ сторонамъ объявить о своемъ желаніи не продолжать дѣйствіе контракта по истеченіи его срока и ранѣе указаннаго ст. 382 срока. Рез. Сен. 1896 г. № 106 по д. Зеберга.

Согласно точному смыслу 382 и 383 ст. Кр. Л. только работникъ обязанъ объявить суду, если онъ имѣетъ причину оставить службу до истеченія срока, хозяинъ же, заявляющій до истеченія срока контракта о нежеланіи продолжать таковой, не обязанъ обращаться по этому поводу въ судъ. Рез. Сен. 1901 г. № 877 по д. кн. Гагарина.

случай завести собственное свое хозяйство). Работницѣ сіе позволяется еще и въ томъ случаѣ, когда она вознамѣрится выйти замужъ (Э. дѣйствительно вступить въ бракъ, а не обручится только). Кр. Л. 385, Э. 468, 469, 475, К. 173. Кр. Э. 470: во всѣхъ этихъ случаяхъ хозяинъ долженъ выдать работнику плату за наемъ и прокормленіе за все прошедшее время службы.

Уважительныя причины, по коимъ хозяинъ имѣеть право до истеченія срока отпускать работниковъ и удерживать слѣдующую имъ плату за все остальное до срока время: продолжительное непослушаніе и упорство въ неисполненіи приказаній хозяина, похищеніе чего-либо, умышленное нерадѣніе, умышленное причиненіе вреда, прилипчивыя болѣзни, происшедшія отъ распутной жизни, нарушеніе домашняго спокойствія хозяина соблазнительнымъ и развратнымъ поведеніемъ или пьянствомъ, совершенная неспособность къ работѣ, оскорбленіе хозяина или его семейства ругательствами или обидными дѣйствіями, займы на счетъ хозяина, неоднократная неосторожность въ обращеніи съ огнемъ, распутная жизнь незамужнихъ женщинъ (Э.: беременность, дурныя примѣры хозяйскимъ дѣтямъ и прислужникамъ, ночныя отлучки, склонность къ пьянству, картежной игрѣ и другимъ распутствамъ) Кр. Л. 386, 375, Э. 471, 451, К. 164, 155. Перемѣна въ домашнихъ обстоятельствахъ хозяина — законная причина къ отпуску работника до срока, но ему выдается въ такомъ случаѣ жалованье все сполна (Э. и одежда), безъ вознагражденія за пищу. Кр. Л. 386, Э. 472. Если хозяинъ отошлетъ работника безъ достаточной причины, то онъ обязанъ по Кр. Л. 387 заплатить ему полную договоренную сумму, по Кр. Э. 473, сверхъ заслуженной платы, содержанія и одежды, еще полугодовое жалованье съ содержаніемъ и платьемъ, по Кр. К. 165, годовой окладъ, а если служилъ помѣсячно, то двухмѣсячное жалованье, безъ пищи и платья.

Обязанности хозяина: 1) выплачивать жалованье и, если условился, давать здоровую пищу и не употреблять во зло власти Кр. Л. 384, Э. 459, К. 163; во время болѣзни слуги жалованье ему не платится, но пища и присмотръ доставляются Кр. Л. 376, Э. 455—457, К. 160; 2) не препятствовать отправленію домашнихъ молитвенныхъ обязанностей и присутствованію при богослуженіи въ церкви Кр. Л. 380, Э. 458; 3) состоящимъ въ постоянномъ служеніи отводить нужныя

жилица Кр. Э. 486; 4) по окончаніи службы выдать свидѣтельство, причѣмъ за ложное свидѣтельство о служеніи хозяинъ подвергается взысканію убытковъ за вредъ, причиненный третьему лицу, однако, не свыше 100 рублей Кр. Л. 390—393, Э. 478—481, К. 167—169.

Хозяинъ можетъ примѣнять мѣры домашней строгости (тѣлесное наказаніе нынѣ запрещено) Кр. Э. 460—464, К. 170, 171.

По смерти хозяина наслѣдники его могутъ продлить договоръ, заключенный умершимъ съ работникомъ, или же его уничтожить; въ послѣднемъ случаѣ они обязываются выдать работнику плату, слѣдующую по договору за весь текущій годъ (К.: за полгода), или, если время служенія назначено было помѣсячно, то за текущій мѣсяць Кр. Л. (безъ пищи) 394, Э. 474, К. 172.

§ 57. Договоръ найма слугъ. *Gesindevertrag*.

Характеризуется договоръ, какъ такой, въ силу коего общается а) служба болѣе продолжительное время (опредѣленное не днями), б) состоящая въ исполненіи обязанностей въ домашнихъ или хозяйственныхъ должностяхъ, в) подъ условіемъ полученія за то, сверхъ платы, квартиры и стола 4192. Къ слугамъ причисляются: 1) кучера, конюхи, повара, лакеи, егеря, садовники, 2) кухарки, камеръ-юнгферы, судодомойки, горничныя, няньки, экономки, 3) половые и маркеры въ гостиницахъ и кофейняхъ, 4) кормилицы, прислужники и прислужницы при упомѣщенныхъ и больныхъ 4192 прим.

Бунге, согласно прежнему взгляду на этотъ договоръ, излагаетъ ученіе о *Gesindevertrag* въ связи съ семейственными правами, хотя подводитъ его подъ понятіе договора обязательственнаго права. Особое положеніе слуги въ семьѣ ставитъ его какъ бы въ положеніе домочадца, члена семьи: слуга обязывается особенно послушанію 4200, подчиняться домашнему порядку 4201, сносить выговоры и жесткія выраженія 4203. Особенность договора состоитъ и въ томъ, что онъ нормируется не столько Сводомъ, сколько мѣстными положеніями и обычаями 4193.

Свободно наниматься въ услуженіе можетъ лишь самостоятельно распоряжающійся своею личностью; дѣти же

только съ согласія родителей, а жены — съ согласія мужей 4194. Перфекція договора — съ момента соглашенія о родѣ обязанностей, размѣрѣ платы и времени занятій, гдѣ въ обычаѣ давать задатокъ, тамъ съ момента дачи и принятія его 4195. Нельзя переманивать слугъ съ мѣста и нанимать ихъ до полученія ими свидѣтельства объ отпускѣ отъ прежняго хозяина 4199.

Обязанности слуги: а) явиться въ условленное время къ мѣсту служенія, подѣ страхомъ уплаты господину вознагражденія 4196, б) обнаруживать почтеніе, вѣрность, скромность и послушаніе къ господину и посвящать все свое время и всю дѣятельность на его пользу 4200, подчиняться домашнему порядку и безъ дозволенія не удаляться изъ дому 4201, сносить выговоры и жесткія выраженія 4203, в) исполнять кругъ услугъ, опредѣляемый надобностями господина, силами слуги и обычаями, исключая недозволенныхъ и опасныхъ для жизни и здоровья 4202, г) возмѣщать вредъ, причиненный намѣренно, по грубой неосмотрительности и по нарушенію приказаній господина 4204, д) не отчуждать господскихъ вещей безъ порученія и согласія господина (какое отчужденіе признается недѣйствительнымъ 4205).

Обязанности господина: а) явившагося своевременно слугу принять, иначе уплатить вознагражденіе 4197 въ видѣ платы за мѣсяць, а въ Кур. за два 4224; отказать въ принятіи можно только по основательнымъ причинамъ 4220, 4223; б) доставлять слугѣ годную и сытную пищу, здоровое помѣщеніе и ночлегъ и платить жалованье въ сроки 4206, 4207*); наемная плата можетъ состоять и въ пользованіи землей, но подобный договоръ не можетъ превращаться въ Frohnrecht (барщину); право слугъ на наемную плату пользуется привилегированнымъ положеніемъ при конкурсѣ надъ имуществомъ господина; невыданное домашнимъ служителямъ и рабочимъ, за послѣдній до открытія конкурса годъ, вознагражденіе причисляется къ долгамъ 1-го разряда и удовлетворяется изъ

*) 4207: если не было условія о жалованьи, то слуга долженъ довольствоваться тѣмъ, какое даетъ ему господинъ. 4207 ст. относится лишь къ вознагражденію слугъ, перечисленныхъ въ прим. къ 4192 ст., но не обыкновенныхъ рабочихъ (прим. къ 4173 ст.), которые подходятъ подѣ дѣйствіе 4175 ст. Рез. Сен. 1900 г. № 6805 по д. Неймана.

1-хъ поступившихъ въ распоряженіе конкурснаго управленія суммъ въ 3-ей очереди 3 п. ст. 36 прил. къ 1899 ст. Уст. Гражд. Судопр.; вычета изъ жалованья не производится, если слуга непродолжительно болѣеть 4209; в) по Лиф. зем. пр., вредъ, безвинно понесенный слугою при исполненіи обязанностей, вознаграждается господиномъ; г) за поврежденія и раны, нанесенныя слугою кому-либо, вознаграждаетъ господинъ, если самъ дастъ къ тому поводъ 4212; д) при отпускѣ господинъ обязанъ снабдить слугу согласнымъ съ истиной свидѣтельствомъ о прилежаніи и нравственности 4213*); безъ этого свидѣтельства нельзя слугѣ и наняться къ другому 4199. Общественныя подати за слугу господинъ не платитъ 4210; за долги его отвѣчаетъ лишь въ размѣрѣ недоплаченнаго жалованья; но за долги слуги по порученію господина, или позже одобренные имъ, или обращенные въ его пользу, господинъ отвѣчаетъ вполнѣ 4211.

Договоръ прекращается: 1) съ истеченіемъ срока, если одинъ изъ контрагентовъ заблаговременно объявитъ другому о своемъ нежеланіи состоять въ договорныхъ отношеніяхъ 4214; объявленіе это должно быть сдѣлано при наймѣ на годъ и болѣе — за два, а въ Кур. за три мѣсяца до срока, при наймѣ помѣсячномъ — за двѣ недѣли 4215; отсутствіе объявленія создаетъ презумцію о продолженіи договора на прежнихъ основаніяхъ, но только на срокъ не болѣе года 4216; объявившаго слугу о прекращеніи договора въ Лиф. и Эст. нельзя удерживать послѣ срока, но если господинъ обучилъ его ремеслу, искусству, бухгалтеріи и т. п., то, при безуспѣшности увѣщанія начальства не отходить отъ мѣста, слуга обязанъ возратить господину издержанное на его обученіе 4217; 2) смертью той или другой стороны, при чемъ забранное умершимъ слугою впередъ жалованье не возвращается его наслѣдниками 4218; 3) отказомъ отъ договора. Слуга можетъ отказаться а) и немедленно уйти съ мѣста (неотложно) при тяжкихъ истязаніяхъ, покушеніи на цѣломудріе, недоставленіи необходимыхъ жизненныхъ потребно-

*) Ст. 4213, помѣщенная въ главѣ 3 разд. XIII кн. IV, относящейся къ договору о наймѣ слугъ, относится только къ этому виду договоровъ и не можетъ быть примѣняема къ договору личныхъ послугъ, о коемъ говорится во 2 главѣ того же раздѣла. Рез. Сен. 1899 г. № 2931 по д. Кальнина.

стей и перемѣнѣ господиномъ мѣстожительства и б) уйти по предварительномъ объявленіи въ надлежащій срокъ: при неточности въ уплатѣ жалованья, при неожиданно наступившей безпомощности родителей и при намѣреніи слуги вступить въ бракъ 4219. Господинъ можетъ отступить отъ договора при намѣренныхъ упущеніяхъ слуги, постоянномъ его непослушаніи, грубыхъ оскорбленіяхъ, безнравственномъ поведеніи (заберемененіи незамужнихъ), недобросовѣстности, проступкахъ и преступленіяхъ, заключеніи долговъ на имя господина, неоднократномъ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ, неспособности къ исполненію обязанностей и при долговременныхъ или прилипчивыхъ болѣзняхъ слуги 4220*), а также при измѣнившихся домашнихъ обстоятельствахъ господина 4222. Въ послѣднемъ случаѣ слугѣ уплачивается жалованье за весь срокъ, постановленный для объявленія о прекращеніи договора 4215, но безъ кормовыхъ денегъ, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ 4219 и 4220 — лишь по день прекращенія обязанностей, безъ истребованія обратно полученнаго впередъ 4221, въ случаѣ отпуска слуги безъ законной причины — ему полагается выдать жалованье впередъ за мѣсяць, а въ Кур. за два мѣсяца 4224. При уходѣ слуги безъ законной причины господину предоставляется или принудить его къ продолженію служенія или взыскать съ него мѣсячное жалованье, а въ городахъ Эст. — половину его 4225.

§ 58. Договоръ перевозки кладей.

Это — видъ договора подряда 4255. Его особенности:
а) кромѣ двухъ контрагентовъ — отправителя и перевоз-

*) Одно оставшееся недоказаннымъ обвиненіе слуги въ преступленіи (приговоръ мирового судьи, коимъ слуга былъ признанъ виновнымъ въ кражѣ муки, былъ отмѣненъ высшей инстанціей) не причислено закономъ (4220 ст., а равно Кр. Э. 471) къ числу причинъ, дающихъ господину право до срока отступить отъ договора найма. Рез. Сен. 1898 г. № 8697 по д. Элькена.

Ст. 4220 и 4224 относятся лишь къ договору найма слугъ, къ каковымъ въ силу прим. къ 4192 ст. не могутъ быть отнесены домашніе учителя, выдѣленные изъ категоріи обыкновенныхъ рабочихъ въ особую группу представителей знанія дѣла, искусства или научнаго образованія. См. 4173 ст. и 1 прим. Рез. Сен. 1891 г. № 2912 по д. Креймса.

чика, — къ договору примыкаетъ третье лицо — получатель, или адресатъ 4254, 4256; б) заключается онъ въ формѣ выдачи особаго документа — накладной 4256*); в) возможно участие въ исполненіи договора многихъ возчиковъ въ томъ смыслѣ, что начинается исполненіе договора вступившій въ него перевозчикъ, продолжаетъ другой, а оканчиваетъ третій, четвертый и т. д., которые въ заключеніи договора съ отправителемъ не принимали никакого участія, а приняли его отъ перваго извозчика 4261. Здѣсь отправитель, вступая въ договоръ перевозки съ первымъ фрахтовщикомъ, даетъ ему порученіе (мандатъ) заключить договоръ перевозки съ послѣдующими возчиками. Въ данномъ случаѣ первый перевозчикъ выступаетъ въ роли и возчика и дѣйствующаго по порученію хозяина кладѣ. Каждый послѣдующій перевозчикъ, принявъ на себя перевозку, вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ и дошедшее до него порученіе вступить въ договоръ перевозки съ послѣдующими возчиками. (Случай частый, когда кладъ перевозится на значительное разстояніе и когда вслѣдствіе этого одинъ перевозчикъ не въ состояніи выполнить договоръ во всей его полнотѣ своими средствами передвиженія). Вслѣдствіе этого возникаетъ солидарная отвѣтственность всѣхъ возчиковъ другъ за друга и взаимная ихъ другъ къ другу управомоченность по поводу требованій изъ перевозки 4261.

Суть договора перевозки состоитъ въ томъ, что одинъ контрагентъ беретъ перемѣстить своими средствами вещи другаго контрагента за извѣстную плату и вручить ихъ получателю. Перевозка совершается не на однихъ только возахъ или саняхъ 4254, но и на лодкахъ, баркахъ,

*) Для договора подряда (4226 и слѣд. ст.) законъ не требуетъ особой формы (2993 и 2994) и посему таковой можетъ быть заключенъ и словесно. Гр. Кас. Деп. 1897 г. № 85 по д. Фреймана.

Предъявленіе накладной не можетъ само по себѣ служить доказательствомъ значенія предъявителя, какъ грузохозяина, ибо не накладная, а дубликатъ ея служитъ по закону доказательствомъ какъ личности грузохозяина, такъ и обязательствъ передъ нимъ желѣзной дороги. СПб. Суд. Пал. 1900 г. № 243 по д. Левина. См. выше 3 сноску на 181 стр.

пароходахъ и т. п. 1 примѣч. 4254, а также въ вагонахъ и т. д. 2 прим. 4254.

Взаимныя обязанности сторонъ главнымъ образомъ опредѣляются содержаніемъ накладной, вручаемой извозчику. Въ ней обозначается все существенное: имена отправителя, перевозчика и получателя, родъ, количество и свойство клади, пункты, между коими должна быть передвинута кладь, размѣръ фрахтовой платы и время составленія накладной 4256.

Перевозчикъ обязанъ: а) передвинуть кладь въ мѣсто назначенія 4254; б) заботиться о сохранности клади: онъ отвѣчаетъ за поврежденіе ея съ момента принятія въ свое распоряженіе до сдачи, хотя бы поврежденіе произошло по винѣ его людей 4260; лишь вредъ отъ *vis major*, отъ свойствъ клади и неудовлетворительности ея упаковки внѣ его отвѣтственности 4258; в) сдать кладь адресату 4262 и по возможности немедленно; иначе онъ будетъ отвѣчать и за вредъ отъ промедленія въ сдачѣ 4259; г) если сдать кладь адресату нельзя, то озаботиться о надежномъ помѣщеніи ея за счетъ адресата 4263.

Его права: а) получить вознагражденіе за перевозку 4262; б) получить возмѣщеніе издержекъ по перевозкѣ; даже если бы перевозка не состоялась безъ вины извозчика, онъ имѣетъ право на полученіе издержекъ, сдѣланныхъ на приготовленіе къ дорогѣ, за потерю времени и проч. 4257, ср. сноску на 184 стр.; в) впредь до удовлетворенія задерживать кладь 4264 (по 4 п. ст. 22 прил. къ 1899 Уст. Гр. Суд. ему принадлежитъ, на основаніи торговыхъ обычаевъ, залоговое право, пользующееся отдѣльнымъ отъ конкурснаго производства удовлетвореніемъ, см. выше стр. 168). Для осуществленія своего права на извозную плату и на покрытіе всѣхъ расходовъ по перевозкѣ извозчикъ можетъ просить судъ о публичной продажѣ клади или части ея 4263.

Но разъ кладь вышла изъ его рукъ, разъ извозчикъ сдать кладь адресату, не получивъ отъ него всего причитающагося 4262, онъ не можетъ предъявлять къ отправителю какихъ-либо требованій, ему остается лишь личное требованіе къ адресату 4264.

Со сдачей клади прекращается и отвѣтственность перевозчика предъ отправителемъ, за исключеніемъ того случая,

когда послѣдній сумѣеть доказать, что кладъ сданъ въ не-исправномъ видѣ 4265 *).

*) Съ выдачею груза на станціи назначенія договоръ перевозки оканчивается, а съ тѣмъ вмѣстѣ оканчиваются и договорныя отношенія сторонъ, т. е. грузохозяина и перевозчика груза, подтвержденіемъ чего служитъ отобраніе отъ перваго вторымъ дубликата накладной. По постановленію общаго закона, съ пріемомъ клади и по уплатѣ за ея перевозку всякія требованія къ перевозчику прекращаются (4265 ст.), а потому, если законъ спеціальній (Общ. Уст. Рос. жел. дорогъ) и не имѣеть такого категорическаго постановленія, то во всякомъ случаѣ отвѣтственность перевозчика не можетъ быть расширяема до такой степени, чтобы онъ былъ отвѣтственъ передъ лицомъ постороннимъ, а такимъ слѣдуетъ признать всякаго, не доказавшаго, что онъ и есть хозяинъ груза, или что права свои онъ получилъ отъ грузохозяина. О накладной см. выше 1 сноску на 228 стр.

Всѣ извлеченія изъ рѣшеній СПб. Суд. Палаты сдѣланы по книгѣ В. Буковскаго, Гражданскіе законы губ. Приб. и практика по нимъ Прав. Сената и СПб. Суд. Палаты. Митава. 1903 г.

Оглавление.

	Стр.
Предисловіе	3
Общая часть 7—76	
§ 1. Вѣроисповѣданіе	7
Отступничество. Перемѣна вѣры 7. Евреи. Иностранцы 8.	
§ 2. Состояніе (сословіе)	9
§ 3. Дворянство	9
Привилегіи 9. Родовые фидейкомиссы 10. Усыновленіе 10. Наслѣдованіе. Privilegium odiosum 11.	
§ 4. Духовенство	11
Брачное имущественное и наслѣдственное право 12. Опекунство 13.	
§ 5. Горожане	13
Сосѣдское право. Завѣщаніе. Опекунство 13. Утренній даръ. Имущественныя отношенія супруговъ 14.	
§ 6. Купцы	14
Начисленіе процентовъ 14. Купеческія рекомендаціи и поручительство. Приказчики. Залоговое право коммиссіонеровъ, экспедиторовъ, перевозчиковъ, спасателей. Долги торгующей жены 15.	
§ 7. Ремесленники	15
Ограниченіе виндикаціи 15. Евреи ремесленники 16.	
§ 8. Крестьяне	16
Законы для крестьянъ 16. вспомогательное право. Суды. Коммиссары 17. Всесословная волость 18. Обязанности волостнаго управленія. Опекунство и наслѣдованіе. Повинностная, крестьянская арендная земля 19. Мызная, квотная, шестидольная земля 20. Пользованіе повинностной землей 21. Наименьшій 22 и наибольшій размѣръ ея. Покупка ея 23. Желѣзный инвентарь. Права владѣльца — вотчинныя, рыбной ловли 24, охоты, сервитутныя. Совеомездное отчужденіе. Покупка мызной земли. Аренда. Договоры и сдѣлки 25.	

	Стр.
§ 9. Военные	26
Завѣщанія. Beneficium competentiae.	
§ 10. Чиновники	26
Beneficium competentiae. Пенсіи 26.	
§ 11. Литераты	26
Литераты 26. Льготы 27.	
§ 12. Вещи движимыя и недвижимыя. Значеніе этого раздѣленія въ мѣстномъ правѣ	27
Значеніе дѣленія. Тѣлесныя вещи, имущество, права 27. Искъ о собственности. Правомочіе опекуна къ отчужденію. Способъ приобрѣтенія собственности, передача вещи 28. Установленіе ручнаго заклада, Kasten- pfand. Наслѣдованіе по завѣщанію. Наслѣдственное имѣніе 29. Долговыя требованія 30. Все имущество, uni- versitas juris. Права личныя, поземельныя права и по- винности, право выкупа. Строенія 31. Корабли 32. Fahrende Habe, Heergewette, liegende Güter 33. Недви- жимое имущество, Landgüter 34.	
§ 13. Земскія имѣнія и дворянскія вотчины	34
Земскія имѣнія 34. Наслѣдованіе въ нихъ. Дворян- скія вотчины, ихъ предположенія. Господскія и крестъ- янскія земли 35. Крестьянская земля, собственность на нее, лѣсъ на ней, послѣдствіе покупки ея 36. Гакъ, лофъ, талеръ, тонштель, градусъ, пура 37. Наименьшій раз- мѣръ господской земли. Лофштель, вакенбухъ 38. Обра- зованіе новой дворянской вотчины. Пастораты и видмы 39. Казенныя земли 40.	
§ 14. Имущество наследственное и благоприобрѣтенное по земскому и городскому праву въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ	40
Наслѣдственное имѣніе по Лифл. зем. праву и гор. Нарвы 40. Лифл. город. пр. 41. Ограниченіе собствен- ника въ свободѣ распоряженія 43. Послѣдствія наруше- нія запрещеній. Наслѣдственное имущество по Эстлянд. зем. праву 44, по Эстл. город. праву 45. Ограниченіе въ распоряженіи 46. Благоприобрѣтенное имущество 47. Отсутствіе различія въ Курлянд. правѣ, непремѣнные на- слѣдники, обязательная доля. Положенія о крестьянахъ 48.	
§ 15. Родовыя имѣнія въ Курляндской губерніи	48
§ 16. Исчисленіе сроковъ по мѣстному праву	48
Единицы времени, календарное и подвижное время 48. Високосный годъ 49. Исчисленіе давностнаго срока и сроковъ вообще 49. Восемь дней, срочный годъ 50.	
Незапамятное время, незапамятная давность, незапамят- ное владѣніе	50

	Стр.
§ 17. Право задержанія за потравы	51
<p>Самозащита 51. Право удержанія и задержанія въ закладъ. Предметъ, вредъ, мѣсто, время 52, управомоченные, цѣль задержанія. Обязанности задержавшаго. Послѣдствія задержанія 53. Крестьянскія положенія 54. Такса вознагражденія 56. Такса выкупныхъ денегъ. Подсудность исковъ 57.</p>	
§ 18. Исковая давность, bona fides и срокъ въ мѣстномъ правѣ	58
<p>Погасительная и приобрѣтательная давность 58 личныхъ и вещныхъ исковъ 59. Иски, не подлежащіе давности 60. Предположенія давности: 1) Actio nata. 2) Истечение срока 62. Общій срокъ 10 лѣтъ и 5 лѣтъ 63. Сто лѣтъ. Срочный годъ 64. Годичный 67. Двухлѣтній 68. Трехлѣтній, пятилѣтній. 3, 6, 7, 8, 14-дневный 69, 15-дневный, 3-недѣльный, 30-дневный, 6-недѣльный, 60-дневный 70, 2-мѣсячный и 4-мѣсячный 71, шестимѣсячный. 3) Безпрерывность 72. Перерывъ давности 73. 4) Добрая вѣра 75. Дѣйствіе давности 76.</p>	
Вещное право 77—171	
§ 19. Значеніе публичныхъ книгъ въ мѣстномъ правѣ	77
<p>Цѣль публичныхъ книгъ 77. Прежнія ипотечныя установленія. Реформа 9 іюля 1889 г. 78. Крѣпостная книга для укрѣпленія подлинныхъ актовъ. Алфавиты 79. Крѣпостной реестръ, отдѣлъ, номеръ 80. Статьи и отмѣтки. Укрѣпляемые права и обезпеченія 81. Заглавіе, части, графы 82. Раздѣленіе на части 83. Записи, увеличивающія и уменьшающія права владѣльца 84. Корроборация вещныхъ правъ, новация 85. Старшинство ипотекъ. Послѣдствія внесенія въ книги 86.</p>	
§ 20. Владѣніе въ Сводѣ узаконеній Прибалтійскихъ губерній	86
<p>Владѣніе и держаніе 86. Предметъ владѣнія 87. Приобрѣтеніе владѣнія: дѣйствіе и намѣреніе 88. Продолженіе владѣнія и прекращеніе его 89.</p>	
§ 21. Защита владѣнія	89
<p>Самооборона. Поссessorный искъ: а) для удержанія владѣнія 89, б) для полученія его обратно, actio spoliі 90. Отводъ. Недобросовѣстность 91.</p>	
§ 22. Собственность. Правомочія, принадлежащія собственнику дворянской вотчины	91
<p>Опредѣленіе права собственности 91. Права собственника 92. Право рыбной ловли и охоты 93. Bannrechte: винокуреніе, пивовареніе, продажа вина, пива, съѣстныхъ</p>	

- припасовъ, корчмы 94, мѣстечки, рынки, ярмарки, именованіе владѣльцемъ, рыбная ловля, охота 95, фабрики, преимущественная покупка, право выкупа 96. Права обществъ и заведеній, пасторатовъ и видмъ, мѣщанскихъ леновъ. Участіе на ландтагѣ 97. Патронатъ. Майораты и фидеикомиссы 98.
- § 23. *Dominium utile* и *dominium directum* по мѣстному праву 99
 Сюзерень и вассаль 98. Пользованіе на правахъ собственности въ силу закона: а) пастораты и б) видмы 99; по договору: оброкъ, заставное владѣніе 100, наслѣдственная аренда 101.
- § 24. Ограниченіе права пользованія водами 101
 Публичныя и частныя воды 101. Общественныя, судходныя и малыя рѣки 102. Ограниченія въ интересахъ судоходства и сплава 104. Бечевникъ и тропа 105. Устройство мельницъ. Рыбная ловля 106. Мочка льна 107. Ловля жемчуга 108.
- § 25. Ограниченіе права пользованія лѣсами 108
- § 26. Ограниченіе права охоты 109
- § 27. Ограниченія права распоряжаться наслѣдственнымъ имуществомъ въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ, родовымъ имѣніемъ въ Курляндской губерніи 110
- § 28. Ограниченія въ распоряженіи фидеикомиссомъ (родовымъ въ дворянскихъ имѣніяхъ) 112
- § 29. Передача недвижимостей и внесеніе отчужденія въ публичныя книги по мѣстному праву 112
 Собственникъ недвижимости 113. Приобрѣтеніе собственности въ силу естественныхъ событій и въ силу закона 114. Корроборация приобрѣтенія 115. Права приобрѣтателя до корроборации 116. Порядокъ корроборации 117. Значеніе ея 118.
- § 30. Срокъ приобрѣтательной давности по мѣстному праву; значеніе давности для приобрѣтенія недвижимостей 118
 Определеніе давности 118. Условія приобрѣтательной давности: 1) годная вещь, 2) законное основаніе, 3) добросовѣстность, 4) непрерывное владѣніе, 5) истеченіе времени 119, для движимостей срочный годъ и 3 года, для недвижимостей 10 и 6 лѣтъ. Ограниченіе давности въ силу правила *Hand muss Hand wahren*. Послѣдствіе давности 120. Невнесеніе въ крѣпостную книгу 121.

	Стр.
§ 31. Ограниченія, которымъ подлежитъ виндикація движимости по мѣстному праву	121
Hand muss Hand wahren 121. Исключенія изъ правила въ Эстл. и Лиф. городахъ 122.	
§ 32. Возникновеніе и прекращеніе сервитутовъ по мѣстному праву	122
Установленіе ихъ 122. Давность. Укрѣпленіе письменнаго акта 123. Управомоченныя лица къ установленію сервитутовъ 124. Прекращеніе ихъ. Давность 125. Особые способы прекращенія личныхъ сервитутовъ 126.	
§ 33. Оброчное содержаніе по мѣстному праву	126
Чиншъ 126. Его развитіе и характеръ 127. Права и обязанности чиншмана 128. Прекращеніе чинша 129.	
§ 34. Наслѣдственная аренда	129
Отличіе отъ обыкновенной аренды и чинша 129. Сущность ея. Права наследственнаго арендатора. Обязанности его. Права собственника 130. Прекращеніе аренды. Положенія о крестьянахъ о наследственной арендѣ 131.	
§ 35. Заставное владѣніе	132
Исторія заставнаго владѣнія 133.	
§ 36. Старыя заставныя владѣнія	133
Юридическое положеніе собственника 133. Права и обязанности заставодержателя. Прекращеніе стараго заставнаго владѣнія 134.	
§ 37. Заставное владѣніе по новѣйшему праву	135
Цѣль закона 1841 года. Ratum antichreticum. Самостоятельный характеръ заставнаго владѣнія 1841 года 135. Установленіе новаго заставнаго владѣнія. Правоспособныя лица, предметъ, срокъ 136. Переходъ по наследству и цессіи. Права и обязанности заставодержателя. Права заставодателя. Прекращеніе заставнаго владѣнія 137.	
§ 38. Особые виды вещныхъ правъ въ мѣстныхъ законахъ. Поземельныя повинности (Reallasten), характеръ этихъ повинностей; возникновеніе и прекращеніе	138
Покупка ренты. Опредѣленіе повинности 138. Личныя и вещныя повинности. Отличіе отъ сервитутовъ 139. Безсрочность повинности. Предметъ ея 140. Обязанный субъектъ. Недѣлимость повинности 141. Управомоченное лицо 142. Realrecht 143. Уступка повинности. Владѣніе ею. Возникновеніе 144. Прекращеніе 145. Давность 146.	

	Стр.
§ 39. Право выкупа. Näherrecht. Его установление	146
Vorkaufsrecht, Retracts- oder Weispruchsrecht 147. Установление права выкупа. Предметъ. Поводъ къ осуществленію 148. Процедура 149. Обязанности выкупающаго, приобретателя и отчуждившаго. Прекращеніе права выкупа 150. Заявленіе о правѣ 151.	
§ 40. Виды права выкупа	152
Право выкупа: 1) собственника дворянской вотчины, 2) соучастниковъ въ общей собственности 152, 3) собственника чинша, 4) сосѣда, 5) членовъ родонаслѣдственнаго союза, 6) кровныхъ родственниковъ, 7) собственника проданной съ публичныхъ торговъ недвижимости 153. Цѣль и предметъ наследственнаго и родственнаго выкупа (6 и 7) 154. Поводъ. Выкупающіе 155. Коллизія между управомоченными 156.	
§ 41. Исторія залоговаго права въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской	157
Генеральныя ипотеки 157. Безмолвныя или законныя ипотеки 158. Ипотеки на движимость 159. Ингрессація 160.	
§ 42. Измѣненія, введенныя положеніемъ о преобразованіи судебной части въ 1889 году	161
Отмѣна безмолвныхъ и генеральныхъ ипотекъ 161. Обязательность ингрессаціи. Принципъ спеціальности ипотекъ. Субсидіарный характеръ 162. Предметъ ипотеки. Права залогодателя 163. Права залогодержателя 164.	
§ 43. Внесеніе ипотеки въ публичныя книги	164
Поводъ внесенія 164. Ингрессація 165. Прекращеніе ипотеки 166. Погашеніе 167.	
§ 44. Ручной закладъ	168
Предметъ — движимость. Право удержанія на внесенное и внесенное арендаторомъ. Залоговое право по торговымъ обычаямъ 168. Закладъ чужихъ вещей. Права залогодержателя 169. Обязанности его. Давность. Переработка вещи 170. Прекращеніе ручнаго заклада 171.	
Обязательственное право	
171—230	
§ 45. Взиманіе процентовъ по мѣстному праву	171
Опредѣленіе роста 171. Обязанность платить проценты 172. Законный ростъ 173. Анатоцизмъ. Ростовщическіе проценты 174. Прекращеніе обязанности платить проценты 175. Уменьшеніе процентовъ 176.	
§ 46. Формы договоровъ по мѣстному праву	176
Свобода формы. Требованія закона 176. Договоры,	

- заключаемыя нотаріальнымъ порядкомъ, крѣпостнымъ порядкомъ 177.
- § 47. Задатокъ въ мѣстномъ правѣ 179
- § 48. Форма цессіи по мѣстному праву 180
 Добровольная и вынужденная цессія 180. Предметъ ея. Форма. Надпись полная и бланковая 181. Передача бумагъ на предъявителя. Отвѣтственность передатчика. Lex Anastasiana въ Курляндской губ. Права должника 182.
- § 49. Отдѣльные обязательства по мѣстному праву . . 183
 Всѣ договоры консенсуальны 183. Система ихъ. Непротивозаконные договоры 184.
- § 50. Дареніе между супругами по Лифляндскому и Эстляндскому праву 185
 Ограниченіе даренія вообще. *Insinuatio* даренія 185. Ограниченіе дареній между супругами въ Курляндской губ. Даренія въ Лифл. и Эстлянд. губ. 186.
- § 51. Продажа съ публичныхъ торговъ 186
 Виды ея. Отличіе отъ обыкновенной продажи 186. Аукціонистъ и маклеръ. Добровольная и принудительная, домашняя и судебная продажа 187. Вещи, изъятыя отъ этой продажи. Покупатели и продавцы. Продажа недвижимаго имущества. Публикація о продажѣ 187. Перфектность продажи. Обязанности и права покупателя 189. Право выкупа по Лифлянд. город. праву 190.
- § 52. Поставка 191
 Отличіе отъ купли-продажи. Предметъ. Сближеніе съ подрядомъ. Форма заключенія.
- § 53. Договоръ о пожизненной рентѣ 191
 Причины, его вызвавшія 191. Покупка ренты. Словесное соглашеніе. Въ пользу третьяго лица. Видъ тонтинны. Прекращеніе договора 192. Право продавца ренты. Право на ренту — личное требованіе 193.
- § 54. Наемъ и аренда по мѣстному праву 193
Locatio-conductio rei, operatum, operis. Отличіе аренды отъ найма. Римское, западно-европейское 193 и Прибалтійское право. *Kauf bricht Miethе*. Исключенія изъ этого правила 194. Внесеніе въ крѣпостныя книги 195. Отдача крестьянской земли въ аренду 196. Виды крестьянской аренды. Сбавка арендной платы 199. При арендѣ вотчины и ея принадлежности въ арендѣ. Общія обязанности. Обязанности отдавашаго въ аренду 200. Обязанности арендатора 202. Обязанности арендатора вотчины. Субаренда 204. Прекращеніе договора 206. Законныя причины односторонняго отказа 207. Истече-

	ніе срока договора. Безмолвное продолженіе 209. Предварительное объявленіе о прекращеніи договора. Сроки для взноса наемной платы. Право арендатора на покупку участка 210.	
Аренда скота		211
§ 55. Договоръ личныхъ послугъ		212
	Оказаніе послугъ и плата. Лица, несущія послуги 212. Личный характеръ послугъ. Обязанности несущаго послугу и имѣющаго право на нее 213. Прекращеніе договора 214.	
§ 56. Служебный уставъ		215
§ 57. Договоръ найма слугъ		224
	Характеристика договора. Слуги. Семейный характеръ. Обычай. Кто можетъ наниматься 224. Перфекція договора. Обязанности слуги. Обязанности господина 225. Прекращеніе договора 226.	
§ 58. Договоръ перевозки кладей		227
	Подрядъ. Особенности договора 227. Отправитель. Перевозчикъ. Получатель. Накладная. Соучастіе перевозчиковъ. Суть договора 228. Обязанности перевозчика. Права его. Прекращеніе отношенія 229.	

Замѣченныя опечатки.

Слѣдуетъ читать:

3	страница	7	строка	сверху	брошюры
8	"	7	"	"	имущества
8	"	10	"	"	при
10	"	1	"	"	фидейкомиссы
14	"	3	"	снизу	1894 г.
14	"	10	"	"	1900 г.
22	"	4	"	св.	такого
26	"	13	"	сн.	группу
33	"	14	"	св.	синонимы
36	"	9	"	сн.	коммиссаръ
40	"	1	"	св.	и
43	"	12	"	"	можетъ
45	"	1	"	"	стать
54	"	11	"	сн.	озаглавленномъ
58	"	18	"	св.	другаго
95	"	3	"	"	зак.
97	"	6	"	"	правами
113	"	16	"	сн.	пользуются
123	"	6	"	"	и
123	"	9	"	"	существуетъ
124	"	22	"	"	1264
125	"	6	"	"	№ 34
126	"	10	"	св.	предполагаетъ
132	"	1	"	сн.	залогаго
133	"	2	"	св.	залога
143	"	16	"	сн.	повинности
153	"	13	"	"	Einlösung
180	"	17	"	св.	отступнаго
183	"	17	"	сн.	предоставленнаго
197	"	25	"	св.	договорившимися
202	"	7	"	сн.	цѣлаго
207	"	13	"	"	СПБ.

Сокращеніе „д. б.“ слѣдуетъ читать: на 11 стр. 4 св., на 30 стр. 13 св. „должны быть“, на 17 стр. 7 и 11 сн. „должно быть“, на 28 стр. 12 сн. „должна быть“, на 38 стр. 20 сн. „долженъ быть“.

Сокращеніе „м. б.“ слѣдуетъ читать: „могутъ быть“ на 11 стр. 10 св., 12 стр. 8 и 10 св., 13 стр. 2 сн., 30 стр. 10 св., 39 стр. 7 и 8 св. и 9 сн. (дважды), 48 стр. 13 сн.; „можетъ быть“ на 12 стр. 20 св. и 3 сн., 20 стр. 16 св., 29 стр. 4 и 13 св., 37 стр. 4 св., 39 стр. 15 и 22 св., 41 стр. 3 св. (дважды).

„Т. о.“ = такимъ образомъ на 44 стр. 17 сн.

Слѣдуетъ поставить точку послѣ словъ:

4 стр. 14 сн. Кассо.	32 стр. 6 сн. Ук.
7 " 11 " 8.	43 " 2 " СІВ.
8 " 2 " исповѣданія.	46 " 1 " д
8 " 5 св. Прибалт.	55 " 17 св. 1067.
8 " 22 сн. узак.	170 " 1 сн. д.
8 " 19 " д.	181 " 17 " д.
9 " 3 " ср.	189 " 16 " 3348.
10 " 24 сн. стр.	202 " 12 " напр.

Слѣдуетъ поставить запятую послѣ словъ:

18 стр. 14 сн. однако,	87 стр. 14 св. лицо,
52 " 20 " , наконецъ,	162 " 12 сн. Обществу.
60 " 17 " итакъ,	194 " 23 " и,
76 " 8 " однако,	198 " 11 св. и,
79 " 6 " впрочемъ,	201 " 14 сн. 116,

Слѣдуетъ поставить точку вмѣсто запятой:

23 стр. 4 св. г.	• 201 стр. 1 сн. д.
131 " 18 " ст.	

Слѣдуетъ вмѣсто точки поставить запятую:

142 стр. 5 сн. (преобразованы),	167 стр. 19 сн. опредѣляетъ,
158 " 13 " пользоваться,	

Слѣдуетъ удалить излишнюю точку послѣ цифръ:

19 стр. 1 сн. 10	191 стр. 13 сн. X
79 " 15 св. 1890	

Слѣдуетъ удалить лишнія запятія послѣ словъ:

25 стр. 21 св. экспроприации	91 стр. 17 сн. запяткахъ
91 " 16 сн. собственникъ	

Закрытую скобку слѣдуетъ поставить:

20 стр. 5 св. 94)	46 стр. 17 св. 2530)
28 " 10 сн. *)	53 " 20 " а)

AUS · DER · GESCHICHTE
DER · UNIVERSITÄTS-
KIRCHE · ZU · DORPAT.

VON · MAG · THEOL · J · FREY ·

ZUR · ERINNERUNG · AN
DIE · FEIER · DES · 50-
JÄHRIGEN · GEDENK-
TAGES · DER · EIN-
WEIHUNG · DER
KIRCHE · AM
31 · JANUAR ·

1860—1910

DIE VORGESCHICHTE.

Ein halbes Jahrhundert hat sich vollendet, seit die evangelisch-lutherische Universitätskirche zu Dorpat am 31. Januar 1860 eingeweiht worden ist. Dreieinhalb Jahre früher, am 26. August 1856, hatte die Grundsteinlegung stattgefunden. Die Anfänge dieses Werkes liegen aber noch viel weiter, mehr als ein halbes Jahrhundert zurück, sie reichen in die ersten Jahre der unter Alexander I. neubegründeten Universität Dorpat zurück.

Als das Konseil im ersten Jahre seines Bestandes die Errichtung der für die Universität notwendigen Bauten beriet, wurde gleich anfangs in Aussicht genommen, für die Bibliothek die Domruine oder doch einen Teil von ihr auszubauen. Der Professor der Technologie, Ökonomie und bürgerlichen Baukunst J. W. Krause legte bereits im April 1803 unter anderen auch für diesen Bau detailliert ausgearbeitete Pläne dem Konseil vor. Er war aber weit über den Rahmen der ihm gestellten Aufgabe hinausgegangen. Nicht nur für den Ausbau des Chorraumes der alten Kirche, wie geplant war, konnte er Pläne und Risse vorlegen, sondern zugleich auch für den Ausbau der ganzen Ruine. Sollte der ehemalige Chorraum zu einer Bibliothek ausgebaut werden, so wollte er den übrigen Teil des Domes wieder seinen ursprünglichen Zwecken dienstbar machen und zu einer Universitätskirche ausbauen. Sogar das mächtige Turmpaar im Westen wollte er wieder zum Himmel emporwachsen lassen.

Damals, wo es doch vor allem die vielen notwendigeren Bauten, deren die Universität bedurfte, zur Ausführung zu bringen galt, war es noch nicht an der Zeit, auch schon den Bau einer Universitätskirche in Angriff zu nehmen. Aber für immer begraben war damit Krauses Plan nicht.

Der Anstoß, der Frage nach Errichtung einer evangelisch-lutherischen Kirche bei der Universität Dorpat näherzutreten, Be-

schlüsse zu fassen und Pläne zu entwerfen, ging von der Regierung aus. In der Konseilsitzung am 13. März 1820 gelangte ein Schreiben des Kurators (datiert vom 10. März 1820) zur Verlesung des Inhalts, daß der Reichsrat bei Prüfung der Zusätze zu den Statuten der Universität in besondere Erwägung gezogen habe, „daß die Dorpatische Universität nicht wie die übrigen russischen und auch die ausländischen Universitäten eine eigene Kirche hat, und für nöthig befunden, daß eine solche für die Evangelische Confession bey derselben errichtet werde, mit dem Aufgeben, daß das Conseil für die Anfertigung der Pläne und Bauanschläge sowol für den Ausbau der Ruine der alten Domkirche, als den Bau einer neuen Kirche Sorge.“

Diese Urkunde bedeutet die Grundlegung des Werkes, das 40 Jahre später zur Vollendung kommen sollte.

Seitens des Konseils wurden sofort die nötigen Maßnahmen eingeleitet und zunächst, gemäß dem kuratorischen Schreiben, dem Professor Krause aufgetragen, Pläne und Kostenanschläge für den projektierten Bau anzufertigen und vorzustellen. Bereits im Herbst des Jahres 1820 lagen die ausführlichen Berechnungen und Projekte nebst den Plänen dem Konseil vor.

Da für einen Neubau ein wirklich geeigneter, allen Anforderungen entsprechender Bauplatz nicht zu finden war, trat von vornherein das Projekt des Ausbaues des noch zur Verfügung stehenden Teiles der Domruine in den Vordergrund. Mit Feuereifer verfocht Krause diesen Plan, und er fand auch die volle Billigung des Konseils, nur 4 Stimmen sprachen sich dagegen aus. Was man dagegen einwandte, waren vorzugsweise praktische Gründe, die Schwierigkeit der Wasserbeschaffung im Falle einer Feuersbrunst, die Unbequemlichkeit der Lage auf dem Domberge, besonders bei Regenwetter und Glatteis, und nicht zum mindesten die Furcht, daß die Kosten schließlich doch den ursprünglichen Anschlag bei weitem übersteigen würden. Besonders dem Einfluß des frühern Rektors G. F. Parrot gelang es, diesen Gegengründen ihr Gewicht zu nehmen und die Annahme des Projektes herbeizuführen.

Der Bauplan Krauses sah einen völligen Ausbau des noch gegenwärtig als Ruine dastehenden Teiles der alten, seit 1598 (oder 1595) in Trümmern liegenden Domkirche vor. Gemäß dem Charakter des ganzen Baues sollte auch dieser Teil der Ruine, wie es bei dem für die Bibliothek benutzten Chorbau geschehen, in streng gotischem Stile ausgebaut werden, nur gemäß seiner kirchlichen Be-

stimmung in reicherer und formvollendeterer Gestaltung als beim Bibliotheksbau. Von einem Ausbau der ursprünglichen großen Westtürme sah der eigentliche Bauplan zunächst ab; statt dessen war ein hölzernes Türmlein als Dachreiter auf der Mitte des ganzen Baues geplant. In besonderen Ergänzungsplänen und Anschlägen trat Krause aber auch für den Wiederaufbau der beiden Westtürme oder, wenn das zu kostspielig und schwierig befunden würde, für die Errichtung eines Turmes über den Mittelraum der alten Türme ein, wie das schon in dem Projekt vom Jahre 1803 vorgesehen war.

Nach dem Plan Krauses sollte der Kirchenraum zu ebener Erde angelegt werden, „a) weil alte Universitäts- und Stadthonoratioren nicht leicht 40 Fuß hoch steigen werden wollen, ohne daß der Andachtsthermometer sinke, b) weil Junge dann bald genug alt und steif werden, c) weil die Erwärmungsanstalt hier sicherer und nachdrücklicher bewirkt werden kann als oben, da die Wärme der Oefen dem Fußboden wenig nahe kommt, der Kopf aber in dem Maaße warm wird, als das Interesse des Herzens bey schönem Gesange und kernhafter Predigt sich mehrt, d) weil 200 Menschen mehr Antheil an dieser Wohlthat nehmen können (in den Chören).“

Über der Kirche sollten Räume für Naturalien und Kunstsammlungen angelegt werden, damit „nicht altes Gerümpel und Ratten und Dohlen darüber hausen, sondern Kinder der Natur und Kunst, die doch auch Funken der himmlischen Abkunft sind und zum Herzen sprechen.“ Gleicherweise sollten auch in den nördlichen Seitenschiffen mit ihren Kapellen und in den Räumen der Turmbauten praktischen Zwecken dienende Gelasse, Beamtenwohnungen und drgl. angelegt werden. Begeisterung ergreift den Verfasser des Projekts beim Anblick des fertigen Planes: „Es rinnen mir die Freudenthränen, die Lahmheit der Hand beflügelt sich. Sey Lob und Ehr dem höchsten Gott mit Posaunen — Orgler, zieh vox humana — dann tremulante — was unser Gott geschaffen hat, das will er auch erhalten“

Auch für die innere Ausstattung der Kirche lagen von der Hand Krauses Zeichnungen vor. „Der Altar selbst — heißt es in der Beschreibung — ist 12 Fuß breit, 36 Fuß hoch. Zu beyden Seiten stehen postamente; sie könnten Statuen Religion — Hoffnung tragen, während der Redner Worte der Wahrheit und Liebe ausspricht. Zu beyden Seiten der Kanzel wie über dem Schalldeckel sind Räume zu Gemälden a) Christus unter den pharisaern —

b) Abnahme vom Kreuze — c) Himmelfahrt — das Ganze krönt das Kreuz, von Palmzweigen und Lorbeeren in einer Glorie, welche durch eine Oeffnung in der Mauer vermittelt goldfarbigem Glase vom großen Fenster des dahinter liegenden Saales strahlender gemacht werden kann. Der Grund werde dunkelfarbig gehalten — Vorhänge darauf gemalt — der einfassende Bogen sey mit jonischem Stäben relief verzieret. Das alles kann sehr gustos gemacht werden. Gute Holzarbeit, fein lackiert, abstuffend nuancirt. . . . Die Statuen Religion und Hoffnung bekommen reich verzierte Baldachine und flache Nischen.“

Auch für eine farbige Ausmalung des Inneren der Kirche trat Krause mit Entschiedenheit ein. Ohne diese würden die Räume „wie leere Scheunen“ aussehen. „In einer Kirche muß Zierlichkeit mit der Anordnung der Massen wetteifern, das Gemüth zu stimmen (die rigoristen mögen nun schmunzeln oder sauer sehen) um die Seele zur Andacht zu erheben — Orgel und Gesang sprechen das Innere an — der Redner vollendet — Himmelsleiter.“

Den Entwürfen und Erläuterungen Krauses ist auch ein detaillierter Kostenanschlag beigefügt, der mit großer Vorsicht und Sparsamkeit aufgestellt ist. Es ist in der Tat schwer denkbar, daß die in Anschlag gebrachte Summe bei der Ausführung nicht weit überschritten worden wäre. Krause schreibt selbst: „Geld, o du Seele der Welt! Das Nigrum des Bauanschlages zur Domskirche giebt 349,265 Rbl. (nach heutiger Währung = ca. 100,000 Rbl.) zum nothdürftigen Resultate, von dem die Handlanger eben nicht fett und übermüthig werden dürften. Brauchts auch nicht nach Timoth. I cap. 6, v. 6 und 8.“ Dennoch zweifelte er nicht daran, daß seine „Idee gebilligt“ werden würde.

In der Tat, die Ideen Krauses fanden volle Billigung bei der großen Mehrheit des Konseils. Man begeisterte sich an dem Gedanken des Wiederaufbaues des herrlichen alten Bischofsdomes „samt dem schönen 300 Fuß hohen steinernen Thurme, ein Werk wie kein Solches vielleicht seit 400 Jahren gebaut worden, . . . das der erste Versuch Russischer Baukunst in dem himmelanstrebenden abendländischen Styl des Mittelalters seyn wird.“

Die erhoffte Bestätigung der den oberen Regierungsinstanzen eingereichten Baupläne ließ auf sich warten. Jahre vergingen. Erst 1826 erfolgte eine Antwort. Seitens des Baukomitees beim Ministerium des Innern wurden in diesem Jahre zunächst nur ergänzende Angaben und Pläne eingefordert, vor allem aber Nach-

forschungen darüber angeordnet, ob in den Archiven des Landes Pläne, Beschreibungen oder Notizen über die Fassaden der alten Domkirche aus der Zeit vor dem Brande des Jahres 1598 aufzufinden wären. Die sofort angestellten Forschungen ergaben kein Resultat, es war nichts zu finden.

Wieder vergingen Jahre. Immer empfindlicher machte sich der Mangel einer eigenen Universitätskirche geltend, besonders seit der Errichtung des Predigerseminars an der theologischen Fakultät. Die Fakultät wandte sich daher im März 1829 mit einer erneuten Vorstellung an das Konseil. Da die Universität die einzige protestantische im russischen Reiche sei, so schein es, „weder ihrer eigenen Würde, noch der der protestantischen Kirche Rußlands angemessen zu seyn, daß sie, zwar trefflich ausgestattet mit allen Mitteln der wissenschaftlichen Cultur ihrer Zöglinge, nur für die sittliche und religiöse Cultur derselben keinen dem Bedürfnisse entsprechenden Mittelpunkt darbietet. Und doch gilt gewiß auch bei allen Lehrern dieser Hochschule der allgemein entschiedene Grundsatz, daß Fortschritte in der wissenschaftlichen Bildung bei Rückschritten in der moralischen mehr Rückschritte als Fortschritte sind. Wie kann aber die letztere gedeihen, ja wie muß sie nicht vielmehr zurück als vorwärts gehen, wenn ihr, bey so vielen die Jugend umgebenden Versuchungen zum Bösen, kein würdiges Mittel zu ihrer Pflege und Förderung geboten, indem das kräftigste aller Mittel, nemlich ein den so eigenthümlichen Bedürfnissen eines academischen Publicums angemessener Gottesdienst ihr vorenthalten wird.“ Dazu kämen die besonderen Bedürfnisse der Fakultät, die „noch durch die Eröffnung des von Sr. Kaiserl. Majestät allergnädigst gestifteten Krons-Seminars zur Bildung von Predigern für die evangelischen Colonien im Inneren des Reichs vermehrt werden. Weder für diese ihrer besonderen Fürsorge anvertrauten Zöglinge, noch für die Theologie-Studierenden überhaupt, von denen insbesondere die Candidaten gar nicht ohne eine gehaltene Predigt entlassen werden können, gibt es jetzt eine eigentliche Gelegenheit zur Uebung im Predigen“.

Die daraufhin erfolgten erneuten Unterlegungen des Konseils hatten zur Folge, daß von der Regierung ein Glied des Baukomites, der Titulärrat Visconti, nach Dorpat abdelegiert wurde, um sich durch eine Lokaluntersuchung von der Möglichkeit des Wiederaufbaues des Domes zu überzeugen. Das war alles. Dann kam die Sache wieder ins Stocken. Um vorwärts zu kommen und we-

nigstens zum Teil dem Notstande abzuhelpfen, richteten sich nunmehr die Bemühungen der theologischen Fakultät und des Konseils vor allem auf die Errichtung eines eigenen akademischen Gottesdienstes, sei es auch vorläufig bis zum Bau einer Kirche in einem Interimslokal. Am 30. Oktober 1833 ging die theologische Fakultät mit einer erneuten Vorstelllung an das Konseil (auf dieses Schriftstück wird weiter unten noch zurückzukommen sein). Ein Erfolg war aber auch diesen Bemühungen zunächst noch nicht beschieden.

In eine neue Phase trat die ganze Baufrage im Jahre 1836, als der Neubau von zwei Seitenflügeln des Hauptgebäudes der Universität, um Räume für Auditorien, Laboratorien und Verwaltungszwecke zu gewinnen, zu einer dringenderen Notwendigkeit wurde. Gleichzeitig wurde auch der Neubau einer Universitätskirche „auf dem Platze dem Hauptgebäude gegenüber“, d. h. auf dem Platze, auf dem die Kirche tatsächlich nachmals errichtet worden ist, in Aussicht genommen und der Professor der bürgerlichen Architektur M. G. Jacobi (Krause war 1828 gestorben) mit der Ausarbeitung der Pläne und Kostenanschläge beauftragt.

Der noch im selben Jahre 1836 von Jacobi vorgestellte Plan sah für die Kirche einen Zentralbau mit kreuzförmigem Grundriß vor. Jacobi beschreibt seinen Plan selbst wie folgt:

„Es sind wohl wenig Universitätsstädte so glücklich, daß sich ihnen, wie es hier geschieht, eine Räumlichkeit darbietet, welche den religiösen und wissenschaftlichen Elementen auch ein äußerliches Nebeneinander gestattet. Eine solche Vereinigung hat etwas durchaus Erhebendes, dessen nachhaltige Wirkung nicht ausbleiben kann. Es tritt hier zugleich der glückliche Umstand ein, daß die Kreuzform mit ihrer tiefen Bedeutung für den christlichen Cultus, deren Manifestation im Grundriß wo sie möglich, auch immer erwünscht ist, hier durchaus bedingt und als die einzig mögliche erscheint. Sonderung von den anderen Localitäten in Bezug auf Architectur und freie Durchsicht, freie Entwicklung und Ablösen der gedrängten Massen von einander, Bezug auf die eine bedeutungsvolle und sich erhebende Mitte, alles das konnte nur durch diese Form erreicht werden . . . In der äußeren Architectur durfte die Kreuzform der Masse nicht entschieden hervortreten, weil diese Form zu viel Schärfe und durch die langen forcirten Schatten Unruhiges besitzt. Durch das Abstumpfen der inneren Winkel konnte sie gemildert werden, die Massen gewinnen mehr Ruhe und zugleich werden dadurch sehr passende Räume zu den Nebenein-

gängen und zu den Treppen, welche auf die Emporen führen, gebildet. Im Inneren dagegen zeigt sich das Kreuz übersichtlich und rein ohne durch Einbaue gestört zu werden. Der äusseren Architectur liegen byzantinische Motive zu Grunde; außer ihrer historischen Beziehung erlauben sie mehr Freiheit und Beweglichkeit was die vertikalen Dimensionen betrifft, als der horizontale Architravstyl und die geraden Fenster, die sich mit der kugelsegmentförmigen Kuppel, welche den Tambour bedeckt, nicht schicklich vereinigen lassen. Dieser Tambour erhebt sich über einem unvollständigen Kuppelgewölbe, das auf den Tonnengewölben ruht, welche die Seiten des Kreuzes überspannen. Durch die darin befindlichen Fenster wird ein gemildertes Licht von oben herabgeworfen. Die Kuppel selbst wird aus Zimmerwerk gebildet, die innere Calotte verschalt und mit angemessener einfacher Malerei geziert. Die Emporen erheben sich in der ganzen Tiefe, welche die Arme des Kreuzes darbieten. Dem Haupteingange gegenüber befindet sich die Altarnische und der auf mehreren Stufen sich erhebende Altar. Die Kanzel ist zur Seite angebracht und hoch genug, um den vollständigen Überblick über die Gemeinde zu gewähren. Hinter dem Altar die Sacristey und über derselben die Orgel mit dem Sängchor, eine Einrichtung, welche als raumersparend und durchaus zweckmässig von den ausgezeichnetsten Baumeistern anerkannt ist.“ Die Gesamtkosten des Baues, der bis zum Kreuze eine Höhe von 19 Faden erreichen sollte, berechnet Jacobi auf 196,050 Rbl. (= ca. 53,000 R. S.) „Dieser Überschlag ist ziemlich reichlich angefertigt“, bemerkt er dazu.

Die Kommission für Projekte und Anschläge, der der Plan Jacobis zur Prüfung vorgestellt wurde, rügte daran vor allem mit Recht, daß der Altar nicht von allen Plätzen gleichmässig sichtbar sei, und sandte ihrerseits dem Konseil einen von ihr ausgearbeiteten Plan ein, der nach ihrer Meinung „mehr Bequemlichkeit und eine größere Geräumigkeit gewähre“. Dieser Plan, der von dem Konseil der Wegekommunikationen und öffentlichen Gebäude geprüft worden war und die Billigung des Oberverwalters des Konseils, des Grafen Toll, gefunden hatte, sieht einen Langhausbau mit einer quadratisch geschlossenen Altarnische vor, zu deren beiden Seiten die Sakristei und ein entsprechender Raum angeordnet waren. Vor dem Eingang war ein Turmbau mit Tambour und byzantinischer Kuppellaterne vorgesehen. An den Seiten und über dem Eingang waren Emporen, von Säulen getragen, angeordnet.

Dieser Plan ist deshalb von besonderem Interesse, weil auf ihn bei dem später tatsächlich ausgeführten Kirchenbau zurückgegriffen worden ist, freilich mit starken Abänderungen.

Im Konseil fand dieser Plan zunächst keine Billigung und der Jacobische Plan wurde vorgezogen, weil „bei einer oblongen Form das Gebäude zu tief zwischen die Seitenflügel (des Universitätsgebäudes) hineintreten, diesen die gehörige Beleuchtung rauben und sie zu sehr dominieren würde.“ Man entschied sich also für den Jacobischen Plan, zugleich der höheren Kosten wegen den ursprünglichen Plan des Ausbaues der Domruine endgültig aufgebend.

Aber auch der Plan Jacobis wurde gemäß den bautechnischen Ausstellungen des genannten Komitees einer Umarbeitung unterzogen. Der neue Plan weist gegenüber dem früheren vor allem die Abweichung auf, daß in den Winkeln der Kreuzarme statt der abgestumpften jetzt quadratische Einbauten vorgesehen sind, so daß das Gebäude jetzt selbst einen völlig quadratischen Grundriß erhält. Für den Innenraum ist die Kreuzform beibehalten, nur ist die Orgel jetzt über dem Eingang angeordnet und über der Sakristei (hinter dem Altar) ein Saal für Predigtübungen vorgesehen.

Auch dieser umgearbeitete Plan fand noch nicht die Billigung des Baukomitees, das vielmehr bei seiner früheren Meinung, daß der Innenraum unzweckmässig angeordnet sei, verblieb und aufs neue das Langhausprojekt befürwortete. Erst die weiteren Abänderungen fanden 1840 die Billigung des Komitees. Dennoch erfolgte noch nicht die Bestätigung, und infolge der Abberufung Prof. Jacobis an die Akademie nach St. Petersburg geriet die ganze Angelegenheit wieder ins Stocken. Da sein Nachfolger, Prof. Stremme, durch anderweitige Arbeiten in Anspruch genommen war, so wurde auf Verfügung des Kurators die Durchsicht der Pläne und Kostenanschläge 1844 zunächst dem Architekten Winkler übertragen, dessen Arbeit aber den Beifall des Konseils nicht zu finden vermochte. Ebenso wenig wurde durch die Arbeiten des Architekten Olltoff 1848 die Sache gefördert. Seine Pläne wurden 1849 vom Kurator dem Direktorium als unbrauchbar retourniert mit der Verfügung „sie asservieren zu lassen, bis sich eine günstigere Gelegenheit finden wird, sie wieder aufzunehmen.“ Damit war die ganze Bauangelegenheit wieder, wie es schien, für lange Zeit, ad acta gelegt.

DIE BEGRÜNDUNG DES AKADEMISCHEN GOTTESDIENSTES UND DER UNIVERSITÄTSGEMEINDE.

Während die Verhandlungen über den projektierten Neubau langsam ihren Weg gingen, war man stetig bemüht, unabhängig davon die Genehmigung zur Errichtung eines akademischen Gottesdienstes, vorläufig in einem Interimslokal, zu erlangen.

Nachdem die theologische Fakultät schon im Jahre 1829 auf die Bedeutung und Notwendigkeit eines solchen akademischen Gottesdienstes hingewiesen hatte (vgl. oben S. 5), bot zu einer erneuten Behandlung der Frage im Jahre 1833 der Kurator selbst den Anlaß. Er berief zum 23. August 1833 eine Konseilsitzung, auf der er persönlich erschien und die Frage zur Beratung stellte, „welche Maßregeln am zweckdienlichsten zu ergreifen seyn möchten, im Allgemeinen ein gesitteteres Wesen und einen höheren Grad der Zucht und Ehrbarkeit unter den Studierenden der Dorpatschen Universität einzuführen, als bis hiezu im Ganzen sich bei denselben kundgebe.“ Das Konseil faßte seine Resolution dahin, daß als „das wirksamste aller disciplinarischen Mittel“ die Errichtung eines akademischen Gottesdienstes anzusehen sei.

Eingehender wird dieses Votum und damit die Notwendigkeit und das Recht eines solchen selbständigen akademischen Gottesdienstes begründet in der bereits kurz erwähnten Vorstellung der theologischen Fakultät vom 30. Oktober 1833.

Die bloße Teilnahme der Studierenden an dem Gottesdienste der Stadtgemeinde, heißt es in diesen Schreiben unter anderem, könne keinen Ersatz bieten, „weil die in dieser Kirche angestellten Geistlichen, je mehr sie ihre heiligen Pflichten gegen ihre Gemeinde recht wahrhaft erfüllen, je mehr sie ihre ganze Wirksamkeit dem intellektuellen und sittlichen Zustande ihrer Gemeinde anpassen und die Bedürfnisse der Glieder dieser Gemeinde berück-

sichtigen, desto mehr auch nothwendig behindert sind, auf den Zustand einer akademischen Gemeinde und deren Verhältnisse besonders Rücksicht zu nehmen und namentlich das, was hier Noth thut, in solcher Weise zu behandeln, wie es die Eigenthümlichkeit akademischer Bürger fordert.“ Die Erfahrung habe ja „sattsam erwiesen, daß religiöse Vorträge, bei welchen der Geistliche solche Rücksichten nicht nehmen konnte oder wollte, im Allgemeinen mehr oder minder unwirksam bleiben und die akademische Jugend entweder garnicht berühren oder gar statt sie der Kirche zu gewinnen und durch die Kirche dem höheren Leben, sie der Kirche entfremden und veranlassen am Heiligsten Anstoß zu nehmen und immer mehr sittlich zu verwildern.“ Insbesondere richtete sich der Wunsch der Fakultät auf Kreierung des Amtes eines besonderen Universitätspredigers, der zwar, mit dem Titel Professor ausgestattet, auch nach Bedarf Vorlesungen halten, dieses aber doch nur als Nebensache betrachten sollte, daher es ihm selbst überlassen bleiben sollte, darin so viel zu leisten, als er vermag, ohne seiner geistlichen Amtswirksamkeit als seinem eigentlichen Berufe zu nahe zu treten. „Es erheischt das Amt eines Universitätspredigers so eigenthümliche Geistesgaben und Fähigkeiten, die bei Universitätslehrern, welche, ihrem Berufe gemäß, sich stets mehr im Felde gelehrter Forschungen bewegen, an und für sich selten gefunden werden möchten, und auch nicht ein Mal einen Maßstab abgeben dürften, nach welcher die Würdigkeit der Universitätslehrer zu beurtheilen und dieselben zu berufen wären.“ Daher sollte nur vorläufig, so lange bis ein eigener Prediger berufen werden könnte, einem Professor der Theologie das Amt eines Universitätspredigers übertragen werden. Als geeignetes Interimslokal wurde schon jetzt der untere Saal der Bibliothek ins Auge gefaßt.

Dieser Gedanke fand zunächst keinen Beifall, und man sah sich daher genötigt, irgendwo in der Stadt einen passenden Raum mietweise zu erlangen. Auch das schlug fehl. Da wurde der Plan gefaßt in einem Neubau des Kaufmanns Reinhold einen Saal dem kirchlichen Zwecke entsprechend auszubauen. Aber auch diese Hoffnung, nun bald in den Besitz eines geeigneten Lokales zu gelangen, zerschlug sich, da die unter dem in Aussicht genommenen Saal gelegenen Räume in der Folge zu Kasernen eingerichtet wurden. Das geschah im Jahre 1836. Erst 1843 nahm die Sache eine günstigere Wendung, als die estnische Gemeinde, die bisher in der St. Johanniskirche ihre Gottesdienste gehalten hatte, in der

neuerbauten Marienkirche ihr eigenes Heim fand. Somit konnte nun daran gedacht werden, in der St. Johanniskirche einen besonderen akademischen Gottesdienst einzurichten.

Auf ein diesbezügliches Ansuchen an den Rat der Stadt Dorpat erklärte dieser am 17. Juni 1844 seine Geneigtheit, die St. Johanniskirche zur Abhaltung eines besonderen akademischen Gottesdienstes vorläufig auf zwei Jahre einzuräumen, jedoch nur vor allem unter der Bedingung, „daß mit der Errichtung des akademischen Gottesdienstes keine separirte Kirchengemeinde gebildet werde und die Universitätsprediger außer der sonn- und festtäglichen Liturgie weder sacra verwalten noch pastoralia verrichten.“ Außerdem wurde die Benutzung der Kirche nur für die Zeit freigegeben, in der sie nicht zu gottesdienstlichen Zwecken der Stadtgemeinde, bezw. zu irgend welchen Amtshandlungen, wie Beerdigungen und dergl., gebraucht werde.

Trotz dieser einschränkenden Bestimmungen wurde beschlossen, von der erhaltenen Genehmigung Gebrauch zu machen und nun unverzüglich die nötigen Maßnahmen zu treffen, um die Erlaubnis zur Eröffnung der Gottesdienste und zur Ordination des Privatdozenten Theodosius Harnack zu erlangen.

Dennoch dauerte es noch eine geraume Zeit, bis man so weit war. Versammlungen betreffs des in Gebrauch zu nehmenden Gesangbuches, sowie über manche andere Fragen zogen sich noch durch mehrere Jahre hin. Erst am 2. Februar 1847 konnte in Riga die Ordination des mittlerweile zum Professor gewählten Mag. theol. Harnack erfolgen. Am ersten Osterfeiertag, am 25. März 1847, fand sodann die Eröffnungsfeier des Universitätsgottesdienstes statt.

Nach Ablauf der zwei Jahre, für welche der Rat die Mitbenutzung der Johanniskirche gestattet hatte, wurde 1849 das mit dem Rate getroffene Abkommen auf weitere drei Jahre unter den gleichen Bedingungen erneuert, desgleichen 1852. In dem nun beginnenden Triennium nahm die Sachlage eine bedeutsame Wendung, sofern die Wiederaufnahme der Pläne zur Errichtung einer eigenen Universitätskirche auch die Konstituierung einer selbständigen Universitätsgemeinde in den Gesichtskreis treten ließ. Infolgedessen erklärte der Rat in seinem Schreiben vom 19. März 1855 ausdrücklich, daß er die Mitbenutzung der Johanniskirche auf weitere drei Jahre ausschließlich unter den bisherigen Bedingungen gestatten könne, dagegen einer abgesonderten Universi-

tätsgemeinde unbedingt verweigern müsse. Damit war man vor die Entscheidung gestellt, ob man sich als selbständige Universitätsgemeinde konstituieren sollte oder nicht. Fast einstimmig — nur seitens des ord. Professors Strümpell lief ein ausführlich motiviertes Separatvotum ein — beschloss das Konseil am 21. März 1855, „dem Herrn Kurator die Bitte zu unterlegen, Sich für die Angelegenheit der Constituirung der Universitätsgemeinde wo gehörig geneigtest verwenden zu wollen.“ Bestimmt war dieser Beschluß durch die Aussicht, daß nun in voraussichtlich kurzer Zeit tatsächlich zu dem Bau einer Universitätskirche geschritten werden würde. Gemäß diesem Beschlusse wurde dem Rate erwidert, daß man von seinem Zugeständnisse „so lange Gebrauch zu machen gedenke, bis sich die im Bedürfniß der Universität liegende, durch den bereits im Juli 1852 Allerhöchst genehmigten Bau einer Universitätskirche *) in sichere Aussicht gestellte Constituirung einer besonderen Universitäts-Gemeinde realisiert haben wird.“ Gleichzeitig aber wandte man sich an den Konvent der St. Marienkirche mit dem Ersuchen, „der Universität den Mitgebrauch dieser Kirche zur Abhaltung des akademischen Gottesdienstes von dem Beginn der Constituirung einer besonderen Universitätsgemeinde ab bis zur Erlangung der eigenen Kirche gütigst bewilligen zu wollen.“

Die Bewilligung seitens des Konvents der St. Marienkirche erfolgte unter der Bedingung, daß der Universitätsgottesdienst nicht nur im Sommer wie im Winter nicht vor 3 Uhr Nachmittags beginne, sondern auch, falls die Kirche um diese Zeit von ihrer Gemeinde oder dem Ortsprediger zu Amtshandlungen benutzt werde, gänzlich ausfalle. Diese Bedingungen wurden anfänglich akzeptiert. Angesichts aber dieser aus einer Mitbenutzung der St. Marienkirche sich ergebenden Inkonvenienzen wurde nachher auf direkte Anregung des Kurators von Bradke beschlossen, von einer Benutzung der Marienkirche ganz abzusehen und statt dessen den unteren Saal der Bibliothek zum Universitätsgottesdienst einzurichten. Durch eine Verkleidung der Bücherrepositorien, die Aufstellung eines Altars und einer Kanzel, sowie der nötigen Sitzbänke konnte dieser Raum in der Tat seinem Zwecke entsprechend und in würdiger Weise gestaltet werden und hat in der Folge der Universitätsgemeinde lange Jahre als Heimstätte gedient.

*) Vergl. hierüber weiter unten.

Daß es nun tatsächlich bald zur definitiven Begründung der Universitätsgemeinde kam, ist nächst dem tatkräftigen Eintreten des damaligen Kurators des Dorpater Lehrbezirks Senateur von Bradke, den Bemühungen des o. Professors der praktischen Theologie D. Arnold Christiani, der 1853 anstelle des nach Erlangen berufenen Professors Harnack auch das Amt eines Universitätspredigers übernommen hatte, zu danken. Am 20. November 1855 fand, nachdem die diesbezügliche Genehmigung eingetroffen war, die Konstituierung der Gemeinde statt. Das über diesen bedeutsamen, den Geburtstag der Gemeinde bezeichnenden Akt aufgenommene Protokoll möge hier wegen seiner Bedeutung wörtlich mit allen Unterschriften folgen. Es lautet:

Actum Dorpat d. 20. Novbr. 1855.

Gegenwärtig: der Herr Curator des Dorpatschen Lehrbezirks und sämtliche Universitäts-Beamtete evangelischer Confession.

Nachdem auf Anordnung des Herrn Curators sämtliche zur Universität gehörige Beamtete evangelischer Confession Mittags um 12 Uhr im Saale der Veterinärschule sich versammelt hatten, wurde verlesen:

- 1) ein Curatorisches Schreiben vom 6. Oct. d. J. Nr. 2032 an das Universitäts-Conseil, des Inhalts, daß, nachdem schon im Jahre 1820 durch Allerhöchst bestätigtes Gutachten des Reichsraths festgesetzt worden, bei der Dorpatschen Universität eine eigene Kirche zu begründen, die Universität auch die sichere Aussicht habe, nach einigen Jahren ihr eigenes Kirchengebäude zu besitzen, die Constituirung einer eigenen lutherischen Kirchengemeinde für die Dorpatsche Universität auf Grundlage des im Jahre 1845 von dem Generalconsistorium gebilligten Planes bei dem Herrn Minister der inneren Angelegenheiten beantragt worden, von welchem in Folge dessen das Generalconsistorium beauftragt sey, demgemäß die von demselbigen abhängige Anordnung im geistlichen Fache zu treffen.
- 2) ein Schreiben des liefländischen evangelisch-lutherischen Consistoriums von 28. October d. J. Nr. 2446 an den Herrn

Universitäts-Prediger Prof. Dr. Christiani, durch welches letzterer in Veranlassung des diesem Consistorium gewordenen Auftrags, seinerseits die in geistlicher Beziehung geeigneten Maaßnahmen zur Einrichtung der Universitäts-Gemeinde in Dorpat zu ergreifen, aufgefordert wird, sich mit dem Herrn Curator des Dorpatschen Lehrbezirks in Rapport zu setzen, um die Wünsche der Universität in Bezug auf die Hingehörigkeit zu dieser neu zu begründenden Gemeinde dem Consistorium mitzutheilen, wobei im Auge zu behalten seyen eben sowohl die gesetzlichen Bestimmungen für eine ordentliche Abgränzung der Gemeinden, als auch die durch ganz Livland geltende Ordnung wider allen Gemeindezwang.

Von dem Herrn Curator wurde in Beziehung hierauf bemerkt, daß der Herr Universitäts-Prediger solcher an ihn ergangenen Aufforderung nachgekommen sey, indem derselbe dem Consistorium ohne Vorzug berichtet habe, daß im Allgemeinen die Hingehörigkeit zu der neu zu begründenden Universitätsgemeinde schon in dem Namen derselben ausgesprochen sey, daß die Familien der lebenden und verstorbenen Glieder der Universität als zugehörig zu derselben betrachtet werden müßten und daß also derselben ihre genaue Begränzung gegeben wäre, daß ferner die Kirchengemeinde der Universität in allen Stücken in Gemäßheit der gesetzlichen Bestimmungen sich ganz den Ordnungen und Sitten, welche für die evangelischen Gemeinden im Reiche überhaupt bestehen, nach Anleitung der Allerhöchst bestätigten Kirchenordnung anschließen werde.

Schließlich wurde verlesen: ein Schreiben des livländischen evangel. luth. Consistorii vom 12. d. Mts. Nr. 2479 an den Herrn Curator des Dorpatschen Lehrbezirks, in welchem dasselbe, nachdem von dem Herrn Universitäts-Prediger berichtet worden, daß die Zugehörigkeit zur Universitäts-Gemeinde sich auf die Glieder der Universität beschränke, bittet, es veranlassen zu wollen, daß die so begränzt anerkannte Universitäts-Gemeinde sich ihren Kirchen-Rath wähle und gehörigen Ortes zur Bestätigung vorstelle.

Als hierauf von dem Herrn Curator der Versammlung eröffnet worden, daß sie sich demgemäß vom heutigen Tage ab als selbständige Kirchen-Gemeinde zu betrachten habe, wurde der Act geschlossen und das Protocoll, wie folgt, unterzeichnet, um nach er-

folgter Bestätigung der Mitglieder des Kirchenraths letzterem übergeben zu werden.

(Unterschriften.)

Curator des Dorpatschen Lehrbezirks Senateur von Bradke.

Rector der Dorpatschen Universität Ed. Haffner.

Universitäts-Prediger Dr. A. Christiani.

Professor Neue.	Rathhaus.	Hoppe.
Professor Keil.	M. Rosberg.	C. v. Forestier.
Professor Maedler.	Th. Clausen.	Dede.
Dr. Oettingen.	Secr. Wilde.	
Bidder.	A. Wulffius.	
Kurtz.	L. Hollmann.	
Grewingk.	E. Anders.	
Bunge	G. Naritz.	
Rathlef.	A. Eschscholtz.	
Syndicus Dr. Beise	C. Lais.	
Minding.	Daue.	
Tobien.	Dr. Assmuß.	
A. v. Oettingen.	C. Mickwitz.	
C. v. Rummel.	E. Wegener.	
Riemenschneider.	Beckmann.	
Grube.	Kapp.	
Engelhardt.	Tyron.	
Clemenz.	Brückner.	
C. Schmidt.	J. Schmidt.	
E. Stelling.	Ch. Wissor.	
	W. Seezen.	
	I. Thal.	
	W. Beick.	
	H. Hahn.	

Gemäß der letzterwähnten Verfügung des Konsistoriums trat die Gemeindeversammlung zwei Tage später wieder zusammen behufs Wahl des Kirchenrats. Da dieser sich aus drei geistlichen und drei weltlichen Gliedern zusammensetzen sollte, wurden außer den drei zur Zeit im Amt befindlichen Professoren der theologischen Fakultät, dem Universitätsprediger Prof. Dr. Christiani, sowie den Professoren Kurtz und Keil (die vierte Professur war z. Z. vakant) zu Gliedern des Kirchenrats die Professoren Bidder,

Erdmann und Neue gewählt. Bei der Wahl des Präsidenten des Kirchenrats vereinigte sich die Majorität der Stimmen auf Professor Dr. Bidder.

Am 8. Januar 1856 fand sodann die feierliche Introduction des Professors Dr. A. Christiani in das Amt eines Professors der neugegründeten Universitätsgemeinde durch den Livl. General-superintendenten Dr. F. Walter unter Assistenz der beiden Stadtprediger Oberpastor Schwartz und Gehewe statt. Anderthalb Jahre später (Nov. 1857) trat ihm der Oberlehrer der Religion am Dorpater Gymnasium cand. theol. Johannes Lützens als Pastor-Adjunkt zur Seite.

So war denn ein jahrzehntelang gehegter Wunsch in Erfüllung gegangen. Die Universität hatte nicht nur einen eigenen akademischen Gottesdienst, sondern sie bildete auch eine selbstständige, organisierte Universitätsgemeinde. Und bald sollte sie auch endgültig aus dem zur Zeit noch bestehenden Provisorium heraustreten und in den Besitz eines eigenen Kirchengebäudes gelangen. Der Bau eines solchen war nicht mehr nur ein Wunsch und Plan, sondern bereits in Angriff genommen.

Wir müssen etwas zurückgreifen.

Im Dezember 1851 reichte der damalige stellvertretende Universitätsarchitekt Rathhaus dem Direktorium einen neuen Entwurf zur Erbauung einer Universitätskirche und zweier Seitenflügel der Universität ein. Trotz der Anerkennung, die er dem Jacobischen Plane als einer „Copie Schinkelscher Projecte“ zollte, wollte er doch von diesem ganz absehen, „weil eine Universitätskirche ihrer Bestimmung gemäß dieser Größe nicht bedarf und eine Kuppel hier ganz am unrichten Orte wäre; denn die Predigt ist eine der Hauptacte in der lutherischen Kirche, daher auch eine offene Kuppel, nach akustischen Beobachtungen, hier durchaus nicht an ihrer Stelle wäre.“. Demgemäß trat er mit seinem Entwurf für die Erbauung einer „Saalkirche“ von so bedeutender Höhe ein, daß auch der Einbau geräumiger Emporen möglich erschien. Auch ein Glockenturm war vorgesehen, doch wurde statt dessen in der Folge nur einem mit einem Kreuz geschmückten Frontispiz der Vorzug gegeben.

Der Grundriß dieses Planes weist große Ähnlichkeit mit dem im Jahre 1836 entstandenen Plane auf. Hier wie dort ein Langhausbau mit flacher Bedeckung. Auf den Seiten und über dem Eingang auf Säulen ruhende Emporen, zu denen die Aufgänge aus

dem der Kirche vorgelagerten Vorraum emporführen. Zu beiden Seiten des Altarraumes, der aber bei dem Rathhausschen Plane durch eine ausladende Apsis erweitert ist, sind besondere Räume vorgesehen, von denen der eine als Sakristei, der andere als Aufenthaltsort für den Küster und zur Aufbewahrung der nötigen Requisiten dienen sollte. Letzterer Raum ist in der Folge zu einer Krankenloge umgestaltet worden.

Diese Pläne fanden den vollen Beifall des Direktoriums, das sie sofort zur Bestätigung vorstellte. Diese erfolgte im Juli 1852, und so konnte denn endlich an die Ausführung geschritten werden. Worum lange Jahre sich bemüht, es war erreicht.

Zunächst nahmen noch allerlei Vorarbeiten, die Untersuchung des Baugrundes, die Ausarbeitung der detaillierten Kostenanschläge und dergl., mehrere Jahre in Anspruch. Im Mai 1854 wurde endlich ein Baukomitee bestehend aus den Professoren Tobien, Petzholtz, Claus, dem Universitätsarchitekten Akademiker Rathhaus und dem Baukondukteur Königsmann unter dem Vorsitz des an erster Stelle Genannten gebildet und ihm die Bauleitung übertragen.

Zuerst wurde der Bau der Seitenflügel der Universität in Angriff genommen und dem Architekten Gustav von Bock übertragen. Dieser übernahm 1856 auch den Bau der Kirche, während die Oberleitung und Beaufsichtigung derselben in den Händen des Universitätsarchitekten Rathhaus verblieb. Nach Erledigung der notwendigen Vorarbeiten, konnte endlich die Grundsteinlegung vorgenommen werden.

DIE FEIER DER GRUNDSTEINLEGUNG DER UNIVERSITÄTSKIRCHE.

Am 28. August 1856, an dem Tage, an dem die Krönung des Kaisers Alexander II, der im Jahre vorher den Thron bestiegen hatte, in der alten Zarenstadt Moskau vollzogen wurde, fand die Grundsteinlegung statt. Über diese Feier berichtet die Dörptsche Zeitung in ihrer Nr. 100 vom 29. August 1856 wie folgt:

„In der festlich geschmückten und gedrängt besetzten Universitäts-Kirche, in welcher Herr Professor Dr. Christiani nach dem vorgeschriebenen Texte Ps. 21, 2—6 die Frage behandelte, „was und wie wir für den Landesherrn bitten sollen“, wurde die Liturgie von der Gemeinde unter Leitung eines Männerchors, der aus 60 Studierenden bestand, gesungen, sowie auch der Ambrosianische Lobgesang. Nach der Predigt führte derselbe Männerchor unter Direction des akademischen Musiklehrers Brenner eine Motette von Bernhard Klein auf mit eingelegtem Mittelsatze, der zu diesem Tage besonders componirt war.

Eine besondere Bedeutung erhielt das Krönungs-Fest durch den solennen Akt der Grundsteinlegung zur Universitäts-Kirche. Der Bau zweier Flügel zum Universitäts-Hauptgebäude war seit mehreren Jahren bereits eingeleitet, der eine Flügel auch eben bis zum Dache vollendet, während der andere erst in Angriff genommen werden soll. Zwischen beiden Flügeln aber waren die Erdarbeiten zur Fundamentlegung der Universitäts-Kirche eben vollendet.

Auf dem Grund und Boden der neu zu erbauenden Universitäts-Kirche stand bereits vor Jahrhunderten die alte Marien-Kirche, seit Begründung der städtischen Verfassung Dorpats eine Stadtpfarrkirche, seit der Reformation die Hauptkirche der Deutschen Lutherischen Stadt-Gemeinde, von dem Eroberer Dorpats, dem Zaren Iwan Wassiljewitsch, vor drei Jahrhunderten der Stadt aufs

Neue übergeben, unter der polnischen Herrschaft den Jesuiten eingeräumt, durch den großen Gustav Adolph, den Schirmherrn der Evangelischen Lehre auch in diesem seinem Lande, der neu gegründeten Universität überwiesen, und mit ihr vor zwei Jahrhunderten, durch den siegreichen Einzug des Heereskerns des Zaren Alexei Michailowitsch, für Jahrzehende in den Hintergrund gedrängt, dann unter Carl XI wieder zur Hauptkirche des Landes, Pfarrkirche des Livländischen General-Superintendenten und akademischen Mutterkirche erkoren, bis Peters des Großen Eroberung von Dorpat neue Grundlagen für das Bestehen der Stadt schuf. Als Kaiser Alexander I die Hochschule aufs Neue gründete, schenkte er ihr für ewige Zeiten den Umkreis der alten Festung, den einst Bischöflichen Dom und den Bezirk der Schwedischen St. Marienkirche, der, durch den Ankauf benachbarter Grundstücke erweitert, zum Platze des neuen akademischen Hauptgebäudes vor einem halben Jahrhundert ersehen wurde. Wie am 15. Septbr. 1805, dem vierten Erinnerungstage der Krönung des heißgeliebten Monarchen, der Grundstein zu dem jetzt stehenden großen Hauptgebäude gelegt werden konnte, so vereinigte der 26. August 1856, der Tag der feierlichen Krönung und heiligen Salbung des zweiten Alexander in der alt-ehrwürdigen Metropole des Reiches, die Genossen des akademischen Verbandes mit den Repräsentanten des Landes und der Stadt zur zweiten Grundsteinlegung für den Neubau dieser, seit anderthalb Jahrhunderten zerstörten, Stätte der Evangelischen Gottesverehrung. Die Sonne, die den alten Friedhof und die letzten überlieferten Grundsteine der alten Kirchen-Gewölbe mit himmlischer Wärme durchstrahlte, ergoß ihren Mittagssegens und entbot den Gruß der Jahrhunderte an die harrende Menge, welche den festlich geschmückten und mit den Gaben des Spätsommers, wie mit den Spenden der Liebe, reich gezierten, Bauplatz von allen Seiten umgab. Nach Beendigung des Universitäts-Gottesdienstes im alten Dom bewegte sich der festliche Zug von der Höhe des Dombergs herab zur Baustätte in vorher festgesetzter Ordnung. Prof. Dr. Petzholdt, als Glied des Bau-Comités, eröffnete den Zug. Die hiesigen höheren Lehranstalten, der Herr Curator, begleitet von dem Präses des Bau-Comités, Prof. Dr. Tobien, und dem Mitgliede desselben, Prof. Dr. Claus, der Universitätsprediger in Begleitung der Luth. Stadtgeistlichkeit, der Kirchenrath der Universitätsgemeinde, die eingeladenen Gäste, der Herr Rector Magnificus mit dem gesamten Docenten- und Beamten-

Personal der Universität, die Studirenden — bildeten die einzelnen, in Reihen von drei Personen sich bewegenden, Abtheilungen, denen zu je zwei Marschällen aus der Zahl der Studirenden vorangingen. Nachdem der Zug auf dem Bauplatze selbst angelangt und von dem Bau-Uebernehmer, Herrn von Bock, empfangen worden war, wurde von dem Sänger-Chor der Studirenden, unter Leitung des Universitäts-Musiklehrers Brenner, ein, von demselben componirtes, Böhmisches Kirchenlied nach dem 48. Psalm aufgeführt, nach dessen Beendigung der Universitäts-Architekt, Akademiker Rathhaus, in einer kurzen Anrede den hohen Vorstand des Lehrbezirks begrüßte und ihn, alter Bausitte gemäß, feierlich dazu aufforderte, den Grundstein zu dem neuen Gotteshause zu legen, das zum Ruhme des heißgeliebten, neugesalbten Monarchen, zur Ehre des Vaterlandes, zum Segen der Jahrhunderte sich hier erheben wird. Nachdem hierauf Prof. Dr. Tobien die Kiste mit der Pergamentrolle, das Namensverzeichniß des Universitäts-Personals enthaltend, und mit den im Laufe dieses Jahres neugeprägten Russischen Gold- und Silber-Münzen, so wie mit einem Exemplar der Medaille zur Erinnerung an die hohe Vermählungs-Feier JJ. KK. MM. am 16. April 1841, desgl. Prof. Claus die vergoldete Gedenktafel aus den Händen des Universitäts-Syndicus in Empfang genommen hatte, wurde Kiste und Gedenktafel zuerst in die offen gelassene Spalte der Mauer versenkt. Hierauf überreichte der Universitäts-Architekt dem Herrn Curator Kelle und Hammer, wonach Hochderselbe den ersten Stein in die Fuge that und die üblichen drei Schläge verrichtete. Sodann folgten der Herr Rector Magnificus, der Herr Prof. Dr. Neue im Namen des Evangelisch-Luth. Kirchenraths der Universitäts-Gemeinde und der Stud. astr. Arthur v. Oettingen im Auftrage der Commilitonen. Von den genannten Personen wurde bei Hand-Anlegung an Mauer und Kelle in einigen Worten die Bedeutung des Schritts für Mit- und Nachwelt hervorgehoben. Zum Schlusse vollzogen die Glieder des Bau-Comités, des Kirchenraths, des akad. Conseils und mehrere der geladenen Gäste dieselbe Handlung. Hierauf hielt der Herr Universitäts-Prediger Professor Dr. Christiani die Weihrede im Angesichte der zahlreichen Versammlung, in deren Mitte man auch den früheren Universitäts-Prediger, Prof. Dr. Harnack aus Erlangen, erblickte, und flehte Gottes Segen herab auf das Werk, das unter dem Anschlusse an die historische Ueberlieferung begonnen worden. Nach Herrn Prof. Dr. Christiani begrüßten der Oberpastor

Schwartz und Herr Pastor Diaconus Deringer den Neubau mit christlicher Ansprache, und das von allen Anwesenden mit Begeisterung gesungene Lutherische Kernlied „Nun danket alle Gott“ beschloß den Akt der kirchlichen Feier.

Unterdessen hatte sich für das Arbeiter-Personal des Baues unmittelbar neben demselben die festlich geschmückte Tafel erhoben, an der den wackeren Maurern, die das eben begonnene Werk vollendeten, von Seiten der Universität ein Grundsteinlegungsmahl bereitet wurde.

Der Herr Curator des Dorpatschen Lehrbezirks vereinigte zur Mittagstafel bei sich einen Teil des akademischen Publicums mit andern geladenen Gästen . . .“

Die bei dieser Feier in den Grundstein eingesenkte vergoldete Gedenktafel trug folgende lateinische Inschrift:

In gloriam Salvatoris
Auspiciis laetissimis et saluberrimis
ALEXANDRI SECUNDI
Rossiarum Imperatoris Domini clementissimi ac sapientissimi
d. XXVI m. Augusti a. MDCCCLVI
quo die auspiciatissimo Imperator Augustissimus
in arce Mosquensi
corona avita ornatus sacroque oleo perunctus est
institutionis publicae per imperium Rossicum
summo moderatore Abrahamo Norow Senatore
a consiliis intimis
Universitatis litterarum Dorpatensis scholarumque
dioecesis Dorpatensis
Curatore Georgio de Bradke Senatore
a consiliis intimis
Universitatis litterarum Dorpatensis rectore
Eduardo Haffner actu a consiliis publicis
rerum sacrarum per Livoniam summo antistite
Ferdinando Walter
ecclesiae ad aedem academicam Dorpatensem
antistite Arnoldo Christiani theologiae
practicae prof. publ. ord.
consilii rei ecclesiae academicae Dorpatensis
curantis praeside Friderico Bidder physiologiae
et pathologiae prof. publ. ord.
a consiliis publicis

collegii aedi academicae exstruendae praepositi
 praeside Ewald o Tobien juris Rossici prof. publ. ord.
 a consiliis publicis

Universitatis litterarum Dorpatensis architecto
 Carolo Rathhaus academico
 piis cum precibus et laetis omnium gratulationibus aedis
 sacrae academicae Dorpatensis
 fundamenta jacta sunt.

Zu deutsch:

„Zum Ruhme des Erlösers — unter der gesegneten und glücklichen Regierung Alexanders II, des milden und weisen Beherrschers aller Reußen, — am 26. August 1856, an welchem Freudentage der Erlauchte Monarch auf dem Kreml zu Moskau mit der Krone seiner Väter gekrönt und mit dem heiligen Öle gesalbt wurde, — zur Zeit des Ministers der Volksaufklärung Senator Geheimrat Abraham Norow, des Kurators der Universität Dorpat, und des Dörptschen Lehrbezirks Senator Geheimrat Georg von Bradke, des Rektors der Universität Dorpat wirkl. Staatsrat Eduard Haffner, des Livländischen Generalsuperintendenten Ferdinand Walter, des Pastors an der Universitätskirche zu Dorpat ord. Prof. der praktischen Theologie Arnold Christiani, des Präsidenten des Kirchenrats der Universitätskirche ord. Prof. der Physiologie und Pathologie Staatsrat Friedrich Bidder, des Vorsitzenden des Universitätskirchenbaukomitees ord. Prof. des russischen Rechts Staatsrat Ewald Tobien, des Architekten der Universität Dorpat Akademiker Carl Rathhaus, — unter frommen Gebeten und freudigen Glückwünschen aller ist der Universitätskirche zu Dorpat Grundstein gelegt worden.“

* * *

Rüstig ging man nun ans Werk. Bald wuchsen die Mauern über dem Erdboden empor. Direktorium und Baukomitee haben das Ihre getan um einen guten Fortgang des Baues zu bewirken und nach Kräften das begonnene Werk zu fördern. Manchem Wunsch nach dieser oder jener Abänderung im Plan konnte noch Rechnung getragen werden. So wurde z. B. für einen besonderen Eingang in die Sakristei gesorgt, der im ursprünglichen Plan nicht vorgesehen war*). Die Sängerempore wurde vergrößert, indem

*) Ein entsprechender besonderer Eingang in die Krankenloge ist nachmals (1900) hergestellt worden.

man den ursprünglich geplanten Verbindungsgang zwischen den beiden Seitenemporen fortfallen ließ. Auch an Hindernissen fehlte es nicht. Bald war über die Güte des gelieferten Baumaterials zu klagen, und es mußte für Ersatz gesorgt werden, dann wieder boten sich andere Schwierigkeiten. Ja, sogar Risse im fertigen Mauerwerk zeigten sich und nötigten zu umfassenden Sicherungsarbeiten. Dennoch schritt der Bau rüstig fort.

Bereits nach anderthalb Jahren war die Kirche im Rohbau vollendet und unter Dach gebracht, und das Richtfest konnte gefeiert werden. Endlich war auch der innere Ausbau und die Ausstattung der Kirche vollendet, die von dem Dorpater Orgelbauer Keßler nach einer mit dem akademischen Musikdirektor Brenner vereinbarten Disposition gebaute Orgel zur Aufstellung gebracht, und so konnte man denn, nachdem die Prüfungskommissionen das vollendete Werk übernommen hatten, daran denken, den Termin für die feierliche Einweihung festzusetzen. Als solcher wurde nach Einvernehmen mit dem Livl. Konsistorium der Sonntag Septuagesimae, der 31. Januar 1860 bestimmt.

So kam denn der Tag, der der Universität Dorpat das brachte, was sie, seit sie durch Kaiserliche Huld ins Leben gerufen, ersehnt und was sie seit 40 langen Jahren erstrebt in rastlosem Bemühen, — den Besitz einer eigenen evangelisch-luther. Universitätskirche.

DIE FEIER DER EINWEIHUNG AM 31. JANUAR 1860.

Über die Einweihung der Kirche hat einer der Teilnehmer der Feier, der Pastor der St. Marienkirche Propst Adalbert Willigerode in der im Jahre vorher ins Leben getretenen „Dorpater Zeitschrift für Theologie und Kirche“ einen stimmungsvollen Bericht gegeben. Möge er um der Bedeutung der Tatsache willen, der er gewidmet ist, hier in seinem vollen Wortlaut folgen.

„Die Freude unserer Universitätsgemeinde an der am 31. Januar d. J. vollzogenen Einweihung ihrer Kirche gehört durchaus nicht ihr allein, sondern ebenso auch unserer Stadt und unserem Lande, ja unserem ganzen Reiche an, so weit Lutheraner in demselben wohnen. Denn hier handelt es sich nicht nur darum, daß wieder ein Vogel sein Haus und eine Schwalbe ihr Nest gefunden und unsere Universitätsgemeinde aus dem fremden Zelte in die eigene Hütte geführt worden, auch nicht nur darum, daß unser kirchenarmes Land wieder um ein Gotteshaus reicher worden und unsere Stadt ihrem St. Johannes und ihrer St. Maria nun die Kirche der Universitätsgemeinde hinzugefügt und so ihrer alten Eilfkirchenzahl wieder um einen Schritt näher gekommen, sondern auch und vorzüglich darum, daß unsere Landesuniversität nunmehr als ausgestaltete Lutherische Gemeinde mitten in unsere Landeskirche eingetreten. Denn bisher stand sie als solche doch neben dieser, wenn sie gleich in ihren einzelnen Gliedern den beiden früheren Gemeinden unserer Stadt zu St. Johannis und St. Marien angehörte. Und mag irgend ein Gnadengeschenk des Herrn der Kirche die treuen Lutherischen Herzen in unserem weiten Reiche hin und her freudig bewegen, so dieses, dessen Segensfülle für die Kirche wie für die Universität und für das Leben wie für die Wissenschaft kaum zu hoch angeschlagen werden kann. Darum hat diese Freude auch sogleich in unserer Stadt im „Inland“ ihren Nachhall, und in unserer Residenz im „Sonntagsblatt“ ihren Wiederhall ge-

funden. So mag sie nun auch hier in diesen Blättern nicht nur für unsere Universität, die ja nimmer eine Sondergemeinde sein soll noch will, sondern für all' unsere Gemeinden eine Stätte finden, und wieder von hier aus hingetragen werden zu Allen, denen sie noch fremd blieb, denen aber lieb ist die werthe Magd, welche Gottes Engel selig preisen und Gottes Kinder als ihre Mutter verehren.

Noch waren die Weihnachtslieder nicht verhallt und noch klang es in den Herzen nach: „Es ist ein Ros entsprungen aus einer Wurzel zart, als uns die Alten sungen, von Jesse kam die Art, und hat ein Blümlein bracht, mitten im kalten Winter wohl zu der halben Nacht“, als mit dem Sonntage Septuagesimä, da das Evangelium von den Arbeitern im Weinberge des Herrn gelesen wird, unserer Universitätsgemeinde ihr längst und innigst ersehnter Kirchweihstag anbrach. Gar manchem Gemüth mochte wohl aus der neuen Gotteshütte der Wiederhall dieses köstlichen Weihnachtsliedes entgegenklingen, wenn es vor der — auch „mitten im kalten Winter“ aus den Ruinen der alten Schwedischen Marienkirche hervorgewachsenen Universitätskirche stand und sie in ihrem Winterschmuck und Sonnenscheine anschaute; oder wenn es der auch wieder „mitten im kalten Winter“ aus unscheinbaren Anfängen lieblich herausgestalteten Universitätsgemeinde gedachte und sich des Segens erinnerte, den sie, an allen kirchlichen Interessen unserer Stadt und unseres Landes immer regsten Anteil nehmend und dieselben eifrigst fördernd, uns allen aus Gottes Gnaden gebracht. Als nun am Morgen Septuagesimä die Glocken zu St. Johannis und St. Marien den Sonntag einläuteten, da läuteten sie unserer Universitätsgemeinde mehr ein als den Feiertag, da man die Predigt und Gottes Wort heilig halten und gern hören und lernen soll. Sie läuteten ihr den Tag ein, den der Herr ihr besonders gemacht, daß sie sich freue und fröhlich sei darinnen. Und als nach dem Glockengeläute die Gläubigen gen St. Johannis und St. Marien wallten, vor dem Herrn anzubeten und dabei diesmal mehr noch als sonst der Schwestergemeinde zu gedenken, da thaten die Glieder der Universitätsgemeinde sammt ihren Festgästen und Freunden auch ihre Feierkleider an, und bereiteten sich in doppelter Freude, in heiligem Schmucke vor ihren Gott hinzutreten und ihn zu loben um alle seine Gnade und Barmherzigkeit. Zuerst hatten die Frauen, welche von den Festmarschällen in Voraussicht des gewaltigen Zudranges der Bewohner Dorpats und seiner Um-

gend zu der so seltenen Feier schon vor der eigentlichen Eröffnung des neuen Gotteshauses in dasselbe hineingeführt wurden, das Schiff der Kirche in seinem Mittelraume erfüllt. Die Männer aber stiegen unterdessen in ernster Stille zum Abschiedsgottesdienste in die Ruinen unseres prächtigen Domes zu St. Dionysii hinauf, allwo die Universitätsgemeinde in dem untern Saale des zur Bibliothek ausgebauten Altarchorplatzes ihre, in Freud und Leid durch vier Jahre hindurch ihr überaus lieb gewordene Interimskirche hatte. Dort sollte sie sich nun zum letzten Male vor ihrem Gotte versammeln, um ihm zu danken für die Segnungen, die sie daselbst aus seiner Gnadenhand empfangen, und ihn zu bitten, er wolle die Bibliothek durch die in ihr gehaltenen Gottesdienste immerdar geheiligt bleiben lassen zu einer Stätte, da seines Namens Ehre wohnt und durch alle Wissenschaft immer auch nur sein Lob verkündet wird.

Um 10 $\frac{1}{2}$ Uhr Vormittags begann unter dem Glockengeläute der benachbarten Marienkirche, in welcher der früh begonnene Gottesdienst schon hatte beendet werden können, die Abschiedsfeier in der Interimskirche mit dem Gemeindegesange: „Ihr, die ihr Christi Namen nennt, gebt unserm Gott die Ehre“, worauf der Pastor der Gemeinde in den Altar trat, um zu seiner Gemeinde und in ihrem Namen das ernste Abschiedswort zu sprechen. Ausgehend von dem Worte des Herrn zu seiner Kirche Hosea 2, 14: „Siehe, ich will sie locken und will sie in eine Wüste führen und freundlich mit ihr reden“, zeichnete er zunächst die Geschichte der jungen Gemeinde in gedrängten Zügen kurz hin, und führte ihr vor die Seele, wie sie sowohl in ihrer Gesammtheit als in ihren einzelnen Gliedern durch des Herrn Locken und Rufen zum Glauben gelangt und zum Eigenthum Gottes geworden sei, und wie — damit in seine beiden vorletzten in der Interimskirche gehaltenen und der Gemeinde tief ins Herz hineingedrungenen Predigten zurückgreifend — der Herr bei solchem Locken und Rufen gar manchem aus dem Jakobs-Brunnen zu trinken gegeben von dem Wasser, welches in das ewige Leben quillet, und wieder gar manchen, der ferne von seinem Heilande unter dem Feigenbaume saß, nachdem er ihn als rechten Israeliter erkannt, zu seiner Nachfolge berufen habe. — Sodann hob er hervor, wie der Herr die eben geborene Gemeinde in die Ruinen des alten Doms als in die Wüste geführt habe, um sie in der Stille und Verborgenheit der Interimskirche zu seiner Braut zu bereiten, und wie ihr da in ihrem

Brautstande die Wüste vielmehr ein Garten Gottes, denn eine verlassene Stätte gewesen sei. Der Herr habe in der nun endenden Zwischenzeit immerdar freundlich mit seiner Gemeinde geredet und noch letztthin sie in so mancher Trübsal herzlich getröstet. Er habe sie immer an Seilen der Liebe geführt und je mehr und mehr zu sich gezogen, um sie nun aus der Wüste in die Kirche und aus der Fremde in die Heimath, damit aber zugleich auch aus der Verborgenheit in die Öffentlichkeit und aus der Ruhe in die Arbeit zu führen als seine ihm von ihm selbst zubereitete Braut. Darnach sprach er von dem hohen Ernste des neuen Standes, in welchen die Gemeinde nun eintrete, und von der großen Wichtigkeit der neuen Aufgabe, die ihr damit werde, und mahnte sie, die Augen nimmer dagegen zu verschließen, sondern vielmehr immer zu wachen und zu beten, auf daß sie in ihrem Stande bestehen und ihre Aufgabe lösen möge zur Ehre des Herrn und zu ihrer eigenen Seelen Seligkeit. An diese Mahnung knüpfte er endlich, damit seiner Gemeinde gleichsam ihr Gebet von den Lippen nehmend, den Segenswunsch Psalm 121, 8: „Der Herr behüte deinen Ausgang und Eingang von nun an bis in Ewigkeit“, und bezog denselben erst auf den gegenwärtigen Ausgang der Gemeinde aus der reichgesegneten Interimskirche und ihren Eingang in ihre eigene Gotteshütte, dann auf Leben und Sterben der einzelnen Gemeindeglieder, da vor Kurzem noch manch' schmerzlicher Sterbefall die Gemeinde betrübt hatte, und endlich auf den Ausgang der Kirche überhaupt aus dem Streite dieser Zeit in den Sieg der Ewigkeit und somit auf ihren Eingang zu ihrer Freude. Während dann die Gemeinde sang: „Unsern Ausgang segne, Gott, unsern Eingang gleichermaßen“, nahm der Pastor die heiligen Geräthe und Bücher vom Altar und reichte sie seinen vor demselben versammelten Brüdern im Amte, und ordnete sich zugleich in Wehmuth und Freude unter dem fortgehenden Geläute der Marienglocke der Festzug.

Diesem gingen voraus, von Festmarschällen geführt, der Generalsuperintendent von Livland, Bischof Dr. Walter, und der Rector magnificus der Universität, Prof. Dr. Bidder. Ihnen folgten die Pastoren der Gemeinde, der Senior, Prof. Dr. Christiani inmitten der Pastoren Körber von Ringen und des Referenten, und inmitten der übrigen zum Feste herbeigeeilten Geistlichen, des Oberpastor emer. Bienemann aus Dorpat und der Pastoren Mickwitz von Pillistfer im Fellinschen, Hasselblatt von Kambi

im Werroschen und Bergwitz, Vicar zu St. Marien-Magdalenen im Dörptschen Propstsprenzel, der Adjunctus, Privatdocent Mag. Lütken s. Den Geistlichen schloß sich der Kirchenrath der Universitätsgemeinde an, außer dem das Präsidium habenden Rector und dem Pastor der Gemeinde aus den Professoren Dr. Neue, Dr. v. Rummel, Dr. Kurtz und Dr. A. v. Oettingen bestehend. Darnach kamen die aus dem Adel des Landes und dem Magistrate der Stadt geladenen Festgäste. Diesen reihten sich die Universitätsbürger sammt den Studenten an. Den Schluß bildete die Menge der zur Feier zusammengeströmten Männer und Frauen, Greise und Kinder. So wogte der imposante Zug den Domberg hinab aus den Ruinen der einst schönsten Kirche Livlands zu der neuen Gotteshütte, die inmitten des Hauptgebäudes und der beiden Flügel der Universität und wieder der den Dom schmückenden übrigen Universitätsgebäude, der Bibliothek, der beiden Kliniken, des Anatomicums und der Sternwarte, als das Herz unserer alma mater dasteht, und an die sich in Stadt und Land und Reich unsere theuersten Hoffnungen schliessen, so fern unsere Universität in ihr als Lutherische Gemeinde dasteht und nun wohl Jünger nach Jünger aussenden mag in Stadt und Land und Reich, die durch das mächtigste Band, durch den Glauben, in Einem Geiste zu Einem Leibe zusammengeschlossen sind. Darum mochte nichts Anderes die Herzen bewegen, als was wir Psalm 122, 1, 2 lesen: „Ich freue mich daß, das mir geredet ist, daß wir werden ins Haus des Herrn gehen, und daß unsere Füße werden stehen in deinen Thoren, Jerusalem.“

Vor der Kirche angelangt, wurde der Zug von dem Curator des Dörptschen Lehrbezirks, Geheimrath und Senateur v. Bradke empfangen, und nachdem sich demselben auch noch die Geistlichen zu St. Johannis, Oberpastor Schwartz und Diaconus Dsirne, die einstweilen ihren Gottesdienst beendet, angeschlossen hatten, sangen die Versammelten angesichts der schmucken Gotteshütte mit ihren noch schweigenden Glocken in dem Gehäuse über dem Portale der Kirche, in hellem Wintersonnenscheine: „Nun danket Alle Gott mit Herzen, Mund und Händen“, worauf Referent auf die Stufen des Portales stieg und zu der dichtgedrängten Menge das Begrüßungswort sprach. — Unserer Teutschen Väter fromme Sitte, sagte er, habe über eines jeden neuerbauten Hauses Thür einen frommen Bibelspruch geschrieben, um so das Haus und seine Einwohner gleichsam in die heilige Schrift als in das Buch des

Lebens zum Leben hineinzubinden. Hier aber erschau das Auge solchen Spruch nicht, — nicht, weil die Gemeinde etwa der frommen Teutschen Vätersitte untreu geworden sei, denn fromm wolle sie sein immerdar und Teutsch solle ihr Haus bleiben vom Sockel bis zum Firste im innersten Herzen, welches Gewand es auch immerhin tragen möge im bunten Wechsel der Zeiten, — sondern weil hier mehr sei als ein menschlich Haus, weil hier eine Hütte Gottes sei bei den Menschenkindern, und es hier nicht nur gelte, das Haus sammt seinen Einwohnern in einen Bibelspruch zu binden, sondern auch durch des Hauses frommen Spruch alle Häuser und Familien der Gemeinde in die heilige Schrift zu fassen, — weshalb denn die Gemeinde ihren Spruch den Glocken hoch über ihres Hauses Tür eingegraben habe, auf daß er dort unverwischlich hingeschrieben feststehe für alle Zeiten, und wieder von dort aus in hellem Klange laut zu allen Gliedern der Gemeinde hindringe. Das aber sei ihr Spruch: „Ein feste Burg ist unser Gott“ und „Allein Gott in der Höh' sei Ehr“, und ein Doppelspruch sei's, weil sich's hier um ein Gedoppeltes handle. Ihr Pastor habe der Gemeinde eben gesagt, daß der Herr sie nun aus der Verborgtheit in die Oeffentlichkeit führe, und daß ihr damit nun eine andere Aufgabe als die bisherige gestellt werde. Gewiß, denn so lange es Tag sei und ehe der Abend und die Nacht komme, da niemand mehr wirken kann, solle sie nun nicht nur wirken lassen an sich, sondern selbst auch wirken an Allen, die der Herr ihr befohlen habe, Gottes Wort. Gehe sie aber daran, Solches zu thun, so werde sie gar bald erfahren, das Gottes Wort nicht mag gewirkt werden in dieser Welt, wir binden uns denn recht und kämpfen den guten Kampf des Glaubens, wohlgerüstet mit den geistlichen Waffen des Heils. Darum sei ihr erster Spruch: „Ein feste Burg ist unser Gott, ein gute Wehr und Waffen“, denn mit dieser Wehr und Waffen möge sie getrost gehen in die ihr verordnete Arbeit, die immer ein Kampf sei. „Und wenn die Welt voll Teufel wär und wollt uns gar verschlingen“, sie werde im Glauben doch weit überwinden durch ihren Herrn Jesum Christum. Kehre sie dann aber heim aus dem Kampfe, um in den Hütten der Gerechten als triumphirende Kirche zu singen vom Siege, so sei ihr anderer Spruch: „Allein Gott in der Höh' sei Ehr und Dank für seine Gnade“, denn sie werde, in Gott kämpfend, es immer erkennen und bekennen, daß ihr Werk, in Gott gethan, nicht ihr, sondern sein Werk sei, und daß alle Ehre dafür Dem gebühre,

dessen Gnade in unserer Schwachheit mächtig sei. So oft nun ihrer Glocken Klang ihr an Ohr und Herz dringe, solle die Gemeinde sich wecken und mahnen lassen, einmal: hinauszugehen in den guten Kampf des Glaubens, auf daß sie auch an ihrem Theile dem Herrn die Erde und ihre Reiche zu seinen Füßen hinlege, dann aber heimzukehren, um dem Herrn alle Ehre und alles Lob zu geben für seine Gnade und Barmherzigkeit. Noch schwiegen ihre Glocken, bald aber würde denselben die Zunge gelöst werden, und im Hinblick darauf solle sie jetzt schon mit ihrem Glockenspruche im Herzen, und wie jetzt so immer in ihre Kirche eintreten, auf daß ihr Eingang jetzt und immer der rechte und der dem Herrn wohlgefällige sei. So werde sie ihrem Gotte die gelobte Pflicht bezahlen und ihm Dank opfern, und das sei der Weg, da sie den Herrn preise und der Herr ihr sein Heil zeige. Ihn aber möge sie, was ihr die Seele bewege, mit ihrem Glockenspruche im Herzen in ein Wort zusammenfassen und in dem Psalmverse 118, 19 aussprechen lassen: „Thut mir auf die Thore der Gerechtigkeit, daß ich da hineingehe und dem Herrn danke!“ — Darnach überreichte der Curator dem Generalsuperintendenten den Schlüssel der Kirche und dieser ergriff denselben mit den, einmal auf das allgemeine Priesterthum der Gemeinde, dann auf die dem Amte im Worte und Sacramente vom Herrn gegebene Schlüsselgewalt hinweisenden Worten: „Die Gemeinde baut, aber die Geistlichkeit schließt auf!“ und erschloß der harrenden Menge die Thore der Gerechtigkeit, daß sie dahineingehe und dem Herrn danke.

Zugleich drang vom Orgelchore herab unter unseres Meisters Brenner Leitung der von diesem für Männerquartett gesetzte köstliche Gesang des alten Vulpius: „Ich freu mich deß und jauchze sehr, mein Herz im Leibe springet, daß mir so gute neue Mähr ist abermals verkündet, daß wir zur Kirche werden gehn, und unsre Füße werden stehn bei wahren Gottesdiensten. Jerusalem gebauet ist zum Trost dem ganzen Lande, daß da zusammenkommen soll das Volk in allem Stande, zu predigen das göttlich Wort, dem Herrn zu danken an dem Ort, Gericht und Recht zu halten. Gott geb dir Glück, Jerusalem, ein End hab alles Trauern, es müsse Fried und Freude sein inwendig deiner Mauern, sicher zu gehen ein und aus, du bist des wahren Gottes Haus, dein Bestes will ich suchen.“ Unter diesem meisterhaft ausgewählten und trefflich ausgeführten Gesange ging der Festzug durch das Schiff der

Kirche auf den Altarplatz hin, und nahm, nachdem der Bischof die ihm von den Geistlichen überreichten heiligen Geräthe und Bücher auf den Altartisch gestellt, die ihm zugewiesenen Plätze ein.

Aller Blicke wandten sich in der nun eintretenden kurzen Pause dem überaus freundlichen Inneren der Kirche zu. Die zwischen den beiden Fensterreihen hoch an der Wand dahinlaufende Emporkirche, zu welcher aus der Vorhalle rechts und links Treppenfluchten hinaufführen, wurde vom Altarchorplatze ab bis zu der Brüstung hin, auf welcher die 32 klingende Register zählende und auch im Aeußern sehr hübsch ausgestattete Orgel von unserem Meister Keßler steht, von der studirenden Jugend eingenommen, das Schiff aber, so weit es nicht schon in seinen Gestühlreihen zu beiden Seiten des zwischen den Säulen der Emporkirche dahinlaufenden Hauptganges und an der linken Mauerwand unter der Emporkirche den Frauen eingeräumt worden war, also unter der Emporkirche an der rechten Mauerwand, von den zur Gemeinde gehörigen Männern und der Altarchorplatz bis an seine in den Hauptgang des Schiffes führenden Stufen von der Geistlichkeit, dem Kirchenrathe und den Festgästen. Von der Orgelbrüstung, welche von den Sängern erfüllt war, eilten die Blicke zu der Kanzel, welche, durchaus sachgemäß an der das Schiff und die Altarhalle von einander trennenden Wand an der linken Seite angebracht, die Predigt laut und deutlich in jeden Raum der Kirche hindringen läßt, von der Kanzel aber zu der, jedenfalls die Krone des ganzen Gebäudes bildenden Altarhalle und deren Nebenräume, links die Sacristei, aus der eine Treppe zur Kanzel führt, rechts eine in freundlicher Fürsorge den Kranken reservirte Loge mit freiem Blicke zum Altare und zur Kanzel hin. Wie die Gewächshäuser des botanischen Gartens die Rückwand der Altarhalle mit den schönsten Bäumen geschmückt hatten, so zarte Frauenhände aus der Gemeinde den Altartisch mit zierlichen Blumen in kunstvollen Vasen und mit kostbaren Decken. Mehr aber als das wurde der Blick von der in den drei Fenstern der Altarhalle angebrachten Glasmalerei angezogen. Es sind drei Meisterbilder aus Nürnberg, auf des früher uns angehörigen Erlanger Professors Dr. Harnack's Anregen und durch seine freundliche Vermittelung von der Gemeinde zur Ehre Gottes der neuen Kirche dargebracht, links den Johannes und Petrus, rechts den Paulus und Markus nach Albert Dürer, in der Mitte aber den auferstandenen Herrn nach einem Originale von Hemling darstel-

lend. So schön diese Glasbilder aber auch sind, so werden sie doch, mindestens in der Wirkung, die sie auf den Beschauer ausüben, von dem Altarblatte übertroffen. Dieses ist eine meisterhaft ausgeführte Copie eines Murilloschen Christuskopfes mit der Dornenkrone, den man nicht anschauen kann, ohne im innersten Herzen ergriffen zu werden von der Liebe, die uns je und je geliebet hat bis zum Tode, ja bis zum Tode am Kreuze, und an dem jeder Zug eine Predigt ist von dem Lamme Gottes, welches der Welt Sünde trägt. Daß mit diesem Altarblatte das Haupt der Gemeinde auch in der Kirche als Haupt dasteht, wird seinen Eindruck auf die Gläubigen nimmer verfehlen. Vom Altare wurden die Blicke dann wieder auf die in dem Hauptgange herabhängenden schönen Kronleuchter und dann weiter zur Vorhalle hingetragen, über welcher das Kreuz steht, das Gott aufgerichtet hat, auf daß Alle, die an den Gekreuzigten glauben, nicht verloren werden, sondern das ewige Leben haben, also daß man die Gemeinde dastehen sah zwischen dem Gekreuzigten und dem Kreuze als das rechte Christenvolk, dessen Anfang und Ende, Ein und Alles Christus ist, der Sohn des lebendigen Gottes, hochgelobet in Ewigkeit!

Sobald die Versammelten alle ihre Plätze eingenommen hatten, eröffnete der Generalsuperintendent den feierlichen Weiheact mit seiner, von der erhobenen Stimmung der Gemeinde getragenen Festrede. Zunächst wies er darauf hin, daß wie überall, so auch im Reiche Gottes das Leben aus dem Tode geboren werde, im Reiche Gottes aber bei solcher Geburt das Sündhafte und Verwesliche von sich abstreife und in verklärter Gestalt vor uns hintrete. So sei auch hier aus den Trümmern der alten schwedischen Marienkirche die Universitätskirche geboren worden und die Universitätsgemeinde aus den Ruinen des alten Domes in ihre neue Gotteshütte eingetreten, und werde nun hier, wo 1632 das Weihewort für die Universität erklang, das Weihewort für die Kirche der zur Gemeinde zusammengefaßten Universität gesprochen. Darnach führte er der Gemeinde, das Ganze kurz zusammendrängend, vor die Seele, wie, nach den vielfachen Zerstörungen Dorpats und seiner 11 Kirchen in den mannigfachen Kriegsläufen der vorigen Jahrhunderte, seit der Reformation die nun von der Universitätskirche überbaute alte schwedische Marienkirche eine geraume Zeit lang die Hauptkirche Dorpats gewesen sei, sofern die jetzige erste Stadtkirche zu St. Johannis damals den Ehsten gehört

habe, der Gottesdienst für die Teutschen aber in der Schwedischen Kirche gehalten worden sei, bis 1582 der Polenkönig (Stephan Bathory) dieselbe dem Jesuitenorden übergeben und so die Teutschen Dorpats gezwungen habe, ihre Gottesdienste auch in die St. Johanniskirche zu verlegen. Im J. 1625 sei bei der Eroberung Dorpats durch die Schweden die alte Marienkirche den Jesuiten wieder genommen, von denselben aber nicht der Stadt zurückgegeben, sondern vielmehr zur Garnisons- oder Kronskirche erhoben worden. Als solche habe der Schwedenkönig sie dann 1633, nachdem 1632 in ihr das Weihewort für die Universität gesprochen worden, ohne den Schwedischen und Finnischen Gottesdienst in ihr aufzuheben, der Universität zu deren Gottesdiensten und feierlichen Redeacten eingeräumt. Es habe auch das neben dem Livländischen Hofgerichte von Gustav Adolph zu Dorpat ins Leben gerufene Livländische Oberconsistorium in der alten Marienkirche seine Juridiken mit feierlichem Gottesdienste eröffnet und in demselben die Träger des Amtes am Worte und Sacramente durch den Livländ. Generalsuperintendenten ordinirt. Sie sei also eine Zeit lang geradezu die Hauptkirche unseres gesammten Landes gewesen, bis die Universität, nach einem in ihrer alten Kirche gehaltenen Abschiedsgottesdienste, 1699 nach Pernau verlegt worden. In den darauf folgenden Kriegsläufften sei die herrliche alte Kirche endlich auch ihren Schwestern nachgefolgt und in Schutt und Trümmer gesunken. Aus ihren Trümmern habe man noch der Ecksschen Kirche das Baumaterial geliefert, und ihren Namen der 1842 am 11. Januar für das Kirchspiel und die Gemeinde der Stadt Dorpat geweihten neuen Marienkirche vererbt. Weiter erinnerte der Redner die Gemeinde daran, wie der Kaiser Alexander I, nachdem er unsere Landesuniversität in ihre Geburtsstadt Dorpat zurückgeführt, auch der Universitätskirche wieder gedacht und den ersten Anlaß zu der Herstellung der nun vor uns dastehenden neuen Kirche gegeben habe, und wie diese Herstellung in der Folge von den Professoren der Theologie Dr. J. Walter, Dr. Ullmann, Dr. Harnack, Dr. Philippi und Dr. Christiani angestrebt und gefördert worden, und zwar so, daß unter dem Kaiser Nicolai und unter dem Curatorio des Generals v. Crafftström die Universität zuerst ihren eigenen Gottesdienst, unter dem Kaiser Alexander II aber und unter dem Curatorio des Senators v. Bradke ihre eigne, in ihrem Plane schon vom Kaiser Nicolai bestätigte Kirche für ihren zur Gemeinde zusammen-

geschlossenen Körper erhalten habe. Die Universitätskirche, deren Grundstein am 26. August 1856 gelegt und deren Bau zu Schlusse des vorigen Jahres beendet worden sei, stehe nun neben ihren Schwestern zu St. Johannis und St. Marien da und harre der Weihe.

Wem aber gelte die Weihe und welchen Zweck verfolge dieselbe im letzten Grunde? Mit dieser Frage auf den zweiten Theil seiner Rede übergehend, legte er nunmehr dar, daß die Weihe nimmermehr den Tempel könne weihen wollen, den Gott selbst zerbrochen habe und der in seiner von Gott selbst zerbrochenen Gestalt nimmermehr wiedergebaut werden dürfe, sondern daß sie immer nur die Absicht habe, die aus dem zerbrochenen Tempel geborene, lebendige und sich selbst Gotte zur geistlichen Behausung erbauende Gemeinde durch Gebet und Gotteswort zu heiligen, wodurch denn auch der Ort, an welchem sie sich kraft ihres königlichen Priesterthumes ihrem Gotte erbaue, seine Weihe erhalte. Diesen Satz führte er nun derart weiter aus, daß er hinwies auf das Gespräch des Herrn mit der Samariterin am Jakobsbrunnen über die Anbetung Gottes weder auf Garizim noch zu Jerusalem, sondern im Geiste und in der Wahrheit, auf das Zerreißen des Vorhanges im Salomonischen Tempel beim Tode des Gekreuzigten und auf die apostolischen Aussprüche, daß der Herr nicht wohne in Tempeln von Menschenhänden gemacht, sondern in der Gemeinde, die aus lebendigen Steinen erbaut sei auf dem Grunde der Apostel und Propheten, da Jesus Christus selbst der Eckstein ist. Nur da, wo die Gemeinde, so in ihrer Gesamtheit wie in jedwedem ihrer einzelnen Glieder, als der Tempel Gottes dastehe, sei das, was der alttestamentliche Tempel vorgebildet habe, Wirklichkeit geworden, und nur da, wo die Gemeinde, so in ihrer Gesamtheit wie in jedem ihrer einzelnen Glieder, dem Herrn geheiligt werde, werde dem Herrn selbst auch seine Wohnung geweiht. Wo aber Solches geschehe, da werde auch der durch das alte und neue Testament hingehende Zweck Gottes erreicht, nämlich die wahre Herstellung des im Salomonischen Tempel ab- und vorgebildeten Urbildes. Da werde auch der im Glauben lebende und zu solchem Leben aus dem Tode der Sünde wiedergeborene Mensch, das Kind Gottes hergestellt, wie es in Jesu Christo vollkommen gegeben sei, weßhalb dieser auch vorzugsweise als der Tempel Gottes dastehe und sich selbst in seiner Geistlichkeit den Tempel Gottes nenne.

Darum sei denn auch, sagte er, zum dritten und letzten Theile seiner Rede fortschreitend, sein eigentliches Weihewort das jenes Knaben, der Luk. 2, 49 spreche: „Wisset ihr nicht, daß ich sein muß in dem, das meines Vaters ist?“ Nunmehr suchte er, von diesem Worte aus in alle christlichen Lebensbethätigungen und alle persönlichen Individualitäten hineindringend und sie zu diesem Worte zurückführend, dasselbe in seiner ganzen Fülle darzulegen. Darum faßte er zuerst das „Muß“ ins Auge und wies nach, wie der seinem Herrn angehörende Christ nimmer durch irgend welchen äußern Zwang oder irgend welche nicht in ihm liegende Nothwendigkeit, habe sie Namen, welche sie wolle, getrieben werden dürfe, in dem zu sein, was seines Vaters ist, sondern immer nur durch die in ihm liegende und seinen Glauben bethätigende Liebe zu seinem Gotte. Dem, von seines Herzens Glauben bewegten und getriebenen Christen sei das, was seines Vaters ist, nimmer ein Fremdes, sondern immer sein eigenstes Eigenthum, das Element, in dem er lebe, webe und sei. — Daran knüpfte er dann die, in immer steigender Wärme immer eindringlicher werdende Mahnung an die Gemeinde, in dem zu sein, das ihres Vaters sei, auf daß sie immer dem lebe, was Gottes sei, sowol in dem allgemeinen Berufe, den sie mit allen Gemeinden theile, als auch in dem besonderen Rufe, den sie als Universitätsgemeinde habe. Dieser stelle ihr die Aufgabe, die ihr aus allen Gemeinden unseres Reiches anvertrauten Jünglinge zu solchen heranzubilden, die nie äußerer Zwang, immer aber innerer Drang treibe, mit all' ihrem Leben und Wesen in dem zu sein, was ihres Vaters sei.

Nach seinem Amen traten seine Assistenten, der Oberpastor Schwartz und der Referent mit dem Pastor der Gemeinde zu ihm in den Altar, um mit ihm den eigentlichen Weiheact zu vollziehen, während lautlose Stille in der andächtigen Gemeinde herrschte. Es wurde nun das Zeichen des heiligen Kreuzes zuerst auf die Kirche überhaupt gelegt, als die Stätte, da der Herr mitten unter den Seinen sein will bis an das Ende dieser Welt; sodann auf die Kanzel und den Altar insbesondere, als die Stätten, von denen her den Gläubigen das Wort und das Sacrament gesendet werden sollen. Darauf beugte nicht ein Menschenwort, sondern die in die Herzen der Gläubigen ausgegossene Liebe Gottes dem Bischofe und den Geistlichen, wie dem greisen Curator und den ihn umgebenden Männern und Frauen die Knie vor dem Herrn Herrn, der da barmherzig ist und gnädig, geduldig und von grosser

Güte und Treue, und laut sprachen die Lippen des Bischofs und die Herzen der Gemeindeglieder das aus tiefster Seele quellende und zum Gnadenthron dringende Weihegebet. Nach dem Gebete aber gab Gott seinem Volke, zum Zeichen, daß er es erhört habe, sein Wort durch den Pastor der Gemeinde und die Assistenten des Bischofs in reichem Maaße als das Salz und Brot des Lebens in den Schooß. Es war aber dieses Wort erst das 1. Petri 2, 5—10 von der Erbauung der Gemeinde zum Hause Gottes, dann das Psalm 84 von der Lieblichkeit des aus der Gemeinde erbauten Hauses Gottes, und endlich das 1. Kön. 8 mit dem Weihegebete Salomo's. Diese drei Weihetexte wurden von dem Pastor der Gemeinde, dem Referenten und dem Oberpastor Schwartz nach einander verlesen.

Nach vollzogener Weihe begann die Gemeinde sogleich ihren ersten Gottesdienst in ihrer neuen Kirche, und der erste Ton, der in derselben erklang, war Vater Luthers herrliches und der Gemeinde in ihre Glocken eingegrabenes Lied: „Ein feste Burg ist unser Gott, ein gute Wehr und Waffen“, wodurch sie sich gleich in die rechte Stimmung des königlichen Priestervolkes hineinsang. Unter diesem Liede trat der Pastor adjunctus in den Altar, um die Vorliturgie mit Verlesung des Kirchweihewangeliums Luk. 19, 1—10 vom Zachäus und dem seinem Hause widerfahrenen Heile zu administrieren, während die Gemeinde ihm in vollem Chore respondirte, namentlich als die den Gesang begleitenden Posaunen den Choral anstimmten: „Allein Gott in der Höh sei Ehr und Dank für seine Gnade“, der in seinem unverkürzten Rhythmus mächtig dahinbrauste. Der Vorliturgie folgte der die Sehnsucht der Kirche nach ihrer himmlischen Heimath so treu und innig ausprechende Choral: „Jerusalem, du hochgebaute Stadt, wollt Gott, ich wär in dir.“ Darauf betrat der Pastor der Gemeinde die Kanzel, um die Predigt über die Kirchweih epistel Offenb. 21, 1—5 von der Hütte Gottes bei den Menschenkindern zu halten. Aus dem Herzen quoll diese Predigt und in die Herzen drang sie hinein in der Kraft des heiligen Geistes, der beiden, den Pastoren die Lippen und den Gemeinden die Herzen aufthut. Selbstverständlich war sein Thema, auf das er nach einer kurzen in die Weiherede des Bischofs zurückgreifenden Einleitung kam, das ihm mit seinem Texte gegebene, die Hütte Gottes bei den Menschenkindern. Diese faßte er ins Auge erst als die im Salomonischen Tempel vorgebildete, dann als die im heiligen Geiste in den Her-

zen der Gläubigen befindliche, und endlich als die am Ende dieser Tage in geistleiblicher Gestalt aus dem Himmel herabkommende.

Sollte im Tempel Salomo's das Heil für die Menschheit aus Gottes Gnaden vorbereitet werden, so solle die christliche Kirche das ihr dargereichte Heil bewahren und aus einer Zeit in die andere von Geschlecht zu Geschlecht hintragen, sei es zum Segen und zur Erlösung, sei es zum Zeugnisse über die Widerstrebenden, auf daß sie keine Entschuldigung haben am Tage des Herrn. In dieser Zeit des Kampfes auf Erden solle die Kirche des Herrn sich treu bewähren, damit, wenn der Herr wiederkomme, sie aufgenommen werden möge in die neue Stadt, da Gott abwischen wird alle Thränen ihren Augen, die sie geweint hat während der Trübsal in dieser Zeit, in welcher es immerdar heiße: „Es glänzet der Christen inwendiges Leben, obgleich sie von außen die Sonne verbrannt.“ — Bei seinem innigen Zusammenhange mit seiner Gemeinde war es so erbaulich wie natürlich, daß er hierbei wieder auf die Geschichte derselben zurückschaute, und seine Heerde daran erinnerte, wie sie, was sie sei, durch Gottes gnädige Fügung und Führung geworden, wie sie nun, aus ihrer Verborgenheit und Stille in die Oeffentlichkeit und Unruhe herausgetreten, die Aufgabe habe, die Herrlichkeit des Herrn zu offenbaren und sich allewege als das Volk zu bewähren, in welchem er seine Wohnung habe, und wie ihr in der ihr nun gewordenen Aufgabe das Angeld gegeben sei auf die Herrlichkeit, zu welcher sie auch eingehen müsse durch viel Trübsal. Dann aber brach er nach einer Schilderung der Herrlichkeit des neuen Jerusalems, wo das Alte werde vergangen und Alles neu geworden sein, kurz ab, und sagte: Noch viel wichtiger, als die Herrlichkeit der in der Geistlichkeit vollendeten Kirche klar und fest ins Auge zu fassen, sei das Fragen darnach, wie wir zur Theilnahme an dieser der Kirche verheißenen Herrlichkeit gelangen mögen. Da werde zunächst das Dürsten, dann aber das Ueberwinden von uns verlangt. Jenes, das Dürsten aber werde nur dann bei uns gefunden, wenn wir zuvor in rechtschaffener Buße unsere Sünde und unser Elend erkannt, und dieses, das Ueberwinden hinwider werde nur da angetroffen, wo zuvor dem Büßenden durch die Vergebung der Sünden der Durst gelöscht worden sei. Darum möge sich die Gemeinde immer und immer wieder durch das Wort des Herrn wie durch sein Walten und Regieren unter seinem Volke zur Buße und in der Buße zum

rechten Dürsten und Verlangen nach seiner Gnade treiben lassen, wo der Herr sie aber an den Jakobsbrunnen führe, aus demselben mit dem Wasser, das in das ewige Leben quillet, Gnade um Gnade aus der Fülle ihres Herrn zu nehmen, auf daß sie in aller Anfechtung bestehen und in allem Kampfe überwinden möge, zumal wenn die letzte große Trübsal komme. Dann werde sie auch nach dem Streite zur Ruhe gelangen und durch Leiden zur Freude dringen und Theil haben an dem Jerusalem, in welches eingehen, die aus großer Trübsal kommen und haben ihre Kleider helle und weiß gemacht im Blute des Lammes. Zum Schlusse pries er dann wieder die Herrlichkeit der aus den lebendigen Steinen erbauten und das im Salomonischen Tempel gegebene Vorbild erfüllenden geistlichen Hütte Gottes bei den Menschen am Ende dieser Zeiten, und gab darnach den Sängern Raum, die seiner Predigt mit Luthers schönem Liede: „Sie ist mir lieb, die werthe Magd“ das rechte Amen sangen. Darauf hielt er aus dankerfülltem Herzen das Kirchengebet, in welchem er namentlich auch der ebengeweihten Kirche und der in ihr versammelten Gemeinde, des regierenden Kaisers und der Universitätsobrigkeit in inniger Fürbitte gedachte. Dann aber der Gemeinde den jungen Bruder im Amte, der alsbald die Ordination empfangen sollte, dringend ans Herz legend, schloß er Alles, was die Gemüther noch bewegte, in das Vaterunser zusammen und verließ mit dem Wunsche um Erhaltung der Herzen und Sinne in Christo Jesu zum ewigen Leben seine Kanzel.

Wo je eine Kirche geweiht ward, prägte sich zugleich mit dem Weiheacte die erste in der neuen Kirche vollzogene geistliche Handlung der Gemeinde in unverlöschlichen Zügen ein. So wird nun auch unsere Universitätsgemeinde, so oft sie der Weihe ihrer Kirche gedenkt, daran erinnert werden, daß die erste in ihrer neuen Kirche vollzogene geistliche Handlung die Ordination des Pfarrvicaren W. Bergwitz war, und das um so mehr, als im Hinblick auf den Beruf der Kirche zur Arbeit im Weinberge des Herrn keine geistliche Handlung höher stehen möchte als die Ordination, und wieder im Hinblick auf unsere Universitätsgemeinde nichts gewisser und sehnlicher von ihr erwartet wird, als daß sie uns Arbeiter sende in den Weinberg des Herrn. Es war darum überaus freundlich vom Herrn, daß er unsere Universitätsgemeinde an ihrem Kirchweihstage einen ihr angehörigen Mann ihrem Gotte zum Opfer darbringen und wieder von ihrem Gotte

als Erstlingsgabe für die Kirche, in der sie lebet und webet, empfangen ließ. Nichts als diese Ordination konnte sich der Weihefeier so innig anschließen, und wieder nichts als diese Ordination konnte die Weihefeier schöner abschließen. Sie begann mit dem Gemeindegesange: „O heilger Geist, kehre bei uns ein, und laß uns deine Wohnung sein“, unter welchem der Bischof mit seinen Assistenten, dem Pastor der Gemeinde und dem Referenten in den Altar, der Ordinande aber vor denselben hintrat. Des Bischofs ernste Ordinationsrede, die zugleich eine Bußstimme für den Ordinandem war, hatte zu ihrem Texte die köstliche Mahnung 1. Petri 5, 2—4: „Weidet die Herde Christi, so euch befohlen ist, und sehet wohl zu, nicht gezwungen, sondern williglich, nicht um schändliches Gewinnes willen, sondern von Herzensgrund, nicht als die über das Volk herrschen, sondern werdet Vorbilder der Herde. So werdet ihr, wenn erscheinen wird der Erzhirte, die unverwelkliche Krone der Ehren empfangen.“ Die drei Stücke dieser Mahnung dem Ordinandem ans Herz legend, fragte er in ernster Bewegung seinen jungen Bruder im Amte, ob er es als armer Sünder wage, seine Hand nach einem so köstlichen, aber auch so hochverantwortlichem Amte auszurecken. Er warnte ihn davor, sich des leider nur zu häufigen Fehlers, des Vergessens der Reichen über die Armen, schuldig zu machen. Gar oft, sagte er, sei es dem Fleische leicht und angenehm, zu den Armen und Geringen, aber schwer und unangenehm, zu den Reichen und Vornehmen zu gehen, weil jene dem Pastor entgegenkommen, diese aber von denselbem aufgesucht werden müssen. Der Pastor dürfe aber nicht dem nachgehen, was dem Fleische leicht und angenehm sei, sondern müsse ganz und gar seinem Amte leben, darum auch die Reichen aufsuchen und diesen gebieten, daß sie nicht stolz seien, auch nicht hoffen auf den ungewissen Reichtum, sondern auf den lebendigen Gott, der uns dargiebt reichlich allerlei zu genießen. Das sei Pflicht des Pastors, auf daß er nicht dereinst vor dem Herrn von den Reichen verklagt werden möge, daß er ihrer schöne vergessen und ihre Seele unbeachtet gelassen habe.

Der ersten Rede folgte die ergreifende Ordinationshandlung selbst. Bei dieser aber wurden Alle zugleich freudigst erhoben, als der Ordinande das Bekenntniß der Apostel und das seiner Kirche in heiligem Ernste und voller Zuversicht als das seine bekannte und laut und helle gelobte unserer Lutherischen Kirche alle Kräfte Leibes und der Seele zum Opfer zu bringen. — Nach

der Ordination reichte der Pastor der Gemeinde seinem jungen Amtsbruder, der auf der Universität sein Schüler und in der Universitätsgemeinde sein Beichtkind gewesen war, das hochwürdige Sacrament des Leibes und Blutes unseres Herrn Jesu Christi, sprach dann noch Versikel und Collecte über ihn und die ganze Gemeinde und schloß mit dem Aaronischen Segen. Die Gemeinde aber sang mit dem Gebete: „Laß mich dein sein und bleiben, du treuer Gott und Herr“, ihren Schlußvers.

Zum ersten Male erklangen nun die Glocken der neuen Gotteshütte und läuteten der Gemeinde ihren Doppelspruch in die Herzen und Häuser hinein: „Ein feste Burg ist unser Gott, ein gute Wehr und Waffen“, und „Allein Gott in der Höh sei Ehr und Dank für seine Gnade“, auf daß sie als Gottes Volk möge kämpfen und siegen, arbeiten und erndten, sterben und auferstehen, und dereinst im neuen Jerusalem vor dem Lamme in höhern Chore singen: „Es ist ein Ros entsprungen aus einer Wurzel zart, als uns die Alten sungen, von Jesse kam die Art, und hat ein Blümlein bracht, mitten im kalten Winter wohl zu der halben Nacht.“

DIE JAHRE 1860—1910.

So stand denn die Universitätskirche vollendet da, die Universitätsgemeinde hatte ihr eigenes schönes Heim. Freilich, es blieb noch manches zu tun übrig, um der Kirche in vollem Umfange die nötige Ausstattung und einen ihr würdigen Schmuck zu verleihen. Vor allem war der Orgelbauer durch Krankheit verhindert worden, zum Einweihungstage die Aufstellung und das Stimmen der Orgel zum Abschluß zu bringen. Erst im August 1860 konnte das fertige Werk übernommen werden. Nach sorgfältiger Prüfung konnte der Organist, Musikdirektor Brenner, sein Urteil dahin abgeben: „Die Arbeit des Pfeifenwerkes, der Kanäle, der Windlade, des ganzen Regierwerkes ist musterhaft. Die Klangfarbe jeder einzelnen Stimme ist dem Charakter derselben völlig entsprechend. Das ganze Werk macht in seiner Einzel- wie Gesamtwirkung einen wahrhaft erhebenden Eindruck.“ Daß jetzt nach einem halben Jahrhundert das Urteil nicht mehr so lauten kann, darf uns nicht wundernehmen. Ungenügender Schutz gegen Temperaturschwankungen haben schon früh dem Werke Schaden zugefügt, und mit der Zeit ist mancher neue Fehler hinzugekommen. Das Werk hat seine Zeit gedient. Aber auch als es noch neu war, konnte es als ein „höchst gelungenes“ wohl auch nur nach dem damaligen Stande der Orgelbautechnik bezeichnet werden.

Eine Verschönerung der Kirche suchte man gegen Ende der 60-er Jahre herbeizuführen. Infolge wiederholentlich in der Gemeinde geäußelter Wünsche nach einer geschmackvolleren Form der Kanzel und des Altars brachte der Präses des Kirchenrats im September 1866 die Errichtung eines neuen Altars samt Kanzel nach den Plänen des Rigaer Architekten M. Holst in Anregung. Da die Kosten den Betrag der in der Kirchenkasse angesammelten Ersparnisse nicht überstiegen, die Zeichnungen zudem sehr gefielen, wurde dieser Anregung Folge gegeben. Am Anfang des

Jahres 1868 waren Altar und Kanzel vollendet und in der Kirche zur Aufstellung gelangt. Eine Abänderung fand der damals errichtete Altar im Jahre 1870 insofern, als auf Antrag des 1865 nach Dorpat zurückberufenen Professors Th. Harnack die Altargemälde eine günstigere Aufstellung erhielten. Sie waren ursprünglich so niedrig angebracht, daß sie mit ihrem unteren Rande fast unmittelbar auf den Altartisch zu stehen kamen. Auch der sie nach oben abschließende Flachbogen machte einen unschönen Eindruck. Jetzt wurden nach Entfernung der über dem Bogen befindlichen Verzierung mit dem Lamme die Gemälde bis an den Rundbogen gehoben und mit einer Predelle versehen.

Zwei Jahre später, 1872, erhielt auch die Kanzel — gleichfalls auf Anregung Prof. Harnacks, nachdem man sich auch schon früher darum bemüht hatte, — einen neuen Schmuck, indem die bis dahin leeren Seitenfelder an der Kanzelbrüstung mit holzgeschnitzten Statuen, Christus und die vier Evangelisten darstellend, versehen wurden.

Endlich hat der Kirchenschmuck noch in allerjüngster Zeit eine hervorragende Bereicherung erfahren. Von Anfang an besaß die Kirche zwei Altargemälde, beides Kopien von der Hand des Malers W. Krüger. An Stelle des gewöhnlich den Altar schmückenden Gemäldes „Die Frauen am Grabe Jesu“, einer Kopie des Freskogemäldes von Fra Angelico im Markuskloster in Florenz, pflegte man in der Passionszeit das zweite, einen überlebensgroßen Christuskopf, eine Kopie nach Murillo, aufzustellen. Im Jahre 1894 schenkte Frau Prof. Hagen-Schwarz ein Originalgemälde von ihrer Hand, den gekreuzigten Heiland darstellend. In der Folge wurde der nun überflüssig gewordene Christuskopf der evangelisch-lutherischen Gemeinde in Polotzk geschenkt (Dez. 1898).

In den 70-er Jahren gelangte die Universitätsgemeinde endlich auch in den Besitz eines eigenen Pastorates. Nachdem man sich zuerst vergeblich bemüht hatte, ein nach äußerer Lage und innerer Einrichtung zur Amtswohnung des Pastors geeignetes Haus käuflich zu erwerben, wurde 1874 beschlossen an einen Neubau zu schreiten. Anfänglich nahm man den an der Jakobsstraße grenzenden unteren Teil des auf Domterritorium belegenen sogenannten Morgensternschen Gartens als Bauplatz in Aussicht. Die Universität erklärte sich jedoch nur bereit, einen mehr oberhalb gelegenen Teil dieses Terrains für den beabsichtigten Bau abzutreten. Das ließ diesen Plan aufgeben. Statt dessen fiel die Wahl dann

auf ein vom Garten der ophthalmologischen Klinik abzutrennendes Grundstück, das durch seine Größe — 16 Faden — und seine günstige Lage sich als durchaus geeignet erwies. Nachdem die Universität die Genehmigung zur Abtretung dieses Grundstücks erteilt hatte und die nötigen Vorarbeiten erledigt waren, konnte 1876 der Bau des Pastorates begonnen werden, der nach den von dem Architekten Hübbe entworfenen Plänen erfolgte. Bereits 1877 war der Bau soweit fertiggestellt, daß der Universitätsprediger das neue Pastorat beziehen konnte. 1878 war dann auch der ganze Bau fertig und konnte von der Universitätsgemeinde übernommen werden. Eine wesentliche, zweckvolle Veränderung ist im Pastorat nachmals nur noch in allerjüngster Zeit, 1909, vorgenommen worden, sofern durch Zusammenziehung zweier Zimmer im oberen Stock ein Gemeindesaal eingerichtet worden ist, in welchem die Konfirmandenlehre, Missionsabende und andere kirchliche Veranstaltungen stattfinden.

Aus den Jahren 1860—1910 seien ferner noch einige Notizen über die Pastoren der Universitätsgemeinde eingefügt.

Wie oben erwähnt, war zur Zeit der Begründung der Gemeinde und der Einweihung des Kirchenbaues Prof. Dr. Arnold Christiani im Amte. Ihm stand seit 1857 Mag. Johannes Lützens als Pastor-Adjunkt zur Seite. Als Christiani 1865, zum Livländischen Generalsuperintendenten berufen, sein Amt niederlegte, wurde am 6. Dezember 1865 der bisherige Pastor-Adjunkt Mag. Lützens zum Pastor gewählt und nach erfolgter Bestätigung am 16. Januar 1866 introduziert.

Anfang 1875 folgte Lützens gleichfalls einem Rufe nach Riga und zwar zum Oberpastor an der St. Petrikirche. Da etwa gleichzeitig der als Nachfolger Christianis aus Erlangen zurückberufene Professor der praktischen Theologie Th. Harnack sein Abschiedsgesuch eingereicht hatte, beschloß man, zunächst von einer Neuwahl abzusehen und zuvor die Wiederbesetzung des Lehrstuhles der praktischen Theologie abzuwarten. Die Vizebedienung der Gemeinde wurde für diese Vakanzzeit vom Livl. Konsistorium dem Konsistorialrat Pastor A. H. Willigerode übertragen.

Im Mai d. J. wurde vom Konseil der bisherige Pastor in Fellin Propst Ferdinand Hörschelmann zum Professor der praktischen Theologie gewählt, und am 5. September erfolgte die obrigkeitliche Bestätigung. So konnte denn nun auch zur Wahl des Pastors der Universitätsgemeinde geschritten werden. Am 2. No-

vember 1875 wurde Prof. Hörschelmann gewählt und am 16. Nov. fand seine Introdution statt.

Als Pastor-Adjunkt trat ihm zunächst 1878 Mag. Robert Tiling zur Seite, gewählt am 23. April, ordiniert und introduziert am 21. Mai d. J. Bereits 1884 folgte dieser einem Rufe als Pastor nach Pussen in Kurland. Am 31. Mai 1887 wurde Mag. Reinhold Seeberg zum Pastor-Adjunkt gewählt (ordiniert war er schon am 9. Dezember 1884 worden). Als er 1889, zum o. Professor nach Erlangen berufen, Dorpat verließ, blieb der Pastor viele Jahre ohne einen Adjunkten. Erst am 30. August 1898 wurde Mag. Wilhelm Bergmann gewählt und am 4. Oktober d. J. ordiniert, doch gab er dieses Amt bereits 1900 wegen Überbürdung wieder auf.

Als Prof. Hörschelmann, der im Oktober 1900 aus seinem Professorenamte entlassen worden war und seitdem seine Kraft ausschließlich der Universitätsgemeinde gewidmet hatte, am 20. Januar 1902 durch den Tod heimggerufen worden war, fungierten als Vikare zunächst bis Ende März d. J. der Stadtvikar Pastor Hermann Lezius und sodann Pastor Traugott Hahn. Letzterer wurde, nachdem er sich an der theologischen Fakultät als Privatdozent habilitiert hatte, am 1. Dezember 1902 zum Pastor der Universitätsgemeinde gewählt und am 5. Januar 1903 introduziert. Im Jahre 1908 wurde er auch, nachdem Hörschelmanns erster Nachfolger in der praktischen Professur Mag. W. Bergmann am 21. April 1907 gestorben war, zu dessen Nachfolger in der gen. Professur gewählt.

Als Präsident des Kirchenrats fungierte während der ersten 20 Jahre des Bestandes der Universitätsgemeinde Prof. Dr. Bidder. Im Februar 1875 wurde nach seinem Rücktritt Prof. Dr. M. von Engelhardt gewählt. Als dieser am 23. November 1881 starb, folgte ihm (seit Januar 1882) Prof. Dr. G. Dragendorff. Im Januar 1893 trat an seine Stelle Prof. Dr. C. Erdmann. Nach dessen bereits am 27. Oktober 1898 erfolgten Tode wurde Prof. Dr. J. Engelmann gewählt, der im Januar 1908 aus Gesundheitsrücksichten sein Amt niederlegte. Zu seinem Nachfolger wurde sodann Landrat E. von Oettingen gewählt.

Als Organist der Universitätskirche fungierte zunächst lange Jahre der Musikdirektor F. Brenner. Als er nach mehr als 40-jährigem Dienst wegen hohen Alters seine Entlassung nahm, wurde zu seinem Nachfolger am 26. April 1893 der bisherige Organist an der St. Johanniskirche cand. jur. C. Mickwitz gewählt. Dieser vermochte nur wenige Jahre sein Amt zu versehen und nahm

bereits 1897 seinen Abschied. Der Kirchenrat wählte dann am 28. Dezember 1897 C. Regut und, als dieser ausschied, im April 1904 Mag. K. Girgensohn, der noch gegenwärtig im Amte steht.

Aus dem Leben der Universitätsgemeinde während der ersten 50 Jahre des Bestehens ihrer Kirche sei noch folgender markanterer Ereignisse hier gedacht.

Nachdem bereits am 4. u. 5. Januar 1859 eine Kirchenvisitation durch den Livländischen Generalsuperintendenten Bischof Dr. Walter stattgefunden hatte, wurden solche Visitationen auch am 23. und 24. Mai 1871 durch den Generalsuperintendenten Dr. Christiani und am 25.—27. Nov. 1895 durch den Generalsuperintendenten Hollmann vollzogen.

Am 29. Oktober 1883 wurde der 400-jährige Gedenktag der Geburt Luthers durch einen Festgottesdienst festlich begangen. Auf Anordnung des Rektors der Universität wurde an diesem Lutherfeste auf dem Hofe hinter der Apsis der Kirche eine „Luthereiche“ gepflanzt, an welchem Akt sich außer dem Rektor der Pastor der Universitätsgemeinde, der Präses und die Glieder des Kirchenrats und mehrere Professoren beteiligten.

Anlässlich desselben Festes wurde von der theologischen Fakultät der Universität Erlangen dem Dorpater Universitätsprediger Professor F. Hörschelmann, der einige Tage vorher, am 26. Oktober d. J., sein 25-jähriges Amtsjubiläum gefeiert hatte, die Würde eines Ehrendoktors der Theologie verliehen.

In das Lutherjahr fällt auch die Gründung des Kindergottesdienstes. Nachdem bereits am 9. Oktober 1883 in den Räumen der höheren Töchterschule unter der Leitung des Pastor diac. an der St. Johanniskirche Otto Krühn der Unterricht begonnen hatte, wurde der Kindergottesdienst, da jene Räume sich bald als zu eng erwiesen — die Zahl der Kinder war schon auf 300 angewachsen —, in die Universitätskirche übergeführt. Am 4. Dezember 1883 fand der erste Kindergottesdienst in der Kirche statt. Jedoch bereits im Jahre 1886 erwies sich bei der stetig steigenden Zahl der Kinder auch die Universitätskirche als zu klein, und so fanden denn seitdem die Kindergottesdienste in der St. Johanniskirche statt. Im Jahre 1905 wurde es notwendig, eine Teilung der Kinder nach der Gemeindegemeinschaft vorzunehmen und in der Universitätskirche einen eigenen Gottesdienst einzurichten. So begannen denn am 1. Advent 1905 unter der Leitung des Pastors Mag. Hahn aufs neue in der Universitätskirche

Kindergottesdienste, die bis auf den heutigen Tag fortbestehen. Gewöhnlich findet der Unterricht nach dem Gruppensystem statt, nur bei besonderen Gelegenheiten und an hohen Festtagen tritt eine Kinderpredigt an die Stelle.

Anderthalb Jahre nach dem Lutherfeste feierte die Universitätsgemeinde wieder ein Jubiläum, den 25-jährigen Gedenktag der Einweihung ihrer Kirche. Am 31. Januar 1885, dem eigentlichen Festtage, erschien in der „Neuen Dörptschen Zeitung“ ein warmherziger Festartikel*) aus der Feder des Konsistorialrates A. H. Willigerode, der einst bei der Einweihung der Kirche 1860 selbst als Assistent des Generalsuperintendenten tätig gewesen war. Die gottesdienstliche Gedenkfeier fand am darauf folgenden Sonntag, dem 2. Februar 1885 statt. Die „Neue Dörptsche Zeitung“ berichtet über diese Feier in ihrer am folgenden Tage erschienenen Nummer:

„Gestern, am Sonntag Estomihi, hatten sich die Glieder der Universitätsgemeinde, vor allem auch die Jünger unserer Hochschule, in der festlich geschmückten Universitäts-Kirche vereint, um den 25-jährigen Gedenktag der Kirchenweihe zu begehen. Der Dank, welcher die Gemeinde beim Rückblick auf die letztverflossenen 25 Jahre erfüllen mußte, fand zunächst in dem erhebenden Eingangsliede: „Lobe den Herren, meine Seele“, wie auch in dem während der Liturgie von einem Männerchore unter der Leitung des Musikdirektors H. Zöllner gesungenen 122. Psalm seinen Ausdruck. Nachdem der herrliche Choral Martin Luthers: „Ein feste Burg ist unser Gott“ verhallt war, hielt der Prediger der Universitäts-Kirche Prof. Dr. F. Hörschelmann die Festpredigt, welcher der Text Off. 21, 1—7 zu Grunde lag. Mit warmem Dank gedachte Redner der früheren Leiter und Führer der Gemeinde, der schon heimgegangenen und der noch unter den Lebenden weilenden. Nachdem wiederum der Männerchor gesungen, hielt der Senior der Dorpater Pastoren, Konsistorialrat A. H. Willigerode, von dem Altar aus eine Ansprache an die Gemeinde, welcher er die warmen Segenswünsche des Livländischen ev. lutherischen Konsistoriums und der beiden früheren Seelsorger dieser Gemeinde, Generalsuperintendent A. Christiani und Oberpastor Dr. Lütkens, übermittelte. — Desgleichen wurden von

*) Mit einigen Kürzungen wieder abgedruckt in der Nr. 24 der „Nordlivländischen Zeitung“ vom 30. Januar 1910.

geehrter Seite in dankbarer Erinnerung an die beiden genannten Seelsorger der Universitätsgemeinde ihre beiden Porträts dargebracht, davon das des Generalsuperintendenten in Oel gemalt. Beide Porträts haben in der Sakristei der Kirche Platz gefunden.“

Hatte der akademische Gottesdienst einst vor Erbauung der Universitätskirche bis zur Konstituierung der Universitätsgemeinde eine Heimstätte in der St. Johanniskirche gefunden und war der Universitätsgemeinde nach ihrer Konstituierung auch seitens des Konvents der Marienkirche dieses Gotteshaus zur Mitbenutzung zur Verfügung gestellt worden, so hat die Universitätsgemeinde auch ihrerseits den Schwestergemeinden in ihrer Kirche Gastfreundschaft gewährt. So wurde die Universitätskirche mehrfach der St. Johanniskirche und auch für die deutschen Gottesdienste der St. Mariengemeinde zur Verfügung gestellt.

Einen empfindlichen Verlust erlitt die Universitätsgemeinde im Jahre 1888. In der Zeit zwischen dem 11. und 13. Juli d. J. fand ein Einbruch in die Kirche statt, wobei den Dieben fast das gesamte Altargerät der Kirche zur Beute fiel. Gestohlen wurden: das silberne Taufbecken, ein Abendmahlskelch, eine Patene, eine Oblatendose, eine Weinkanne, sämtlich aus Silber, eine Melchiorweinkanne, vom Beerdigungskreuz das neusilberne Heilandsbild und einige Zierrate, vier grössere und zwei kleinere neusilberne Altarleuchter, zwei dreiarmige Leuchteraufsätze aus Neusilber und eine Kelchdecke aus weißem Atlas mit Goldschnüren verziert (im Gesamtwert von 456 Rbl.). Außerdem hatten die Diebe versucht das Altarkruzifix zusammenzubiegen, es aber schließlich in der Sakristei deponiert. Die Bemühungen, die geraubten Gegenstände wiederzuerlangen, blieben erfolglos. Aber dank der Opferwilligkeit der Gemeinde konnte der Schaden bald ersetzt werden. Bereits nach einigen Monaten vermochte der Präses des Kirchenrats davon Mitteilung zu machen, daß folgende Gegenstände als Geschenke der Kirche dargebracht worden seien: eine Weinkanne, zwei große und zwei kleine Altarleuchter, sowie vier weitere Leuchter und ein Taufbecken, sämtlich aus Neusilber; ferner ein Kelch, eine Patene und ein Ziborium aus Silber, eine Kelchdecke mit silbernen Verzierungen und eine Kanzeldecke aus rotem Sammet (im Gesamtwert von 316 Rbl.).

Auch in der weiteren Folgezeit sind der Kirche noch mehrfach Geschenke dargebracht worden, so eine neue Altarbekleidung, Kanzeldecken u. a.

Einer viel größeren Darbringung bedarf die Kirche zu gegenwärtiger Zeit. 50 Jahre hat die einst vom Orgelbauer Keßler errichtete Orgel gedient. Nachdem im Laufe der Zeit schon manches Mal Reparaturen notwendig geworden waren, wurde im Frühjahr 1904 vom Kirchenrat eine Kommission, bestehend aus den Organisten der St. Johannis- und Universitätskirche sowie mehreren sachkundigen Gliedern der Gemeinde, gewählt, um die Orgel einer eingehenden Prüfung daraufhin zu unterziehen, ob, inwieweit und mit wie großem Kostenaufwande sie wieder völlig instand gesetzt werden könnte. Nach erfolgter Prüfung gab die Kommission ihr Urteil dahin ab, daß zum mindesten ein grösserer Umbau, der unter 2000—3000 Rbl. kaum zu bewerkstelligen wäre, notwendig sei. In Anbetracht dessen, daß die zu solchem Umbau notwendige Summe im Verhältnis zum Wert der Orgel übermäßig hoch erschien, eine neue Orgel dagegen eine ganz andere Gewähr für die Zukunft darbiete, wurde beschlossen, von einem Umbau der Orgel abzusehen und alles daran zu setzen, um in möglichst kurzer Frist in den Besitz einer neuen Orgel zu gelangen. Seitdem haben mehrfach Kollekten stattgefunden, um die Mittel zusammenzubringen, von opferwilliger Seite sind auch größere Summen gestiftet worden, dazu sind die Einnahmen gekommen, die durch vom gegenwärtigen Organisten der Universitätskirche in der St. Johanniskirche veranstaltete Orgelkonzerte erzielt wurden, bei welchen Veranstaltungen auch manche andere musikalische Kraft mitgewirkt hat, kurz, zurzeit beträgt das gesammelte Kapital bereits über 3000 Rbl. So kann denn an die Bestellung der neuen Orgel gedacht werden. Daß es bald dazu komme, dazu soll auch das vorliegende Büchlein verhelfen, sofern der Reinertrag aus dem Verkauf desselben dem Orgelfonds zufließen soll.

Jahr um Jahr ist hingegangen, Jahrzehnt an Jahrzehnt hat sich gereiht, und weitaus die meisten von denen, die einst den Grundstein der Universitätskirche gelegt und bei ihrer Einweihung zugegen waren, sind heimgerufen worden. Trotz manches Schweren, das der Universitätsgemeinde nicht erspart geblieben ist, kann sie doch auf die 50 Jahre, die seit der Einweihung ihrer Kirche verfließen sind, mit Lob und Dank zurückblicken. Daher war das auch der Grundton, der ihre Jubiläumsfeier am 31. Januar 1910 durchklang.

DIE FEIER DES 50-JÄHRIGEN GEDENKTAGES DER EINWEIHUNG DER KIRCHE.

Rechtzeitig waren von seiten des Kirchenrats eine Reihe von Einladungen zur Teilnahme an dem bevorstehenden Festgottesdienst ergangen, so an den Vizepräsidenten des Evangel.-lutherischen Generalkonsistoriums, den Präsidenten und Vizepräsidenten des Livländischeu Konsistoriums, die livländischen Pröpste, die Pastoren der Dorpater Schwesterkirchen, Vertreter der Livländischen Ritterschaft, an den Rektor und die Dekane der Universität, das Stadthaupt, die Älterleute der Gilden, ehemalige Glieder des Kirchenrats und andere der Gemeinde naheverbundene Persönlichkeiten.

Ein glücklicher Zufall war es, daß der 31. Januar im Jahre 1910 wie vor 50 Jahren gerade wieder auf den Sonntag fiel, so daß es weder nötig war, die Gedenkfeier auf ein anderes Datum zu verschieben wie 1885, noch auch sie auf einen Wochentag festzusetzen, was viele Gemeindeglieder vielleicht an dem Besuch des Festgottesdienstes hätte hindern können.

So war denn auch am Tage der Gedenkfeier das festlich geschmückte Gotteshaus dicht gefüllt von Andächtigen, auch nicht wenige der geladenen Ehrengäste hatten sich eingefunden, sowie die Mehrzahl der deutschen Professoren der Universität und viele Studierende. Nachdem dann unter Führung des Livländischen Generalsuperintendenten die Glieder der theologischen Fakultät und die zur Feier erschienenen Geistlichen, sowie die Glieder des Kirchenrats eingetreten waren und im Altarraum ihre Plätze eingenommen hatten, begann der Festgottesdienst mit dem vom Chor unter Leitung des Organisten gesungenen Lutherliede „Nun freut euch lieben Christeng'mein“ (im Satze von Benedict Ducis 1544), dem sich der Gemeindegesang „Sei Lob und Ehr dem höchsten

Gut“ anschloß. Nun trat der Generalsuperintendent Th. Gaetgens vor den Altar und hielt nach dem Introitus folgende

F e s t r e d e :

„Danket dem Herrn, prediget seinen Namen, tut kund unter den Völkern sein Tun. Singet, spielet, dichtet ihm von allen seinen Wundern. Rühmet seinen heiligen Namen. Es freue sich das Herz derer, die den Herrn suchen. Fraget nach dem Herrn und nach seiner Macht, suchet sein Angesicht allewege. Gedenket seiner Wunder, die er getan hat, seiner Wunder und seines Wortes.“ (I Chron. 17, 8—12.)

Danket dem Herrn, singet ihm, rühmet seinen heiligen Namen! So töne es dir, liebe Dorpater Universitätsgemeinde, als Festgruß entgegen an dem Tage, da du in feierndem Schmuck das 50-jährige Weihefest deines lieben Gotteshauses zu begehen dich anschieckst, und ich bin dessen gewiß, daß es aus euer aller Herzen widerklingt: ja, danket dem Herrn, rühmet seinen heiligen Namen, singet und spielet ihm von allen seinen Wundern. Und mit den Stimmen des Dankes, die hier in deiner Mitte laut werden, vereint sich heute ein vollstimmiger Chor dankender und lobender Zeugnisse. Denn du stehst heute mit deiner Feier nicht allein. An ihr nehmen alle lutherischen Gemeinden, nicht nur dieser Stadt, sondern der ganzen Heimat teil. Umfaßt doch die Universitätskirche und -Gemeinde in gewissem Sinn die ganze evangelische Bevölkerung unseres weiten Reiches. Denn aus dem ganzen Reich entsenden ja Jahr für Jahr evangelische Häuser das Beste, was sie ihr eigen nennen, ihre Söhne, zur Universität und freuen sich des, daß hier die Universitätskirche ihnen offen steht, daß hier Heimatluft sie umfängt und zu der Geistesnahrung, die die Hochschule darreicht, hier ihren unsterblichen Seelen geistliche Speise dargeboten wird, um rechte christliche Persönlichkeiten aus ihnen zu gestalten. Und in der Erkenntnis dieser Bedeutung der Universitätsgemeinde für die religiöse und sittliche Ausrüstung unserer Jugend nimmt auch die oberste Kirchenbehörde unseres Landes, das Livländische Konsistorium, an dieser Feier herzlichen Anteil und entbietet dir durch meinen Mund, liebe Gemeinde, herzlichen Gruß und Segenswunsch, auf daß Gottes Gnade, die wir heute preisen, auch weiterhin dich im Bau erhalte und schirmend über dir walte von Geschlecht zu Geschlecht. Und in Dankbarkeit gedenken

deiner heute auch alle die evangelischen Pastoren des ganzen Reiches, die hier ihre Ausbildung für ihr Amt empfangen und die von dieser Kanzel zagenden Herzens zum ersten Mal das Evangelium von Christo Jesu der Gemeinde verkündigt haben.

So steigt ein vollstimmiger Dank heute auf zu dem Herrn der Kirche. Und es kann ja auch nicht anders sein bei einem Gedenkfest. Da muß das Gedenken sich zum Danken wandeln. Zum Gedenken aber fordert das Wort uns auf, mit dem ich dich soeben begrüßt: Fraget nach dem Herrn und seiner Macht, suchet sein Antlitz allewege, gedenket seiner Wunder, die er getan hat, seiner Wunder und seines Wortes. Unser Gedenken richtet sich freilich zuerst naturgemäß auf die Menschen, mit deren Namen die Erinnerung an die Begründung dieser Gemeinde und die Weihe dieses Gotteshauses verknüpft ist. Da tritt uns eine Reihe gewichtiger Namen entgegen, die für unser Land zugleich eine Blütezeit kirchlichen Lebens bedeuten. Dr. Julius Walter, Ulmann, Harnack, Philippi, Christiani, das sind die Männer, die die Begründung einer eigenen Universitätsgemeinde mit eigener Kirche erstrebt und gefördert haben, bis es endlich dem Bemühen des verdienstvollen Kurators Senateur v. Bradke gelang, die Genehmigung für den Kirchbau zu erwirken. Und als vor 50 Jahren von unserer ehrwürdigen Domruine her, wo in den Räumen der Universitätsbibliothek die junge Gemeinde vorläufige Unterkunft gefunden, der festliche Zug zur Weihe dieser Stätte herabkam, da schritt an der Spitze des Zuges neben dem an dem Neubau mit warmem Herzen beteiligten Präses des Kirchenrats, dem Rektor Friedrich Bidder, der noch immer unvergessene Bischof Ferdinand Walter, um als Oberhirt der Landeskirche persönlich die Weihe des Gotteshauses zu vollziehen und in tief empfundenen Worten seine Bedeutung für die ganze Landeskirche und die Universität der Gemeinde an's Herz zu legen. Mit Stolz und Freude darfst du, liebe Gemeinde, aller dieser Namen und ihrer Träger gedenken, die als Paten der Weihe deines Gotteshauses beiwohnten, mit innigem Dank für alles, was sie zum Ausbau und zur Festigung des Gemeindewesens getan, sie und alle die Männer, die nach ihnen an dir ihres Amtes gewaltet, sei es mit weisem Rat, sei es mit beredtem Wort hier an Kanzel und Altar.

Aber über den Menschen und dem, was Menschenhand hier geschaffen, dürfen wir nicht vergessen, was Gottes Hand gewirkt. Heute gilt's vor allem, wie der Sänger uns mahnt, nach dem

Herrn fragen und seiner Macht. „Gedenket der Wunder, die er getan hat.“ Zwar augenfällige Wunder hat der Herr an dieser Stätte nicht vollbracht. Es ist scheinbar alles ganz natürlich und selbstverständlich zugegangen. Menschenhände haben dieses Gotteshaus gepflegt, geschmückt, erhalten, — Menschenmund hat hier, wie aller Orten, das Evangelium verkündigt mit mehr oder weniger Erfolg. Aber Gottes Wunder geschehen nicht nur da, wo große Ereignisse sich vollziehen vor den Augen von Tausenden, die Menschen sinn nicht fassen kann, die Menschenmund staunend preist. Seine Wunder und seine Werke vollziehen sich oft im Verborgenen, in der Stille der Menschenseele, nicht in augenfälliger Weise. Aber das Glaubensauge, geschärft durch Gottes Geist, schaut aller Orten Wunder, wo dem profanen Blick alles ganz natürlich zuzugehen scheint. War es denn nicht ein Wunder, das über menschliches Vermögen und Verstehen geht, wenn hier in diesem Gotteshause so manches trotziges Menschenherz, von der schlichten Gewalt des Evangeliums überwunden, zusammenbrach, wenn es alles stolze Selbstvertrauen fahren ließ und mit demütigem Kindessinn dem Herrn nahte, der auch ihm Heil und Leben erschlossen? War es nicht wie ein Wunder, wenn bangende und verzagte Seelen hier im Wort solch reichen Trost fanden, daß sie sich aufrichteten zu fröhlicher Glaubenszuversicht und freudig und getrost hinaustraten zu neuem Kämpfen und zu neuem Leiden, wenn so mancher Verirrte hier den rechten Weg fand und manchem, der in Finsternis wandelte, hier das Licht des Lebens aufging, wenn manchem Zweifelnden hier die Lösung ward für Fragen, die seine Seele mit Unruhe erfüllten? Ja, steht nicht dieses ganze Gotteshaus und seine Gemeinde wie ein Wunder da vor unseren Augen? Die schweren Stürme, die über unser Heimatland und unsere Kirche dahingegangen sind, die auch unsere Hochschule nicht verschont haben, die haben ja aus unserem Lebensbaum nicht nur dürre Äste herausgebrochen. Sie haben auch viele frische, grüne Zweige zersplittert und manche hoffnungsvolle Blüte geknickt. Die freudige Hoffnung, die vor 50 Jahren bei der Kirchweihe Ausdruck fand, daß unsere Landesuniversität nunmehr als ausgestaltete lutherische Gemeinde mitten in unsere Landeskirche hineingetreten, und daß daraus grade, für die Kirche wie für die Universität, reicher Segen zu erwarten sei, die ist ja schon lange zu Grabe getragen, seitdem unsere Universität aufgehört hat ein homogener Körper zu sein mit ausgeprägt evangeli-

schem Charakter. Da mußte sich die Befürchtung daran knüpfen, daß der Bestand dieser Kirche und Gemeinde überhaupt könnte in Frage gestellt werden. Und wenn wir heute dennoch bewegten Herzens das 50-jährige Kirchweihfest feiern dürfen, ist es wie ein Wunder, daß Gottes Gnade sie doch bis hierzu erhalten und ihr Bestand, nach menschlichem Ermessen, auch für die fernere Zukunft gesichert erscheint.

Und noch Eines. Ueber die Hochschulen, die ja die Pflegstätten neuer wissenschaftlicher Gedanken und Ideen sein sollen, um so dem geistigen Fortschritt der Menschheit zu dienen, streicht gar scharf die Zugluft der Kritik und des Zweifels und rüttelt mächtig auch an den Grundlagen des von den Vätern bekannten evangelischen Glaubens, sucht auch dort neue Werte zu schaffen und neue Ziele zu weisen. Weit und breit in der Welt wird grade auch an den Hochschulen zumeist ein neues Evangelium, ein modernes Christentum gepredigt, und gar leicht wird da mit den alten Formen, die zerbrochen werden, auch der alte Inhalt verschüttet, mit der alten Schale auch der alte gesunde Kern verworfen. Müssen wir's da nicht als ein gnadenreiches Walten Gottes dankbar preisen, daß er unter all' dem Stürmen und Drängen dieser Kirche allezeit treue und lebendige Zeugen geschenkt, die, ob auch keineswegs verschlossen dem Wehen des neuen Geistes, doch festgehalten haben an dem alten Grunde unserer Kirche und ihres Bekenntnisses, an dem Evangelium von Jesu Christo, dem Sünderheiland, der unser Heil und unsere Zuversicht ist im Leben und im Sterben, so daß unsere Kirchen und Gemeinden bisher bewahrt worden sind vor dem Zwiespalt, der so verderblich in anderen Landeskirchen die Gemeinden und die Hirten auseinanderreißt. — An alles das will uns das Wort mahnen: fraget nach dem Herrn und seiner Macht, — gedenket seiner Wunder, die er getan hat, seiner Wunder und seines Wortes, damit zu rechtem, inbrünstigem Dank die Seele gestimmt werde.

Aber an solchem Festtage richtet sich unser Blick auch in die Zukunft. Was hat die Gemeinde von ihr zu erwarten? Welche neue Aufgaben harren ihrer? Die Zukunft steht allein in Gottes Hand; wir vermögen ihren Schleier nicht zu lüften. Aber auf welchen Grund sich eine evangelische Gemeinde stellen muß, um ihre Aufgaben zu verstehen und sie recht zu lösen, darauf, liebe Gemeinde, weist uns das apostolische Wort (Röm. 15, 5. 6): „Gott aber der Geduld und des Trostes gebe euch,

daß ihr einerlei gesinnet seid unter einander nach Christo Jesu, auf daß ihr einmütiglich mit einem Munde lobet Gott und den Vater unseres Herrn Jesus Christus.“ Das Wort mahnt uns, daß wir für die Zukunft nichts von Menschen erwarten sollen, weder von Fürstengunst, noch von den Künsten der Politik, noch von den Wegen menschlicher Weisheit, sondern allein von Gott, dem Vater unseres Herrn Jesus Christus. Menschliche Weisheit wird doch zu Schanden vor Gottes Gedanken, auch wo sie uns töricht dünken. Und wenn der Apostel ihn nennt den „Gott der Geduld und des Trostes“, so weist er uns auf das hin, was uns besonders not tut in gegenwärtiger böser Zeit, und daß nur Gott uns beides, Geduld wie Trost, verleihen kann. Ich sage: „in gegenwärtiger böser Zeit“, denn böse Zeit ist es, für diese Gemeinde nicht weniger wie für die ganze evangelische Kirche unserer Lande. Sie harret ja noch immer vergeblich des erlösenden Wortes, durch das die von Kaiserlicher Huld hochherzig ihr zugesagte Freiheit des Glaubens und Bekennens, die Freiheit des Gewissens nun auch gesetzlich gesichert würde für kommende Geschlechter. Sie muß es mit Schmerzen schauen, wie viele Kräfte geschäftig sind an diesem Kaiserwort zu deuteln und es seines besten Inhaltes zu entleeren. Aber nicht nur von außen her überschattet unsere Kirche drohendes Gewölk, auch von innen heraus ist sie bedroht nach zwei Seiten hin. — Wohl erklingt durch Gottes Gnade noch von den meisten Kanzeln die unverfälschte Botschaft des Evangeliums, aber nicht mehr findet sie aller Orten willige Aufnahme in den Gemeinden. Da gährt es und wogt es gar mächtig. Wider den einfältigen Glauben der Väter stürmt die Hochflut modernen Denkens und Empfindens an in heftigem Kampf der Geister und zieht insbesondere die leichtempfindliche, aber, ach, so kritiklose Jugend hinein in den Strudel und erfüllt sie mit innerem Zwiespalt und Zerrissenheit. Sie setzt an Stelle der fröhlichen Bekenner Zweifler, ja Szeptiker, denen mit der Pietät gegen die alten Heiligtümer des religiösen und sittlichen Lebens die Pietät vor dem Heiligen überhaupt und die Begeisterung für Lebensideale zu entschwinden drohen, die darum auch nicht geschickt und nicht gewillt sind, frisch und fröhlich den Kampf um unsere heimatlichen Ideale und den Kampf wider des Lebens Leid und Ungemach auf sich zu nehmen. — Und auf der anderen Seite ziehen sich viele ernster gerichtete Seelen, denen es heiliger Ernst ist mit

der Frage: was muß ich tun, daß ich selig werde?, wie erschreckt vor solchem Kampf von ihrer geistlichen Mutter, der Kirche, zurück, um in kleinerer Gemeinschaft gleichgestimmter Seelen das zu suchen, was ihnen, ihrer Meinung nach, die Kirche nicht bieten kann: Heilsgewißheit und Frieden. Nach beiden Seiten hin drohen der Kirche gar schmerzliche Einbußen. Wird sie die Krisis überwinden? Wie kann sie bestehen? Der Herr allein ist's, der da helfen kann, indem er uns darreicht Trost und Geduld. Wo Zagen uns überfällt, wo wir keinen Ausweg sehen, wo keine Rettung vorhanden scheint, wo es in uns widerklingt: siehe, um Trost war mir sehr bange, da dürfen wir doch fortfahren mit des Propheten Worten: aber du hast dich meiner Seele herzlich angenommen, daß sie nicht verdürbe. Da stärkt und tröstet uns die Gewißheit, die in dem gewaltigen Trutz- und Glaubensliede unserer Kirche widerklingt, das auch vor 50 Jahren zur Kirchweihe hier machtvoll laut wurde: Ein feste Burg ist unser Gott! Wo feindliche Mächte sich wider uns in's Feld stellen, da erheben wir uns an der Zuversicht: es streit't für uns der rechte Mann, den Gott selbst hat erkoren. Fragst du wer der ist? Er heißt Jesus Christ! — Und neben solchem Trost reicht er uns dar Geduld, ohne die wir eine solche Krisis nicht überstehen können. Denn Geduld haben, das heißt: tragen können, und es heißt zugleich: warten können. Beides müssen wir in der Anfechtung lernen. Tragen, ob auch die auferlegte Last uns schier niederdrücken will, weil der, der uns die Last auferlegt, sie uns auch tragen hilft; und warten, weil der, der uns das Kreuz sendet, in seiner Gnade auch ein Ende gibt, daß wir's können ertragen; weil wir die Gewißheit haben, daß auch die dunkelste Nacht endlich entweichen muß vor dem Morgenstern, der mit siegreicher Helle das Dunkel durchbricht; weil wir die Zusage haben, daß denen, die in Geduld und Treue ausharren, die Krone des Lebens beschieden ist. „Durch Stillesein und Hoffen werdet ihr stark sein.“ In Trost und Geduld aber gilt es einmütiglich zusammenhalten. Das ist es, was das Apostelwort dir, liebe Gemeinde, als mahnenden Wunsch mitgibt in's neu beginnende zweite halbe Jahrhundert deines Daseins: Gott gebe euch, daß ihr einerlei gesinnet seid unter einander nach Christo Jesu, daß ihr einmütig lobet Gott und den Vater unseres Herrn Jesus Christus. Ja, Gott der Herr selbst tilge aus eurer Mitte wie alle Zaghaftigkeit und Ungeduld, so auch allen

Zwiespalt und alle Zerrissenheit, damit ihr in rechter Einmütigkeit herantretet an alle die Aufgaben, die euch befohlen sind. Nicht auf ein äußerlich sichtbares Einigungsband kommt's in erster Linie an. Wenn ihr nur „einerlei gesinnet seid nach Christo Jesu,“ wenn jeder den Herrn Jesum Christum als seines eigenen Lebens Licht und Stern im Herzen trägt, dann habt ihr in ihm den festen Einigungspunkt gefunden, und euer ganzes Leben wird dann ganz von selbst werden zu einem einmütigen Loben Gottes und des Vaters unseres Herrn Jesu Christi. Denn das ist das schönste Lob Gottes, daß ein Menschenleben sich ganz in den Dienst und Gehorsam seines Herrn stellt, wenn über ihm gleichsam geschrieben steht: wisset ihr nicht, daß ich sein muß in dem das meines Vaters ist? Zu solchem einmütigen Dienst im Vaterhause schließe euch der Herr immer fester zusammen. Er schare euch einmütig um das Panier unseres evangelischen Bekenntnisses, daß ihr keinen Schritt zurückweicht vor andringenden widerchristlichen Gewalten und lasse euch einhellig bleiben bei dem siegesgewissen Feldruf der Christenheit: **J E S U S C H R I S T U S g e s t e r n u n d h e u t e u n d d e r s e l b e i n E w i g k e i t ! A m e n .**

* * *

Nach dem von der Gemeinde gesungenen Liede „Nun preiset alle Gottes Barmherzigkeit“ zelebrierte der Propst des Dörptschen Sprengels, Pastor L. Greinert-Ecks, die Eingangsliturgie, in die zwischen Schriftverlesung und Glaubensbekenntnis ein Chorgesang „Lobet den Herrn, alle Heiden, preiset seinen Namen, alle Völker!“ (Melodie von Mich. Prätorius 1571—1621) eingeschoben war.

Als Hauptlied vor der Predigt sang die Gemeinde stehend das alte machtvolle Lutherlied „Ein feste Burg ist unser Gott“, das wie bei der Grundsteinlegung, so auch vor 50 Jahren bei der Einweihung der Kirche und dann bei der 25-jährigen Gedenkfeier erklingen war.

Nun hielt der Pastor der Universitätsgemeinde, Prof. Mag. T. Hahn, die

Festpredigt.

Meine Seele erhebet den Herrn und mein Geist freuet sich Gottes, meines Heilandes. Denn er hat grosse Dinge an mir getan; und seine Barmherzigkeit währet immer für und für bei denen, die ihn fürchten. Amen.

I. Korinther 1, 18—25: Denn das Wort vom Kreuz ist eine Torheit denen, die verloren werden; uns aber, die wir selig werden, ist es eine Gotteskraft. Denn es stehet geschrieben: Ich will zu nichte machen die Weisheit der Weisen, und den Verstand der Verständigen will ich verwerfen. Wo sind die Klugen? Wo sind die Schriftgelehrten? Wo sind die Weltweisen? Hat nicht Gott die Weisheit dieser Welt zur Torheit gemacht? Denn die weil die Welt durch ihre Weisheit Gott in seiner Weisheit nicht erkannte, gefiel es Gott wohl, durch törichte Predigt selig zu machen die, so daran glauben. Sintemal die Juden Zeichen fordern, und die Griechen nach Weisheit fragen. Wir aber predigen den gekreuzigten Christum, den Juden ein Aergernis, und den Griechen eine Torheit. Denen aber, die berufen sind, beides Juden und Griechen, predigen wir Christum, göttliche Kraft und göttliche Weisheit. Denn die göttliche Torheit ist weiser, denn die Menschen sind; und die göttliche Schwachheit ist stärker, denn die Menschen sind.

Unsere Kirche — eine Stätte des Kreuzes,
 Das sagen uns diese Worte heute. Damit zeigen sie:
 den wahren Grund unserer Festfreude,
 den tiefen Grund unserer gerade heute nötigen Buße, und
 den festen Grund unserer festlichen Hoffnung.

I.

Unser Oberhirt hat uns schon gezeigt, was zunächst unsere Herzen festlich bewegt. Aber es ist auch mir ein Herzensbedürfnis, nochmals als Gemeindeglied dankbar einzustimmen. — Äusserlich kann sich unser Gotteshaus neben den vielen herrlichen Domen unsrer Heimat nicht sehen lassen. Wir Lutheraner schätzen die Schönheit des Baues, aber die Hauptsache ist das nie, sondern das Leben im Hause. Wie bedeutungsvoll ist da dieser Raum! Es ist die Wirkungsstätte eines Christiani, Lützens, Hoerschelmann, der Predigtort eines Volck, Oettingen, Reinhold Seeburg und vor allem Engelhardts. Es war mit das Bedeutendste, was unsere Heimat rein geistig hervorgebracht hat, was diese Männer an diesem Ort unserer Gemeinde geboten haben. — Haben wir nicht auch im Blick auf die Gemeinde selbst viel Grund zur Festfreude? Da liegt es uns besonders am Herzen, des Begründers unserer Kirche, des unvergesslichen Kurators von Bradke zu gedenken. Nicht oft hat eine Gemeinde eine Vertretung ge-

habt, wie Gott sie uns in den 50 Jahren immer wieder geschenkt. Ich nenne unter den Nichttheologen nur die 2 Präsidenten, die Gott schon abgerufen, unseren ersten langjährigen Präses Rektor Bidder und danach Karl Erdmann. Mit welcher Hingebung haben sie vor allem als persönlich gläubige Christen für unsere Gemeinde gesorgt, wie treu die Gemeinde auch gegenüber ihrem Pastor vertreten! Ist es nicht endlich jedem Gemeindegliede heute eine Freude, einer Gemeinde anzugehören, deren schlichter Name, zumal wenn von Liebesgaben und Liebesarbeiten die Rede ist, in unserem Reich einen hellen Klang hat!

Doch dieses sei nicht der eigentliche Grund unserer Festfreude. Im wesentlichen darf sie sich nicht unterscheiden von der Freude der schlichsten Dorfgemeinde bei gleicher Gelegenheit. Die Hauptsache ist auch heute, daß dieser Raum eine Kirche ward und geblieben ist: eine Stätte, da in Worten wie in Tönen das Wort vom Kreuz verkündet wird! Der Versammlungsort einer Kreuzgemeinde, die hier fort und fort den Gekreuzigten anbetet und in Seinem heiligen Mahl feiert! Das Kreuz Jesu ist das Allergrößte in alle Ewigkeit. Darum ist jeder dem Kreuz ausschließlich geweihte Ort ein Allerheiligstes auf Erden.

Verstehst du das, liebes Gemeindeglied? Ach das Wort vom Kreuz ist eine Torheit denen, die verloren gehen. Aber viele unter uns verstehen es gewiß. Der Feier des Kreuzes entströmt eben eine geheimnisvolle Gotteskraft. Aus dem Dunkel des Kreuzes gerade bricht hervor das ewige Licht — die göttliche Weisheit. Eine Kraft wie in der Natur Licht und Wärme: so machtvoll und lebensschaffend, aber auch ebenso fein, unfasslich den wie die Juden nur materiell Empfindenden, wie auch den gleich den Griechen Spitzfindigen oder Scharfsinnigen. Eine Kraft, gehüllt, eine Weisheit, verhüllt in arme Worte; aber dem, der auf das in diesen Worten uns vorgehaltene Kreuz achtet, dem werden diese Worte zu Tatsachen, zu Erlebnissen, die Gnade, Vergebung der Sünden, Heiligung bringen.

Das wäre nun die rechte Feier heute, wenn recht viele unter uns gedenken könnten an Stunden in diesen Mauern, da durch das Wort vom Kreuz Gott ihnen begegnete. Ja, Gott selbst war es — vielleicht durch einen ganz schlichten Mund, so manches Mal wohl auch in Studentengottesdiensten, oft durch sehr mangelhafte Predigten, Gott benutzte gerade diese Worte. Oder denkt ein anderer an seine Konfirmation oder wieder ein anderer

an eine für ihn gerade hochheilige Abendmahlsfeier? Gewiß werden manche dankbar heute bekennen: ich stände jetzt ganz wo anders, hätte Gott nicht hin und her einmal an diesem Ort durch das Wort vom Kreuz meinen Weg durchkreuzt und mich aus der verkehrten Bahn geworfen. Aber am meisten haben doch die recht kirchlichen Christen zu danken, ich betone die recht kirchlichen, diese oft verkannten und doch besten Gemeindeglieder. Sie können sich gar nicht einzelner besonderer Segenstage erinnern. Sie verstehen es eben Sonntag für Sonntag hier Himmelssegens zu nehmen, aus dem Kreuz Mut und Geduld zu schöpfen, zum Kampf mit der Sünde, zum Heiligungsstreben sich anspornen, leiten, stärken zu lassen. Die meine ich, die immer wieder herkommen, um zu lernen, und die zu lernen verstehen — göttliche Weisheit. Diese „Weisheit“ haben wir bei einer Universitätskirche besonders dankbar hervorzuheben. Es ist schön, wenn eine Seele sich durch die Predigten einen Stein christlicher Erkenntnis nach dem anderen fest einmauern läßt, so daß allmählich eine feste christliche Welt und Lebensanschauung in ihr erbaut wird.

Überblicken wir im Glauben alle diese Werke des Gekreuzigten hier, dann erst wird es uns heute zum Anbeten froh zu Mut:

Heiland, deine größten Dinge
Beginnest du still und geringe.

II.

Doch nicht nur danken wollen wir. Müssen wir nicht auch heute wie jedes Mal, wenn wir Gottes Haus betreten, allem zuvor gleich dem Zöllner an unsere Brust schlagen? Klingen Pauli Worte uns nicht auch wie eine Anklage?

Ist nicht auch vielen unserer Gemeindeglieder in diesen 50 Jahren das Wort vom Kreuz eine Torheit und ein Ärgernis gewesen? Sind nicht viele dieser heiligen Stätte darum fremd geblieben? Denken wir besonders an unsere Hochschule! Selbst die Predigten eines Engelhardt, diese seltenen Gottesgaben für unsere Stadt und Universität, haben so viele nicht beachtet. Ist das zu entschuldigen? Die Segnungen hier hatte Gott jedem Gemeindegliede zugedacht. Was aber einem Bidder, einem Erdmann Sonntag für Sonntag Kraft und Weisheit bot, wird wohl an sich keinem andern zu gering sein.

Aber fallen Pauli Worte nicht auch uns, die wir uns zu unserer Kirche gehalten, schwer aufs Gewissen? Vor allem uns

Predigern von heute. Haben wir in unseren Predigten immer unverfälscht die göttliche Torheit geboten? und wenn „Ja“ — geschah es auch in göttlicher Kraft und Weisheit? Darauf können wir nur antworten: „Gott sei mir Sünder gnädig“ — „stärke uns den Glauben.“ — Doch die Hauptsache ist an diesem Ort die Gemeinde, nicht der Prediger. Waren wir wenigstens im Kern eine rechte Kreuzgemeinde? Kamen wir Einzelnen hierher zum Gekreuzigten hungernd und dürstend nach Gerechtigkeit? Ließen wir in unsere Häuser, in Beruf wie Gesellschaft herabfließen die Segensströme von Golgatha? Ach, wie viel zu wenig haben wir unsere Volks- und Standessünden an das Kreuz gegeben! — Ferner: versammeln wir uns hier wirklich als eine Gemeinde? Gewiß, bei unserer Feier der Christnacht und des Charfreitags oder bei so manchem grossen Abendmahlsgang etwa am Gründonnerstag-Abend, da sind wir eine Gemeinde, alle herzlich der Krippe und dem Kreuz zugewandt, eins in der Freude an Jesus Christus. Aber die übrigen Gottesdienste? Kommen wir auch da, um gemeinsam Gott zu suchen, bei aller Verschiedenheit doch in einem liebenden Sinn den Gekreuzigten anzubeten? Oder geschieht es vielfach in toter Gewohnheit oder — was bei uns häufiger sein dürfte — versammeln wir uns als Publikum, um einen religiösen Vortrag anzuhören? Aber ein volles Gottesfeuer kann nie der einzelne Prediger, sondern nur eine in warmer Gebetsgemeinschaft geeinte, eine wirklich bekennende Gemeinde ausströmen, deren Gottesdienst eine Gesamthandlung ist. — Welch einen Beruf haben wir endlich als Universitätsgemeinde: mit heiligem Geist die herkommende Jugend zu umgeben, jedenfalls zu beeinflussen. Vor anderen Gemeinden sind wir berufen ein Herd geistlichen ewigen Lebens zu sein, von dem aus zündende Funken über unser Reich hinfliegen. Das ist keine Utopie. Denken wir nur an arme Dorfgemeinden wie Herrnhut und Hermannsburg. Wie weit sind wir da zurück!

Doch bleiben wir nicht im Allgemeinen. Auf den Einzelnen kommt es wieder an. Gelobe du heute vor Gott ein wirklich gutes Gemeindeglied zu werden. Buße am Kreuz ist neben Dank die beste Feier eines solchen Tages.

III.

Dann dürfen wir heute auch hoffen. Ohne Hoffnung für die Zukunft dürften wir gar nicht feiern.

Aber dürfen wir wirklich hoffen?

Ganz gewiß! Der Horizont hängt voll schwerer Wolken. Wenn wir gar bedenken, wie manche vor 50 Jahren gehegte Hoffnung durch äussere Umstände nicht verwirklicht werden konnte! Fern sei es von uns heute in besonderen Hoffnungen uns zu wiegen. Aber das ist gewiß: für jede echte Gemeinde des Evangeliums hat Gott, so lange sie besteht, eine Mission; meist keine leuchtende, sondern eine still verborgene, oft einen Kreuzesweg. Nur darauf wollen wir als Gemeinde wie als einzelne Glieder betend hoffen; weiterhin ein Senfkorn Gottes zu sein, das unerwartet für die Heimat, für unser ganzes Reich Frucht bringt. Auf uns geblickt haben wir wenig Grund zu hoffen. Und doch haben wir einen Grund. Auch für diese Hoffnung gilt:

Der Grund, da ich mich gründe,
Ist Christus und Sein Blut.

Das Kreuz gibt uns Mut zu glauben, daß Gott uns noch nicht verlassen, daß Er noch Absichten mit uns hat. Nehmen wir das Kreuz nur auf in unsere Herzen und vor allem: beten wir, daß uns das alte Wort vom Kreuz erhalten bleibe, — dann die Häupter empor, wir werden es erleben: die göttliche Torheit ist weiser als die Menschen sind, und die göttliche Schwachheit ist stärker denn die Menschen sind. Amen.

* * *

Dem Gemeindegesang „Der Grund, da ich mich gründe“, folgte noch ein kurzes Schlußvotum, und dann sang der Chor das Lutherlied „Komm Heiliger Geist, Herr Gott“ (im Satz von Erythräus 1608). Dann trat wiederum der Generalsuperintendent vor den Altar, um die Schlußliturgie zu zelebrieren. An das Kirchengebet schloß sich der kraftvolle vom Chor gesungene Choral „Wachet auf! ruft uns die Stimme“ (Melodie von Philipp Nicolai 1599, Harmonie von Jakob Praetorius † 1604), und nach dem Vaterunser und Segen schloß der erhebende Festgottesdienst wie einst die Feier der Grundsteinlegung mit dem Lobgesange der Gemeinde „Nun danket alle Gott“.

* * *

An den Festgottesdienst schloß sich fast unmittelbar ein gleichfalls den Charakter einer Gedenkfeier tragender Kindergottesdienst, bei dem der Universitätsprediger der versammelten Kinderschar in seiner Ansprache über Luk. 2, 41—52 ans Herz legte,

der Universitäts-Gemeinde und der theologischen Fakultät, zwischen ihr und den Landpredigern, namentlich aber den hiesigen städtischen Pastoren, vor allem aber auch zwischen der Gemeinde und ihrem derzeitigen Prediger, Professor Pastor Hahn, bestehen. — Zahlreiche Glückwunsch-Schreiben und -Telegramme, die zur Verlesung gelangten, legten Zeugnis dafür ab, daß ehrend und mit den wärmsten Wünschen auch in weiter Ferne dieser Ehrentag unserer Universitäts-Kirche mitbegangen worden ist.“

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадается на два отдѣла: официальный и научный.

Въ официальномъ отдѣлѣ помѣщаются годовоіи отчеты Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорныя лекціи и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотою медалю.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Кудрявскій.**
